

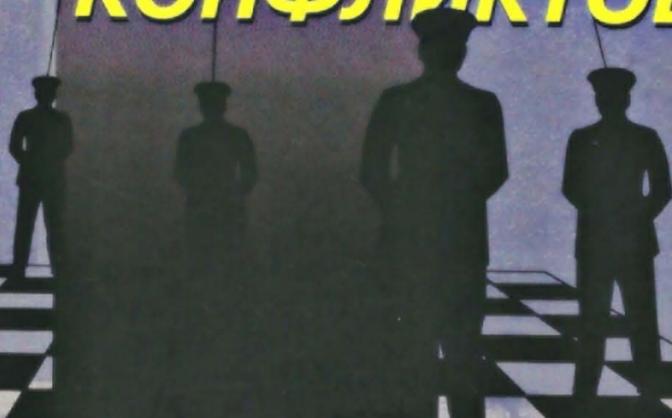
ОТЕЛЬ

АРЛИН
ОДЕРГОН

ВОЙНА

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ДИНАМИКА
ВООРУЖЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ

АЕНІGMA

АРЛИН ОДЕРГОН

Американский психолог, доктор философии **Арлин Одергон** является психотерапевтом и специалистом по разрешению конфликтов.

Она преподает процессуально-ориентированную психологию в Великобритании и других странах.

С рабочими визитами ей довелось посещать Хорватию, Косово, Словакию, Польшу, Германию, ЮАР, Индию, Великобританию.

В ходе долгосрочного послевоенного проекта в Хорватии она вела общественные форумы по примирению и восстановлению общественной жизни.

Арлин является соучредителем CFOR — организации, которая проводит общественные форумы по проблемам предотвращения и послевоенного урегулирования конфликтов, мирного сосуществования и построения демократии. Она живет в Лондоне, где занимается также и театральными постановками.

**АРЛИН
ОДЕРГОН**

**ОТЕЛЬ
«ВОЙНА»**

*Психологическая
динамика
вооруженных
конфликтов*

Перевод с английского
К. Назаретян, П. Назаретяна
Научный редактор
профессор А. Назаретян

МОСКВА 2008

УДК 159.922.4.: [323.1:316.482.5] (100)
ББК 60.545.1+66.094+88.53
О 41

Серия «Человеческий фактор»

Одергон, Арлин.

О41 Отель «Война». Психологическая динамика
вооруженных конфликтов / Арлин Одергон; пер. с англ.
К. и П. Назаретян. — М.: Энигма, 2008. — 512 с., ил. —
(Человеческий фактор)
ISBN 978-5-94698-064-7

Эта книга — захватывающее исследование психологической динамики конфликта. Ее автор — американский психолог, доктор философии, психотерапевт и специалист по разрешению конфликтов — описывает самые различные ситуации — от стычек между молодежными группировками на улицах США до кровопролития на Балканах. А. Одергон не просто анализирует скрытую реальность современных войн, она описывает, как политики манипулируют людьми, используя благородные качества человеческой души для разжигания конфликтов, показывает путь личностного и коллективного развития, который необходимо пройти, чтобы осознанно противостоять манипуляциям.

Выводы А. Одергон, в течение многих лет проводящей практическую работу по разрешению конфликтов и смягчению их последствий в разных странах, находятся в русле актуальных тенденций общей, социальной и политической психологии.

Книга представляет интерес для психологов, социологов, педагогов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-94698-064-7

© К. Назаретян, перевод, 2008
© П. Назаретян, перевод, 2008
© В. Серебряков, оформление, 2008
© ООО Издательство «Энигма», 2008
© ООО «ОДДИ-Стиль», 2008

Содержание

Предисловие научного редактора. <i>А. Назаретян</i>	5
Предисловие к русскому изданию.	9
Предисловие	17
Об авторе	20
Благодарности	21
Введение. Добро пожаловать в «Отель “Война”»	29
Содержание книги.	35

Часть 1. Справедливость и круги истории

Глава 1. Во имя справедливости	40
Глава 2. Страдания, привилегии и правота	66
Глава 3. Трибуналы, Комиссии правды, процессы люстрации и общественные форумы	80
Глава 4. Ответственность и возвращение к реке Ганг	103

Часть 2. Террор и нерушимый дух

Глава 5. Террор	132
Глава 6. Тактики террора: хаос и подавление свобод	142
Глава 7. Тактики террора: Страшилище и демонизация	162
Глава 8. Тактики террора: дегуманизация	178
Глава 9. Тактики террора: притупление чувствительности и психологическое узаконивание	191
Глава 10. Тактики террора: преследование лидеров	210
Глава 11. Тактики террора: пытки, разрушение тела и духа	242
Глава 12. Тактики террора: целясь в душу общества	248
Глава 13. Тактики террора: дезинформация	261
Глава 14. Что стоит за террором?	279

Часть 3. Травма: исторический кошмар

Глава 15. История нашей жизни: усугубление психической травмы	298
Глава 16. Психическая травма и поиск убежища.	331
Глава 17. Возобновление вооруженного конфликта. Как разорвать порочный круг.	338

Часть 4. Боевой клич — измененные состояния сознания во время войны

Глава 18. По ту сторону обыденного	358
Глава 19. Со всеми заодно	376
Глава 20. За гранью	390
Глава 21. Прорыв.	415

Часть 5. Процесс осознания в горячих точках

Глава 22. Пробуждение	424
Глава 23. Хаос, война и разрешение конфликтов	435
Глава 24. Вернуться в общий дом: революция осознания	445
Глава 25. Горячие точки и значимое различие	456

Приложение. Таблица симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у отдельных лиц и признаки коллективной и общественной травмы	472
---	-----

Примечания.	477
---------------------	-----

Предисловие научного редактора

«Чем дольше я изучаю динамику вооруженных конфликтов, тем больше убеждаюсь: психологическим сырьем для войны становятся те самые качества, которые мы особенно ценим, — преданность, любовь, чувство сопричастности и готовность к самопожертвованию, стремление защитить слабых, нетерпимость к жестокости и боли и потребность найти смысл жизни за пределами индивидуальной жизни и смерти». Амбициозные политики используют благородные качества человеческой души для разжигания межгрупповой ненависти, и чем лучше мы поймем, как это делается, тем надежнее сможем сознательно противостоять манипуляциям.

Таков лейтмотив книги американского психолога Арлин Одергон, которая много лет проводит в разных странах практическую работу по разрешению этнических конфликтов и смягчению их последствий. Добавлю, что ее выводы находятся в русле актуальных тенденций общей, социальной и политической психологии. Традиционно психологи были склонны делить эмоции на положительные и отрицательные, а эмоциональную подоплеку массового насилия усматривали в агрессии, злобе, страхе и ярости. Сегодня широкое признание получил вывод об имманентной амбивалентности эмоциональной жизни и о том, что мотивация вооруженных конфликтов столь же тесно, сколь парадоксально сопряжена с альтруистическими переживаниями. Справедливость данного наблюдения на ярком живом материале иллюстрирует книга Одергон.

Но, как всякая творческая работа, «Отель “Война”», решающая одни вопросы, тем самым обнажает новые, еще более трудные. Например, что это за злодеи такие — политики,

откуда они берутся среди нас и для чего столь вредоносно нами манипулируют? В какой мере ими движет циничный финансовый расчет (учили ведь нас, что политика есть концентрированное выражение экономики и причиной войн всегда служат экономические интересы правящих классов), а в какой мере сами они плоть от плоти нашей и жертвы той же стихии иррациональных настроений? А если верно второе и в действительности периодическое обострение массовых конфликтов удовлетворяет глубинные функциональные потребности, в большей или меньшей мере присущие всем людям, то какими средствами можно компенсировать острые эмоциональные переживания, коль скоро они будут заблокированы просветляющим «осознанием»? Как добиться того, чтобы рациональное бытие, полностью свободное от политических конфликтов и катастроф (вековая мечта человечества!), не обернулось беспросветной скукой, тоской по эмоционально насыщенным событиям, чреватой новыми обострениями?..

Множество экзистенциальных вопросов провоцирует эта книга. Но главное, читатель неизбежно попадает под обаяние ее идей, захватывающих сюжетов и обсуждений, а также замечательной личности автора. Тем более важно при чтении обратить внимание на один момент, звучащий, на мой взгляд, досадным диссонансом в общем контексте. Важно, потому что, во-первых, речь идет о теме, болезненной для российского политического сознания последних лет. Во-вторых, обозначившийся диссонанс демонстрирует, что даже при большом профессиональном опыте, развитой способности к сочувствию и самом искреннем стремлении понять все конфликтующие стороны подчас очень трудно отрешиться от массивированного влияния пропаганды.

Я имею в виду трактовку событий в Югославии 1990-х годов. Многократно возвращаясь к психологическому содержанию, логике и истории этих событий, Одергон неизменно возлагает ответственность за разжигание конфликта и эпизоды геноцида на сербскую сторону. В ряде случаев из са-

мого текста, если внимательно анализировать приведенные примеры, видна несправедливость обвинений: скажем, когда вооруженные косовары используют университетскую библиотеку в качестве крепости и во время трехдневного боя загораются книги, виновными в уничтожении культуры объявляются исключительно сербы. Наконец, единственный упрек автора в адрес НАТО, чьи самолеты якобы для защиты косовских албанцев с недостижимой для противника высоты бомбили югославские города, состоит в том, что бомбить долго не начинали. Тем самым вооруженное насилие, и как можно скорейшее, признается приемлемым, при случае даже желанным средством в политических отношениях, что плохо согласуется с общей мировоззренческой установкой...

Сам я не специалист по Балканам и впервые узнал о существовании края Косово в 1974 году из статьи в газете «Вашингтон пост». В ней рассказывалось, как албанские боевики тайно проникают на эту югославскую территорию, терроризируют проживающих там сербов, семьи которых покидают край, опасаясь за свою жизнь. В Албании и в Югославии тогда господствовали коммунистические режимы, а потому американский журналист со смаком расписывал обостряющийся конфликт. Поскольку мне хорошо запомнились детали той давней публикации, спустя 20—25 лет было удивительно читать в западной прессе, что именно сербы являются инициаторами геноцида и что для спасения косоваров необходимо военное вторжение в суверенную европейскую страну. А многолетнее знакомство с политическими технологиями позволило фиксировать приемы, при помощи которых оказывалось влияние на европейскую и американскую публику.

Применявшиеся приемы, как и действительные причины югославской авантюры НАТО, представляются мне психологически весьма интересными и поучительными, но здесь не место развивать эту тему. Завершая же краткое предисловие, еще раз подчеркну, что перед нами книга

одновременно спорная и захватывающая, горькая и оптимистичная. Она заставляет о многом задуматься и профессиональных психологов, и широкий круг читателей. И побуждает нас к тому, чтобы стать немного сознательнее, самокритичнее и гуманнее.

Профессор, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН
Акоп Назаретян

Предисловие к русскому изданию

Я искренне рада обратиться к российскому читателю и очень благодарна переводчикам Карине и Погосу Назаретян, а также Михаилу Васину, директору издательства «Энигма», за их энтузиазм в подготовке издания этой книги на русском языке.

Нас ужасают войны и жестокости современного мира, и, наблюдая их, мы представляем себе мир без войны и мечтаем о нем. В такие минуты мы вспоминаем о быстротечности нашей жизни и о шансе, данном каждому из нас, — принять участие в событиях и изменить мир к лучшему.

Вспоминая историю и глядя на сегодняшний мир, легко прийти к выводу, что наивно надеяться на лучшее. Однако стоит вспомнить о людях, которые, пройдя через тяжелейшие испытания, сумели сохранить оптимизм и сделать жизнь хоть немного лучше. Я вспоминаю лидера ЮАР Нельсона Манделу с его дальновидностью и страстным желанием освободить как угнетенных, так и угнетателей. Я думаю о «простых людях» — подростках, врачах, поселковых старостах, выступавших на крупных форумах и рассказывавших о конфликтах, которые принесли им много страданий, и о той жестокости, которую им пришлось наблюдать. При этом они удивлялись, что им дали возможность публично обсудить эти ужасные конфликты и особенно тому, что иногда удавалось преодолеть общее возбуждение, непримиримость позиций и чувство безысходности.

Название книги — «Отель "Война"» — навеяно сном, который приснился мне в Хорватии. Мы осуществляли там крупный проект, предполагавший организацию серии общественных форумов по вопросам послевоенного примирения и восстановления общества. В сновидении я потеря-

лась в некоем мрачном и зловещем месте, пытаюсь в лабиринте улиц отыскать дорогу к отелю, где остановилась. На этих жутких улицах я увидела неоновую вывеску: «ОТЕЛЬ ВОЙНА».

Этот сон сыграл очень важную роль в моей работе: благодаря ему я нашла свой путь в изучении вооруженных конфликтов. Я поняла, что люди — как пережившие войну, так и наблюдавшие за ней по телевизору — часто бывают словно загипнотизированы всеми этими ужасами и одновременно ощущают изоляцию от них. Если нас охватывает ярость или мы испытываем чувство изоляции и нам кажется, что мы здесь ни при чем, то мы, сами того не осознавая, легко бываем втянуты в водоворот конфликтов.

В этой книге я пытаюсь рассказать о том, какую роль играет наша собственная психология в осуществлении насилия и тирании, и я верю, что поведение каждого отдельного человека способно изменить ситуацию. Любому политическому насилию сопутствуют особые исторические, политические, экономические и социальные условия, однако собственно психологическая динамика тоже играет в этом важнейшую роль. Главная мысль этой книги состоит в том, что наши эмоции и «психологическая динамика» на индивидуальном и социальном уровнях подобны горючему, которое в любой момент может вспыхнуть огнем насилия. Тактики террора, используемые военными и военизированными группами по всему миру, основаны на наших эмоциях. Страх, потребность в защите и преданность легко становятся пособниками жестокости, а надежда и любовь, стремление быть причастными к чему-то доброму могут породить националистические движения. Чувство собственного достоинства, стремление к справедливости, желание остановить, унять боль прошлых травм могут обернуться новыми вспышками насилия. Травма прошлого тоже способна сделать нас бесчувственными и неспособными к адекватной реакции. Наша способность демонизировать и дегуманизировать других используется для оправдания убийства.

Дезинформация психологически подготавливает сообщество к терпимости по отношению к насилию. К прочим психологическим тактикам можно отнести «преследование лидеров» общественных и политических движений, пытки и разрушение святынь.

Эта динамика проиллюстрирована в книге примерами из зон конфликтов по всему миру. Опубликованные данные — лишь малая доля бесчисленного множества возможных примеров, отражающих мой личный опыт и сферу моих интересов, равно как и ограниченность моего кругозора. Я живу в Лондоне, но выросла и много лет прожила в США. Я ощущаю особую ответственность за жестокую историю моей страны — за безжалостное обращение с американцами африканского происхождения и коренным населением Америки, за войну во Вьетнаме и то насилие, к которому была причастна моя страна по всему миру, включая так называемую войну с террором. Моя семья избежала холокоста в Германии, и поэтому мне особенно интересно изучать проблему коллективной травмы и циклического насилия в палестино-израильском конфликте. Мне посчастливилось работать со многими людьми в конфликтных ситуациях, и я многому у них научилась. Я начинала изучать психологию насилия с подростками из банд Лос-Анджелеса, затем проводила форумы с группами из ЮАР, Германии, Израиля, Польши, Словакии, Индии, Греции, Великобритании, США, Косова и особенно много работала в послевоенной Хорватии.

Многие конфликтные зоны вовсе не упоминаются в этой книге, и ни одна из подобных проблем не рассматривается во всех подробностях. Думаю, читатели смогут дополнить материал собственными наблюдениями и примерами из личного опыта.

В книге мало упоминаний о России, республиках бывшего СССР и странах социалистического лагеря. Тем не менее русскоязычный читатель, несомненно, узнает описываемую динамику по знакомой ему истории Советского Сою-

за и других соцстран, а также по тем конфликтам, которые возникли на территории СССР после его распада — в Чечне, Армении, Азербайджане, Дагестане, Грузии, на территориях Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха.

Возможно, в XX веке насилие в России, Украине и других республиках бывшего СССР привело к большим жертвам, чем где-либо еще в мире. Первая мировая война, Гражданская война 1918—1921 годов, чистки, спровоцированный государством голод и война против гитлеровской Германии только открывают список трагических событий.

Последовавшее вслед за распадом Советского Союза насилие на Кавказе унесло многие тысячи жизней и привело к появлению более миллиона беженцев. Наряду с человеческими жертвами, каждый человек и каждая семья сталкиваются со сложными проблемами экономической, социальной и политической нестабильности.

Количество страданий, боли и потерь в результате насилия в нашем мире действительно неизмеримо. Тактики террора заставляют людей молчать, а сами масштабы насилия провоцируют наше бесчувственное к нему отношение и нежелание говорить об этом. Страдание накладывает свой отпечаток не только на отдельных людей, семьи, этнические и религиозные группы, сообщества и нации, непосредственно пострадавшие от насилия, — оно передается по наследству из поколения в поколение. Привычка молчать тоже передается по наследству вместе с провалами в памяти и забвением общей истории, оставшимися без ответа вопросами ответственности, пропавшими семьями и предками. Чтобы продолжать здоровое движение вперед, нужно заполнить пустоты в наших сердцах и в сердце нашего общества.

После распада Советского Союза и крушения его «официальной истории» стали появляться документы и публикации о событиях, имевших место в ГУЛАГе. Кто-то рассуждает о том, что жизнь идет своим чередом и люди забывают о прошлом, а молодежь уже и вовсе не знает о нем. Кто-то

считает, что необходимо забыть о бедах и страданиях, чтобы двигаться дальше. Другие резонно возражают: как можно двигаться в будущее, не сделав выводы из собственной истории, не разобравшись со своей совестью¹.

После вооруженных конфликтов обычно наблюдаются две тенденции: отдельные люди и целые сообщества, с одной стороны, стремятся поскорее забыть обо всем, чтобы выжить и двигаться вперед, с другой стороны, им нужно рассказать об этом периоде своей личной истории, чтобы свидетельствовать о нем, обсудить и включить его в общий опыт всего человечества.

«Забвение» — это попытка заблокировать то, что причиняет слишком много боли, собраться с силами и двигаться дальше вперед. Это также и реакция на нечто невыразимо страшное. Другая форма «забвения» — демонстрация своего чувства превосходства, выраженного фразой: «Это ко мне не относится». Кроме того, могут иметь место попытки замалчивать, отрицать или пересматривать историю. Всего один пример: Турция до сих пор отказывается официально признавать геноцид армян 1915—1917 годов, объясняя жертвы межэтническими столкновениями и голодом.

По всему миру люди все больше обсуждают открытые вопросы ответственности и требуют обсудить их, а также рассказать правду о жестокости в зонах конфликтов, прекратить насилие и нарушения прав человека в современном мире.

Первые полосы газет во всех частях света все чаще бывают посвящены злоупотреблениям властью на локальном и глобальном уровнях, в том числе применениям тактик террора с целью захвата или сохранения власти, которые приводят к нарушениям прав человека. И повсеместно люди понимают, что строительство мира и демократии не может осуществляться силовыми методами. Точно так же

¹ Merridale, C 'The Time that a land forgot', <http://www.indexonline.org/en/news/articles/2005/2/russia-the-time-that-a-land-forgot-history-e.shtml>.

нельзя оставлять вопросы строительства мирной жизни на усмотрение крупных политических лидеров или международного права. Сообщества сами должны жить этими проблемами. Бесчисленное множество маленьких организаций, отдельные семьи и каждый отдельный человек играют решающую роль в раскрытии тайн нашего прошлого и строительстве будущего.

В обществе уже созрела потребность и, я верю, тенденция к пониманию сложной взаимозависимости между личной осознанностью, организационными изменениями, общественными движениями и политическими процессами. Хотя идея взаимосвязи личной и духовной осознанности с осознанностью политической и политическим действием стара как мир, на практике личное и политическое часто разделяют.

Для нас как общества созрела настоятельная необходимость познать себя. Если тактики насилия разрабатываются с учетом наших реакций, то можно представить себе мир, в котором люди, сообщества и даже целые нации будут осознанно использовать психологические приемы, предназначенные для того, чтобы снижать накал страстей, улаживать противоречия и преодолевать чувство безысходности.

Сразу после войны в Хорватии мы были фасилитаторами¹ на больших общественных форумах, прорабатывая с хорватами, сербами и мусульманами чрезвычайно болезненные вопросы справедливости и ответственности. Им необходимо было понять, как вместе заново строить общество с учетом тяжелой коллективной травмы. В книге я многократно возвращаюсь к истории этого и многих других сообществ, которые совместно занимались разрешением конфликтов, используя специфический механизм индивидуального и коллективного осознания, получивший

¹ *Фасилитатор* — человек, помогающий двум (или более) сторонам достичь взаимопонимания и не принимающий при этом точку зрения какой-либо из сторон. — *Примеч. пер.*

название «работа с миром» (World Work). Это один из вариантов приложения методов процессуально-ориентированной психологии, разработанных Арнольдом Минделлом¹ и основанных на его концепции «глубокой демократии» (Deep Democracy).

В то время как понятие «демократия» означает власть большинства, понятие «глубокая демократия» относится к тем творческим и целительным силам, которые рождаются внутри сообщества в процессе налаженного взаимодействия всех его частей. Этим понятием мы обозначаем призыв высказаться и гарантированную поддержку каждому голосу, каждой точке зрения и каждой эмоции. Это слово также подразумевает, что мы учитываем различные измерения общественной жизни, внешние проблемы, скрытые роли и противоречия, равно как и глубочайшее сочувствие к опыту каждого отдельного человека.

Если история и учит нас чему-либо, то в первую очередь тому, что, полагаясь на силу, мы вынужденно прибегаем к тактикам террора. А отвечая насилием на насилие, — лишь заново порождаем и усложняем ту проблему, с которой пытаемся справиться.

Способны ли мы представить себе мир, который не опирается на силу? Осмелимся ли мы вообразить жизнь, в которой индивиды, организации и целые сообщества стремятся осознать общую картину существования, свою историю и свое будущее? Способны ли мы заниматься поиском истины, справедливости и ответственности, не стремясь отомстить? Можем ли мы выслушивать трагические истории людей, не провоцируя насилие? И можем ли установить связь с той частью собственной души, которая заботится о целостности и о будущем?

Мудрецы всей земли во все времена напоминают нам, что нужно чтить дух своей страны, чтить своих предков и

¹ Минделл Арнольд (род. 1940) — американский психотерапевт, писатель и основатель процессуально-ориентированной психологии. — *Примеч. пер.*

заботиться о будущем. Время от времени один мой знакомый старик просит своих внуков рассказать, каким они видят свое будущее. Он хочет знать, о чем они мечтают и какую жизнь планируют для себя. И хотя они жалуются, им это нравится! Они чувствуют его внимательное отношение, любовь и мудрость и видят, что он принимает их интересы близко к сердцу. Нашему миру необходим подобный дух мудреца¹, та часть нас самих, которая побуждает всех нас мечтать, работать и создавать новое будущее.

¹ Арнольд Минделл определяет дух мудреца как вкус и интерес к тому, чтобы стимулировать и поддерживать целостность в индивидах и в целом обществе. — *Примеч. пер.*

Предисловие

«Отель “Война”» — это книга о том, как нашу психологию используют для разжигания вооруженных конфликтов. Иногда мы впадаем в ярость, а иногда молчим, словно воды в рот набрали. На протяжении всей истории человечества находились «умельцы», которые знали, как использовать человеческую природу, чтобы разобщить сообщества и совершать жестокости. Нашей психологией манипулируют ради провоцирования насилия, и это очень грустно. Но в этом можно увидеть и росток надежды: раз уж мы являемся игроками в вооруженных конфликтах, значит, наша сознательность способна сыграть ключевую роль.

Работа над этой книгой продолжалась около семи лет. Политические события и изменившийся дух времени вызвали значительный рост общественного интереса к подобным проблемам. Кинорежиссер Жан-Люк Годар однажды сказал: «Базовое пространство книги — ее поля, потому что они едины с полями предыдущих страниц. На полях можно писать и делать пометки, и это столь же важно, как и основной текст» (1). Я надеюсь, что вы прочтете этот текст с карандашом в руках — не только чтобы сделать книгу более актуальной, но и для того, чтобы обогатить ее особенностями контекста, в котором вы живете, работаете и мечтаете.

Я занимаюсь психологией, разрешением конфликтов и театральным искусством. Моя точка зрения и большинство идей, изложенных здесь, сформировались во время моей учебы и практической работы с людьми, коллективами и сообществами. Я применяю теорию и методы процессуально-ориентированной психологии. Мне посчастливилось учиться у доктора Арнольда Минделла, который разрабо-

тал данный подход, называемый также «процессуальной работой» (Process Work), и много лет работать вместе с ним. Вместе с супругой Эми Минделл и коллегами он создал эту теорию и прикладные методы работы со сновидениями и болезнями, личными отношениями и семейными проблемами, экстремальными состояниями и душевным здоровьем, а также с проблемами организационного развития и разрешения конфликтов. Будучи изначально психотерапевтом юнгианского направления и ученым-физиком, Минделл разработал прогрессивные методики работы с динамикой поля и нашими глубочайшими творческими способностями. При этом речь может идти как о скрытой тревоге индивидуума, так и о политических и социальных разногласиях в организациях и сообществах (2).

В этой книге я рассматриваю, каким образом чувство справедливости, переживания страха и психологической травмы, а также опыт самопожертвования и любви могут внезапно оборачиваться вооруженными конфликтами и как наше осознанное отношение к таким метаморфозам — индивидуальное и коллективное — может предотвращать насилие. В книге приведены примеры из различных зон вооруженных конфликтов прошлого и настоящего по всему миру. Много внимания я уделяю балканскому конфликту, потому что мне довелось работать в этом регионе в течение нескольких лет. Я выросла и много лет прожила в США, поэтому я буду говорить и о насилии в моей собственной стране, включая притеснение коренных американцев и американцев африканского происхождения (которое было в прошлом и продолжается по сей день), войну во Вьетнаме и нынешнюю «войну с террором». Я также привожу примеры из истории гитлеровского Третьего рейха, израильско-палестинского конфликта, Южной Африки с ее процессом Правды и примирения после апартеида, из истории конфликта в Руанде, коммунизма и его падения в Европе и т. д. С 1996 по 2002 год я много раз посещала Хорватию вместе с моим коллегой Лейном Арье с целью проведения об-

ществленных форумов в рамках проекта по послевоенному примирению и восстановлению общественной жизни. Этот проект проводился при поддержке Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и других организаций и осуществлялся хорватской неправительственной организацией «Удруга Ми». На протяжении всей книги я описываю некоторые события, случившиеся во время нашей работы над проектом в Хорватии, и сама идея этой книги родилась именно там.

Я очень надеюсь на то, что некоторые мысли книги обогатят общественный диалог, в процессе которого не только растет напряженность между людьми, но в то же время развивается способность к сопереживанию и взаимопониманию и появляется надежда на трансформацию серьезных конфликтов. Читая о вооруженных конфликтах, травмах, неразрешенных вопросах и жестоких разногласиях, невольно переживаешь чувства ярости, печали, безысходности, нервное напряжение или даже апатию. В таком случае важно найти людей, с которыми можно было бы обсудить эти переживания. Я заранее приношу извинения за боль, которую может причинить ограниченность моего авторского видения и моих формулировок. Эта книга написана с верой в способность общества справляться с трагедиями и жестокостями, оказывающими влияние на нашу совместную жизнь, и трансформировать их. Мой опыт подтверждает эту способность. Вместе мы можем изучать динамику общественной травмы и ответственности и наши глубочайшие чувства к жизни с тем, чтобы проложить путь к лучшему будущему.

Когда журналист Чарли Роуз брал интервью у Десмонда Туту¹, они говорили о десятилетней годовщине падения апартеида в Южной Африке. С лучезарной улыбкой

¹ Туту Десмонд (род. 1931) — южноафриканский религиозный деятель, архиепископ, известный правозащитник. Лауреат Нобелевской премии мира (1984) за борьбу против апартеида в Южной Африке — *Примеч. науч. ред.*

Туту сказал, что, когда мир кажется ему совсем безрадостным, он останавливается, чтобы вспомнить: мы пребываем в процессе творения (3).

Арлин Одергон

Лондон, октябрь 2004

Автор с благодарностью примет ваши отзывы о книге
по адресу: warhotel@cfor.info

Об авторе

Доктор Арлин Одергон — психотерапевт и специалист по разрешению конфликтов. Она преподает процессуально-ориентированную психологию в Великобритании и других странах. С рабочими визитами ей довелось посещать Хорватию, Косово, Словакию, Польшу, Германию, ЮАР, Индию, Великобританию и США. После войны на Балканах она долгое время вела общественные форумы по примирению и восстановлению общественной жизни в Хорватии. Арлин — один из соучредителей CFOR, организации, которая занимается предотвращением и послевоенным урегулированием конфликтов, проблемами мирного сосуществования и построения демократии. Живет в Лондоне, где занимается также театральной режиссурой.

Благодарности

В создании этой книги очень важную роль сыграли многие люди. Когда-то, избежав холокоста в Германии, мои родители встретились в Чикаго. Их теплота и поддержка всю жизнь придавали мне сил сопереживать событиям окружающего мира. Мой интерес к теме насилия и разрешению конфликтов отчасти связан с потребностью преодолеть холодность, с которой мы реагируем на травматические события — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Я благодарна Арни и Эми Минделл за создание процессуально-ориентированного подхода и метода «работы с миром», столь существенно и глубоко повлиявшим на меня и давшим мне возможность понять самой и помочь это сделать другим, что самые тяжелые личные и общественные проблемы можно трансформировать. Спасибо Арни и Эми за многолетнюю дружбу и отдельное спасибо Арни за личную опеку, профессиональное сопровождение и постоянное вдохновение: в сложнейших ситуациях он умеет погрузиться в самую глубину проблемы и найти новый творческий подход к ее решению. Я благодарна ему за то, что он постоянно поддерживал меня в погоне за моими сновидениями даже тогда, когда этот путь вел меня к трудностям! Однажды, когда я рассказала ему сон, увиденный мною в Хорватии, он посоветовал мне написать эту книгу.

Мой супруг Жан-Клод Одергон в течение нескольких лет помогал мне в создании этой книги. Нам доводилось работать с ним бок о бок в бесчисленном множестве напряженных ситуаций, начиная форумами с участием уличных банд и заканчивая общественными конфликтами на расовой почве и конференциями по проблемам душевно-

го здоровья. Не обошлось и без личных разногласий, которые мы выясняли у кухонной мойки. Он не только всегда был бесконечно терпелив, в том числе и в моменты, когда мне требовалась помощь в проработке идей, сновидений, чувств, деталей и множества черновиков, но и активно помогал мне, когда я находилась в самом центре бушующего конфликта на другом конце телефонного провода. Он всегда был моим другом и учителем, любовью всей моей жизни. Он поддерживал мои попытки исследовать самые сокровенные сновидения и психологические зажимы в их связи с моей внешней работой. Меня всегда вдохновляла его отвага и умение совершать невозможное ради того, чтобы жить полной жизнью и участвовать в жизни.

Сердечно благодарю Лейна Арье за нашу совместную работу в Хорватии — не только за то, что он был замечательным соведущим в работе, которая так много для нас значила, но и за верную дружбу. В течение шести лет наряду с радостью и огромным опытом, который мы приобретали, мы делили с ним и все трудности нашего хорватского проекта. Особое спасибо Тане Радочай и Миреле Михарии за то, что они осуществили проект в Хорватии, последовав за своей мечтой, а также Тане и Нивес Ивелье за постоянное сопровождение проекта и всю их огромную и потрясающую работу, а также за дружбу. Я благодарна и их семьям. Особое спасибо Эди и Бобо и всем людям из неправительственной организации «Удруга Ми». Спасибо каждому из участников тех форумов, хотя я не смогу назвать их всех по именам. Особое спасибо Мишко Мимице за его веру в этот проект, Управлению верховного комиссара ООН по делам беженцев — за возможность его осуществления, а также Международному комитету спасения (IRC), Институту «Открытое общество» (OSI), Управлению по разработке переходных инициатив (OTI), Агентству США по международному развитию (USAID), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Threshold Foundation. Спасибо жителям города Сараево, принимавшим участие в

нашей первой конференции в 1996 году. Пережитое и высказанное ими подтолкнуло нас к энергичному поиску и глубокому изучению вопросов, связанных с общественной травмой. Особое спасибо Фаруку.

Я хотела бы выразить благодарность членам множества организаций и участникам форумов и семинаров в Великобритании, Германии, Словакии, Польше, ЮАР, Косове, США, Греции и Индии, на которых я выступала ведущей или соведущей, изучая и переживая динамику конфликта, психологической травмы и ответственности.

Несколько человек согласились прочесть отдельные главы этой рукописи и текст в целом и высказать свое мнение о нем. Я благодарю Лейна Арье, Жана-Клода Одергона, Дэвида Кларка, Таню Радочай, Нивес Ивелью, Арни Минделла, Эми Минделл, Ника Тоттона, Джона Л. Джонсона, Ричарда Уильямса, Майкла Грэма, Харви Мотулски, Гретель и Арно Мотулски, Сару Халприн, Дэвида Лисбону и Чарлза Хэнли. Спасибо Фелиму Макдермотту, Джулиан Крауч и Ли Симпсону из Невероятного театра (Improbable Theatre) в Лондоне, Гаю Дартнеллу и Театру королевского двора (Royal Court Theatre) за нашу совместную работу над постановкой SPIRIT, в которой мы исследовали некоторые из приведенных в книге идей в очень личной, творческой и театральной манере. Огромное спасибо Джуди Уолкер и Дэну Боноу за их гостеприимство в Кауаи, где я заканчивала работу над этой рукописью. Спасибо Джейн Шугармэн за ее живой интерес и внимательное отношение к процессу редактирования, а также Кэрол Сомарез за ее вклад и корректуру. Спасибо Станье Студентовой за постоянную практическую поддержку и дружбу, за совместную работу, прекрасное чувство юмора и усилия по подбору иллюстраций.

Благодарю Арпану Каур за разрешение безвозмездно включить некоторые из ее прекрасных художественных работ в главу, посвященную психологической травме. Арпана родилась в семье сикхов, которым при разделении Индии и Пакистана в 1947 году пришлось покинуть Лахор и отпра-

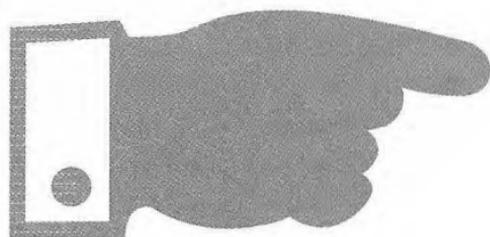
виться в Дели. Ей довелось стать свидетельницей бунтов и убийств сикхов в 1984 году. Ее работы на тему насилия, травмы и животворящего духа экспонировались по всему миру. Я с восторгом включила в издание три фотоснимка Нэнси Джо Джонсон, сделанных в Тибете. Она является членом совета директоров Комитета по Тибету США и в своих фотографиях стремится привлечь внимание людей к проблеме Тибета. Я также благодарна за возможность разместить здесь некоторые из потрясающих фотоснимков Джулиан Эдельштейн из ее проекта и книги *Truth and Lies* (Granta, London), отражающих работу Комиссий правды и примирения в ЮАР. Многие люди, организации, музеи и архивы помогли мне не только в получении репродукций и разрешений на их публикацию, но и дав мне ориентиры и оказав поддержку на этом захватывающем, непростом пути. Я хочу поблагодарить следующих лиц и организации: Музей искусств Метрополитен в Нью-Йорке, Южноаллеганский музей искусств в Пенсильвании, Архив Хантингтона, Университет штата Огайо, Ullstein-Cinetext Berlin, «Уорнер Бразерс», «Дэйв Нил Мультимедиа», Osservatorio sui Balcani в Роверето (Италия), Марен из фотоархива Музея холокоста в США, Рэндала Битверка из Немецкого архива пропаганды, «Нью-Йорк таймс», Лоренца Бобке из Висбадена (Германия), школу «Саммерхилл» в Лейстоне (Великобритания), Лору М. Андерсон, издательство «Диогенес Ферлаг АГ Цюрих», Музей Фитцвильяма в Кембридже, Марию Уорнер за ее книгу *No Go the Vogeuyan* (London: Vintage), Роберта В. Шмидта из Peace Party и Blue Corn Comics, Алана Ховарда из Университета Виржинии, Джорджа Кохенура из Музея города Нью-Йорка, Библиотеку Конгресса США (Вашингтон, округ Колумбия), Институт Хувера Стенфордского университета, Полин Исмаил за помощь в переводе с китайского языка, лондонскую полицию, Ферна Клементса из Комитета 500 лет достоинства и сопротивления, Музей Джима Кроу Государственного университета имени Ферриса, (город Биг-Рапидс), Ассошиэйтед Пресс, соавтора книги *The Bridge at*

No Gun Ri Чарлза Хенли, Пола Вульфа с сайта www.cointel.org, издательство Саут Энд Пресс, автора книги The Phoenix Program Дугласа Валентайна, Фотоархив Абрахама Писарека (Берлин), Дэниса Гоуи из Британского института кинематографии, Ассоциацию Чаплина и Roy Export Co. Establishment, Алекса Джонсона, Государственный музей Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Британскую библиотеку, Брайанта Холмана, Станислава Славика из Отдела современной истории Национального музея в Праге, Марка Шумахера из Onmark Productions, Майю М. Хару из Национального музея Киото, а также Дэна и Кристен Чипрари.

ВВЕДЕНИЕ

Добро пожаловать
в «Отель "Война"»

Независимо от того, вовлечены ли мы непосредственно в вооруженный конфликт или наблюдаем за ним по телевизору, мы все равно участвуем в нем, хотя часто этого не сознаем. Человеческая душа подобна горючему, и даже самые возвышенные чувства способны побудить нас к насилию.

Однажды, обсуждая этот вопрос на занятии со студентами, я пришла к неожиданному выводу: сами по себе социальные противоречия могут быть незначительными, однако всегда находятся люди — политические и военные лидеры, — которые, хорошо зная человеческую психологию, умеют направлять события в нужное им русло. Эти люди знают, как преданность и благородство способны рассорить людей и под видом борьбы за справедливость спровоцировать геноцид. Они используют свое понимание человеческой природы для изобретения все более изощренных форм насилия и тактик террора, помогающих им господствовать над собственным и соседними народами. Они находят способ эксплуатировать наше желание унять боль исторической травмы, провоцируя все новые ужасы войны, и превращать наше возвышенное стремление к божественной сопричастности и к человеческой солидарности в национализм и насилие. Эти «знатоки» убеждены, что и впредь смогут использовать нашу наивность и даже желание избавиться от нее для разжигания войн.

Думая, будто политические события не связаны с нашей психологией, мы тем самым облегчаем задачу таким разжигателям войны. Они думают, что общество никогда не научится противостоять их приемам. В действительности же манипулировать нами тем легче, чем меньше мы знаем о механизмах индивидуальной и коллективной психологии. Пока мы разделяем уверенность воинствующих лидеров в их всемогуществе, мы фактически являемся их невольными пособниками. Большинство людей полагают, что факторы войны действуют независимо от них. Но чтобы твор-

чески противодействовать этим факторам, каждому из нас нужно осознать собственную роль в развитии событий.

Моя книга посвящена обсуждению четырех основных тем: справедливости, террору, психологической травме и измененным состояниям сознания (1). События, почерпнутые из истории вооруженных конфликтов прошлого и настоящего, помогают глубже проникнуть в эти четыре области. Мы рассмотрим, как развивались конфликты на территории бывшей Югославии в 1990-х годах (Хорватия, Босния и Косово) и геноцид в Руанде в 1994 году, к каким последствиям приводило стремление американцев безраздельно доминировать на мировой арене. Мы также исследуем израильско-палестинский конфликт, гитлеровский Третий рейх, историю индейцев и афроамериканцев в США, вьетнамскую войну, проблемы последних лет в Центральной и Восточной Европе и т. д. Многие важные проблемы, конфликты и горячие точки остались вне нашего внимания, нет в книге и комплексного социального, политического или экономического анализа какого-либо конкретного региона. Я в основном опираюсь на личный опыт организации послевоенных форумов в Хорватии и форумов по разрешению конфликтов в других странах мира. При описании событий и психологической подоплеки войн я не могу представить все точки зрения, как не могу в полной мере описать и бесконечные страдания людей, испытавших ужас войны. Приведенные здесь примеры иллюстрируют лишь некоторые, самые важные аспекты психологической динамики вооруженных конфликтов и то, какую роль в этих конфликтах играем мы все. За более подробным анализом событий в конкретных регионах и более полной информацией о ходе военных действий читатель может обратиться к другим источникам, и я надеюсь, что он продолжит изучение психологических процессов, сопровождающих возникновение, обострение и разрешение вооруженных конфликтов.

Я со своей стороны постараюсь показать, как наша психологическая безграмотность может быть использована для

разжигания войн и — вместе с тем — какую положительную роль способно сыграть знание психологических механизмов. В последних главах высказано предположение, что человечество начинает осознавать происходящие в мире процессы и что благодаря этому мы уже не безвольно вертимся в колесе истории, а имеем возможность сознательно предложить и осуществить альтернативные действия.

Название книги — «Отель "Война"» — подсказано моим странным сновидением в 1996 году в Хорватии. Мы с моим коллегой Лейном Арье организовали форум с участием большого количества людей, занимавшихся вопросами послевоенного урегулирования в своих регионах. Форум был частью проекта послевоенного урегулирования, рассчитанного на несколько лет, в котором участвовали представители разных сторон конфликта (хорваты, сербы, мусульмане и другие). Мы вместе обсуждали сложные и болезненные проблемы восстановления мира в Хорватии и Боснии. Форум проходил в аудитории с видом на море, недалеко от города Сплит. Спокойное зеленое море внушало бесконечную тоску людям, приехавшим со всех концов Хорватии и из Боснии; многие из них впервые вернулись к морю со времен войны. После нескольких напряженных дней форума я решила остаться в этом местечке еще на несколько дней и поселилась в маленьком отеле. Там мне и приснился этот сон: я выхожу из отеля и оказываюсь в параллельном мире, в зловещем лабиринте улиц, где дует сильный ветер, а за прилавками лотков на тротуарах стоят военные. У меня перед глазами — огромная неоновая вывеска: «О Т Е Л Ь В О Й Н А», а в голове бьется мысль: мне надо найти обратную дорогу в свой отель. Анализируя сон, я поняла, что должна вступить в зловещий параллельный мир психодинамики войны и найти дорогу в этом лабиринте. Написание книги стало одновременно дорогой и в этот мир, и в мой «отель». Я поняла, что пока мы причисляем насилие к параллельному, жуткому миру вместо того, чтобы попытаться понять его психологические механизмы и осоз-

нать собственную роль в развитии насилия, нас очень легко сбить с пути.

Связь между психическими процессами и состояниями, с одной стороны, и вооруженными конфликтами — с другой, чрезвычайно существенна. Мы часто считаем войну порождением неких абстрактных свойств человеческой психологии и тем самым оправдываем как войну вообще, так и собственную беспомощность в противодействии ей. Многие считают жестокость и агрессивность естественными человеческими свойствами. Но чем дольше я изучаю динамику вооруженных конфликтов, тем больше убеждаюсь: психологическим сырьем для войны становятся те самые качества, которые мы особенно ценим, — преданность, любовь, чувство сопричастности и готовность к самопожертвованию, стремление защитить слабых, нетерпимость к жестокости и боли и потребность найти смысл жизни за пределами индивидуальной жизни и смерти.

Журналисты и люди, составляющие аудиторию СМИ, обращают внимание на политические факты и хитросплетения, но психологическая подоплека войны остается за кадром. Между тем эту тему необходимо широко обсуждать, для того чтобы мы перестали быть безучастными наблюдателями, не сознающими своей роли, своей ответственности и способности изменить ситуацию.

Многие общественные и политические лидеры ратуют за то, чтобы люди были осведомлены обо всем происходящем. Но что значит «осведомлены»? В этой связи стоит обратить внимание на три момента.

Средства массовой информации захлестывают нас односторонними, непроверенными, а то и просто ложными сведениями, так что на их основании невозможно получить полноценное представление об истории и текущих событиях. Чтобы не захлебнуться в этом потоке, следует хорошо ориентироваться в международном праве и понимать, в чем состоят права человека. Рой Гутман и Дэвид Рифф в книге «Военные преступления: о чем должно знать общество» (2) по-

казывают, насколько важна такая подготовка. Они приводят свидетельства того, что журналисты неточно информировали общество о насилии в Боснии и Руанде, путая понятия «геноцид» и «гражданская война». Понимая, какими большими возможностями обладают СМИ, Гутман и Рифф считают тем более важным хорошее знание журналистами международного гуманитарного права, поскольку без этого они не способны правдиво рассказывать о событиях, выявлять или комментировать их в условиях информационной неопределенности и эмоционального стресса. Вскоре стало ясно: эта книга важна не только для профессиональных журналистов, но и для широкой публики, которой тоже необходим доступ к достоверной информации, чтобы понимать, что же все-таки происходит в горячих точках нашего мира.

Вместе с тем осведомленность общества предполагает определенную свободу мышления и способность самостоятельно рассуждать, а не пассивно реагировать и приспосабливаться. Вовлеченность в общественные события обусловлена относительными привилегиями и взглядами, которые все мы редко подвергаем сомнению. Феминистское движение долгое время использовало термин «рост сознательности». Бразильский педагог Пауло Фрейре — любимый герой многих социальных движений — говорил о том, что господствующая мифология способствует подавлению людей и что гражданам необходимо более сознательно и активно участвовать в мировых событиях (3,4). А Говард Зинн подчеркивает: «Наш образ мышления — это не просто занимательная тема для интеллектуальной дискуссии, а вопрос жизни и смерти» (5).

Наконец, осведомленность общества обо всем происходящем в мире включает духовно-психологический аспект: каждый из нас и все мы вместе должны представлять себе, по каким причинам мы на одни события откликаемся, а других не замечаем. Каждый из нас по-своему воспринимает мир и вносит в него уникальный вклад. А еще каждый из нас ограничен; сталкиваясь с жизненными проблемами

и решая их в условиях неопределенности, мы расширяем диапазон своей личности. Ганди полагал, что личность имеет право воспринимать мир и жить по-своему и в то же время может избавиться от противопоставления «я — другие», начав идентифицировать себя с человечеством и всеми живыми существами (6). Политическое лидерство Ганди основывалось на идее, что духовность и политика — идентичны. Наш внутренний мир и мир внешний он считал составляющими единого целого, а политику — духовной деятельностью, в которой дух достигает высшего расцвета (7). Древнекитайский философ Чуанг Цзу говорил, что внутри нас и в окружающем мире неизбежно возникают одни и те же модели мышления и поведения, поэтому не следует разделять социальное действие и внутреннее развитие (8). Используемое Арни Минделлом понятие «глубинная демократия» (9) подразумевает, что обществу нужны диалог и взаимодействие не только в сфере политики, но и в повседневных отношениях и в отношении к давним историческим событиям — ко всему, что способно спровоцировать размолвки и конфликты между людьми. Понимание того, с чем и почему мы себя идентифицируем и что воспринимаем как «чуждое» во внутреннем и внешнем мире, помогает нам смягчать конфликты вместо того, чтобы увязать в них.

Таким образом, чтобы понять, какую роль мы сами играем в политических конфликтах и какие возможны альтернативы, люди должны быть широко информированы, свободно мыслить и выявлять как внешние, так и внутренние источники конфликтов.

Некоторые политические лидеры и военачальники пользуются знаниями о психологической и духовной динамике конфликта ради достижения власти и обогащения ценой социальных трагедий, но мы тоже можем «получить дивиденды» от психологических знаний, и ответственность за то, как мы распорядимся ими, лежит на всех нас. Ниже я привожу краткое содержание пяти частей этой книги, чтобы предварить ваше знакомство с ней.

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

**Часть первая.
Справедливость
и круги истории**

История повторяется, и конфликты почти всегда возникают во имя справедливости. Совершая жесточайшее насилие, люди обычно убеждены, что делают это ради восстановления справедливости. Мы склонны считать себя правыми и справедливыми независимо от того, находимся ли в привилегированном положении или в униженном. Первая часть книги показывает, как наше стремление к справедливости используется для нагнетания конфликта. Как можно спровоцировать вражду между людьми, апеллируя к их преданности и ответственности. Вместе с тем чувство ответственности используется и для пресечения конфликтов. В этом состоит задача Международных трибуналов, Комиссий правды и примирения, так называемых процессов люстрации в бывших социалистических странах, организованных дискуссий по поводу сложных вопросов личной и коллективной ответственности и т. д. Изучение проблем личной и коллективной ответственности необходимо для того, чтобы понять, как мы участвуем в воспроизведении конфликта и как можем перестать это делать.

**Часть вторая.
Террор
и несокрушимый
дух**

Государственные тактики террора и акты «терроризма» разрабатываются с учетом нашей индивидуальной и коллективной психологии. Неустойчивые политические режимы, правящие только за счет насилия и устрашения, основывают свои жестокие методы управления на государственном терроре и репрессиях. Во второй части внимание сосредоточено, главным образом, на государственных тактиках террора: умышленном провоцировании напряженности с це-

люю сломить сопротивление недовольных граждан, дегуманизации, демонизации, притуплении чувствительности, психологическом узаконивании насилия, пытках, репрессиях, преследовании лидеров, дезинформации и стремлении уязвить «душу» общества. Мы исследуем, как психологию используют для того, чтобы любой ценой подавить человеческий дух, и как дух этому сопротивляется.

Часть третья.

**Травма:
исторический
кошмар**

Для разжигания конфликтов активно используется историческая память о нанесенных обидах. Людьюми можно манипулировать до тех пор, пока они не осознают, что их травматический опыт превратился в устойчивый психологический комплекс. Мы рассмотрим динамику индивидуальных и коллективных травматических переживаний и то, как она влияет на международное взаимодействие. Травматический комплекс выражается не только в острых воспоминаниях о пережитых жертвах — неблагоприятным симптомом становится также безразличие перед лицом жестокости, и это, в свою очередь, составляет социально-психологическую предпосылку политического насилия. Психическая травма представляет собой опасное общественное явление, и чтобы двигаться вперед, необходимо вплести личный и коллективный опыт травматических событий в общеисторический контекст. Мы анализируем, как травматические события воспроизводятся в памяти отдельных людей и сообществ, в частности, как раскручиваются циклы мести и как ради ее осуществления каждый раз пересматривается история. Если травматическая история остается нерасказанной, она, как ненайденная братская могила, не находит своего завершения.

Часть четвертая.
Боевой клич —
измененные
состояния сознания
во время войны

Во время трагических событий войны люди чувствуют себя вовлеченными в мифическую битву. Отдельные личности и целые общества сталкиваются с лишениями и смертью, оказываются вырванными из привычной жизни. После войны те, кто выжил, иногда чувствуют неспособность или нежелание вернуться к мирной жизни. В напряженной военной атмосфере люди порой испытывают духовный подъем, пьянящее ощущение востребованности и осмысленности своего бытия. Человеку присуще стремление выйти за пределы обыденного: в поисках смысла жизни мы обращаемся к религии, духовным практикам, искусству, науке. Самые возвышенные качества человеческой природы — потребность в обретении смысла жизни и причастности к бесконечному, преданность и желание почувствовать себя частью великого целого — тоже используются для пробуждения в нас жестокости. Пока мы этого не поймем, мы не сможем сознательно и творчески сопротивляться манипуляциям.

Часть пятая.
Процесс осознания
в горячих точках

Еще одним глубинным свойством человеческой природы является стремление к критическому самосознанию. Но и это стремление, если оно недостаточно развито, может использоваться для разжигания ненависти. На протяжении всей истории основным способом взаимодействия была власть одних людей над другими. В конфликтных ситуациях люди часто сводят дело к доминированию одной идеи над другой внутри самих себя. Между тем всегда есть возможность высидеть над этой примитивной схемой. Мы попытаемся разобраться в том, что люди подразумевают под сознательностью и каким образом восприятие конф-

ликта и отношение к нему определяется общим мировоззрением. Рассмотрев пример создания карт, вспомнив основы теории систем, теории хаоса, теории сложности и нелинейности, мы попытаемся понять, как осознание может проявиться в горячих точках и помочь нам в критическом осмыслении ситуации. Если смотреть на вещи оптимистично, то человечество находится в начале долгого пути: вместо того чтобы пассивно привыкать к разрушительным конфликтам, наблюдать за ними или участвовать в них, оно может научиться в полной мере использовать свои возможности.

ЧАСТЬ

1.

Справедливость

и круги истории

← Osijek

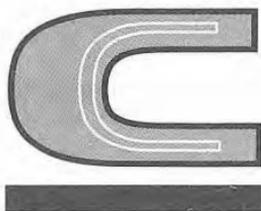
Hok
Tovarnik →

JAVNI
BILJEŽNIK

←

Глава 1. Во имя справедливости

Стремление к справедливости дает нам мужество жить и нести смерть другим. Вера в справедливость придает смысл нашей борьбе за свободу и оправдывает террор и господство над другими. Чувство справедливости и ответственности можно использовать для разжигания вооруженных конфликтов, а понимание этой динамики необходимо для того, чтобы этих конфликтов избежать.

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА СПРАВЕДЛИВОСТИ

В 1930-х годах, чувствуя себя несправедливо униженными после поражения в Первой мировой войне, немцы сплотились вокруг идеи о том, что они — высшая раса. Людям хотелось гордиться собой. Гитлер убедил их систематически осуществлять геноцид, уверяя: вновь стать

могущественной нацией возможно, и это справедливо. При этом евреи, коммунисты, гомосексуалисты и цыгане были объявлены предателями, ответственными за все настоящие и прошлые унижения. В Германии пожилые люди рассказывали мне: хотя в момент прихода Гитлера к власти они были еще маленькими, однако помнят ощущение наступившей справедливости и радости в обществе.

Во время кровопролитий в Хорватии, Боснии и Косове люди совершали ужаснейшие преступления и говорили, что справедливость на их стороне. Для того чтобы возбудить ярость по поводу исторических обид, использовались специальные термины, и таким образом создавалась лингвистическая и эмоциональная подоплека для новых витков насилия. Сербский националист Воислав Шешель, лидер Сербской радикальной партии, желая освежить память о хорватском ультранационалистическом движении усташей времен Второй мировой войны, начал использовать слово «четник» для обозначения сербского националистического движения. Четники воевали против режима усташей. Усташаи же были ответственны за резню сербов, евреев и цыган. В ходе войны в бывшей Югославии в 1990-х годах хорватов стали регулярно называть усташами, а сербов четниками. А мусульман иногда называли «турками», по аналогии с захватчиками XIV века. Одного слова оказалось достаточно, чтобы превратить страшные акты насилия в подвиги в борьбе за освобождение и справедливость.

В феврале 2003 Воислав Шешель был обвинен по восьми пунктам в преступлениях против человечества и по шести пунктам в нарушениях военного права (1). Даже несмотря на это, пока он был в гаагской тюрьме, Радикальная партия получила 82 места на парламентских выборах в конце 2003-го — больше, чем любая другая партия в Сербии. Временный председатель Радикальной партии, Тонисия Никдик, сказал: «Мы добыли эту

победу для Воислава Шешеля и других гаагских обвиняемых, а также для граждан Сербии, которых уже достаточно унижали» (2).

В Руанде в 1994 году гражданское население племени хуту всего за три месяца вырезало примерно 750 тысяч тутси и умеренных хуту, объясняя это тем, что их племя когда-то несправедливо притесняли. Ученые спорят об историческом значении категорий «хуту» и «тутси», но большинство согласно с тем, что в доколониальное время эти две группы этнически не были четко разделены. У них был один язык и одинаковые религиозные обряды. Разделение произошло по социальным, экономическим и политическим признакам. Хуту и тутси заключали между собой браки, а представитель племени хуту, приобретший крупный рогатый скот, мог считаться тутси. У тутси (около 14 процентов населения) было больше власти, они занимали руководящие должности и выращивали скот, в то время как хуту, составлявшие примерно 85 процентов, в основном были земледельцами. Представители третьей, маленькой группы — тва, или батва, — считались коренными жителями Руанды и составляли около одного процента населения. Это племя жило в лесу, занималось охотой и собирательством и являлось изобретателем особого вида гончарного искусства. По некоторым данным, около 30 процентов тва тоже были убиты во время геноцида 1994 года (3).

Когда приехали миссионеры, они заметили, что тутси находятся в привилегированном положении. И за несколько десятилетий, в соответствии с интересами этой социальной группы и идеями европейцев, тутси действительно превратились в отдельную этническую группу. В 1930-х годах бельгийская администрация выпустила карточки, удостоверяющие этническую принадлежность каждого человека. Еще больший разрыв произошел в социальной сфере. Но если в начале колониального периода идея о «естественном» привилегированном

положении тутси была использована для того, чтобы оправдать их власть в стране, то в 1950-х годах она стала поводом для восстания хуту. На этот раз миссионеры встали на сторону более многочисленного племени, распространяя среди них мысль, что тутси веками нещадно их эксплуатировали и несправедливо с ними обращались. В 1959 году произошла революция и власть от тутси перешла к хуту. На представителей племени тутси при этом совершались нападения. Несправедливости, чинимые колониальным правительством, остались вне поля зрения, и колониальных администраторов не трогали (4). В 1994 году прежние несправедливые действия тутси по отношению к хуту снова были использованы как основное оправдание геноцида тутси, развязанного экстремистами хуту.

БЕЗГРАНИЧНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Под влиянием жестоких событий мы впадаем в такое неустойчивое состояние, что на наших чувствах и представлениях о справедливости довольно легко можно сыграть. После 11 сентября 2001 года президент Буш поклялся наказать тех, кто совершил это нападение. Военная операция в Афганистане, ставшая первым этапом «войны с терроризмом», была названа «Безграничное правосудие». Мусульманские общины выступили против такого названия, так как в исламе «безграничное правосудие» может вершить только Аллах. Тогда операция была переименована в «Несокрушимую свободу».

Перед тем как начать бомбардировки Ирака в 2003 году, правительства США и Великобритании заявили: их цель — защитить мир от иракского оружия массового уничтожения. Но когда все больше и больше людей стали требовать доказательств того, что такое оружие существует, они сместили акцент. Теперь речь шла уже о жестокостях, чинимых Саддамом по отношению

к гражданам Ирака. Таким образом у людей пытались вызвать возмущение режимом и оправдать военное вмешательство. Нас как бы попросили забыть о серьезных сомнениях по поводу справедливости (и смысла) упреждающего и одностороннего удара по стране с целью установить «демократию». Очень многие в мире наблюдали за этими событиями, понимая, что их попросили поверить в сказку о добре и зле, и возмущались несправедливым доминированием США на мировой арене.

ЧТО ТАКОЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Для понимания того, как разгораются вооруженные конфликты, необходимо разобраться в понятии «справедливость» и нашем отношении к ней. Давайте посмотрим, чем для нас является справедливость. Справедливость предполагает взаимозависимость между устойчивостью общества (или любого сообщества, группы, семьи или организации) и индивидуальными правами и обязанностями. Справедливость означает отправление правосудия. В основе любых политических систем лежат идеалы справедливости — будь то демократические идеи свободы и закона или социалистическая философия равного распределения благ.

Справедливость — это кодекс взаимоотношений, кодекс гражданского общества. Кто-то из нас верит в высшую, бесконечную справедливость, находящуюся за пределами наших личных возможностей, и в очевидную ограниченность нашего тягостного и несправедливого мира. Мы можем считать, что справедливость находится в руках всеблагого и всезнающего Бога (христианского, иудейского, мусульманского или любого другого). Или, согласно индуистской идее кармы, — в законе природы, по которому все мы взаимосвязаны и несем ответственность за наши взаимоотношения. В буддизме ботхисатва сочувствует всем живым существам и дает

Рис. 1.1. Афина с совой в руке олицетворяет мудрость в вопросах правосудия и гражданского права. Около 460 г. до н. э.

Рис. 1.2. Дипанкара Будда. На фестивале Самьек в Непале каждые пять лет демонстрируют больших Дипанкара Будд. «Самьек» означает уникальность каждого чувствующего существа, а фестиваль обозначает путь бодхисатвы

Рис. 1.3. Будда Матри («Мать Будд») Вайраварахи/Кадгха Дакини, около XVIII в. Как Вайраварахи она олицетворяет женский аспект херука (миролюбивых/гневных) Будд. Как Кадгха Дакини она своим мечом мудрости разрушает иллюзии

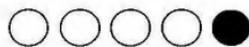

Рис. 1.6. «Пока шла игра, Королева беспрестанно ссорилась с игроками и кричала: «Отрубить ему голову! Голову ей с плеч!» (Из книги «Алиса в стране чудес», иллюстрации Артура Рэхэма.)

клятву оставаться в этом мире до тех пор, пока мы все не станем свободными и не обретем понимания. Гнев же Будды разрывает оковы наших иллюзий.

Различия в религиях, культурах и стилях политического мышления влияют на наше представление о справедливости. Тем не менее существует понятие универсальной справедливости — кодекса прав человека, которые не зависят от культурных, религиозных и политических различий. Международная правовая система и светские демократические государства призваны гарантировать разнообразие и свободу выбора духовных ценностей. И все же некоторые люди используют понятие «универсальная система права» для других целей — доказательства, что именно их фундаменталистские религиозные ценности устанавливают эту универсальную систему.

Когда мы говорим о справедливости, сразу вспоминаются любимые супергерои с выдающимися способностями, готовые сразиться со злом, противостоять хулиганам и защитить слабых. Справедливость часто представляют как сведение счетов: если нас унизили или оскорбили, нам хочется наказать обидчика. Некоторые популярные мультфильмы обыгрывают эту черту

человеческого характера — в бесконечных сериях герои продумывают планы мщения и стремятся восстановить справедливость.

Часто справедливость связывают с расплатой за содеянное зло, однако правило «Око за око, зуб за зуб» в свое время подразумевало некое ограничение, то есть наказание за несправедливость должно было быть адекватно проступку. В наше время призывы к справедливости нередко предполагают месть, а месть, как правило, не ограничивается одним «зубом». В нескольких псалмах содержится просьба к Богу: отомстить врагам. И кое-кто верит, что наказание преступников — это карающая десница Божья.

Люди, у которых есть возможность участвовать в восстановлении справедливости — будь то судьи, арбитры, религиозные деятели или старейшины, — могут быть в нашем представлении более или менее суровыми или благосклонными. Один из самых почитаемых христианских святых — святой Николай, он же Санта-Клаус, в одних странах считается могущественным и строгим, в других — добрым и веселым: он знает, кто из детишек ведет себя плохо, а кто хорошо, и в соответствии с этим наказывает или дарит подарки.

Субъективные решения, которые не оспариваются, мы тоже воспринимаем как справедливые. Они могут провозглашаться высшей властью и безоговорочно принимаются, а могут выноситься присяжными после выслушивания и взвешивания всех показаний. В личной жизни нам тоже приходится выносить такие решения, когда жизнь ставит нас перед тяжелым выбором или этически дилеммами. Справедливость — это еще и наше отношение к своей ответственности, своим личным действиям, действиям своей группы или даже к действиям своих врагов.

Призывы к справедливости предполагают также, что находящиеся у власти люди априори добродетельны,

даже если они кого-то подавляют, эксплуатируют или убивают. Например, в США в эпоху рабства «рабовладельческий кодекс» в рамках «правовой» системы разрешал использовать пытки для наказания сбежавших рабов (5).

Справедливость связана и с феноменом ответственности. Ответственность необходима обществу для того, чтобы прекратить прения, завершить прошедший период истории, найти путь, по которому можно вместе двигаться в будущее. Ответственность иногда подразумевает наказание. Иногда — возмещение ущерба. Ответственность — это восполнение недостающей информации. И память о прошлом. Иногда мы призываем к справедливости ради правды и прощения.

В третьей главе мы рассмотрим, как вопросы ответственности решаются в Трибуналах и Комиссиях правды и примирения. Мы также рассмотрим, как осуществляется борьба за справедливость и ответственность на общественных форумах, в наших сердцах, во взаимоотношениях между людьми и внутри различных организаций.

ИСКАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Для оправдания этнических чисток и геноцида в 1990-е годы в бывшей Югославии люди вспоминали события далекого прошлого. Так, в Боснии серб, учитель по профессии, участвовавший в осаде Сараева, сказал журналисту: «До конца лета мы выставим из города турецкую армию так же, как они выставили нас из Косова в 1389 году». Дэвид Рифф пишет:

Мужчина смотрел сверху на Сараево — землю, которую он в течение года обстреливал из своего пулемета пятидесятого калибра, — и вместо красивейшего некогда города видел только палаточный лагерь турецкой армии, завоевавшей Балканы в XIV и XV веках. Должно быть,

он знал: среди тех, в кого он целился, были мирные жители; за год осады погибло 3500 детей. Но для него в этом расположенном в низине городе не существовало ничего, кроме вооруженных захватчиков. Он был уверен, что не убивал. Ведь захватчиков не убивают — от них защищаются. «Мы, сербы, спасаем Европу», — утверждал он (6).

По воспоминаниям многих очевидцев, во время войны в Боснии было очень сложно узнать актуальные новости, зато постоянно рассказывали о событиях в Косово в 1389 году. Поражение сербов в битве на «Поле черных дроздов»¹ обсуждали так, как будто оно произошло вчера. Технология разжигания национализма заключалась в том, чтобы вскрывать и беречь исторические раны. В 1996 году, пребывая в Южной Боснии президент Сербской Республики заявил, что сербы, живущие бок о бок с мусульманами, «не сербы, а турки или католики (хорваты)» (7).

Люди с такой легкостью и скоростью вырабатывают фантастическую квазилогику, искажая время в своем сознании, что возникает пугающее ощущение паранойи, психоза или сюжета из научно-фантастического романа. Попытки остановить рост напряженности в бывшей Югославии потерпели крах отчасти из-за того, что на ситуацию оказывали влияние противоречивые факторы и разобраться в них было непросто. Разговоры о том, что и когда происходило в различные временные периоды, будили коллективную память о пережитых в прошлом травмах; к этому добавлялись распространявшиеся пропагандой страх, подозрительность и ненависть.

В период с 1996 по 2002 год мы с моим коллегой Лейном Арье были фасилитаторами на крупных форумах, в которых принимали участие люди со всех пострадавших от войны территорий Хорватии. Форумы были

¹ Косовом поле. — Примеч. пер.

посвящены работе над проблемами послевоенного урегулирования и общественного строительства. Проводились они два раза в год в разных регионах Хорватии, продолжались по четыре дня, и в каждом из них участвовало 60—85 человек. Всякий раз приходило много новых людей, но были и такие, кто посещал не один форум или даже присутствовал почти на всех. Проект координировала неправительственная организация в Хорватии, поддерживали Верховный комиссариат ООН по делам беженцев и другие международные организации, а также организации Европейского союза и частные фонды, занимающиеся проблемами послевоенного урегулирования и общественного строительства. В форумах участвовали работники правительственных учреждений, главы муниципалитетов, неправительственных и международных организаций. Среди них были педагоги, врачи, мэры городов, социальные работники, юристы, психологи, то есть работники социальной сферы или специалисты по общественному планированию, люди разных национальностей и верований: хорваты, сербы, мусульмане, цыгане, венгры, а также дети, рожденные от смешанных браков. Каждый из них перенес боль и тяготы войны — многие перенесли тяжелую душевную травму, были беженцами, перемещенными лицами, кто-то только недавно вернулся в свою страну. Участники собирались в группы и обсуждали болезненные вопросы и конфликты, с которыми они встречаются в жизни и на работе. Она из идей, лежавших в основе проекта, была такая: люди могут успешно работать в своих сообществах только в том случае, если они способны мирно уживаться друг с другом. Вопросы об общественных конфликтах, о насилии и проблеме ответственности вызывали болезненные и эмоциональные споры. Обсуждение проблемы в конкретном сообществе быстро перерастало в горячую дискуссию о том, что и когда произошло. При этом мог обсуждаться очень короткий период во время войны

в Боснии, непосредственно перед ней, а также события Второй мировой, Первой мировой или XIV века.

У меня на стене уже долго висит самоклеющаяся бумажка для заметок с надписью: «Либо все вокруг сошли с ума, либо история — не в прошлом». Если придерживаться точки зрения, что история развивается вокруг линейной оси, очень сложно разобраться в многоуровневом, очевидно неуправляемом конфликте. Еще сложнее при таком подходе повлиять на него. Но встаньте на другую позицию — что вся история находится в настоящем (8, 9) — и многое из того, что казалось невероятно сложным, становится гораздо понятнее. Например, то, как людей втягивают в войну и превращают в убийц, почему так легко трансформируется сознание, делая возможными убийства и насилие, а также каким может быть механизм налаживания отношений и как стать посредником в ситуациях, когда каждый убежден в своей правоте и может ее доказать.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ВЛАСТЬ

Конфликт редко бывает просто противостоянием двух разных позиций. Одна из них, представляя социальную, политическую, институциональную или военную власть, может доминировать над другой. История всегда играет очень важную роль в конфликте, и расстановка сил на ее протяжении часто меняется. Например, в современной Словакии венгры подвергаются дискриминации. Предубеждение против них отчасти связано с действиями венгров во времена, когда они господствовали в регионе.

«Гегемония» означает доминирование одной группы, социальной прослойки или культуры над другой. Речь идет не столько о политическом, военном или экономическом контроле как таковом, сколько об узаконивании этого контроля, который ассоциируется в обществе со

здравым смыслом (10), ибо призывы к справедливости питают освободительные движения точно так же, как претензии на справедливость и моральное превосходство — гегемонию. В военной академии США Вест-Пойнт Джордж Буш заявил: «Америка — единственная существующая модель человеческого прогресса» (11). У многих людей от таких комментариев глаза лезут на лоб, и тем не менее это «Божественное предопределение»¹ провоцирует серьезный международный конфликт (12). Неравенство проникает даже в движения за права человека. В связи с этим Билефельдт пишет: «Иногда наши американские друзья говорят, что борются за права человека, и тут же добавляют, что еще и за американский стиль жизни. Здесь кроется противоречие» (13).

ГЕГЕМОНИЯ И МИР

Точно так же как конфликт часто возникает между двумя неравными силами, термин «гегемонический мир» предполагает процесс примирения между двумя очевидно неравными участниками (14). Именно таким некоторые считают процесс переговоров о мире между Израилем и Палестиной (15). Переговоры ведутся о том, примет ли Израиль обратно своих беженцев, демонтирует ли поселения в секторе Газа, вернет ли захваченные земли, и если вернет, то сколько. У палестинской автономии нет равных по мощи рычагов. Единственная возможность влияния на Израиль, которая есть у палестинцев, — отказ от его предложений (16). И хотя Израиль в военном и экономическом отношении сильнее Палестины, эту разницу в силе он воспринимает специфически. Израиль видит себя маленькой еврейской страной в центре огромного арабского мира, который всегда был

¹ *Manifest Destiny* — политическая доктрина 1845 года, согласно которой североамериканцы являются избранной нацией, призванной превратить Америку в «зону свободы». — *Примеч. пер.*

и продолжает быть враждебно настроенным по отношению к его существованию.

Политолог Гленн Робинсон пишет о том, как процесс достижения гегемонического мира может дестабилизировать обе стороны. После Первой мировой войны союзники были достаточно сильны по сравнению с Германией, чтобы заключить односторонний Версальский мир. Однако это привело к нестабильности и еще одной мировой войне (17). Гегемонический мир порождает нестабильность внутри каждого общества, между обществом и правительством, а также между двумя сторонами конфликта. В менее сильной группе возникает оппозиция правительству по вопросу мирного договора, который в той или иной мере ущемляет права людей. В более сильной начинаются разногласия по поводу каких-либо уступок. Сильная сторона считает, что она по определению не должна ни в чем уступать под давлением более слабой, а оппозиция — что уступки не имеют под собой законного основания и являются признаком слабости и предательства со стороны правительства. Пример такой нестабильности — убийство израильского премьер-министра Рабина в 1995 году. Реакционный поворот в общественном дискурсе израильтян после Осло и переговоров 2000 — 2001 годов тоже можно рассматривать в этом свете (18).

РАСКОЛ ОБЩЕСТВА РАДИ ЧЬЕЙ-ТО ВЫГОДЫ

Неразрешенные исторические проблемы не проходят бесследно. Если человек хочет посеять раскол в обществе ради своей выгоды, он должен знать, как использовать на практике эти неразрешенные вопросы и психологическую динамику развития событий. Понимать эту динамику необходимо и в том случае, если мы не хотим стать объектами манипулирования и желаем трезво оценивать события и лучше владеть ситуацией.

Нельсон Мандела рассказывал, как люди, предпочитавшие войну потере своей власти в Южной Африке, использовали уже возникающий раскол в обществе для нагнетания обстановки и эскалации насилия в конце периода апартеида. Мандела обладал достаточной духовной мощью, а также психологической и политической грамотностью, чтобы не поддаваться на провокации; он взял на себя роль лидера и противостоял попыткам извлечь выгоду из создавшейся в стране ситуации.

Вопросы, которые могут легко расколоть общество, — золотая жила для ищущих выгоды. Перед войнами 1990-х годов в бывшей Югославии Милошевич увидел шанс получить власть. Составлявшее меньшинство сербское население Косова было недовольно преобладавшим албанским населением, хотя албанцы жили в угнетенном состоянии. Спровоцировав серию событий, Милошевич разжег огонь розни и постепенно пришел к власти в Сербии, расколов конфедерацию бывшей Югославии своими призывами к созданию «Великой Сербии».

Хорватский лидер Туджман, получив поддержку хорватских националистов внутри страны и за рубежом, воспользовался случаем извлечь выгоду из этих событий. Возродив хорватский национализм, он повел Хорватию к независимости.

РАСЧЕТЫ И МИФ О ПОДАВЛЕННОЙ ВРАЖДЕБНОСТИ

Один из распространенных мифов о причинах войны в бывшей Югославии таков: после смерти Тито подавлявшаяся прежде неприязнь этнических групп друг к другу всплыла на поверхность и разгорелась с новой силой (19). Тито провозгласил «братство и единство», затушевывая этнические различия, но после его смерти, как утверждается, давняя ненависть разгорелась с новой силой. Но это неправда. Нельзя сказать, что враждебность просто всплыла на поверхность и стала причиной войны (20).

Все группы и общности, организации и сообщества существуют в едином, коллективном историческом пространстве. Конфликты, связанные с половой, классовой, этнической принадлежностью, цветом кожи, культурой, физическими возможностями, вероисповеданием или возрастом существовали всегда. Несправедливость, за которую никто не несет ответственности, остается частью нашей повседневной жизни. Но это не значит, что прошлые обиды все время мучат людей и в конце концов выходят на поверхность. Абсурдно думать, что в регионе, где столько смешанных браков и дружеских связей (21), хорваты и боснийцы постоянно подавляли в себе желание поджечь дом друга или убить соседа и скрепя сердце вместо этого шли на танцы или влюблялись. Ошибочная идея о том, что насилие рождается из застарелой ненависти, заставила весь мир рассматривать события на Балканах как «гражданскую войну». Добавьте к этому идеалистическую мысль, что сохранять «нейтральное» отношение к событиям — значит быть справедливым, и вот уже «нейтральные» люди во всем мире спокойно позволяют народам Балкан «самим заканчивать эту бойню».

Перед войной многие люди — особенно молодые, которые позже были вовлечены в военные действия, — практически не думали об этнических или национальных различиях. В прекраснейшем городе Вуковаре они неделями укрывались под землей, пока над землей все превращалось в руины. Когда они вышли из убежищ, журналист спросил одну женщину о ее однокурсниках: сколько среди них было сербов и сколько хорватов? Она ответила: «Понятия не имею. Мы не придавали этому значения. Мы все были одинаковыми» (22).

Спустя десять лет после войны, когда мы с моим коллегой Лейном были в Вуковаре, город все еще был в руинах. Весь город, каждая улица со сгоревшими и обуглившимися домами, почерневшими оконными рамами, обнажающими то, что осталось от красивых изразцовых

кухонь, с деревьями и кустами, проросшими сквозь полы, с камнями и пылью повсюду — памятник войне. Люди живут в основном за чертой города, потому что их дома сгорели и отремонтированы только немногие. Хорваты и сербы существуют в условиях практически полного апартеида: у них отдельные игровые площадки и бары. Однажды мы ужинали с друзьями на берегу Дуная, был прекрасный вечер, и житель Вуковара рассказал нам: «Когда в Хорватии начались все эти проблемы, мы были абсолютно уверены, что в нашем городе ничего такого не может произойти. Здесь, в Вуковаре, жило 20 разных этнических групп, и мы очень гордились тем, что у нас такое разнообразие культур».

Для того чтобы вскрыть прошлые обиды и насадить террор во имя справедливости, нужно было использовать заранее спланированные тактики террора. «Конфликт разразился не из-за того, что разные этнические группы не могли жить вместе. Их разделила чья-то политическая воля» (23).

Чтобы расколоть общество, нужно уметь рассчитать и предсказать, как люди будут реагировать на те или иные события. Воспоминания о прошлых обидах обостряют в нас ощущение несправедливости, а призывы к справедливости заставляют подчиняться. Страх делает нас верными тому, кто предлагает защиту, и мы отказываемся от человечности ради своих привилегий. Если этого недостаточно, наше молчание и сотрудничество обеспечивается с помощью силы. В этих расчетах учтены мы все: те, кто находится в гуще событий, те, кто наблюдает за ними с более безопасного расстояния, и те, кто во всем мире смотрит на все это по телевизору.

КАК МЫ РАССУЖДАЕМ

Мы живем, опираясь на наши собственные расчеты, но редко думаем о том, как именно рассуждаем и какими

могут быть последствия. Чтобы занять какую-либо позицию, мы прислушиваемся к своим чувствам, а когда ничего не чувствуем, делаем вывод, что нам все равно. Если же нам кажется, что мы не можем повлиять на события — то выбираем «нейтралитет». Нас смущает сложность вопроса, и мы полностью от него отдаляемся. Мы оцениваем наши привилегии. В результате выясняется, что в любом случае мы ни на что серьезно повлиять не можем.

ВЕРНОСТЬ

Верность может рождаться и из страха, и из обладания привилегиями. Верность — это фундаментальное и очень глубокое качество, которое есть у большинства людей. Наши самые серьезные кризисы в личных отношениях, в семье, организации, обществе или в национальном масштабе — часто возникают из-за предательства. Предательство может восприниматься как глубокая несправедливость. Верность связана с экзистенциальными вопросами выживания и ощущением уверенности, когда ты подставляешь плечо кому-то и знаешь, что и он не оставит тебя в трудную минуту.

Верность: бывшая Югославия

По прошествии уже более десяти лет после войны общество в Хорватии разделено недоверием. Ее граждане заняты выяснением, кто как вел себя во время войны. Вопросы и сомнения омрачают отношения между людьми и мешают построению общества. Эти вопросы непосредственно связаны с верностью. Почему ты сбежал? Почему остался? Что ты делал? Куда уехал? Многие, пережив ужасы войны, несправедливость, ссылку и потери, очень тяжело переносят подобные подозрения.

Психологическая травма на войне часто возникает из-за ощущения, что соседи, семья, друзья, общество или правительство предали ваше доверие и верность. Я наблюдала серьезные травмы у людей, которые чувствовали, что, не сделав чего-то, совершив ошибку или дав совет, оказавшийся смертельным, предали собственных друзей, семью или общество.

Когда в бывшей Югославии начиналась война, люди не могли найти себя, своего места в обществе, в семье. Раскол между сербами, хорватами и мусульманами, взаимные обвинения в нелояльности по отношению друг к другу разожгли подозрительность и террор.

Нужно было сделать выбор. Люди должны были защищать свои семьи. По мере того как разгоралась война, проблема лояльности постоянно и незаметно влияла на действия людей, поляризируя общество, подкидывая дров в огонь розни. Женщина-хорватка рассказывала, как хотела написать письмо своей близкой подруге-мусульманке, поспешно бежавшей в Боснию, когда в Хорватии началась война. Но так и не написала. По ее словам, она боялась, что оно может не дойти или подруга не ответит, потому что из Боснии было сложнее послать письмо в Хорватию. Она сказала, что действительно так думала, но в то же время знала: в глубине души она просто боится, что ее могут заподозрить в неверности. Что скажут мать и сестра? Вдруг они усомнятся в ее верности хорватам, если она напишет письмо подруге-мусульманке? Теперь же эта женщина задается вопросом, почему она не была верна подруге, которую больше ни разу не увидела.

Верность: Израиль

Во время новой интифады в начале нового тысячелетия многие замечали, что израильтяне становятся все более консервативными и теряют веру в мирный процесс.

Некоторые говорили мне, что больше не чувствуют себя вправе в принципе обсуждать политику Израиля, «даже в кругу прежде свободомыслящих друзей». Учащение атак породило кодекс верности: «В опасности нужно держаться вместе».

Это проявление верности в самый важный момент — часть нашей природы и одно из мощнейших орудий войны. Это замечательно знать, кто твои друзья и на кого ты можешь положиться в момент опасности. Вместе с тем, если мы бездумно держимся вместе, мы можем способствовать расколу и эскалации насилия. Это происходит очень быстро, незаметно для игроков, уверенных, что поступают «правильно» и «справедливо».

Верность: банды в Лос-Анджелесе

Начало 1990-х в Лос-Анджелесе ознаменовалось разгулом насилия, совершаемого бандами молодых людей. Мы с мужем Жан-Клодом и коллегой Дэвидом Криттендоном работали тогда с большой группой членов этих банд в возрасте от 6 до 18 лет (24).

Некоторые из них состояли во враждующих группировках. Многие участвовали в перестрелках и с готовностью задирали футболки, гордясь своими шрамами. Мы очень подробно обсуждали с ними, что они пережили в бандах и почему в них состоят. В какой-то момент один из взрослых, работавших с детьми, эмоционально высказался против насилия. И тут десятилетний мальчик заговорил о том, что значит для него жизнь в банде. Он сказал, что сделает для своей банды все, что потребуется. Он долго, внятно и искренне делился своими воспоминаниями: когда ему было пять лет, братья и другие «кореша» заботились о нем, приносили печенье, окружали теплом и любовью. Пока он говорил, мы все затихли, чувствуя описываемую им атмосферу любви и защищенности. Дети поняли, что кто-то готов их выслушать,

а ко взрослым стало приходиться отрезвляющее понимание: для ребят банды означают не насилие, а любовь, верность и защиту.

ПОД ВЛИЯНИЕМ МАГНИТНЫХ ПОЛЕЙ

Когда Лейн рассказывает о теории Минделла про поля, поляризацию и роли (25), он любит вспоминать школьную лабораторию, где он клал на блюдце горсть металлических предметов и, вода под блюдцем магнитом, двигал эти предметы. Если вы проследите свой собственный опыт конфликта в любой сфере, даже в собственной семье, то с изумлением обнаружите, что мы очень быстро оказываемся по разные стороны баррикад. Выражение «адвокат дьявола» показывает, насколько легко мы принимаем непопулярную точку зрения или встаем на позицию, которая нам обычно не свойственна, если нам кажется, что эта точка зрения в данном споре представлена недостаточно убедительно. Мы чувствуем, что вынуждены как бы уравновесить ситуацию, представить все стороны дискуссии, чтобы диалог получился возможно более полным и плодотворным.

Рис. 1.7. Указатель дороги на Осиек

Чем меньше мы знаем о том, как наша личная или коллективная история влияет на наши эмоции и взгляды, тем легче оказываемся вовлеченными в процесс поляризации общественного конфликта. Такое участие иногда даже идет вразрез с нашими личными ценностями. Когда происходит поляризация полей, большинство из нас знает себя недостаточно для понимания того, что заставляет нас действовать или бездействовать, почему мы оказываемся во власти идеалов или становимся самодовольными, циничными, теряем надежду или пугаемся. Мы знаем себя недостаточно хорошо для того, чтобы разобраться, как наши сиюминутные потребности или абстрактные прерогативы заставляют нас принимать не свойственные нам решения. Мы этого просто не замечаем. Нас словно засасывает в эту зону конфликта, мы переполнены эмоциями и видим все как в тумане.

В Хорватии я часто слышала: самое тяжелое на войне, когда не знаешь, что ты можешь сделать для изменения ситуации, и позже понимаешь, что в неведении сдался задолго до того, как ситуация стала действительно неуправляемой.

ГРУБЫЕ ОШИБКИ ПРОСТОДУШИЯ

Большинство из нас любит представлять себя либо справедливыми, либо наивными. Мы обычно уверены, все, что мы делаем, — правильно. Когда ничего не делаем, то склонны думать, будто совершенно несведущи и вообще от нас ничего не зависит. Когда мы считаем, что не имеем никакого отношения к происходящим событиям и не можем ничего изменить, нас легче всего сделать их участниками.

Мы также придумываем сложные логические обоснования своей позиции и своего бездействия. У драматурга Вацлава Гавела, активиста и политического лидера

Чешской Республики, есть пьеса «Протест» (26). В ней всего один акт — диалог двух мужчин в Чехословакии времен коммунизма. Один из них — диссидент, а другой, некогда разделявший его взгляды, теперь оказался на высоком государственном посту. Они обсуждают петицию. Диссидент не может прямо попросить старого друга подписать ее. Они ходят вокруг да около, рассуждают, какое влияние подпись или сама петиция будут иметь на существующий политический режим и насколько ее подписание угрожает жизни, безопасности и привилегиям граждан. Их диалог отражает реальность того времени — опасный для жизни репрессивный режим, — и показывает, как попытки рационализации ради примирения со своей совестью могут иногда скрывать нашу сделку с ней.

Иногда мы втягиваемся в вооруженный конфликт из-за того, что одну за другой делаем ошибки. Есть такой фильм «Как на моем острове началась война» (27). Это прекрасно сделанная трагикомедия о том, как люди наивно продолжают играть свои роли, в то время как на их глазах разыгрывается трагедия. Фильм в пародийном ключе обыгрывает начало войны в Хорватии. На маленьком острове разворачиваются абсурдные события, когда ссорятся армия и общество, хорваты и сербы, в то время как каждый совершает эксцентричные поступки и поглощен национальным и личным тщеславием.

ПО ТУ СТОРОНУ НАИВНОСТИ

После событий прошедшего века, последнего его десятилетия и начала нового тысячелетия стало очевидным, что наши наивность и «незнание» — национальные или личные, настоящие или придуманные, в ситуации конфликта или далеко от него — не избавляют нас от личной и коллективной ответственности и вовлеченности в происходящее.

На общественных форумах в Хорватии, посвященных проблемам послевоенных конфликтов и примирения, я видела: люди продолжают придерживаться «наивной» позиции, хотя и сильно от нее устали. После такой глубокой трагедии, в которой все пострадали, вера в собственную невинность открывает перед нами мрачную перспективу. Убежденность, что наши действия ни на что не влияют, провоцирует чувство безысходности перед лицом построения нового общества. Но участники общественных форумов готовы с энтузиазмом делать то, что удовлетворило бы их больше: они готовы учитывать ошибки прошлого, ориентироваться на многообещающее будущее и нести общую ответственность за свое общество.

ВЫСОКИЙ И НИЗКИЙ МИФЫ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Идеалы справедливости переполняют нас эмоциями. «Высокий миф» — термин, введенный Минделлом для описания чувства уверенности и эйфории, которое мы испытываем под влиянием великих идеалов (28). Ощущая себя частью чего-то великого, мы парим над миром на крыльях энтузиазма и радости. Но потеряв эту связь с высоким мифом, со своими идеалами, понимая, что они преданы, мы можем упасть в область «низкого мифа» — состояние депрессии, озлобленности, горечи и апатии (29). Высокий и низкий мифы в одинаковой степени могут быть использованы как «топливо» для разжигания огня вооруженных конфликтов. Высокие мифы объединяют, дают нам почувствовать связь друг с другом в деловой, наполненной смыслом и энергией атмосфере. Низкие мифы тоже объединяют людей, но на этот раз на почве чувства безысходности, бессилия, гнева или решимости исправить зло. Мы впадаем в состояния высокого и низкого мифов так же, как влюбляемся и перестаем любить — испытывая множество эмоций и плохо понимая, что с нами происходит.

Если мы разберемся в своем поведении и эмоциях, связанных с высоким и низким мифами, то сможем начать общаться и продуктивно взаимодействовать, а не бессознательно разыгрывать заранее известные роли. Понять, как поведение связано с высоким и низким мифами, — значит разобраться в идеалах. Понимание своих самых глубоких, потаенных чувств и мыслей по отношению к людям тоже означает жить в соответствии с идеалами, преодолевая на этом пути внутренние и внешние трудности.

Большинство людей стесняется раскрывать свои идеалы, и им очень сложно жить в соответствии с ними. Но когда этим идеалам не соответствует кто-то другой, они возмущаются или впадают отчаяние. Не умея разобраться в своих идеалах, мы бессознательно и неуклюже действуем под их влиянием. Чтобы научить детей хорошо себя вести и не шуметь, мы кричим на них. С кем такого не бывало? А не случалось ли, что кто-то из близких не соответствовал вашим идеалам доброты и вы зло набрасывались на этого человека? Исходя из идеалов справедливости, мы совершаем чудовищные поступки. Со стороны наше поведение может казаться очень странным, но в нашем собственном восприятии оно нормально.

Мы поддерживаем своих лидеров в убеждении, что для защиты высокого мифа необходимо применять силу. Не подозревая о том, что с нами произойдет после крушения наших идеалов, мы действуем под влиянием чувства горечи, безысходности, возмущения или мести. Иногда нам удается поймать момент, когда наш высокий миф рухнет, и тогда еще можно его спасти, попытаться восстановить и начать жить в соответствии с ним. Проследив разрушение высокого мифа, можно также понять, когда и как в личной и коллективной истории зарождаются боль и беспомощность.

Высокие и низкие мифы — как приливы и отливы. Они составляют часть нашей индивидуальной психологии. Целые регионы и исторические периоды поднимаются в состоянии высокого мифа. Когда в США набирало силу движение за гражданские права и удалось совершить великие завоевания в области прав человека, многие были в состоянии высокого мифа. Вспомните слова Мартина Лютера Кинга: «У меня есть мечта». Но после убийства Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди многие в США впали в состояние «низкого мифа».

Глава 2. Страдания, привилегии и правота

Большинству из нас нравится считать себя невиновными и справедливыми, мы просто убеждены в своей правоте. В конфликте, особенно когда дело касается справедливости, все стороны обычно видят себя жертвами. Наша способность чувствовать себя жертвой и при этом подвергать гонениям других потрясает. В отношениях, где присутствует насилие, тот, кто бьет другого, почти всегда чувствует себя его жертвой, даже в момент избиения. Он ощущает свою неспособность справиться с конфликтом, со своей яростью и фрустрацией, поэтому считает себя слабым или неспособным использовать свою силу. Именно такое бессознательное использование силы ведет к злоупотреблениям. Подобная схема типична для развития вооруженного конфликта. То же самое происходит в обществе и в душе каждого человека. Мы видели, как военизированные сербы стреляли в мирных жителей, считая себя при этом жертвами. Снайперам казалось, что они не нападают, а защищаются.

Всем нам легче думать о своих собственных проблемах, чем о том, как наши действия или бездействие влияют на окружающих. Часто из-за привилегированного положения или боли и гнева мы бываем неспособны адекватно представить себе свое место в конфликте и степень вовлеченности в него.

ПРИВИЛЕГИИ ПООЩРЯЮТ БЕЗРАЗЛИЧИЕ

Когда у нас есть какие-то привилегии, мы, как правило, ничего не желаем знать о тех, кто этими привилегиями не обладает. Такое отношение («меня это не касается»)

усиливает изоляцию, которая и так существует между людьми из-за проблемы неравенства. Наличие привилегий в сочетании с наивностью, незаинтересованностью и уверенностью в собственной правоте усиливает проблемы, которые, как мы часто думаем, не имеют к нам никакого отношения. Такая тенденция, если не обращать на нее внимания и не принимать никаких мер, способствует «узаконенному» угнетению меньшинств: гомофобии, расизму, сексизму, дискриминации людей с ограниченными возможностями.

Если вы физически здоровы, то скорее будете волноваться по поводу движения на дорогах или маленького прыщика на пальце ноги, чем думать о том, какое счастье просто самостоятельно ходить. И хотя это нормально, в результате мы склонны безразлично относиться к проблемам живущих рядом с нами людей с ограниченными возможностями и считать, что трудности передвижения — это «их проблема», а не проблема общества.

Мы сами себя изолируем и фактически подвергаем других дискриминации, потому что нам нравятся наши привилегии и комфорт. Мы делаем это не специально и, как правило, этого не замечаем. Если же мы принадлежим к группе, которую подавляют, то тоже можем не замечать, что сделали внутренний выбор в пользу своих личностных черт или внешних явлений, характерных для доминирующей группы и дающих нам преимущество, или как стали поддерживать в себе те качества, которые помогли нам переносить страдания, — способность собрать волю в кулак, рационализировать события или контролировать себя. Независимо от того, пользуемся ли мы привилегиями или страдаем от несправедливости по отношению к себе (а может быть, пережили и то и другое), в определенных условиях мы можем почувствовать себя внутренне изолированными, отрезанными от части собственного «я» и от истории.

ПРИВИЛЕГИИ, НЕРАВНЫЕ УСЛОВИЯ И ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ

Белое население в США считает, что в основном расизм уже в прошлом. С целью уравнивать стартовые возможности для всех граждан и построить более справедливое будущее власти проводили политику компенсирующих действий (affirmative action) — предоставление более широких возможностей тем группам населения, которые пострадали от дискриминации. Активно борясь за разнообразие в учебных заведениях и различных сферах занятости, люди надеялись не только предоставить большие возможности индивидуумам, но и дать всему обществу шанс переломить традиции расизма и неравенства.

Однако компенсирующие действия вызывают много споров. Некоторые считают, что это шаг, необходимый для изменения истории. Другим кажется, что компенсирующие действия — тоже дискриминация, и она не помогает бороться с неравенством, а, напротив, закрепляет его.

Однажды в США я ехала в машине и включила радио. Передавали речь Мартина Лютера Кинга, произнесенную им в 1963 году: «У меня есть мечта. Я мечтаю, что четверо моих детей когда-нибудь будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету кожи, а по личным качествам. Есть у меня сегодня такая мечта...» Когда внезапно зазвучал голос ведущего, я поняла, что перенеслась в другую реальность, и в глазах у меня стояли слезы. Ведущий сослался на речь Кинга, осуждая университет, где ради создания многонациональной и мультикультурной студенческой среды при зачислении учитывали расу абитуриентов. Но одно дело выступать против компенсирующих действий, а другое — использовать речь Кинга для доказательства того, что компенсирующие действия дискриминируют теперь уже белых людей по цвету кожи. Последнее показывало неуважение и отсутствие

сочувствия той тяжелой борьбе против угнетения, которая шла в Америке в прошлом и идет до сих пор. Это было сделано специально и является примером того, как привилегированная группа может навязывать свои представления о добре и зле за счет тех, кто продолжает страдать от неравенства.

Люди, как правило, не отдают себе отчета в своих относительных преимуществах. Тем не менее предложение задуматься об этом мгновенно вызывает защитную реакцию, как будто их в чем-то упрекают. Не осознавая своих привилегий по сравнению с другими людьми и не понимая по-настоящему, каково это — не иметь таких привилегий, они начинают злоупотреблять термином «политическая корректность». Таким образом, вопрос сводится просто к «корректности» — безликой, без эмоциональной окраски. В то же время термин «политкорректность» отражает нашу неудовлетворенность таким поверхностным отношением. Мы говорим о политкорректности потому, что нуждаемся в более глубоком диалоге с обществом по вопросам дискриминации.

Существует распространенное мнение, что в человеке нужно видеть только индивидуальность, и это очень важно. Такая позиция, основанная на добрых идеалах равенства и справедливости, вызывает в людях непонимание: мы ведь не только личности сами по себе, но еще и зависим от своих социальных ролей, обеспечивающих нам более или менее привилегированное положение по сравнению с другими. Поэтому имеет смысл учитывать не только индивидуальные качества человека, но и его положение в обществе и связанные с ним привилегии и лишения.

Обладание привилегиями ведет к непониманию: сидя в кафе большого города, вы, наверное, скорее задумаетесь о качестве обслуживания, чем о том, доволен ли питается человек, вырастивший ваш кофе. Если у вас есть возможность каждый день принимать пищу,

вы, вероятно, будете думать о том, как бы не поправиться (пусть даже на несколько фунтов), чем о голодающих во всем мире. Живя в районе или стране, где нет войны и насилия, вы скорее будете волноваться, как бы завтра утром не проспять и не опоздать на важную встречу, а не о том, как здорово иметь возможность положить голову на подушку и поспать в безопасности. Если вы белый и живете в Америке, то по дороге в магазин вечером вы не станете благодарить Бога, что вас не останавливает полицейский из-за цвета вашей кожи и не кидает на капот машины, чтобы обыскать. Если вы выросли и живете в демократическом обществе, то, возможно, не цените должным образом или даже вообще не пользуетесь правом свободно высказывать свои мысли. Если вы гетеросексуальны и держитесь на людях за руку с любимым или любимой, то, скорее всего, будете наслаждаться теплом вашего любимого человека, но не будете думать о тех, кто не может держать любимого за руку на людях из-за боязни показать свою сексуальную ориентацию.

ОБЫЧНО МЫ ЗАМЕЧАЕМ, КОГДА С НАМИ ПОСТУПАЮТ НЕСПРАВЕДЛИВО

Независимо от того, находимся ли мы в привилегированном положении, претерпеваем страдания или в нашей жизни было и то и другое, мы гораздо чаще замечаем, когда с нами поступают несправедливо, чем когда сами совершаем несправедливые поступки по отношению к другим. И это ощущение, что с тобой поступили несправедливо, укореняет нас во мнении, что правда и добродетель на нашей стороне. Чтобы проследить, как это происходит, не нужно далеко ходить — вспомните разговоры на своей кухне.

И на войну мы тоже идем с ощущением, что справедливость на нашей стороне. Ужасы 11 сентября 2001 года

заставили многих людей в США свято уверовать в свою правоту. Для многих невыносимы были любые вопросы о том, должна ли Америка отвечать на атаки, или о том, почему так много людей во всем мире недовольны США из-за их действий в ходе новой «войны с терроризмом». Из «уважения к жертвам» любое несогласие с действиями США легко подавлялось, особенно пока шок от террористических ударов и возмущение были свежи. В высшей степени насыщенная эмоциями атмосфера была удобна правительству США: призывы к справедливости были использованы для того, чтобы свести к минимуму обсуждение и критику действий Америки.

СМЕНА РОЛЕЙ

Чем меньше у нас привилегий в какой-то определенной области, тем больше мы думаем об этих привилегиях. Если вы плохо говорите по-английски и попадаете в англоязычную компанию, вам будет бросаться в глаза то, что люди с хорошим знанием английского и носители языка вообще не думают о тех, для кого общение может быть затруднено незнанием языка. Белые менее озабочены вопросами расизма, чем люди с другим цветом кожи. Геев, лесбиянок и бисексуалов больше волнует ущемление прав сексуальных меньшинств.

Тот, кто сам пострадал от дискриминации и понимает, что значит терпеть несправедливость или обладать привилегиями, способен понять подавляемые группы и меньшинства и посвятить себя борьбе с угнетением в целом, выходящим за рамки личного опыта. Однако бывает и так, что роли меняются и те, кто прежде был угнетенным, сами становятся угнетателями. Подавленный в глубине личности тиран выступает на поверхность. Хорошо известно, что жестокие люди обычно имеют опыт жестокого обращения с собой в прошлом. Они невольно начинают действовать по той же самой схеме, что

и их супостаты, но на этот раз в качестве исполнителя, воспроизводя «усвоенную» жестокость. (Разумеется, это не означает, что все, с кем когда-либо обращались жестоко, сами становятся мучителями.) И если в одной ситуации нас подавляли, и в определенной области у нас было мало привилегий, то в другой привилегий может быть больше и здесь мы можем быть так же безразличны к другим, как и все остальные.

ГРАНИ ПРИВИЛЕГИЙ: СЕКСИЗМ И РАСКОЛ НА ВОСТОК И ЗАПАД

Однажды в Словакии мы работали с большой международной группой над вопросами гендерных различий и сексизма. Это было через несколько лет после падения коммунизма в Восточной Европе. В какой-то момент мы решили разделиться на две подгруппы — мужчин и женщин, — чтобы раздельно обсудить гендерные проблемы. В группе женщин развилась дискуссия между представительницами Востока и Запада. Стало очевидно, что женщины Западной Европы и США — из самых лучших побуждений — пытаются навязать свой опыт женщинам Польши, Словакии, Чехии, Румынии, Болгарии и России, полагая, что у них было меньше возможностей понять и развить феминистское движение. С энтузиазмом и наилучшими намерениями, пытаясь поделиться своими идеями и опытом, эти женщины невольно стали поучать «восточных» женщин, в то время как последние все больше этому сопротивлялись. Женщины из бывших социалистических стран почувствовали себя непонятыми и униженными. Их никто не спросил об их опыте — личном, политическом, культурном. Одна из представительниц Западной Европы начала объяснять, что такое сексизм и социальная несправедливость на примере неравной с мужчинами платы за равный труд. Но хотя в бывших социалистических

странах, конечно, серьезно стоит вопрос сексизма, проблемы неравной оплаты труда никогда не существовало. И тем не менее корень противоречий лежал даже не в этой разнице в системе координат — отсутствовало понимание своей роли в области подавления и области привилегий. Когда вы хорошо разбираетесь в предмете, чувствуете, что справедливость на вашей стороне, и боретесь за нее с угнетателями, вы в то же время можете не обращать внимания на свое поведение в областях, где у вас есть привилегии. Западные женщины, чувствуя себя угнетенными в вопросе гендерных ролей, не заметили, как сами стали «угнетателями» и как их стиль общения и уверенность в своей правоте, в свою очередь, подавляли женщин из Центральной и Восточной Европы и России.

УГНЕТАТЕЛИ И/ИЛИ УГНЕТЕННЫЕ: ДВИЖЕНИЕ СИОНИСТОВ И ПАЛЕСТИНА

Движение сионистов возникло в конце XIX века как реакция на антисемитизм и еврейские погромы в России и Европе (1). Евреи искали убежища и надеялись создать новый дом на палестинской земле, спасаясь от опасностей и жизни в гетто, куда их загоняли, где с ними жестоко обращались и где их убивали. Вторая волна иммиграции (1904—1914) тоже состояла из беженцев, спасающихся от преследований. В эти периоды десятки тысяч евреев из Восточной Европы иммигрировали в Палестину (2). Для многих из них было очевидно, что они не смогут ассимилироваться в Европе — позже это подтвердил холокост, явившийся кульминацией европейского антисемитизма, когда было убито 6 миллионов евреев.

После Первой мировой войны, когда Лига Наций распределяла территории бывших немецких и турецких колоний между странами «Антанты», мандат на Палестину достался Британии. Раздаваемые земли

не были ни колониями, ни независимыми государствами. В 1917 году Британская Бальфурская декларация дала возможность создать еврейское национальное поселение в Палестине и легитимизировала британское присутствие в этой местности для защиты еврейского самоопределения (3). В 1937 году Комиссия Пила рекомендовала разделить Палестину на два государства: еврейское и арабское. Арабы не поддержали эту идею (4). Позже система мандатов была заменена системой опекунов ООН. Учитывая события холокоста 1947 года, ООН предложила план по разделению Палестины и подготовке к созданию еврейского государства. Этот план был принят Израилем, но отклонен палестинцами и арабскими странами.

В 1948 году разразилась война. С точки зрения палестинцев, их арабских соседей и союзников, создание еврейского государства было вторжением на их территорию, и они защищались от этого вторжения. С точки зрения нового государства Израиль, палестинцы и арабские страны начали против них жестокую войну, отказываясь признать их право на существование.

Можно себе представить, сколько боли и потерь пережили евреи, ехавшие в Палестину и новое государство Израиль — члены сионистского движения и выжившие после холокоста, — сколько надежд они с собой везли. Имея за плечами историю угнетения и несправедливости по отношению к своему народу, в Израиле евреи снова столкнулись с необходимостью выживать. Их долго подавляли, поэтому им было сложно понять, как их воспринимали палестинцы и как они оказались в роли угнетателей по отношению к народу, который долгое время до них жил на этой территории. Генетическая память, общие чувства и исторический опыт заставили большинство израильских евреев постоянно ощущать угрозу своему выживанию, не замечая страданий палестинского народа. Во время войны 1948 года от 520 до 900 тысяч

палестинцев бежали или были изгнаны со своих земель (5) и с момента создания Израиля стали беженцами или жили в оккупации.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ

В ситуациях, когда все стороны переживают боль угнетения или в истории каждой из них, были периоды, когда они терпели несправедливость — как в израильско-палестинском конфликте или в ситуации с бывшей Югославией, — все чувствуют себя жертвами и ориентируются на тех, кто поддержит их интерпретацию событий.

Во время конфликта, независимо от того, правы мы или нет, мы почти всегда в деталях помним, как обидели нас, но плохо помним или совсем не помним, как сами обидели другого. И хотя это ни в коем случае не означает, что у сторон в конфликте всегда равные силы и одинаково веские оправдания, вооруженные конфликты развиваются и воспроизводятся именно по этой схеме. Мы всегда считаем себя правыми и обиженными и ссылаемся на определенные события или периоды в истории, подтверждающие нашу точку зрения. Эта психологическая схема всем знакома, и она используется для разжигания войны. Большинство из нас уверено, что не может повлиять на развитие событий. Будучи не в состоянии посмотреть на историю шире, увидеть события и себя самих со стороны, мы принимаем эту схему и позицию одной из сторон.

ИСКУПЛЕНИЕ

В истории часто бывает так: когда группа или нация переживает поражение и унижение, общество пронизывает ощущение безысходности. Общая история объединяет людей вокруг происшедшей трагедии и таким образом помогает им взрастить семена избавления. Низкий миф

порождает высокий миф. Нас больше не посмеют угнетать. Нас больше не победят. Мы будем свободны. Мы покажем всему миру, кто мы такие. А если не удастся — мы будем мстить. Истории потерь переплетаются с историями героизма и тянутся сквозь столетия, подстегивая мечту о справедливости и исправлении истории. Желание восстановить утраченное положение глубоко затрагивает чувство собственного достоинства и легко перерастает в желание отомстить.

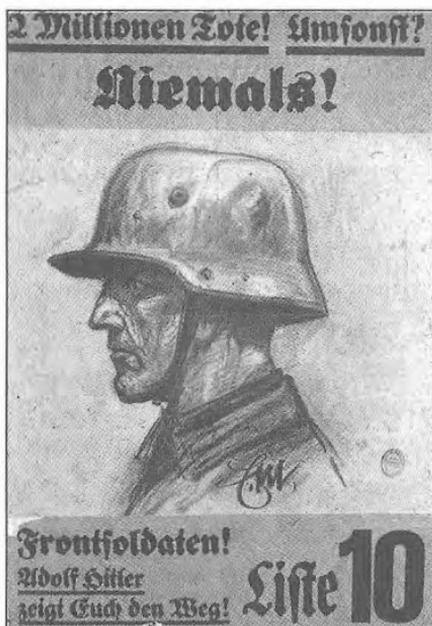

Рис. 2.1. Немецкий предвыборный постер, 1928 г.: «Два миллиона убитых. Неужели они умерли зря? Ни за что! Солдаты! Адольф Гитлер покажет вам путь!» Речь идет о том, что Гитлер вернет Германии прежнее могущество после поражения в Первой мировой войне

Рис. 2.2. Воскресный выпуск газеты «Нью-Йорк таймс» после заключения Версальского договора, 29 июня 1919 г. Издание объявляет о том, что Германия заплатит военный долг и таким образом «решит важнейшую проблему Европы». Сегодня, оглядываясь назад, мы понимаем, что долги, которые были навязаны Германии в результате Первой мировой войны, привели Гитлера к власти

В конце 1980-х и начале 1990-х сербские националисты воспользовались низким мифом и героическими историями, связанными с поражением в Косове в 1389 году, чтобы 600 лет спустя создать новую мифологию о Великой Сербии. Немцы, униженные поражением в Первой мировой войне, находились в состоянии низкого мифа, которое при нацистах в 1930-х с легкостью перешло в высокий миф. Память о геноциде евреев в Европе и пережитых ужасах превратилась в высокий миф надежды на новый безопасный дом в государстве Израиль, борьба палестинского народа с оккупацией породила высокий миф освобождения.

Мечты об искуплении побеждают время. Они помогают нам переживать долгие страдания, продолжать борьбу, поддерживать надежду и чувствовать себя участником долгого процесса социальных перемен, который гораздо значительнее нашего пребывания на земле. Религиозные, политические и философские идеи подпитывают мечту о вечной справедливости и спасении от тирании.

Стремясь к этой высшей справедливости, мы абсолютно добродетельны. Наша борьба за восстановление статус-кво может касаться жизни в настоящем или будущем, может вестись ради себя или ради сообщества. Мечта об избавлении используется и для того, чтобы заставить людей замолчать. Обещания восстановить статус-кво в раю часто давались людям для того, чтобы они приняли мучительные условия своего существования. Социальное действие, таким образом, заменялось установленной религией. Миссионеры часто помогали колонизаторам усмирять местное население, чтобы оно не выступало против оккупации своих земель.

Случалось и обратное: обещание восстановить статус-кво в загробной жизни использовалось для стимулирования политической и социальной активности. Пример тому в наше время — террористы-смертники, жаждущие умереть ради обещанного искупления. Идея

праведности и чувство причастности к Божественной справедливости тоже могут быть использованы для того, чтобы в зародыше подавить сомнение в справедливости насилия над другими. Ведь всему миру заявляют, что это насилие — будь то терроризм или бомбардировки — мотивировано чистым порывом души.

ВИТКИ НАСИЛИЯ: ФАКТЫ

До тех пор пока никто не несет ответственности за проявления несправедливости в прошлом и настоящем, истории о них используются одной или обеими сторонами конфликта для раскручивания новых витков насилия, например сведения счетов. (Вопросы мести более подробно рассмотрены в главе 17.) Такое развитие конфликта иногда кажется чем-то само собой разумеющимся. Сведение счетов — один из главных стимулов мести.

Братоубийства

Однажды, когда мне было двадцать с небольшим, я провела прекрасную неделю на крошечном островке недалеко от Крита. Зимой там жило совсем немного людей, а летом — несколько сотен. Одна молодая жительница острова стала рассказывать мне про конфликты между поколениями. По ее словам, эти события послужили основой для книги Казантсакиса «Братоубийства». Женщина в мельчайших деталях описывала, как сначала убивали члена одной семьи или «лагеря», и представители этого лагеря «должны» были убить кого-то из клана убийц. «Это не срочно, — рассказывала она. — Не обязательно делать это сразу. Может пройти много лет и даже жизнь поколения, но в конце концов это должно случиться. И тогда наступит очередь другого лагеря мстить». То, что она описывала, — это в высшей степени ритуализированные циклы мести.

Жизнь в бандах

Когда мы работали с молодыми людьми из лос-анджелесских банд, десятилетний мальчик рассказывал нам о любви и заботе по отношению к нему старших членов банды, о своей преданности ей, а потом рассказывал об убийствах. Он сказал, что состоит в банде не для того, чтобы убивать, а ради любви и чувства команды. А убийства — это просто необходимая сторона жизни банды. Это дело, которое ты должен делать. Если кто-то причинил вред члену твоей банды, «ты просто должен об этом позаботиться».

Израиль

Сейчас, когда я пишу эти строки, напряжение в Израиле достигло высочайшей отметки за многие годы. Евреи все больше и больше говорят о палестинцах как об убийцах, а палестинцы то же самое — о евреях. Обе стороны все больше попустительствуют насилию и оправдывают его как единственный способ остановить «этих убийц». В атмосфере насилия начинают звучать деловые нотки, а поддержка позиций, которые раньше сочли бы экстремистскими, теперь становится привычным делом (6). И хотя каждый в состоянии увидеть, что логика мести безумна и конфликт неизбежно усугубляется, все оказались заложниками этой ситуации.

Сведение счетов в поисках справедливости — общая черта вооруженных конфликтов во всем мире, и везде используется одна и та же схема, знакомая большинству из нас по домашним конфликтам. Один из способов остановить раскручивание этого процесса противостояния — в обществе или на международной арене — это разобраться в своих «счетах».

Глава 3. Трибуналы, Комиссии правды, процессы люстрации и общественные форумы

ОСТАНОВИТЬ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОВ: ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Привлечение к ответственности жизненно необходимо для того, чтобы появилась возможность примирить конфликтующие стороны и предотвратить новые циклы насилия. Это положение сейчас общепринято в международном праве и все чаще обсуждается на высшем уровне наряду с другими социально-политическими проблемами.

Ответственность может подразумевать многое: общественное признание факта, что те или иные события имели место; суды в Международных трибуналах над ответственными за преступления против человечества; денежные компенсации. В Комиссиях правды люди рассказывают и слушают, что происходило во время войны, — и это тоже имеет отношение к ответственности и отчетности. Отчетность — это восполнение информации о пропавших людях, нахождение останков убитых и возвращение их родным для захоронения. Ответственность требует понимания случившегося на уровне ощущений и реакции на него, осознания своего личного и коллективного участия в событиях. Ответственность означает также, что мы должны уметь справиться с тяжелыми воспоминаниями и вернуться в общество, чтобы строить будущее.

В конце концов, ответственность предполагает рефлексии отдельных людей, обществ, народов или

всего международного сообщества и понимание того, что все мы являемся активными участниками мирового процесса.

Трибуналы и Международный суд

Улаживать конфликты и предотвращать их возникновение призваны Международные трибуналы, созданные для рассмотрения преступлений против человечества, начиная со случаев геноцида в бывшей Югославии и Руанде, а также Международный уголовный, или всемирный, суд (International Criminal Court, ICC). Весной 1993 года Совет Безопасности ООН создал Международный трибунал для суда над людьми, ответственными за грубые нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. Это был важный шаг для восстановления мира.

Вскоре после этого, в 1994 году, разразился геноцид в Руанде. Встал вопрос: включить ли дело о Руанде в сферу компетенции уже существующего трибунала по бывшей Югославии или создать отдельный трибунал? В итоге был создан отдельный трибунал по Руанде, связанный с первым трибуналом с целью совместной интерпретации событий и сотрудничества в разработке норм международного права по военным преступлениям и преступлениям против человечества. Это были первые суды такого рода со времен судов над военными преступниками в Нюрнберге и Токио после Второй мировой войны.

Впервые Генеральная Ассамблея ООН признала необходимость судить виновников массовых убийств и военных преступников в 1948 году, после процессов в Нюрнберге и Токио. С тех пор подписано много договоров, указов и конвенций, но не выработан действующий механизм проведения этих норм в жизнь путем привлечения к уголовной ответственности отдельных преступников.

Трибуналы отличаются от Всемирного суда географической юрисдикцией и продолжительностью действия. Трибуналы создаются *ad hoc*, на время, и имеют дело с конкретными регионами в конкретный период времени. А Международный уголовный суд (Всемирный суд), который начал работать 1 июля 2002 года, — постоянно действующая инстанция (1).

НАЗНАЧЕНИЕ ТРИБУНАЛОВ

Цель учреждения трибуналов — хотя бы частично решить проблему ответственности и поставить точку в развитии конфликта. Миссия трибунала по бывшей Югославии — восстановить мир с помощью судебных процессов над теми, кто совершал военные преступления, преступления против человечества и геноцид, и наказать этих людей. Они понесут индивидуальную ответственность за совершенные ими преступления, таким образом эта ответственность снимается с целых групп — национальных, этнических или религиозных, а также уменьшается вероятность мести в поисках справедливости. Когда люди выслушивают рассказы жертв на общественных форумах, это тоже способствует уменьшению страданий и помогает восстановить и примирить общество. Устанавливая правду, на основании которой может сплотиться общество, Международный трибунал стремится предотвратить исторический ревизионизм (2). Так, срочное создание Международного трибунала по Руанде было необходимо для того, чтобы покончить с годами существовавшей безнаказанностью, коллективным чувством вины, показать реальность справедливого решения, необходимого для улаживания противоречий, а также препятствовать полевому правосудию, ускорить возвращение беженцев и предотвратить новые всплески жестокости в Руанде и Бурунди (3).

РАМКИ

В то же время возможности трибуналов не безграничны. Эту ограниченность отметил и президент Международного трибунала по бывшей Югославии (4), говоря, что трибунал не в состоянии вести процессы по делам всех, кто серьезно нарушал гуманитарное право в течение более пяти лет конфликта. Трибунал не может выслушать десятки тысяч жертв, а его компетенция распространяется только на рассмотрение дел, предусматривающих уголовную ответственность нарушителей. Исторические, политические, социологические и экономические аспекты их действий остаются за кадром. Поэтому, по словам президента трибунала, эта работа должна быть дополнена работой национальных судов и различными инициативами гражданского общества, такими как создание Комиссий правды и примирения. (Ниже мы рассмотрим вопросы взаимодействия трибуналов с Комиссиями правды и примирения, поговорим о том, где их интересы могут пересекаться, а где дополнять друг друга, а также о роли общественных форумов с участием населения.)

Ограниченность возможностей трибунала или судов очевидна не только в бывшей Югославии, но и в Руанде. Официальные лица в новом правительстве Руанды заявляли, что число потенциальных ответчиков за геноцид и военные преступления — 20—30 тысяч человек. Всех этих людей можно разделить на три категории. Ядро из 100—300 человек, спланировавших и организовавших геноцид. Вторая категория — местные лидеры, их 1000—3000 человек. Они не входили в число организаторов, но могли сами заказывать убийства на местах. Среди них были муниципальные чиновники и сотрудники административных органов. И третья категория — это все, кто совершал убийства. Некоторые из них сами были жертвами: их заставляли убивать под угрозой смерти. Число этих убийц-жертв превышает 20—30 тысяч (5).

Ожидается, что Международный трибунал проведет суд над частью людей из первой категории, а десятки тысяч остальных случаев будут рассматривать правительство, обычные суды и общество.

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ И ДОМИНИРОВАНИЕ

Трибуналы и Всемирный суд должны дополнять национальные суды, Комиссии правды и примирения и другие форумы и средства для решения вопросов справедливости и восстановления мира в обществе. Сейчас международное понимание прав человека становится все более четким. Оно подразумевает поддержку автономии национальных судов и уважение к развитию местных общественных организаций.

Международный уголовный суд в соответствии с мировыми системами правосудия определяет общие стандарты прав человека и защиты от военных преступлений и преступлений против человечества. Предполагается, что власти предрасположенные не смогут избежать наказания за нарушения прав человека в отношении граждан своей страны или других стран, потому что находятся под контролем их собственной полиции, военных и национальных судов.

США делают попытки препятствовать развитию Международного уголовного суда, поскольку не хотят, чтобы их граждане были ему подотчетны. В декабре 2000 года Соединенные Штаты подписали договор о создании этого суда. Но 6 мая 2002 года администрация Буша в обращении к международному сообществу и письме Генеральному секретарю ООН Кофи Аннани заявила, что Америка не признает подпись, поставленную в период президентства Клинтона, и не желает участвовать в соглашении. Теперь в документах ООН подпись США отмечена звездочкой, чтобы обозначить это обстоятельство (6).

Соединенные Штаты все чаще критикуют за то, что они говорят о правах человека и гуманистических намерениях и в то же время злоупотребляют своей властью, нарушая международное право. Можно долго перечислять случаи нарушений прав человека, совершенных США с «гуманистическими намерениями» в Никарагуа, Гватемале, Сальвадоре, Гондурасе, Восточном Тиморе, Вьетнаме, Аргентине и так далее. Пользуясь своей силой, Америка остается безнаказанной, систематически игнорируя международные соглашения и держась вне рамок международного права.

Отказ Соединенных Штатов отвечать перед международным сообществом отражает общечеловеческую тенденцию: мы склонны использовать возможность доминирования, наивно полагая, что сами справедливы и беспристрастны. Вопросы ответственности и прав человека, лежащие в основе систем правосудия, должны рассматриваться не только в судах, но и в обществе. Развитие международной системы правосудия зависит от того, сможем ли мы обсудить проблему ответственности на всех общественных уровнях — межличностном, внутри организаций, сообществ и объединений, а также поразмышлять над сложными вопросами, касающимися нашей личной ответственности. До тех пор пока в США не возникнет мощного движения за многостороннее расследование исторических событий в стране и в мире, это государство, вероятно, будет продолжать держаться особняком как единственная супердержава.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СУДЫ

Следует отметить, что трибуналы и Всемирный суд, неизбежно вмешиваются в область компетенции национальных систем правосудия, но их задача — поддерживать национальные инициативы, а не заменять их. Деятельность Международных трибуналов предотвращает

возможность принуждения и запугивания истцов и судей на местах, что должно поддержать национальные системы правосудия, а не ослабить их (7). Международные трибуналы и Всемирный суд не имеют намерения вмешиваться в процессы демократизации на местах. Озабоченность тем, что международные судебные процессы могут вытеснить национальные системы правосудия, просто маскирует попытки защитить военных преступников. В бывшей Югославии систематически пытались защитить военных преступников — сербов и боснийских сербов. В Хорватии же правительство и самые разные слои населения сопротивлялись суду над военными преступниками-хорватами, полагая, что они не преступники, а защитники.

РЕАКЦИОННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ

Один человек сказал мне, что «вспышки насилия в Хорватии и сопротивление суду над военными преступниками, искусственно разжигали бывшие военачальники и политики — им было что терять» (8). Задача Международных трибуналов — ослабить коллективное чувство вины и разорвать порочный круг мести, осудив военных преступников, а не тех, кто невольно был вовлечен в водоворот террора. Но значительная часть населения Хорватии полагала, что если военачальники будут признаны преступниками, то вина ляжет и на солдат, они почувствуют себя соучастниками преступления, а не защитниками родины, которые рисковали своей жизнью с момента нападения на страну в 1991 году и до ее освобождения в 1995-м. То же и в Сербии: когда военных преступников отправили в Гаагу, население горячо их поддерживало.

Если мы хотим разобраться в вопросе ответственности общества и повести страну к восстановлению устойчивого мира, не следует рассматривать такие взгляды

только как реакционные и экстремистские, но стоит принять их как логичную и оправданную позицию некоторых граждан государства. Если эта точка зрения будет игнорироваться в общественном диалоге, ее можно будет использовать для раздувания конфликта и блокирования процесса примирения. Устойчивое развитие предполагает, что в общественный диалог включены все точки зрения. Если «экстремистские» позиции приравниваются к преступлению, они будут преследовать нас и заявят о себе через насилие.

Эффективная международная система правосудия должна развиваться вместе с национальными судами, Комиссиями правды и примирения и другими формами обсуждения проблем ответственности в обществе. В постконфликтных областях нетерпимость к нарушениям прав человека и к безнаказанности тех, кто был у власти, необходимо уравновешивать подробным общественным обсуждением вопросов ответственности. К такому обсуждению должны быть допущены люди с самыми разными точками зрения и опытом, включая носителей крайних взглядов.

КОМИССИИ ПРАВДЫ И ПРИМИРЕНИЯ

Правительства, международные и неправительственные организации учреждают и наделяют властью Комиссии правды для того, чтобы они расследовали и обнародовали случаи нарушения прав человека в конкретный период времени или в ходе конкретного конфликта. Эти комиссии предоставляют возможность жертвам, их родственникам и самим правонарушителям лично на официальном уровне рассказать об имевших место нарушениях прав человека. Их цель — вскрыть случаи злоупотребления властью, положить им конец и способствовать примирению в обществе. Комиссии правды существовали во многих странах (9).

Южная Африка: правда и примирение

Наиболее известна Комиссия правды и примирения в Южной Африке. Она была создана с целью помочь нации исцелиться. Предполагалось, что каждый так или иначе стал жертвой деспотического и расистского режима и очень многие получили психологическую травму в период апартеида. Чтобы появилась хотя бы какая-то возможность расстаться с прошлым, необходимо было во всеуслышание рассказать обо всем, что происходило. Это был серьезный эксперимент, который с наилучшими намерениями и энтузиазмом поддерживали многие люди, слои населения и большая часть общества. Успех Комиссии правды и примирения в Южной Африке заключался в сотрудничестве с самыми разными частями общества, внимании к мнению граждан по поводу того, как следует организовать работу комиссии, и в искреннем желании улучшить положение дел в стране. Используя Комиссию правды и примирения в Южной Африке как пример для создания подобных комиссий в других местах, важно не просто скопировать ее структуру, но перенять дух тесного взаимодействия с обществом.

Важная черта трибуналов в Южной Африке заключалась в том, что люди, чьи преступления были политически мотивированы и совпадали либо с курсом государства, либо с идеологией освободительного движения, были помилованы. Благодаря этому удалось добиться выяснения всех деталей произошедшего. Люди не боялись говорить и предоставлять недостающую информацию, необходимую обществу для воссоздания максимально полной картины того, насколько серьезно нарушались права человека.

Сотни людей приходили на заседания, чтобы выслушать свидетельские показания. Некоторые слушания показывали по телевизору. Сначала выслушивали жертв. Потом были слушания по делам помилования:

правонарушители просили о помиловании и подробно рассказывали обо всем, что произошло. Всеобщего помилования не было. Вопрос о помиловании в каждом конкретном случае решала специальная комиссия на публичных слушаниях (10).

ВОПРОС О ПОМИЛОВАНИИ И РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛ В СУДАХ

Смысл помилования заключается в том, чтобы люди не боялись открыто рассказать обо всем, что с ними случилось. При этом общество надеется получить как можно более полную картину происшедшего. Когда правонарушители на публичном форуме признаются в содеянном, для жертв это может иметь большое значение: видеть, как принесший тебе зло человек признается в своей неправоте, может быть равно душевному исцелению. Тем, у кого без вести пропали близкие люди, это помогает хотя бы узнать, что случилось. Такое знание насущно необходимо. Однажды во время признательного показания мужчина рассказывал, как жестоко избивал заключенного. Чем дольше он отвечал на вопросы о деталях совершенного им преступления, тем тише становился его голос, пока наконец не начал срываться. Над переполненным помещением повисла тишина, а потом кто-то крикнул: «Мы простим тебя!», и зал разразился аплодисментами (11).

Детальные показания давали по каждому случаю как правонарушители, так и жертвы. В Южной Африке прошло много тысяч слушаний. Рассказывать и слушать эти истории было тяжело и страшно. Фотограф и писатель Джулиан Эдельстайн рассказывала мне, что, хотя она и встречалась с циничным отношением к процессу, почти все, кто принимал в нем непосредственное участие (давал показания или присутствовал на слушаниях), считали его важным и наполненным смысла. Ветеран

Рис. 3.1. Слушая решение о помиловании, Южная Африка (фото Джулиан Эдельштейн)

Рис. 3.2. Эксгумация в местечке Бошоек около Рустенбурга, Южная Африка, март 1998 г. (фото Джулиан Эдельштейн)

Службы медицинских сестер (ANC, Army Nurse Corps) по имени Синголаван Малгас давал показания и поначалу не хотел говорить о том, как с ним обращались в тюрьме Роббен-Айленд. Когда он наконец в деталях рассказал о пытках и о том, почему он теперь в инвалидной коляске, то начал плакать. Председатель слушаний Десмонд Туту был так взволнован этой историей, что тоже заплакал (12).

Некоторые Комиссии правды и примирения основаны на идее помилования для тех, кто дает показания, другие работают в контакте с национальными и Международными уголовными судами и передают им собранную информацию для завершения дел. Некоторые считают Комиссии правды дополнением уголовных систем

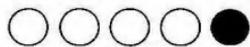

правосудия. Другие полагают, что у Комиссий правды и уголовных систем правосудия конфликтующие интересы.

Помилование иногда считается принципиальной и необходимой чертой Комиссий правды и примирения, потому что оно помогает полностью восстановить картину событий. Уголовное же судопроизводство может помешать этой основной цели. Вместе с тем принципиальная задача национальных и Международных судов и трибуналов — бороться с безнаказанностью тех, кто несет ответственность за военные преступления и жестокости. Помилование противоречит этой цели.

Некоторые считают, что наказание есть средство устрашения, а помилование, безнаказанность позволяют людям в будущем совершать преступления и нарушать права человека. Есть и противоположное мнение: помилование способствует уменьшению агрессии. Страна,

Рис. 3.3. Архиепископ Десмонд Туту (фото Джулиан Эдельстайн)

сумевшая забыть прошлое и прийти к примирению, способна предотвратить вспышки насилия в будущем.

Одна из причин, по которым судят военных преступников, такова: когда главные действующие лица выявлены и осуждены, общество может свободно начать процесс самоанализа и рефлексии. Благодаря тому что основные правонарушители получают уголовное наказание, все остальные члены общества могут заняться сложными вопросами ответственности и проблемами восстановления, не боясь быть осужденными за свои действия. Согласно противоположной точке зрения, общество не сможет решить вопрос об ответственности, если люди боятся, что их будут воспринимать как преступников. Точно так же, если люди переложат всю ответственность на тех, кого уже осудили, вопрос об ответственности тоже не будет решен.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ И УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Десмонд Туту говорил, что система «восстановительного правосудия» в Южной Африке отражает основополагающий принцип африканской культуры «Убунту», который провозглашает налаживание и развитие общественных отношений в противовес мести. Задачей Комиссий правды и примирения было исцелить общество. Но этот процесс не мог начаться, пока люди не признали, что произошло. Как сказал Туту, «нельзя простить то, о чем не знаешь» (13). За теми, кто давал показания (как жертвами, так и правонарушителями), во время слушаний ухаживали профессиональные «утешители». Они поддерживали и успокаивали тех, кому было тяжело рассказывать или выслушивать истории, приносили воду и вытирали слезы. Пумла Ндулула работала утешителем в Йоханнесбурге и Претории. Когда ее спросили о людях, с которыми она работала, она ответила, что «ухаживала»

за полковником Де Коком — офицером безопасности во Влакплаасе, известным как «Главный Злодей» (14).

Восстановительное правосудие не похоже на уголовное, поскольку сосредоточено на поиске правды и возможности примирения. Но его критики зашли так далеко, что заявляют: «Демократия, в которой существует практика помилования, — это “культура безнаказанности”» (15).

МЕСТЬ И ПРОЩЕНИЕ

Общественные форумы, анализирующие политические и социальные конфликты, свидетельствуют: если никто не несет ответственности за несправедливость, то будут усиливаться взаимные обвинения, подогреваемые последующими проявлениями мести и расплаты. Призывы простить, не разобравшись серьезно в проблеме ответственности, тоже могут обострить и углубить конфликт.

ДВА ПУТИ: ПОКОНЧИТЬ С БЕЗНАКАЗАННОСТЬЮ И РАССКАЗАТЬ ПРАВДУ

Это две модели разрешения конфликтов, одна из которых реализуется трибуналами с их стремлением покончить с безнаказанностью, вторая — Комиссиями правды и примирения с их ориентацией на правду.

Призывая покончить с безнаказанностью, человек встает на твердую позицию защиты общечеловеческих ценностей. Мы устанавливаем границы и говорим — от имени международного сообщества, — что не потерпим нарушений прав человека, которые совершались и покрывались государственной властью. Наша цель — покончить с тиранией. Когда в обществе есть это стремление, ему легче разобраться в вопросе ответственности и начать процесс восстановления мира и построения демократии. Когда член общества требует привлечения

виновных к ответственности или берет ответственность на себя, он в некотором смысле еще и выполняет роль руководителя. Он как будто говорит: «Давайте прямо сейчас изменим ход истории». Покончить с безнаказанностью — значит для общества и индивидов занять твердую позицию против пересмотра истории.

Ориентация на правду объясняется желанием подтолкнуть общество к самоанализу, чтобы оно рассказало и выслушало свою общую историю и личные истории, чтобы каждый — и правонарушители, и жертвы — почувствовал себя частью целого. Признание того, что те или иные события имели место, создает некую общую для правонарушителей и жертв версию истории, какой бы ужасной она ни была. Оно также имеет целью предотвратить пересмотр истории и вред, который это в будущем может причинить отдельным людям, объединениям и обществам. Предполагается, что должно быть услышано множество голосов и рассказано множество правд: люди вспоминают, взвешивают, что-то признают, делают выводы и движутся дальше.

Обе модели помогают обществу разобраться в вопросах ответственности. Борьба с безнаказанностью может означать нечто большее, чем просто уголовную ответственность. Она помогает понять проблему ответственности более глобально. Нельзя просто использовать свои привилегии и заявлять, что ты тут ни при чем. Вместе с тем ориентация на выявление правды может подчеркнуть глобальную важность открытости и понимания того, насколько наша личная жизнь зависит от исторических событий и какое влияние каждый из нас может оказать на будущее.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РЯДОВЫХ ГРАЖДАН

Отдать решение вопросов справедливости и ответственности правовой и политической системам общества или

конкретной зоны конфликта было бы недостаточно. Для построения демократии и развития гражданского общества, заинтересованного в самоанализе, самоопределении и устойчивости очень важно участие рядовых граждан в обсуждении вопросов ответственности

В постконфликтных ситуациях необходимо, чтобы кроме работы трибуналов и Комиссий правды проводилась и другая общественная работа, чтобы люди в разных секторах общества собирались на общественные форумы и работали над вопросами ответственности, примирения и построения общества (16). Для людей важна возможность рассказать свою историю и поделиться эмоциями, чтобы найти некое общее ощущение прошлого и будущего. Нужно обновить наше понимание демократии, чтобы вопросы об ответственности решались активно и тщательно на всех общественных уровнях. Как сказал председатель Международного трибунала по бывшей Югославии, необходимо «восстановить структуру общества, элемент за элементом» (17). В условиях длительного конфликта необходимо наряду с переговорами на политическом уровне уделять больше внимания тому, чтобы в обществе активно обсуждались основные вопросы мирных переговоров и были услышаны даже крайние точки зрения, представляющие угрозу для этих переговоров. Во всем мире в организациях, общинах и сообществах существует потребность обмена мнениями по вопросам истории, подавления и ответственности. Это необходимо для построения многостороннего и инклюзивного общества.

И в трибуналах, и в Комиссиях правды и примирения придают большое значение тому, чтобы жертвы и правонарушители давали показания публично. Показания часто бывают очень эмоциональными и личными, и считается, что давать и выслушивать их полезно как для отдельных людей, так и для общества в целом. Но в рамках трибуналов и Комиссий правды трудно наладить

активное взаимодействие между людьми, в то время как хорошо организованные общественные форумы могут обеспечить очень тесное взаимодействие (18). Здесь есть возможность обсудить разные версии «правды», разные точки зрения и случаи сильных эмоциональных потрясений. Активное общение между людьми крайне важно для того, чтобы произошел перелом и открылась возможность исчерпать вопросы ответственности.

Организаторы форумов помогают поддерживать взаимодействие в моменты, когда оно нарушается, затормаживается или когда возникает опасность конфликта. Такие моменты называются «горячими точками» (это термин из процессуально-ориентированной психологии Минделла, о нем пойдет речь в главе 25). Горячие точки могут возникнуть при обсуждении вопросов ответственности, когда еще велико возмущение по поводу несправедливости и не зажили рубцы от психологической травмы (19). Мы обычно стремимся не затрагивать наиболее сложные темы, касающиеся горячих точек, не одобрять и не обвинять людей с экстремальными взглядами или упорядочивать наше общение, делая его похожим на ритуал.

Но когда удается пережить этот момент конфликта, когда люди получают возможность высказать свою точку зрения, им становится интересно послушать точку зрения «оппонента», они оказываются в состоянии выслушать и его историю. Эмоциональное взаимодействие, совместное преодоление трудностей и способность людей открыто рассказать свою историю другим, услышать их и прочувствовать общую трагедию может породить искреннее желание объединиться и двигаться вперед.

Когда люди в состоянии подробно обсуждать разные точки зрения, когда они эмоционально реагируют на слова других, происходит настоящее взаимодействие, меняется не только их отношение к конкретным

вопросам, но и их чувства друг к другу и их общей истории. Когда появляются какие-то отношения, люди начинают заботиться об устойчивости общества и готовы поверить, что оно достижимо. Группы преобразуются: люди начинают воспринимать не только свою точку зрения, но и точку зрения ближнего, чувствуют себя частью целого и осознают созидательный потенциал общения.

РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НЕ ВВЯЗЫВАЯСЬ В НОВУЮ ВОЙНУ

На наших форумах в Хорватии вопросы об ответственности были основными. Люди проводили различие между уголовной ответственностью и личной ответственностью человека как представителя национальной или этнической группы, представителя человеческой расы перед обществом.

Тема ответственности сербов, хорватов и мусульман замалчивалась в обществе. Когда на наших форумах дискуссия затрагивала тему ответственности, участникам становилось страшно: вдруг разговор о такой сложной проблеме, о таком серьезном и болезненном вопросе снова спровоцирует вооруженный конфликт?

Некоторые считали, что решение вопроса об ответственности должно быть прерогативой трибуналов. Они не хотели участвовать в обсуждении вопросов о личной и коллективной ответственности в обществе, так как боялись обострения обстановки. Кто-то говорил, что вопрос об ответственности — это исключительно вопрос уголовного правосудия и политики и что на форумах должны обсуждаться только «гуманитарные» вопросы: например, как помочь людям заново построить свою жизнь и общество, что для этого необходимо сделать в материальном, социальном и эмоциональном плане. Другие же указывали на то, что восстановление жизни, общества и возможности жить вместе очевидно блокируется из-за

того, что не решены вопросы об ответственности, и что дискуссия на эту тему совершенно необходима.

Однажды мы с Лейном попросили участников группы порассуждать о том, насколько опасно проводить дискуссии на тему ответственности. Мы попросили их разделить на группы и обсудить следующие вопросы: «Считаете ли вы, что на этом форуме стоит затрагивать вопросы ответственности?» и «Как вы считаете, возможно ли сделать это, не провоцируя новую войну, и если да, то как?». Задавая второй вопрос, мы не имели в виду начало новой войны буквально, а подразумевали напряженную атмосферу на форуме и страх затрагивать такие взрывоопасные темы. После обсуждения каждая группа поделилась своими выводами с остальными участниками форума. Участники всех групп поняли вопрос буквально, то есть: можно ли обсуждать вопросы ответственности, не провоцируя этим новую настоящую войну? Каждая группа пришла к выводу, что обсуждать эти вопросы необходимо, и предложила, как сделать это наиболее безопасным способом.

Когда в бывшей Югославии начали судить военных преступников и стали все больше говорить об этом в новостях, тема ответственности стала немного меньше замалчиваться. Она стала более доступной, и коллективное чувство вины и стремление защититься стали менее выраженными. Полезнее всего для участников форума было понять, что можно коснуться сложной темы, провести очень тяжелый разговор, не обвиняя друг друга. Если же обвинения все-таки начинались, мы могли остановиться на самых острых вопросах и вместе найти способ двигаться дальше. Задача общества — поддерживать форумы, потому что они облегчают проведение такого сложного диалога и помогают найти выход и двигаться вперед. Когда участникам удавалось глубоко и эмоционально проработать вопросы личной и социальной ответственности, это меняло каждого из

них, всем становилось легче. Было очевидно, что, если не обсуждать эти вопросы, они будут тормозить общественный и экономический прогресс, построение общества.

На одном из ранних форумов в центр группы лицом друг к другу сели два давних товарища — хорват и серб. С помощью фасилитатора они обсудили свои чувства по отношению друг к другу как к хорвату и сербу, учитывая то, что произошло в их разрушенном обществе. Они считали себя друзьями, но до сих пор ни разу не говорили о войне и своих чувствах по этому поводу или о чувстве личной и коллективной ответственности по отношению друг к другу. Отважившись откровенно обсудить свои чувства, они почувствовали большое облегчение. А остальные члены группы неотрывно наблюдали за ними. Я помню, что мы с Лейном восприняли это так же, как восприняли бы любую работу над отношениями в группе. После беседы этих двух друзей участники форума говорили, насколько это потрясающе, что такой разговор оказался возможен. Многие высоко оценили поведение обоих, подчеркнув, что хоть такие дискуссии и могут быть опасны в ситуации социальной напряженности, но они меняют жизнь.

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В БЫВШИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы столкнулись с тем, что им нужно разбираться в вопросах ответственности, оставшихся в наследство от коммунистических режимов, и одновременно двигаться вперед и строить демократическое общество.

В нескольких таких странах были проведены процессы люстрации, когда правительства получали полномочия запрашивать информацию, изучать дела, судить

и отстранять от занимаемых должностей людей, активно сотрудничавших с павшим режимом. Термин этот произошел от латинского слова «*lustratio*» — «очищаю», понимаемого в духовном, религиозном или моральном смысле. Люстрация — это альтернативный метод уголовного преследования или безоговорочного прощения в процессе правды и примирения. Люстрация подразумевала, что на основании секретных данных органов внутренней безопасности прежнего режима будет приниматься решение о том, насколько активно человек этот режим поддерживал. Законы разных стран по-разному определяют, кто может инициировать процесс, как нужно обращаться с человеком, подвергшимся процедуре люстрации, имеет ли возможность бывший коллаборационист объяснить мотивы своих действий, запрещают ли этому человеку занимать государственные или иные важные должности, подразумевает ли процесс люстрации публичный доступ ко всем данным и так далее.

Основная идея этих процессов заключалась в том, чтобы разобраться в прошлом и снять с постов тех людей, которые терроризировали страну и нарушали права человека (20). Например, польский политический деятель Лех Валенса доказывал: лучший способ сделать так, чтобы бывшие коллаборационисты загладили свою вину, — это оставить их на прежних позициях и использовать их бюрократический опыт для построения нового демократического государства.

Такая позиция демонстрировала желание провести черту между прошлым и будущим и всем обществом двинуться вперед. В некоторых случаях принималось решение уничтожить старые документы, чтобы люди не могли копаться в прошлом или инициировать новую государственную чистку. С предыдущим режимом сотрудничали огромные слои населения, и невозможно определить, кто именно должен быть наказан, как отличить «активное» сотрудничество от «пассивного» и какие

обстоятельства оправдывают «активное» сотрудничество. Например, людей часто заставляли сотрудничать, угрожая им (21).

Еще один аргумент в пользу проведения процессов люстрации состоял в том, что в послесталинских коммунистических режимах проблема была не столько в явных преступлениях, таких как насилие и убийства, сколько в распространенной подозрительности и недоверии граждан по отношению друг к другу, к соседям и членам семьи. После неудавшейся попытки государственного переворота в России в 1991 году возник особенный страх возрождения коммунизма, что привело к массовой поддержке люстрации (22).

Один из главных аргументов в критике люстрации заключался в том, что общество пытается порвать с прошлым режимом, но при этом использует секретные данные этого режима. Как пишут Мичник и Гавел, «абсурдно то, что главным и абсолютным критерием пригодности человека для демократического режима оказываются данные внутренних документов секретной полиции» (23).

Другой аргумент критиков, что в процессе люстрации кто-то может быть наказан незаслуженно и при этом лишен права на полноценный судебный процесс и личные свободы. Движения за права человека выступали против законов о люстрации, нарушающих личные свободы. Но Гавел и другие возражали: несовершенная люстрация лучше, чем ее отсутствие.

Один высокопоставленный чешский чиновник сказал: «Я считаю, что все, кто сознательно сотрудничал с бывшим режимом, должны быть подвергнуты процедуре люстрации — даже если человек не сделал ничего вредного, даже если он не искренне поддерживал режим. Мы пытаемся в некотором роде провести моральную чистку, очистить общество от тех, кто себя скомпрометировал» (24). Такие заявления поднимают этический

вопрос о соотношении целей и средств. Что интересно, идея о всеобщей моральной чистке «на благо общества» без серьезного учета личных прав и обязанностей в некотором смысле отражает принципы того самого режима, от которого стремятся избавиться.

На пути к демократичной системе, где власть децентрализована, практику люстраций — в прямом и в метафорическом смысле — можно понять как необходимость отделаться от ассоциации с прошлым режимом с его централизацией. Чтобы демократия развивалась на политическом и общественном уровне, необходимо полностью изменить наши старые представления о власти и лидерстве. Как сказал Вацлав Гавел, «мы все вместе: те, кто в большей или меньшей степени участвовал в создании этого режима, те, кто тихо его принимал, и даже те, кто незаметно для себя к нему привык» (25). Это более глобальный взгляд на проблему ответственности, и он может быть актуален не только для бывших коммунистических стран.

Глава 4. Ответственность и возвращение к реке Ганг

ТУПИКИ И ШКАЛА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Первое, и самое важное, что нужно сделать, когда работаешь с проблемой справедливости, касающейся общественных, исторических вопросов или семейного конфликта на кухне, — это признать, что кто-то поступил несправедливо. Многие конфликты происходят из-за того, что одна группа людей возмущается совершенной в прошлом несправедливостью, а другая, замешанная в том деле, не сознается в содеянном, а некоторые ее члены вообще ничего об этом не знают. Или члены этой группы считают те события неважными, так как они уже в прошлом. Когда человек не признает прошлую несправедливость, он тем самым совершает новую.

Было бы полезно изучить свое собственное поведение, чтобы понять схему эскалации конфликта вокруг проблемы «справедливости» (таблица 4.1). Вспомните какой-нибудь конфликт, который был у вас недавно или в прошлом. Это может быть конфликт из-за какого-то пустяка или из-за чего-то серьезного. Что тогда произошло? Казалось ли вам, что к вам относятся несправедливо? Чего вы хотели от своего обидчика? Изменилось ли это желание со временем? Вы можете проработать эту схему и от лица своего противника спросить себя: казалось ли тому человеку, что вы относитесь к нему несправедливо? Чего он хотел от вас? Обычно мы хотим того, что написано в верхней части списка, — чтобы человек признал свою неправоту и извинился. Когда мы этого не получаем, у нас появляются желания, изложенные в конце

списка — мы хотим, чтобы обидчик страдал, чувствовал себя униженным или даже умер.

Таблица 4.1. Шкала справедливости

Человек поступил со мной несправедливо, и я хочу, чтобы он:

- * Понял мои чувства
 - * Признал, что поступил со мной несправедливо
 - * Принял мою, а не какую-то другую версию событий
 - * Извинился за свои действия
 - * Почувствовал раскаяние за свои действия и не скрывал его
 - * Признал, что злоупотребил властью или положением в данной ситуации
 - * Публично извинился
 - * Предложил возместить ущерб
 - * Был наказан за содеянное
 - * Страдал и чувствовал себя униженным, почувствовал такую же боль, какую сам причинил
 - * Был публично унижен
 - * Был убит
-

«ХОХОТУН» — ПРИЗРАК ВЕЧНОГО КОНФЛИКТА

Один из способов не признавать случившегося — «обхохотать» его: мол, это не так уж и страшно. Это смешно, даже очень смешно. И вообще этого не было. Это в прошлом. Вы просто поднимаете шум, чтобы привлечь к себе внимание. Каждый, наверное, может вспомнить случай, когда с ним поступили несправедливо, он возмутился, а его осмеяли. Если же другие признают несправедливость по отношению к вам, то это признание может быть недостаточным, потому что они не понимают по-настоящему, что вы чувствуете, и не раскаиваются. Признание

получается формальным, а отношение к случившемуся остается несерьезным.

Еще одна причина, по которой нам трудно признать свою личную ответственность или свою долю коллективной ответственности, — страх, что нашу версию событий никогда не признают другие их участники. И мы занимаем оборонительную позицию вместо того, чтобы добиваться возможности изложить свою версию событий. Мы любим настаивать на том, что другой должен первым признать свою ответственность. При этом личные и социальные конфликты заходят в тупик, но как только кто-то делает первый шаг и берет на себя часть ответственности, люди с удивительной готовностью начинают слушать друг друга. Если в разрешении конфликта участвует фасилитатор, он может сам сделать этот первый шаг.

ПРИЗНАНИЕ ИЛИ ИЗОЛЯЦИЯ

Ответственность предполагает понимание и признание позиций друг друга и на их основе создание общей истории. Когда нашу точку зрения не принимают во внимание, нам кажется, что это искажает историю и мы больше не являемся ее частью. Мир не желает знать наших самых глубоких переживаний. А если это так, то у нас может возникнуть чувство изоляции и тревоги и нам может показаться, что мы теряем связь с реальностью.

В проходившей в Словакии международной конференции по разрешению конфликтов участвовали представители 30 стран. Они обсуждали самые разные вопросы: от проблем сексуальной ориентации, расизма и гендера до разделения мира на Восток и Запад, проблем бывших соцстран и многого другого. Через несколько дней работы конференции одна участница из Хорватии почувствовала сильное беспокойство: ей стало казаться, что она совершенно сбита с толку. «Мне было очень страшно. Казалось,

я теряю связь с реальностью, схожу с ума», — рассказывала она. Мой коллега разговаривал с ней. Они вместе пытались понять, что с нею происходит. Выяснилось, что ее волнует, почему эти люди, приехавшие из разных стран мира, чтобы обсудить острые мировые проблемы, до сих пор не затронули тему войны в бывшей Югославии. Это было в 1994 году. Мой коллега предположил: ее тревога и дезориентация связаны именно с тем, что на конференции еще не обсуждали войну в бывшей Югославии, а значит, она кажется не самым важным вопросом. Однако это молчание по поводу войны в бывшей Югославии явилось и отражением более глобального положения дел: молчания и «нейтралитета» мирового сообщества по этому вопросу. Реалии войны в Хорватии и Боснии не были приняты, поняты и учтены членами конференции, и женщина почувствовала себя в изоляции, причем это чувство было столь сильным, что ей казалось, она сходит с ума и теряет связь с реальностью. Когда же она проговорила все это с моим коллегой, ее тревога и ощущение дезориентации сразу и почти полностью исчезли. Если реакция одного человека вдруг влияет на коллективную динамику, то это может иметь для личности большое значение и принести облегчение. На следующий день эта женщина и еще несколько участников конференции вынесли тему войны в ряд основных для обсуждения.

Жестокость в обществе — еще одна сфера, где очень важны признание и ответственность. Когда отрицаются факты проявления жестокости, люди часто испытывают сильное беспокойство и чувство дезориентации, как будто правду загородили завесой.

Пока мы не признаем историю, мы разобщены, отрезаны от своего прошлого и от самих себя. Это порождает изоляцию в обществе. Речь об этом пойдет ниже, в части 3, в связи с коллективной травматической динамикой.

Конфликты часто возникают при выяснении вопроса о том, чья версия реальности верна. Когда окружающие

признают переживания человека, он, как правило, готов признать переживания других людей, даже если содержание этих переживаний сильно отличается от его собственных. Таким образом, неразрешимые на первый взгляд конфликты могут уступить место пониманию и желанию продвигаться вперед при их разрешении. Одна из задач фасилитатора в обществе или организации — с уважением выслушать позиции всех сторон конфликта. Это не «нейтралитет», а скорее способность почувствовать и понять все точки зрения и помочь глубокому взаимодействию между сторонами конфликта.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА

Признания своей неправоты может быть недостаточно, если за ним не следует возмещение ущерба. С другой стороны, иногда мы не признаем свою вину именно из-за опасения, что в этом случае нам придется возмещать ущерб. Неразрешимые, длительные политические и социальные конфликты, конфликты в организациях и межличностных отношениях часто именно из-за этого заходят в тупик. Одна из причин, по которым в США так мало говорят о геноциде индейцев, заключается в страхе поднимать вопрос о земельных правах и признавать необходимость возмещения ущерба. Мы не выносим некоторые проблемы на общественное обсуждение во избежание неприятных решений.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЗВЕНО В ЦЕПИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Несправедливость не может без следа раствориться в истории. Память о ней передается через поколения до тех пор, пока кто-нибудь не понесет за нее ответственность. Когда мы отказываемся признать свою ответственность, счета остаются неоплаченными. Несправедливость повторяется.

Если же мы признаем, что совершили или совершаем несправедливость, и берем на себя часть ответственности за это, взаимодействие выходит на совершенно новый уровень понимания, появляются новые возможности в ведении диалога и совместном строительстве общества. Признание своей ответственности за случившееся — важное звено в цепи обратной связи, дающее возможность «отпустить» прошлое.

Это происходит, когда политические лидеры берут на себя ответственность за случившееся в их странах. Вилли Брандт встал на колени перед Мемориалом Восстания в Варшавском гетто, чтобы признать холокост и извиниться за него от имени немецкой нации. На общественных форумах, где обсуждаются социально-политические конфликты, удается преодолеть самые сложные и давние конфликты, если кто-то из участников в состоянии взять на себя ответственность и высказаться по поводу своей роли в совершении несправедливости.

ВНЕ ЦЕПИ

Если мы отказываемся взять на себя ответственность в личных отношениях, то попадаем в изоляцию. На политическом уровне отказ от ответственности ведет к изоляционизму. Кто-то должен понести ответственность — это нужно и тем, кто совершил несправедливость, и тем, кто от нее пострадал. Оставаясь вне этой цепи, невозможно полностью «отпустить» прошлое.

США на мировой арене держат себя вне цепи международной ответственности. Многие американцы не понимают, почему мир этим так недоволен, и жалуются на антиамериканские настроения.

В американском обществе почти не обсуждался вопрос об ответственности за те несправедливые действия, которые совершались на территории страны по отношению к индейцам и афроамериканцам, а также

за поддержку правительством США тактик террора различных режимов по всему миру — от Никарагуа и Гватемалы до Греции, Аргентины, Чили, Турции и Индонезии (1). Многие американцы вообще не знают, что США вмешивались в события в этих регионах, или думают, что вмешательство производилось с гуманитарными целями.

В 1986 году Всемирный суд, бывший тогда агентством ООН под названием Международный суд ООН (International Court of Justice), рассмотрел обвинения Никарагуа и постановил, что обучая, снаряжая и финансируя контраст, США нарушили международное право. Конкретные действия, которые суд счел противозаконными, — минирование никарагуанских портов и выпуск пособия по совершению актов террора, нарушающих гуманитарное право. Суд призвал США прекратить эти действия и выплатить репарации. Соединенные Штаты проигнорировали это постановление, а всю историю в США сочли столь незначительной, что о ней даже практически не упоминали в выпусках новостей (2).

Многие граждане Америки вообще ничего не знают о существовании международных договоров и конвенций, а о том, чтобы бороться с нежеланием США воспринимать их всерьез, и речи быть не может. Один из ярких примеров — смертная казнь (3). США не считаются со стремлением ООН отменить ее. Более того, США по-прежнему допускают казнь малолетних преступников. Кроме них в мире с 1990 года такие казни совершаются только в Конго, Иране, Нигерии, Пакистане, Йемене и Саудовской Аравии.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД СОВЕСТЬЮ И БОГОМ

Люди с фундаменталистскими религиозными воззрениями часто уверены, что религиозное право выше права светского и международного. И хотя в начале XX века исламские государства стали светскими, в конце столетия

появилась тенденция к возврату «мусульманского права» (4). Некоторые исламские фундаменталисты считают себя ответственными только перед Аллахом, который вознаградит их в раю за творимый террор. В США тоже есть много фундаменталистов, уверенных, что президент Буш следует слову Божьему и, значит, его действия благочестивы и справедливы, поэтому обсуждать их и тему ответственности — совершенно лишнее. Ответственность понимается как совершение действий, которые «угодны Богу», а не как общественный процесс, предполагающий обсуждение и демократию.

Лидер, который заявляет, что следует слову Божьему и поэтому не несет ответственности за свои действия ни перед своей страной, ни перед международным сообществом, представляет серьезную угрозу. Но что интересно — многие жестокости и несправедливости в нашем мире совершаются именно потому, что большинство из нас не решаются как следует прислушаться к собственной совести и морали и следовать собственным духовным ценностям.

Мы слишком редко поступаем согласно своим представлениям о добре и зле, если они расходятся с коллективными нормами. Вместе с тем многие из нас думают, что в конечном счете мы должны держать ответ перед своей собственной совестью и/или перед Богом и по этическим соображениям должны быть готовы проигнорировать закон. Те лидеры и рядовые граждане, которые рисковали жизнью, выступая против своего общества, протестуя против дискриминации и защищая угнетенных, часто делали это из чувства ответственности перед собственной совестью и духовными ценностями.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СМИ

Средства массовой информации сталкиваются с серьезными этическими проблемами. Они отвечают

за точность передаваемой информации. Будучи зависимыми от экономических и политических событий, они в то же время задают тон общественного диалога. Приведу всего один пример. Участие правительства США в террористических действиях в Центральной Америке, его попытки подавить демократические движения и поддержать диктаторов в течение многих лет почти не освещались в американских СМИ. А если информация об этих событиях и просачивалась, то они преподносились так, чтобы их легко было затушевать и не признать. Центральные СМИ никогда не давали возможности составить полную картину происходящего, так что граждане США не могли вынести собственное суждение (5).

С другой стороны, обществу легко обвинять во всем СМИ и таким образом избегать вопросов коллективной ответственности и справедливости. Мы сами снимаем с себя часть ответственности, не желая быть причастными к тем или иным событиям. Мы виним «систему» не только от отчаяния, но и потому, что недостаточно сочувствуем происходящему и нам проще думать, что оно не имеет к нам никакого отношения.

«ИХ» ИСТОРИЯ

Вечная болезненная проблема людей, пострадавших от несправедливости и притеснений, заключается в том, что ответственные за их страдания люди, пассивно наблюдавшие за событиями или получавшие от них выгоду, в силу своего социального положения и привилегий считают себя непричастными к происходящему. История подавляемой группы людей воспринимается как «их», а не «наша» история. Истории афроамериканцев и индейцев в США сейчас все больше вплетаются в полотно нашей общей истории, но зачастую открывается не вся правда, да и то с трудом,

только под сильным нажимом этих групп. И все равно это принятие «их» истории, а не попытка разобраться в «нашей».

Боснийцы и хорваты часто говорили мне, что во время войны самым мучительным было ощущение, что их никто «не видит». Весь остальной мир продолжал жить, заниматься своими делами и, казалось, его совершенно не интересует происходящее на Балканах. Активное и пассивное соучастие немцев, других европейцев и американцев в событиях холокоста убедило евреев всего мира в том, что их судьба никого не волнует. Это, несомненно, обусловило реакционность главенствующей сейчас в Израиле позиции. Точно так же до недавних пор мир не обращал особого внимания на тяжелое положение палестинцев. Пока евреи и арабы на Ближнем Востоке были с головой погружены в конфликт между собой, христианский мир лишь иногда нарушал молчание и говорил о своей ответственности за антиеврейские настроения и несправедливое отношение к евреям в прошлом. Но это только усугубляло израильско-палестинский конфликт. До тех пор пока никто не несет ответственности за жестокости и нарушения прав человека, пока «их» история (история ли это афроамериканцев, индейцев, евреев, палестинцев, пакистанцев, жителей Восточного Тимора или Центральной Америки) не считается «нашей» историей, мы не можем создавать «нашу» общую историю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РЕКУ ГАНГ

Хороший урок ответственности мы с моим мужем Жан-Клодом получили однажды в городе Бенарес (Варанаси) в Индии. Мы гуляли вдоль реки Ганг с человеком, который жил в этих местах. В реку спускаются широкие ступени. Мы сидели на этих ступенях в лучах заходящего солнца и чувствовали себя причастными к бурлящей у реки

жизни. Сотни людей купались, занимались йогой, со смехом плескались дети, вдоль лестницы сушились на солнце яркие сари, люди чистили зубы, молились, мыли голову, пели, кто-то нес умершего к погребальному костру у реки. И вдруг посреди этой спокойной активности в лучах заходящего солнца началось волнение. Какой-то человек громко закричал, за ним еще один, и через долю секунды 40 человек окружили некоего мужчину, громко и яростно крича на него и энергично тряся кулаками. Казалось, что в любой момент можно ожидать вспышки насилия. Но примерно через минуту непрерывного крика все вдруг замолчали и разошлись так же внезапно, как и собрались, и вечер на реке Ганг продолжился своим чередом.

Мы повернулись к нашему спутнику с вопросом: что произошло? Он ответил: мужчина что-то украл. По его словам, кража здесь — это не то же самое, что где-то в другом месте, а гораздо хуже. Мужчина нарушил важнейший завет: люди приходят на Ганг купаться и молиться, чтобы войти в святую реку, им приходится

Рис. 4.1. Возвращение на реку Ганг

раздеваться и оставлять свои вещи на ступенях. Общество должно было немедленно отреагировать и сильно публично его унижить, в противном случае он был бы наказан и уже никогда не смог бы вернуться к Гангу.

Этот мотив поведения людей — «чтобы на следующий день он смог снова прийти на Ганг» — глубоко меня тронул и углубил мое понимание «ответственности» и справедливости. На реке Ганг в Варанаси (Бенаресе) общество мало изменилось за тысячи лет. Для всех главной оставалась его целостность. Вопрос ответственности решался тут же, на месте, всем сообществом, быстро и энергично. «Справедливость» означала возможность для каждого вернуться на реку.

САММЕРХИЛЛСКИЙ ТРИБУНАЛ

Мы проводили семинар по разрешению конфликтов в Суффолке (Великобритания) и узнали, что находимся в нескольких минутах езды от Саммерхилла, одной из первых и очень известных «свободных» школ. Нас пригласили приехать и посмотреть на общественное собрание школы, и мы запланировали днем длинный перерыв в работе конференции, чтобы желающие смогли поехать в Саммерхилл. Мне особенно хотелось посетить эту школу, потому что в детстве у меня была книжка «Саммерхилл» (6) и я держала ее под рукой, читала, перечитывала и рассматривала картинки. Мне очень нравилась идея «свободных школ» и мысль о том, что дети лучше учатся и проявляют больше творчества, когда сами принимают решения и следуют собственным интересам, а не внешней дисциплине, подчиняясь учителям. Важная идея А. С. Нейла, создателя Саммерхилла, заключалась в том, что личная свобода не должна нарушать свободу других, поэтому с момента основания школы и до сих пор в ней все решает сообщество, и общие собрания играют ключевую роль.

Когда мы приехали, собрание уже началось. Нас провели в большое помещение, заполненное молодыми людьми и их учителями. Они сидели на полу, на стульях и на столах. Мы протиснулись в конец аудитории, я нашла себе место на полу. Собрание было организовано в форме трибунала, и вела его девушка лет шестнадцати. Это было, наверное, самое динамичное и эффективное собрание, какое я только видела в своей жизни. В течение чуть больше часа на рассмотрение сообщества выносились вопросы, связанные с чьей-то ответственностью: кто-то выдавил зубную пасту на чье-то зеркало, кто-то забрал чашку из столовой, кто-то курил около школы, а кто-то нецензурно выругался.

Каждый член сообщества имел право высказаться, выразить свою точку зрения по поводу того или иного поступка, защитить обвиняемого, объяснить мотивы его поведения, предложить меру наказания или высказаться по другим вопросам. Ребенку, который взял чашку из столовой, запретили пить чай в течение нескольких чайных пауз — такое решение собрание приняло после

Рис. 4.2. Собрание в «Саммерхилле», 1930 г.

того, как все обсудили, лишение скольких чайных пауз было бы адекватно его проступку.

Затем на обсуждение была вынесена более серьезная проблема, связанная с ответственностью. Речь шла о старших учащихся, которые послали младших в город что-то купить после наступления темноты. Девушка, которая вела собрание, сказала, что сейчас ее место модератора должен занять кто-то другой, потому что она одна из этих старших учащихся, о которых идет речь. После того как ее сменили на посту модератора, она попросила слова. Она сказала, что не оправдывает их поступок, но хотела бы объяснить ситуацию. Все сообщество, включая провинившихся, тщательно изучило ситуацию со всех точек зрения. Ученики отметили, что по правилам сообщества никому нельзя находиться в городе после наступления темноты, обсудили, была ли ситуация действительно опасной, поговорили об ответственности младших школьников, которые тоже знали правила, и об особенной ответственности старших, которые должны были служить примером для младших, но злоупотребили своим положением. Это было потрясающе — наблюдать, насколько слаженно группа работает над всеми вопросами и как подробно обсуждает этические стороны проблем.

На протяжении всего собрания детям удавалось тщательно, но невероятно быстро оценивать ситуацию, не нападая друг на друга, никогда не преуменьшая проблемы, не занимая оборонительную позицию, но отстаивая свою точку зрения, поддерживая друг друга и принимая на себя ответственность. После собрания, когда все вышли из аудитории, я увидела, как дети гурьбой бегут играть. Они бежали так же энергично, свободно и красиво, как на запомнившихся мне картинках в книжке «Саммерхилл». Мы вернулись на наш семинар и стали обсуждать следующий пункт нашей повестки дня — тему ответственности. Мы сошлись во мнении, что нас очень

своевременно пригласили посмотреть на работу этого детского трибунала (7).

БОЛЬШОЙ СЕРБ, БОЛЬШОЙ ХОРВАТ

В 1996 году на крупном форуме, все участники которого принадлежали к различным этническим группам и имели разный военный опыт, один хорват из разрушенного войной региона спросил: «Как мы теперь пойдём, например, в булочную и, встретив по дороге соседа, расцелуемся с ним, пожелаем доброго утра, если он, возможно, и есть тот самый снайпер, который вчера в нас стрелял? И как можно так быстро забыть о том, что все люди этого возраста участвовали в происшедшем?» Он сказал, что видеть обнимающихся в барах «Большого серба» и «Большого хорвата» (речь идет о военачальниках) — не слишком большое утешение. Мрачная атмосфера воцарилась в аудитории, когда этот человек рассказывал о военных, нажившихся на горе простых людей.

Картина неутешительная: военачальники обогащаются и вполне довольны происходящим, им все сходит с рук, в то время как остальные травмированы и продолжают терзаться подозрениями в отношении своих соседей, — и она свидетельствует о том, что ответственность за совершенные действия должна существовать на всех уровнях общества.

С одной стороны, это подтверждает одну из идей Международных трибуналов — военные преступники должны отвечать за содеянное и сидеть в тюрьме, а не расслаиваться в барах: это позволило бы обществу встать на путь примирения и согласия, а соседям от всего сердца приветствовать друг друга по дороге в булочную.

С другой стороны, это странно, поскольку подтверждает: мы — отдельные личности и общество в целом — склонны улыбаться и делать вид, что ничего

не произошло. Те из нас, кто едва знает о подобных трагедиях или пытается задумываться об их последствиях, кто почти не пытается разобраться в проблеме безответственности и невмешательства, так и живут, неся через всю жизнь груз своей боли. Все участники трагедии вынуждены двигаться вперед в общем потоке, затаив в себе боль, и эта боль выливается в симптомы психической травмы и хронической депрессии. С самыми благими намерениями люди говорят о прощении, примирении, но при этом не решают ни конфликтов, возникающих между соседями, ни проблем безответственности в обществе. А международное сообщество «берется» за следующую страну, развязывает следующую войну, почти полностью игнорируя трагические последствия своего вмешательства.

На том форуме мы выяснили, что в некотором смысле «Большой серб» и «Большой хорват» живут в каждом из нас. И насколько для стабилизации ситуации в обществе важно наказание военных преступников, настолько же для всех нас значимы стремление разобраться в вопросах ответственности, понять причины возникновения доминирования, ухода от ответственности и естественного желания забыть и не вспоминать о случившемся.

КОГДА ИСТОРИЯ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ

Чтобы понять, насколько вы склонны поддерживать конфликты, просто проследите за своими взаимоотношениями с другими людьми. На собственном примере легче понять, хотите ли вы на самом деле разрешать конфликты, искать выход из ситуации, залечивать старые раны, пытаетесь ли достичь согласия и устойчивости в отношениях с окружающими в обществе в целом.

Когда мы с Лейном работали фасилитаторами в Хорватии, то были очень тронуты невероятно теплым приемом. Зачастую, когда людям, пострадавшим во

время вооруженного конфликта, предлагают вновь обратиться к событиям, разрушившим общество и искалечившим их жизни, они поначалу опускают руки и относятся к происходящему с недоверием и осторожностью. Но их скепсис довольно быстро проходит, и они начинают проявлять огромное желание участвовать в общей работе. Я поняла, что эти открытые сердца, эта теплота, с которой нас встретили, были чем-то большим, чем обычное гостеприимство. Это было выражением надежды и веры в то, что можно найти выход из сложившейся ситуации, и понимание, что мы можем и просто обязаны сделать это. Мы ощущали, что это возможно, потому что этого искренне желают все. На пределе сил люди ощущают горечь, злобу, боль, чувствуют, что все бесполезно, переживают эмоциональную травму, но поскольку они уже прошли через тяжелые испытания, они готовы и хотят почувствовать что-то другое. Если в момент самого горячего накала страстей, жесткого противостояния, когда напряжение достигает пика, поддерживать людей и не дать им окончательно рассориться, то в группе может возникнуть осознание того, что нужно выслушать, понять и принять все противоположные мнения, и это осознание поможет всем вместе двигаться дальше.

Когда у людей появляется возможность в режиме реального времени, непосредственно общаясь друг с другом, обсудить вопросы правосудия, проблемы прошлого и настоящего, конфликты могут трансформироваться, и это действительно происходит. Участники подобных мероприятий неоднократно отмечали, что форум оказал огромное влияние на их жизнь, помог обрести веру в человечество — на что они уже и не смели надеяться — и получить возможность по-новому работать в своих сообществах над старыми проблемами, казавшимися им до этого безнадежными и неразрешимыми.

РАЗВЯЗЫВАЯ ГОРДИЕВЫ УЗЛЫ

На наших форумах в Хорватии мне казалось, что участники пытаются распутать гордиев узел. Они словно находили концы нитей своих эмоций и концепций и тянули за них. Они говорили о своих личных переживаниях на войне, общественной травме и боли, призывая к ответственности, и подчеркивали необходимость изучать вопросы индивидуальной, коллективной и национальной сознательности. В то же время они акцентировали внимание на гуманитарных нуждах и конкретных вопросах построения общества с позиций своей деятельности: общественной службы, образования, законодательства, прав человека, медицины, психологии, экономики, общественной деятельности и политики.

Некоторым казалось, что одновременно с возвращением всех прав отпадает необходимость обсуждать вопросы ответственности. Но, как я уже говорила, путь к примирению неразрывно связан с доминирующими в обществе установками. Игнорирование этих установок и эмоций ведет к постоянному противостоянию, расцвету бюрократии и вспышкам насилия. Невозможно достичь примирения без обсуждения проблем ответственности и налаживания сложной взаимосвязи между правами и обязанностями личности и общества.

Вопросы ответственности касались разных периодов войны. В 1991 году сербские военизированные формирования при поддержке Югославской армии (JNA) захватили огромные территории в Хорватии — регионы, где сербы составляли основную часть населения. Затем последовали этнические чистки, хорватов убивали, они бежали из своих домов. В 1995 году Хорватская армия отвоевала захваченные территории, и теперь уже убивали сербов, и они бежали из региона. В обоих случаях имели место жестокость и военные преступления. В течение всех этих лет войны страдали и сербы, и хорваты,

и мусульмане — страдали все. В Боснии мусульмане становились жертвами геноцида, который организовывали сербские военизированные формирования, а временами и хорваты. Боснийские хорваты (этнические хорваты, живущие в Боснии) тоже подвергались насилию и вынуждены были бежать в Хорватию. Огромное количество людей изгоняли из их домов и сообществ, и после войны регион столкнулся с проблемами беженцев, переселенцев и сложностями реализации прав на возвращение домой. Часто главным становился жилищный вопрос. Многие изгнанные во время войны из Боснии хорваты отправились в Хорватию и заняли там пустующие дома проживавших там ранее (и также изгнанных) сербов. И когда сербы вернулись, то обнаружили свои дома занятыми другими людьми — то есть поселиться там они могли бы только при условии возвращения хорватов в Боснию. Кроме того, многие дома оказались разрушенными или сожженными. Большие сложности в решении практических вопросов обеспечения жильем ясно отразили глубоко лежащие проблемы, связанные с ответственностью и примирением.

Участники наших форумов вели жаркие дебаты о личной и коллективной ответственности. Если кто-то заводил речь о плохом обращении в современной Хорватии с этническими меньшинствами — сербами и мусульманами, то кто-то другой тут же возражал, что отношение к сербам как к этническому меньшинству в современной Хорватии, наоборот, особое — им помогают негосударственные организации и мировое сообщество. Некоторые считали оскорбительным, что сербы позиционируют себя как подавляемое меньшинство, при том, что в 1991 году они первыми напали на Хорватию и начали проводить этнические чистки. На это следовал ответ, что государственные организации (в противоположность неправительственным) сознательно препятствуют возвращению сербов домой, поощряя бумажную

волокиту и поддерживая антисербские настроения. Кто-то говорил, что странно считать сербов просто жертвами, и им пора перестать жаловаться на свое бедственное положение и признать ответственность за развал Югославии и нападение на Хорватию, тогда станет понятно, почему по возвращении домой их не ждет теплый прием. Других возмущал и казался оскорбительным такой призыв признать коллективную ответственность, как будто это отдельные люди исключительно из чувства «национальной» принадлежности натворили всяких бед. Такие противники коллективной ответственности говорили, что каждого человека нужно воспринимать как личность со своими страданиями, своей военной историей, у которой есть человеческое и юридическое право вернуться на родину. В стране, разорванной на куски в результате манипуляций понятиями этнической и национальной идентичности, в людях укоренилось резкое неприятие любых попыток идентифицировать их с их нацией.

Одно из объяснений такого положения дел — общество не может принять людей, не наделив их коллективной ответственностью. «Неужели ты думаешь, что общество примет тебя как личность, если ты не понимаешь нашей потребности задавать вопросы и получать на них ответы, в частности это важно для тех членов нашего общества, которые не знают, где похоронены их дети и любимые? Что я должен сказать им как глава своего сообщества?» Или: «Ведите меня к тем, кто творил все эти преступления. Ведите меня к местам массовых захоронений, которые до сих пор не найдены, к останкам людей, которые мы до сих пор не отыскивали. Ведите меня к тому, кто в вашем сообществе ответит на все вопросы моего, — только тогда я перестану подозревать всех вас, перестану ожидать самого худшего увидев вас, начну уважать ваши права и относиться к вам соответственно». Возможно, кто-то на это ответит: «Даже если нам подадут такой пример, мы побоимся говорить, испугаемся,

что нас сочтут виновными и снова станут избегать». Или: «Такой поступок расценят как предательство». Отсутствие ответственности на всех уровнях порождает проблемы и провоцирует психическую травму. Точно так же расспросы, подозрения и невозможность вернуться «домой» бередят душевные раны, полученные на войне.

ОБЕ СТОРОНЫ КОНФЛИКТА В НАШЕЙ ДУШЕ

На одном форуме группа затронула подобные вопросы, и как из рога изобилия посыпались обвинения. В воздухе повисла атмосфера подозрительности и беспокойства. Один из участников находился в тяжелом психологическом состоянии. В поту, в состоянии паники он вскочил со стула и собрался покинуть комнату. Когда мы попросили его объяснить, в чем дело, он сказал: ступив на эту зыбкую почву и обсуждая столь болезненные вопросы, мы добьемся лишь эскалации конфликта, а этого он не может выдержать. Наш разговор разбередил его рану. Мы приостановили обсуждение, чтобы выяснить, хочет ли этот человек остаться, и если да, то что ему нужно, чтобы он мог высказаться. Мы также спросили других членов группы, что им нужно для продуктивного обсуждения проблемы, при этом никого не исключая из дискуссии, никому не причиняя боли и проявляя заботу о каждом. Мужчина сказал, что хочет остаться и очень надеется, что дискуссия состоится, но не верит в ее возможность, поскольку для этого нужно найти такой способ взаимодействия, когда никто не обижался бы и все максимально аккуратно обращались со старыми травмами, пережитыми многими участниками.

Мы поддержали его, заверив, что его выступление чрезвычайно важно и отражает интересы всей группы. И тут одна девушка попросила слова. Она описала напряженную атмосферу, вызванную постоянными вопросами и подозрениями, которая царит не только в этой группе,

но и во всех сообществах. Она сказала, что узнает в себе и спрашивающего, и отвечающего, и обвиняющего, и обвиняемого. Девушка взволнованно описала шокирующую и травматическую ситуацию во время войны: тогда она должна была решить, как поступить, и на кону была не только ее жизнь, но и жизнь ее друга. Они оба пережили это. Она сказала, что до сих пор задается вопросом, как могла тогда рисковать чужой жизнью. И группа «оттаяла», один за другим люди начали делиться своими сомнениями и вопросами, рассказывать, как они выстраивают свое поведение в это непростое время.

Некоторые говорили о своем чувстве вины за то, что не остановили эти жестокости. Другие рассказывали, какие сомнения их мучили и через что им приходилось проходить, когда они принимали решения не только за себя, но и за близких и любимых людей. Один мужчина поведал о том, как, будучи представителем власти, вынужден был принимать решения, от которых зависело, выживет его сообщество или погибнет. Все включились в обсуждение, члены группы стали делиться своими сомнениями, вспоминая, как в душе они были и теми, кто задавал вопросы, и теми, кто должен был на них отвечать. Они очень искренне рассказывали об этических вопросах и о том, как часто они мучились сомнениями, связанными с вопросами личной и коллективной ответственности.

Напряженная, взрывоопасная атмосфера подозрительности и осуждения, ужас и паника, страх, что откроются и начнут кровоточить старые раны, — все это трансформировалось в заботу друг о друге и взаимное уважение — уважение к тому, что пережил каждый из участников дискуссии. Это был процесс рефлексии и определения меры ответственности, одновременно очень личный и общий. А человеку, которому вначале было плохо, стало намного легче, у него даже поднялось настроение. По его словам, он даже в самых смелых фантазиях

не мог бы себе представить, что возможен диалог на таком высоком уровне в группе, где есть сербы, хорваты и мусульмане.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ДЕТЬМИ

Однажды во время группового обсуждения речь зашла о том, как складываются взаимоотношения людей разной этнической/национальной принадлежности (хорватов, сербов, мусульман). Люди говорили, что если они пытаются начать общаться с человеком другой национальности, наладить отношения между сообществами или урегулировать конфликты, в их собственном сообществе это воспринимается как неверность и предательство. Многие с этим согласились, мы решили обсудить эту тему, и группа разыграла ситуацию по ролям. Скорость, с которой все участники «вошли в образ», говорила о том, что подобное происходило с ними неоднократно. Они быстро разделились на две группы, и если член одной группы пытался подойти к членам другой, чтобы заговорить, его тащили назад или вообще изгоняли из коллектива за предательство. Если попытку повторял кто-то другой, все повторялось, и атмосфера накалялась еще сильнее. Когда же кто-то предлагал попробовать решить проблему по-другому, его грубо и резко заставляли замолчать.

Все настолько вжились в образы, что игровую модель стало сложно отличить от действительности, и если кто-то предлагал внести изменения в поведении группы, то его пыл быстро охлаждали. Все были поглощены противостоянием, при котором нельзя было перейти на противоположную сторону. Напряжение возрастало. И тогда два человека сели на пол между группами и заявили: «Мы ваши дети». На секунду в группе воцарилось молчание, а затем один за другим несколько человек разных национальностей рассказали очень личные истории о своих детях, о том, как им тяжело жить в послевоенном

климате, что они чужие друг другу и им трудно находиться даже в собственных школах и районах. Со слезами на глазах эти люди рассказывали, что дети не знают ничего, кроме войны. И в этот момент группа объединилась, все вспомнили про ответственность перед своими детьми за тот мир, который им оставляют, и поклялись вместе искать пути восстановления взаимоотношений в своих сообществах, пути, закрытые для них во время войны и до этого самого момента. Члены группы осознали ответственность не только перед детьми, но и друг перед другом, за прошлое и будущее. И они рассказывали о том, как часто не могли высказать возражения в своем сообществе, поскольку все были слишком увлечены войной и не слушали друг друга. У них появилось желание взять на себя ответственность друг перед другом и начать оказывать эмоциональную поддержку в процессе ежедневного выбора и принятия решений, чтобы стало возможно прийти к примирению и построить устойчивое сообщество.

ЦАРЬ СОЛОМОН И РЕБЕНОК

История из Ветхого Завета о мудром царе Соломоне и двух женщинах, спорящих из-за ребенка, по-прежнему актуальна. Каждая утверждала, что именно она мать ребенка. Так чей же это был ребенок? За помощью обратились к царю Соломону. Царь подумал и сказал: «Я не могу решить, кто прав, поэтому давайте просто разрежем ребенка пополам». И тогда одна женщина ответила: «Конечно, я согласна». Другая же сказала: «Нет, отдайте ребенка ей» и стала умолять сохранить ему жизнь. Так Соломон понял, что она и есть настоящая мать: эта женщина была согласна расстаться с малышом, лишь бы тот остался жив.

Эта притча дает нам образец справедливости и ответственности для обеспечения стабильности в обществе.

На те же мысли наталкивает и история с рекой Ганг, и пример с форумом, когда члены группы почувствовали ответственность перед своими детьми. В каждом из нас есть немного и от «мудреца», и от «матери», поэтому мы способны позаботиться о «ребенке» — устойчивом развитии в будущем. У нас есть склонность занимать жесткую позицию по тому или иному вопросу и ни в коем случае не отступать от нее, часто во имя справедливости. Но Соломон знал, что в момент наивысшего накала страстей, когда возникает угроза жизни ребенка, появляется другая справедливость и особое материнское отношение. Мать предпочтет спасение ребенка удовлетворению собственного желания быть рядом с ним. Вот только вопрос, что же делать с той частью нашего существа, которая разрезала бы и режет ребенка пополам, с тем нашим «я», которое еще не является «настоящей матерью», остается открытым. Этому нашему «я» нужны забота, опека, ему нужно, чтобы его историю выслушали, указали пути решения проблемы ответственности в интересах нашего устойчивого развития.

ОТ НЮРНБЕРГА К САМОРЕФЛЕКСИИ

После Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе нацисты утверждали, что просто делали свою работу, исполняли приказы. И пожалуй, самым страшным в этом было как раз отсутствие какой бы то ни было рефлексии, внутренних сомнений, проблесков сомнения в правильности содеянного, угрызений совести или душевных мучений (8).

Современная история получила новый пример жуткой способности человека выполнять приказы. Важные этические дискуссии возникают именно тогда, когда мы перестаем понимать, что выполнение чужих приказов не освобождает от личной ответственности. Этические дискуссии о личной и коллективной ответственности

лишь недавно начали звучать в нашем обществе. Что же это значит для тех из нас, кто следует логике большинства, не слишком часто задается вопросами и не желает во все это вникать? Для тех, кто не особо заинтересован («это всего лишь политика»), растерян («сложно получить достоверную информацию») или потерял надежду («я все равно ничего не могу изменить»)? Такое отношение может привести к грубым нарушениям гражданских прав. Но не является ли оно закономерным?

Можно сказать одно: если в нашем обществе не ведутся подобные дискуссии, то мы сами таким образом творим несправедливость по отношению к самим себе. Чтобы содействовать развитию диалога об ответственности, нужно формировать в умах осознание положения, в котором мы находимся. Благодаря этому мы сможем разрешать конфликты, а не увязать в них. В обществе есть потребность обсуждения этических и правовых проблем, вопросов наказания, репараций, амнистии, неоднозначности правды, заполнения информационных пробелов, а также вопросов индивидуальной и коллективной ответственности. Многим из нас нужна саморефлексия — внутри себя, в наших собственных отношениях, организациях и сообществах.

ОБ ИСТОРИИ, ОТНОШЕНИЯХ И ВОЗВРАЩЕНИИ К РЕКЕ

Во время форума в Хорватии одна из участниц, обычно выступавшая очень открыто, вдруг стала запинаться и говорить с дрожью в голосе. Она говорила об огромной работе, которую они с группой проделали для того, чтобы обеспечить ответственность, примирение и построение устойчивого сообщества. Она сказала, что высоко ценит дружелюбие и доверительность, которых они смогли достичь с участниками этого форума и с теми, кто посещал другие форумы. И добавила, что эти отношения

для нее — все. Но ей необходимо знать: если, не дай бог, подобная ситуация повторится, — смогут ли они теперь рассчитывать и положиться друг на друга, на свою дружбу и проделанную работу? И тогда другая участница резко ответила: «Как вы могли усомниться в нашей дружбе и допустить, что нас снова смогут разделить после всего того, что мы вместе пережили на этих форумах?» Задавшая вопрос женщина сказала, что не сомневается в дружбе и отношениях, которые перешагнули этнические или национальные барьеры и возникли из опыта совместного решения самых горячих и сложных конфликтов, хотя все же подчеркнула, что важно помнить о своих национальных и этнических особенностях, об истории своего народа, будь ты хорват, серб, мусульманин, венгр, цыган, еврей или кто-то еще.

И я помню, как две эти отважные женщины встали со своих мест и обнялись. И каждая из них несла с собой важную для всех идею ответственности и любви. Женщина, которая спросила, могут ли они рассчитывать в дальнейшем на взаимную поддержку вне зависимости от политических изменений, своим вопросом хотела подчеркнуть, что отношения и сложившуюся общность нельзя воспринимать как данность. Сильные чувства и дружба, возникшие в результате тщательной проработки проблем, которые в свое время разделили целые сообщества, привели к пониманию того, что сердце должно быть зорким, а отношения осознанными. Отношения и сообщества будут в большей безопасности, если мы будем осознавать нашу непохожесть, беречь нашу общую историю и нести ответственность друг перед другом.

То, что ответила этой женщине подруга, было не менее значимым. Она призывала неусыпно следить за тем, чтобы призраки недоверия не разрушили построенное с таким трудом. Пришло время осознать, чего мы достигли как личности в отношениях и в создании общности. Это тоже своего рода способ критически оценить результаты

и заплатить по счетам. В этом регионе сомнениями людей умело воспользовались, чтобы настроить их друг против друга, превратив их жизни в ад. Мы можем не допустить повторения истории, но для этого должны работать над тем, что ежедневно происходит в наших сердцах, в наших взаимоотношениях и в том, как мы ведем себя в обществе, отмечая изменения и следя за новыми обстоятельствами, в которых мы оказываемся, когда перестаем воевать.

ЧАСТЬ

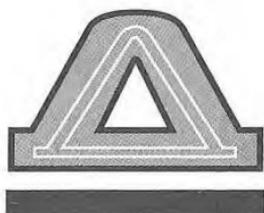
2.

Террор
и нерушимый дух

Глава 5. Террор

Для того чтобы вселить страх в отдельных людей, группы или общество в целом, необходимо знать, что этими людьми движет. Тактики террора разрабатывались с глубоким пониманием индивидуальной и коллективной психологии и использовались на протяжении всей истории и во всем мире. Военачальники и правительства применяют тактики террора ради обретения и утверждения своей власти, запугивая собственных граждан и соседей. Термином «терроризм» обычно обозначают тактики террора, которые применяют с политическими целями группы людей, не обладающих государственной властью.

Тактики террора предполагают создание атмосферы страха и нестабильности или использование для подавления свобод и утверждения во власти уже имеющейся нестабильности и потребности людей в безопасности. Тактики террора включают в себя демонизацию врага и дегуманизацию отдельных людей и групп,

а также пытки, имеющие целью сломить силу воли. Тактики террора предполагают также притупление чувствительности к зверствам, узаконивание нарушений прав и преследование лидеров, стремление уязвить «душу» сообщества, использование дезинформации, чтобы подавлять других, господствовать и провоцировать насилие. Эту часть книги я начну с рассмотрения целей и определения террора. Затем мы поговорим о специфической динамике каждой из тактик террора и приведем примеры их использования.

Тактики террора затрагивают всех нас в большей степени, чем мы себе представляем. Мы участвуем в запугивании и устрашении, когда думаем, что у нас нет выбора, информации и влияния, когда подавляют нас или мы сами являемся частью группы, оказывающей давление на других.

Мировоззрение, основанное на понятиях власти (когда одна сторона обязательно доминирует над другой), возможно, исчерпало свой ресурс. Такая картина мира приводит к унижению и террору. Мы поговорим о том, что тактики террора разрабатывают люди, хорошо знакомые с нашей индивидуальной и коллективной психологией, и о том, как не содействовать этой чудовищной системе и не воспроизводить ее, а уважать дух, помогающий ей противостоять и побеждать.

ЦЕЛИ ТЕРРОРА

Цель терроризма — дестабилизация общества. Государственный террор используется для того, чтобы дезорганизовать социальные движения или революционные группы, свести на нет их влияние и противостоять их движущей силе, проявлений которой боится государство или которая уже существует в действительности. Терроризм нацелен на широкую аудиторию, он стремится быть увиденным и услышанным (1) любой ценой. Государственный

террор тоже нацелен на самые разные слои общества; он призван дать понять, что диссидентские движения будут подавлены любым путем и любой ценой. На протяжении всей истории человечества тактики террора применяются правительствами и военачальниками, стремящимися к власти или находящимися при ней. При этом они стараются подавить дух и способность к сопротивлению реальных, потенциальных или воображаемых врагов — будь то граждане их собственной страны или соседи.

Империи и авторитарные режимы всегда использовали силу и запугивание ради своих идеологических целей. В прошлом столетии совершались чудовищные жестокости — от завоевания Европы нацистами и холокоста до сталинских репрессий в бывшем Советском Союзе, культурной революции Мао, опустошения Вьетнама, похищения людей и террора в Центральной Америке, убийств и зверств в Восточном Тиморе, геноцида в бывшей Югославии, Руанде, насилия на Ближнем Востоке — перечисление можно продолжить. Международное право и правозащитные организации содействуют увеличению информированности человечества о режимах, использующих тактики террора для достижения господства, подавления и убийства граждан своей страны или соседних. Несмотря на то что цель тактик террора — господство любой ценой, возможно, чрезмерный уровень насилия в нашей истории парадоксальным образом свидетельствует о том, что человеческий дух не так легко поработить.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРРОРА

По поводу определения террора и терроризма нет единого мнения (2). Но в одном взгляды сходятся: террор политически мотивирован и отличается от насилия, допускаемого военными конвенциями. Дефиниции обычно подразумевают, что мишенью террора является

гражданское население, но есть вариации в отношении того, направлен ли террор только против гражданского населения или он может, например, включать в себя нападение на военные базы или трубопроводы, и можно ли к нему причислить — наряду с реальным насилием — угрозы (3). Термином «терроризм» обычно определяют террористические нападения со стороны экстремистских политических групп — такие, как взрывы террористов-смертников или события 11 сентября в Нью-Йорке. В большинстве дискуссий о том, какое определение следует дать терроризму, государственный террор даже не упоминается. Часто используют понятия «терроризм, поддерживаемый государством» и «контртерроризм», но о применении террора государством словно забывают или вовсе избегают этого вопроса (4).

Интересно, какое определение террора дает Оксфордский словарь английского языка? Оно звучит как «управление путем запугивания» (5). В Государственном департаменте США терроризм определяют как «преднамеренное, политически мотивированное применение силы, совершаемое против гражданских лиц негосударственными образованиями или тайными агентами, обычно с целью воздействовать на мировую общественность» (6). В Министерстве обороны США дают такое определение террора: «предумышленное применение или угроза применения силы в отношении людей или имущества с целью принудить к чему-то или запугать правительства или общества, часто для достижения политических, религиозных или идеологических целей» (7). У ФБР определение террора следующее: «незаконное применение силы в отношении людей или имущества с целью запугать правительство, гражданское население или его часть и вынудить что-либо сделать в поддержку определенных политических или социальных целей» (8).

В резолюции ООН 1999 года говорится, что «преступления, замышляемые с политическими целями,

чтобы спровоцировать состояние страха у общественности, группы людей или отдельных личностей, не имеют оправдания ни при каких обстоятельствах, на какие бы соображения политического, философско-идеологического, расового, этнического, религиозного или другого характера ни ссылались, чтобы их оправдать» (9).

Все эти дефиниции — Госдепа США, Минобороны США, ФБР и ООН могут быть применены как к использованию тактик террора государством, так и к террористическим актам против государств.

С ПОЗИЦИИ ТЕРРОРА

Какими бы ни были детали того или иного определения, всегда важнее понять, каково представление о «терроре» у самих «террористов» и у тех, кто с ними борется. С точки зрения государства и, вероятно, большей части общества, терроризм — это насилие или угроза насилия со стороны экстремистов, обычно направленные против гражданского населения. С точки зрения политических или социальных движений, групп восставших, революционных или маргинальных групп граждан, террор — это в первую очередь применение государством противозаконных и жестоких тактик с целью подавления этих самых движений и создания информационного вакуума.

Иногда государства применяют жестокие тактики террора против экстремистов или революционных групп, которые вооружены или угрожают террористическими атаками. Террористы часто отождествляют себя с борцами за свободу, сражающимися за свои идеалы, и готовы убивать и умирать за них. Иногда государства подолгу и серьезно противоборствуют таким группам. Государства используют тактики террора и против ненасильственных политических движений, мирных демонстрантов и обычных безоружных граждан. Мы увидим,

что одна из распространенных тактик государственного террора такова: государство «противостоит» угрозе терроризма, используя эмоциональную реакцию населения на террористическую атаку либо даже специально создавая террористическую угрозу, чтобы потом с ней бороться и иметь повод ограничить гражданские права. Иногда мятежники, не применявшие до определенного времени насильственные методы, начинают их использовать. Это происходит, когда они так натерпелись от государственного террора и угнетения, что приходят к мысли, что другого выхода, кроме как противостоять государственным тактикам террора с помощью насилия, — нет.

В автобиографии Нельсон Мандела откровенно описывает время, когда он решил убедить и убедил Африканский национальный конгресс (АНК) отказаться от принципов и политики ненасилия, потому что считал: в обстановке жестокого государственного террора против АНК продолжать работу невозможно (10).

Можно предположить, что тактики террора — это попытка подавить то, что, в сущности, не может быть подавлено. Отвратительные методы пыток демонстрируют лишь, насколько далеко мы можем зайти, пытаясь сломить непобедимый дух. После террористических атак 11 сентября жители США стали ценить величие духа, не сломленного таким страшным злодеянием. В свою очередь, так называемая война с террором дала стимул к поднятию духа тех, кто хочет покончить с односторонним господством США.

ТЕРРОР КАК ПРИЗНАК РЕЗКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ

Полезно взглянуть на тактики террора в русле системного подхода. Применение подобных тактик — это признак того, что системе не хватает нововведений или что она

находится в процессе структурных изменений. Тактики террора — это запугивание и применение силы в политических целях, которые осуществляются как со стороны государства, так и со стороны членов общества (террористические акты) в рамках сложившейся политической или идеологической системы.

В то время как террор направлен на подавление общественных и политических движений для поддержания контроля, сохранения «стабильности» в обществе и обеспечения чьего-то господства, нам необходимо обратить внимание на унижительные и противозаконные тактики, с помощью которых этот контроль осуществляется. Кроме того, мы, будучи отдельными личностями и частью общества, можем задать себе вопрос: как правительство воплощает нашу потребность в контроле, навязывая нам его любой ценой? Что мы защищаем? Как мы подавляем инакомыслие других людей и свое собственное? Какие мысли так усиленно подавляются внутри нас — отдельных личностей и общества в целом?

Когда теракты направлены на то, чтобы разрушить господствующую систему, это значит, что она уже рассыпается на части. Мы часто пугаемся, пытаемся оправдать власть доминирующей системы, думаем о том, как дать отпор или отомстить, — но очень мало интересуемся тем, что лежит в основе происходящих сдвигов и изменений. Общественных дискуссий на эту тему практически нет. Так или иначе, террор — это признак того, что система разрушается и уже некоторое время держится только на силе (11). По мере того как остов трещит по швам, творятся жестокости, насилие, все стороны конфликта несут потери — вот в чем трагедия. Все только говорят о «хорошем» и «плохом», но так как каждый считает себя «хорошим», большая часть людей инстинктивно осознает: если мы хотим прекратить череду жестоких конфликтов и начать строить цивилизованный мир, этой сказки недостаточно.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР: ОТКРЫТО ИЛИ ТАЙНО САНКЦИОНИРОВАННЫЙ

Важное отличие государственного террора от терроризма состоит в том, что, когда государства используют тактики террора, у них больше шансов остаться безнаказанными. Вся власть сосредоточена в государстве, которое контролирует правовые институты и вооруженные силы и открыто или тайно санкционирует использование террористических методов. Однако, как мы уже выяснили, основная задача международного гуманитарного права заключается в том, чтобы не допускать применения государствами тактик террора. От Нюрнбергского процесса после Второй мировой войны, в ходе которого были привлечены к ответственности нацистские лидеры, до Международных трибуналов, отправляющих под суд военных диктаторов и правителей государств, допустивших этнические чистки и геноцид в бывшей Югославии и Руанде, — таков путь движения за право международного сообщества настаивать на привлечении к ответственности власть имущих, поскольку обладание государственной властью не является основанием для «безнаказанности».

ПОСЛЕДСТВИЯ 11 СЕНТЯБРЯ

События 11 сентября 2001 года изменили понимание терроризма и «государственного террора». Это произошло потому, что террористические атаки были направлены на единственную мировую сверхдержаву. Ставки увеличились из-за масштабов теракта и осознания, что террористы представляют собой серьезную угрозу, а также из-за реакции правительства США и провозглашения американцами войны с террором, определения «оси зла», а затем все большего использования Соединенными Штатами тактик запугивания в мировом масштабе.

Образы самолетов, врезающихся в здания Всемирного торгового центра и Пентагона, и рушащихся башен-близнецов запечатлелись в памяти большинства людей. Правительство США, воспользовавшись случившимся 11 сентября в качестве оправдания, объявило о своем праве использовать в «борьбе с террором» любую тактику, какую сочтет необходимым, не заботясь о международном праве и мнении мировой общественности. Нет ничего нового в том, что США господствуют на мировой арене и игнорируют международное право. Но беззащитное усиление такой линии поведения после 11 сентября 2001 года обеспокоило международное сообщество и заставило людей во всем мире заговорить об этом.

На протяжении всей истории, когда какое-либо государство хотело навязать свою волю, тактики террора считались необходимыми для обеспечения контроля и безопасности и включали в себя использование в своих целях нестабильного положения, а также подавление, временное ограничение или игнорирование гражданских свобод. Сейчас этот сценарий в полной мере воплощается в жизнь: США под руководством администрации Буша заявили о своем праве на обретение контроля, над миром с целью сделать его безопасным. США видят себя в роли контролирующего весь мир правительства, а все люди и страны, которые с этим не согласны, считаются диссидентами и пособниками террористов: «На „оси зла“ ты либо с нами, либо против нас». То, что сначала казалось абсурдным, когда Усама Бен Ладен и Саддам Хусейн словно слились в одного расплывчатого злого демона, скоро стало означать, что ООН, ЕС, правительство Франции, любой страны, любой человек, осмелившиеся не согласиться с господством США, тоже подверглись демонизации. Когда Совет Безопасности ООН отклонил план США по нанесению упреждающего удара по Ираку, правительство США представило это как подтверждение

«слабости Совета Безопасности», «не отвечающего вызовам времени», что является еще одним поводом для США видеть себя единственным могущественным игроком на мировой арене. США надеются выйти сухими из воды благодаря тому, что обладают силой.

С одной стороны, проводимая США «война с терроризмом» делает их государством, которое ради демонстрации своего господства, борется не только с терроризмом, но и с любым проявлением инакомыслия со стороны мирового сообщества. С другой стороны, США, пренебрегая международным правом, нанося упреждающие удары по Ираку и сознательно используя силу в политических целях, фактически ведут себя как террорист. При всем при этом Буш считает себя борцом за свободу.

ТАКТИКИ

В этом разделе, дабы проиллюстрировать различные тактики террора, я привожу примеры из истории и текущих политических событий. При этом я особо отмечу, как особенности нашей индивидуальной и коллективной психологии используются в качестве исходного материала при разработке этих тактик. Например, если мы мало знаем о том, как у нас в подсознании действует Страшилище, мы с легкостью оказываемся в плену у фантазий и страха, хотим дать этому Страшилищу какое-то имя и поскорее услышать новость о том, что с ним уже борются. Нельзя сказать, что тактики террора, в том числе пытки, — это просто методы сумасшедших темных личностей. Эти методы обдуманно, испытаны, верны и прописаны в специальных учебниках.

Тактики террора анализируются в главах 6—14 этого раздела.

Глава 6. Тактики террора: хаос и подавление свобод

ПРОВОЦИРОВАНИЕ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСИЛИЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В периоды нестабильности мы хотим порядка, нам нужно, чтобы кто-нибудь все объяснил. Одна из тактик захвата власти и насаждения контроля — это создание или эксплуатация кризисной ситуации и использование всеобщей уверенности, что мы не можем в такой обстановке позволить себе роскошь дискуссии, разногласий или демократии. Возникают разговоры о чрезвычайном положении и необходимости повышенных мер безопасности. Правительство вынуждено проводить секретные операции либо ему нужна общественная поддержка всех без исключения решений и действий, которые оно сочтет необходимыми.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВЛАСТЬ И ЗАЩИТА

Когда мы испытываем неуверенность, то больше чем когда-либо ждем от лидера или власти защиты и стремимся переложить ответственность за вынесение суждений на специалистов, которые, как мы полагаем, лучше нас способны оценить ситуацию. Даже в туристическом походе или на работе в кризисной ситуации мы понимаем, что времени на споры нет, и автоматически переключаемся на режим исполнения того, что требуется. При этом мы либо принимаем руководство на себя, либо выражаем готовность следовать указаниям кого-то другого. Нет ничего плохого в том, что мы интуитивно стремимся

к лидерству или рассчитываем на знания и защиту друг друга. Разнообразие наших мнений, часто опирающихся на информацию из доверенных источников, способствует творческой выработке решений и лежит в основе демократии. Проблема заключается в том, что мы склонны подчиняться власти без сомнений, даже не обладая информацией о ней. Эмоциональные и психологические факторы, влияющие на наше решение о том, кого наделить властью, в большинстве своем бессознательны. Это психологическое свойство хорошо известно, и оно систематически используется для стимулирования общественного террора.

Из ряда вон выходящие события пугают нас. Мы паникуем. Как только создается ощущение чрезвычайной ситуации, следуют объяснения со стороны властей и/или предложения о том, как взять ситуацию под контроль. Есть и другой сценарий, когда «необъяснимые» события используются для усиления неуверенности, для того, чтобы нам захотелось услышать трактовку и утешения властей. При этом гарантируется безнаказанность всех участников, и впоследствии никто не может с уверенностью сказать, что случилось. Может быть, этих «необъяснимых» событий никогда и «не было» (1).

Государственные тактики террора могут включать в себя планирование и проведение «террористических актов», призванных выглядеть так, как будто их осуществила вражеская сторона. Провокации и подстроены инциденты используются для создания атмосферы страха, чтобы мы считали тиранию оправданной, а наведение порядка любыми методами — возможным.

ГИТЛЕР И ПОДЖОГ РЕЙХСТАГА: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Адольф Гитлер стал канцлером в январе 1933 года. По закону парламент мог быть распущен, и на 5 мая были

назначены новые выборы. Ночью 27 февраля, в разгар избирательной кампании, кто-то поджег здание рейхстага. Произошел сильный взрыв, и справиться с огнем не представлялось возможным. В поджоге тут же обвинили коммунистов. Одного коммуниста, голландца по происхождению, немедленно арестовали, впоследствии судили и казнили по обвинению в участии в коммунистическом заговоре. До сих пор ведутся споры о том, действительно ли поджог организовали нацисты. Но известно, что за ним последовало. Гитлер убедил 86-летнего президента фон Гинденбурга объявить чрезвычайное положение. Свобода слова и собраний была отменена, и преступления, в том числе сопротивление самому указу, стали караться смертной казнью или лишением свободы. Не было никаких гарантий того, что судебные процессы ведутся в соответствии с законом. К утру было арестовано около 4000 коммунистов и представителей интеллигенции, выступавших против нацистской партии.

Также было постановлено, что если федеральному правительству не удастся восстановить общественный порядок, власть может полностью перейти к рейху. 2 марта корреспондент газеты «Дейли экспресс» спросил Гитлера, надолго ли отменены свободы. Тот ответил, что права будут полностью восстановлены, как только исчезнет угроза со стороны коммунистов (2).

Избирательную кампанию остановили. Даже собрания членов Партии центра разгонялись головорезами-штурмовиками в коричневых рубашках. Тем не менее нацистская партия получила в парламенте гораздо меньше двух третей мест, необходимых для изменения Конституции. Тогда Гитлер обратил постановление от 28 февраля против тех земель, где существовала значительная оппозиция. Под предлогом, что местные власти неспособны поддерживать порядок (в то время как порядок нарушался «коричневыми» и эсэсовцами), законные правительства Вюртемберга, Бадена, Бремена, Гамбурга,

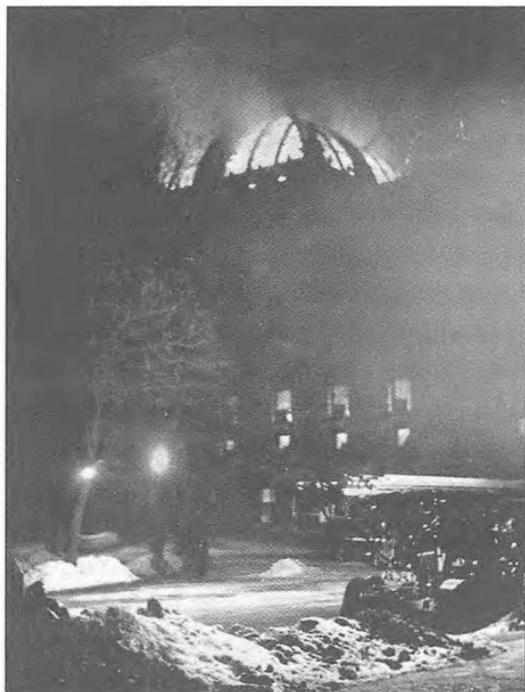

Рис. 6.1. Поджог Рейхстага, Берлин, 1933 г.

Любека, Саксонии, Гессена и Баварии были смещены. При поддержке Партии центра, Католической и Баварской народной партий нацистам удалось принять закон о предоставлении чрезвычайных полномочий. 23 марта Адольф Гитлер стал диктатором Германии. СС и СА приобрели функции полиции и право на применение пыток, поддерживавшихся государством. Для диссидентов организовали концентрационные лагеря. За этими актами террора последовали холокост и трагедия Второй мировой войны.

Весь мир видел, что происходит, пока Гитлер дерзко провоцировал и использовал нестабильность, подавляя свободы и устанавливая свою диктатуру. Все это — при активной и пассивной поддержке внутри Германии и по всему миру — переросло в один из самых ужасных периодов человеческой истории. С самого начала все признаки этого кошмара были налицо, но мир

не проявлял особого беспокойства или откладывал свои опасения до тех пор, пока не стало слишком поздно и кошмара избежать не удалось (3). Когда мощь Гитлера в Германии росла, очень многие обожали его, любили его власть и вместе с ним отдавались вновь обретенному чувству гордости. Гитлер говорил то, что народ хотел слышать: обещал восстановить экономику, находящуюся в состоянии острого кризиса, сулил безопасность и возможность для Германии снова стать могущественной нацией после поражения в Первой мировой войне.

ТАКТИКА МИЛОШЕВИЧА: ПРОВОЦИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ РАСПАДА БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

После 1974 года под управлением маршала Тито Югославия фактически стала конфедерацией, состоящей из Словении, Хорватии, Боснии, Македонии, Черногории, Сербии и автономных края Воеводина и края Косово. Время правления Тито было периодом стабильности государства, и после его смерти в 1980 году решать политические проблемы и справляться с экономическим кризисом пришлось «коллективному президентству», организованному по принципу ротации. В Югославии 1981 года сербы составляли около 36,3 процента населения, хорваты — 19,7 процента, мусульмане — 8,9 процента, словенцы — 7,8 процента и албанцы — 7,7 процента. Меньшие группы включали в себя македонцев, черногорцев, венгров, цыган, словаков, румын и турок. Воеводина, многонациональный регион со значительным венгерским меньшинством, и Косово с подавляющим большинством албанцев были частью Сербии, но обладали автономией и правом голоса на уровне федерации.

Хотя в автономном крае Косово албанцы составляли большинство, на протяжении долгих лет они страдали от нарушений прав человека и недостатка гражданских

свобод. В то время как албанцы добивались расширения своих прав, а федерация предоставляла такое расширенное право представительства, в Сербии возникло сербское националистическое движение, крайне негативно относившееся к автономии провинций. В более тяжелом экономическом положении Сербии по сравнению со Словенией и Хорватией обвинялись «антисербские» настроения остальных единиц федерации. Казалось, что конфедерация не служит интересам Сербии. Растущее националистическое движение, идеи которого были изложены в известном меморандуме Сербской академии наук и других националистических публикациях, представляло сербов жертвами геноцида и припомнило в связи с этим и геноцид сербов нацистами и хорватскими уставами во время Второй мировой войны, и османское вторжение на Балканы в XIV веке и так далее вплоть до положения численного меньшинства сербов в Косове и утверждения, что против сербов организован заговор по выдворению их с исторических земель (4).

Слободан Милошевич поймал и «оседлал» эту националистическую волну, став в 1986 году лидером Лиги коммунистов Сербии. Националисты устраивали в Косове массовые демонстрации, привозя на них сербов из самой Сербии. Милошевич понял, что такая мобилизация людей вместе со спонтанным и спровоцированным уличным насилием позволит воспользоваться разочарованием сербов и растущей яростью националистов и создаст потребность в лидере, который придет, захватит власть и осуществит контроль.

В 1988 году газета *Workers power* попыталась предвосхитить последующие события:

Сербская коммунистическая партия начала совершать погромы, чтобы положить конец частичной автономии Косова и Воеводины. Этот поход возглавил лидер

сербской партии Слободан Милошевич... <который> санкционировал серию демонстраций против албанцев в поддержку Великой Сербии в Косове, Черногории, Воеводине и Македонии. Он добивается того, чтобы Косово и Воеводина были возвращены под непосредственный контроль Сербии, и идет по пути построения Великой Сербии внутри Югославии. Его политика носит квазифашистский характер (5).

Стоило автономным краям потребовать в 1990 году статуса республик, как Милошевич отменил их частичную автономию. Напряжение достигло того порога, когда потребовалось провести многопартийные выборы, и Милошевич устроил внеочередные выборы. Он переименовал Лигу коммунистов в Социалистическую партию Сербии (СПС) и, используя контроль над средствами массовой информации и силы полиции, избавился от всех соперников и получил 194 из 250 мест в сербском парламенте.

Милошевич постоянно обострял и провоцировал кризисы, которые позволяли ему развивать свою националистическую программу. Противостояние Милошевича многопартийной политической системе в Сербии отразилось и на федеральном уровне. Главы субъектов федерации отказывались санкционировать репрессии албанцев в Косове. Разногласия и столкновения быстро нарастали и в итоге в январе 1990 года привели к распаду югославской Лиги коммунистов. Спустя 12 месяцев раскололась и федерация — республики одна за другой объявили о своем суверенитете. В Словении проживало незначительное число сербов, а сербское население Хорватии и Боснии было многочисленным. Словения стала первой и довольно легко обрела свою независимость, в то время как в Хорватии и Сербии начали разворачиваться трагические события.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ В ХОРВАТИИ

Тактика использования нестабильности продолжалась. Хорватия объявила о независимости. Возник вопрос: что это означает для многочисленного сербского населения Хорватии? Обеспокоенность этими вопросами была использована для разжигания террора и насилия.

Военизированные сербские лидеры захватили полицейский участок в городке Пакрак в Краине. Хорватские власти и военные вошли в город. Сербская армия (в прошлом армия Югославии, теперь контролировавшаяся сербами) ввела войска в Хорватию, объясняя это необходимостью «развести стороны». Спровоцированная нестабильность сделала возможным террор — исключительно во имя защиты региона. Милошевич организовал нападение сербских военизированных подразделений и таким образом получил предлог для вторжения армии в регион с целью остановить хорватские власти и якобы устранить этнические разногласия (6). В 1991 году, когда война перекинулась на другие города и регионы Хорватии, многие хорваты были убиты или вынуждены бежать во время первого этапа этнических чисток. Ради создания Великой Сербии и установления сербского господства Милошевич решил очистить от населения целые области. Туджман, в свою очередь, воспользовался нестабильным положением, чтобы прийти к власти и воплотить в жизнь политику хорватского национализма.

ЖИЗНЬ В АТМОСФЕРЕ ТЕРРОРА...

Тактики террора вызвали не только необходимую для развязывания войны политическую нестабильность, сплетенную из личных трагедий, которые, в свою очередь, стали следствием жестокостей, пыток, смертей

и изгнаний. Эти тактики привели к нестабильности в жизни людей, нестабильности в их умах и сердцах. Тактика террора по созданию и использованию нестабильности имеет индивидуальное воздействие и вызывает невыносимое чувство беспокойства, утрату веры в общество и в человечность, депрессию, а в вихре неконтролируемых событий — неуверенность, паранойю, невозможность овладеть своими мыслями и эмоциями. Террор возбудил недоверие к окружающим и к собственным мыслям и мотивам поступков, подозрительность по отношению к соседям, одноклассникам, друзьям и любимым. Рушились дружба, любовь, семья. Тактики террора привели к шквалу обвинений, самообвинений, сомнений и вопросов. Почему ты ушел? Почему ты остался? Где ты был? Что делал? Мог ли я сделать больше? Беспокойство о том, как выжить, о детях и престарелых родителях сопровождалось долговременной потерей сна и состоянием повышенного стресса в течение дней, недель, месяцев или лет. Горечь от потери права на нормальную жизнь усиливалась тем, что и внутри страны, и во всем мире людей постоянно характеризовали только безликими терминами этнического происхождения — «хорват», «серб» или «мусульманин», как будто каждый из них лишился индивидуального достоинства или ценности как личность, сосед, специалист, гражданин или просто человек.

...И ВДАЛИ ОТ НЕГО

Когда мы наблюдали за военными действиями на расстоянии, нам казалось: мы находимся слишком далеко, чтобы понимать, как обстоят дела на самом деле, — и мы чувствовали неспособность влиять на мировые события. Нам редко приходило в голову, что те, кто был непосредственно вовлечен в начинающуюся войну, возможно, знали еще меньше и чувствовали еще большее

бессилие. Мы не понимали, что наша реакция издали на разворачивающиеся события тоже планируется и используется как тактика террора. Тактики террора включают в себя расчет на то, что мы будем запуганы и сбиты с толку, не сможем внимательно, вдумчиво следить за новостями, в хаосе событий не заметим нарушений прав человека и нам будет легче всего принять такие объяснения, как: «Они там, на Балканах, просто с ума посходили» и «Этот регион всегда был беспокойным, они убивают друг друга в своей гражданской войне».

ПРОВОЦИРОВАНИЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ С ЦЕЛЬЮ ПОДАВИТЬ СВОБОДЫ: ИНДЕЙЦЫ МАПУЧЕ В ЧИЛИ

Индейцы мапуче — крупнейшая группа коренного населения Чили, в течение многих лет активно добивающаяся признания, в том числе и своего права на землю. Правительство использовало государственный закон о внутренней безопасности, чтобы провести политические репрессии так называемых «террористов мапуче» (7). Страна была символически оккупирована осенью 2000 года, и появились сообщения, что люди с лицами, закрытыми капюшонами, предположительно мапуче, совершают покушения на жизнь людей, поджоги и кражи лесоматериалов. Многих мапуче немедленно задержали с применением силы и использовали устрашение и пытки, чтобы добиться признаний. Грабили их дома, многие получили ранения. Чилийскую же прессу больше волновали акты насилия, якобы совершенные мапуче, чем их жестокое преследование (8). По неподтвержденным предположениям, так называемые мапуче в капюшонах были не экстремистами из племени мапуче, «иностранными террористами» или «шпионами», как утверждали политики правого крыла, а провокаторами конфликта со стороны чилийского правительства, желавшего насадить тиранию (9).

В мае 2000 года С. Вильялобос¹ написал статью, в которой назвал «умиротворение» малуче неизбежным, так как «столкновение высокоразвитой культуры с менее развитой всегда приводит к господству первой над второй» (10). Эта фраза демонстрирует расистское обоснование применения тактик террора для угнетения коренного населения и притесняемых народов во всем мире.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И ЖЕСТОКИЕ ДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ В ГЕНУЕ: ЧРЕЗМЕРНАЯ РЕАКЦИЯ ИЛИ ТАКТИКА ТЕРРОРА?

Многие пострадали от террора во время антиглобалистских демонстраций в Генуе, когда летом 2001 года там проходила встреча лидеров стран Большой восьмерки. На демонстрации в город съехались около 100 000 человек. Сразу после развернувшихся событий, в результате которых один человек погиб, приблизительно 200 были ранены и еще гораздо больше людей получили психическую травму от увиденного, мировые новостные источники сообщили, что демонстрации возглавили агрессивно настроенные протестующие и именно это и привело к трагедии. Вскоре стало невозможно игнорировать заявления о жестоких действиях полиции, так как их становилось все больше и больше. Но даже когда жестокость полиции Генуи стала достоянием общественности, ее восприняли просто как «чрезмерную реакцию» на агрессивное поведение протестующих (11).

Появлялись многочисленные рассказы о том, как в здание школы, служившее штаб-квартирой Социального форума Генуи (этот форум объединял примерно 700 генуэзских организаций), около полуночи ворвалась полиция. Здание использовалось для ночлега, и люди

¹ Вильялобос Серджио (р. 1930) — известный чилийский историк, автор книги «История чилийского народа». — Примеч. пер.

либо только что легли спать в спальнях мешках, либо уже крепко спали, когда появились полицейские и стали избивать спящих.

Те, кто при этом присутствовал, так описывали эту кровавую сцену: людям наносили тяжелые удары, ломали кости, ребра, а одному прокололи легкое. Все фото- и видеооборудование было конфисковано (12). Сообщалось также, что полиция изъяла жесткие диски компьютеров, из чего следует, что вторжение могло быть совершено с целью завладения базой данных и раскола организации. Кого-то отправили в больницу, других — в тюрьму. Описывалось, как людей с переломанными костями отправили в тюрьму и заставили там стоять вдоль стены с раскинутыми руками, в то время как полицейские плевали и мочились на них и использовали различные способы устрашения (13).

Четырех британцев 4 дня продержали в тюрьме в нечеловеческих условиях, не позволяя встретиться с консулом и адвокатами, и отпустили без предъявления обвинений. Один из этих демонстрантов, получивший серьезные телесные повреждения, рассказал, как полиция без разбора колотила людей дубинками, а те не оказывали никакого сопротивления. Полицейские также распевали фашистские песни и угрожали протестующим зверствами и насилием (14). Источник в полиции подтвердил, что демонстрантов выстраивали в ряд, ударяли головой об стену и что полицейские мочились на некоторых из них (15).

Хотя сообщения об этих происшествиях все-таки появились в мировых новостях, некоторые ведущие газеты, особенно в США, о них почти не упоминали. Несколько рассказов демонстрантов было выложено на сайтах в Интернете (16). Я разговаривала с очевидцем этих событий — он был в числе тех спящих и, проснувшись, застал ужасную сцену: людей били, кровь забрызгивала стены (17). В мировых новостях упоминалась «жестокость полиции»,

но некоторые журналисты защищали полицию, объясняя «чрезмерную реакцию» непокорностью демонстрантов. Правительства европейских стран выразили возмущение действиями итальянской полиции и спрашивали, почему полицию не научили разгонять протестующих без применения силы. Чего я не нашла в мировых новостях, так это вопроса: как события в Генуе вообще можно объяснить чрезмерной реакцией полиции? С какой бы точки зрения я ни взглянула на них, я не понимаю, как избивание спящих и конфискация их видеоматериалов, камер и файлов может рассматриваться как «чрезмерная реакция».

Во время встречи Большой восьмерки, когда многие главы мировых государств присутствовали в Генуе и все были готовы к вспышкам насилия и террористическим актам, кажется весьма неправдоподобным, что ответственность за усмирение демонстрантов целиком лежала на итальянской полиции. Объяснять эти жестокие нападения на демонстрантов «зверством полиции» и «чрезмерной реакцией» — значит упускать из виду, что полиция, вполне вероятно, использовала тактики террора для провоцирования и использования нестабильности с целью узаконить подавление растущего антиглобалистского движения, которое в последние годы провело демонстрации в Сиэтле, Праге, Генуе, Флориде и других городах.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФБР ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИСТ» ДЛЯ ОПРАВДАНИЯ ЖЕСТОКИХ МЕР

Федеральное бюро расследований (ФБР) США очень активно применяло тактики террора по отношению к своим собственным гражданам при подавлении политических движений, особенно движения в защиту гражданских прав, движения «Черные пантеры» и Движения американских индейцев (ДАИ).

С 1956 по 1971 год по всей стране проводилась секретная кампания ФБР — программа контрразведки КОИНТЕЛПРО (COINTELPRO), — направленная на уничтожение «политически неудобных» организаций. О КОИНТЕЛПРО стало известно в начале 1970-х, когда были опубликованы документы ФБР, в которых упоминалось о более чем 2000 случаях использования тактик по «нейтрализации» политических диссидентов. Они включали в себя открытые акты насилия и унижительные попытки вызвать ненависть и нестабильность внутри этих объединений и между ними, а также использование всех видов тактик террора для уничтожения движений и их лидеров. Специальный комитет сената провел расследование по делу КОИНТЕЛПРО, и отчет 1976 года теперь доступен общественности (18). В нем говорится, что, хотя заявленной целью этих тактик являлось «обеспечение национальной безопасности и предотвращение насилия, доказано, что многие жертвы были мирно настроены, не контролировались иностранными государствами и не представляли угрозы национальной безопасности» (19). Многие считают, что КОИНТЕЛПРО свернули только номинально (20). (Более подробную информацию о КОИНТЕЛПРО см. в главах 10 и 13.)

Сразу после закрытия КОИНТЕЛПРО к членам партии «Черные пантеры» стали применять термин «террористы», хотя еще несколько месяцев назад их называли «агитаторами» (agitators) (21). Использовались и другие термины, такие как «партизаны» и в случае ДАИ «бунтовщики». Некоторые полагают, что, хотя американцам не нравилось вмешательство ФБР в политическое многообразие, они готовы были согласиться с необходимостью того, чтобы ФБР защищало их от «террора» (22).

Яркий пример, иллюстрирующий попытку лингвистически связать понятие «террорист» с общественными диссидентами, — это использование термина «контртерроризм» для обозначения действий, направленных

на борьбу с исключительно пацифистской организацией «Сило Плоушерс» (Silo Plowshares) (23). Эта организация выступала против ядерного оружия и милитаризма, и несколько ее членов — «террористов» были приговорены к продолжительному лишению свободы, например, за подготовку заговора с целью нанести ущерб ядерной установке США (24).

Следствия по обвинению в «терроризме» коснулись многих мирных организаций, таких как Комитет солидарности с народом Сальвадора (CISPES), «Духовенство и миряне» (Clergy and Laity Concerned), религиозное общество «Сестры Мэрикнолл» (The Maryknoll Sisters), организация «Международная амнистия», Чикагская межрелигиозная специальная группа, Католическая конференция США и Образовательная ассоциация Вирджинии. Все они выражали несогласие с политикой США в Центральной Америке (25).

11 СЕНТЯБРЯ — НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И ДЕСТРУКТИВНЫЙ ОТВЕТ

Эмоциональная нестабильность, вызванная террористическими актами 11 сентября, открыла широкие возможности перед реакционными лидерами США: «Вы либо с нами, либо против нас» на «оси зла». Старые как мир мифические истории о добре и зле хорошо подходят для коллективного состояния нереальности происходящего, возникающего, когда люди выбиты из привычной колеи. Президент Буш призывал отомстить, говоря, что возмездие оправданно и необходимо для «выкуривания Бен Ладена из его норы». С самого начала были несогласные, но они медлили с высказываниями — им давали понять, что они проявляют недостаточно уважения к жертвам теракта. Когда Буш начинал бомбардировки Афганистана, он создал коалицию, но отказался от совещаний с Советом Безопасности ООН. Даже если

мы оставим вопросы о том, были ли бомбардировки обязательными, было ли их осуществление умно или глупо, оправданно или неоправданно, должны ли мы принимать во внимание и подсчитывать число погибших и разрушения, нанесенные бомбардировками, или же считать потерянные жизни «сопутствующим ущербом» вынужденного вмешательства, факт останется фактом: правительство США отказалось обсуждать эти вопросы с международным сообществом. Оно решило действовать независимо и в одностороннем порядке, не желая следовать международному праву. Есть ощущение, что президент Буш мог бы получить поддержку Совета Безопасности ООН, но отказался от переговоров, чтобы продемонстрировать свою способность принимать самостоятельные решения (26). Действия США в «войне с террором» можно рассматривать как яркий пример использования нестабильности ради применения военной силы, но в массовом, международном масштабе. США заявили о необходимости наводить порядок на мировой сцене по собственной воле.

В ответ на события 11 сентября США стали задерживать «вражеских бойцов», тайком отправлять их в тюрьмы на неопределенный срок, не предъявляя им обвинения и не предоставляя права на встречу с адвокатом. В заливе Гуантанамо было заключено в тюрьму несколько сотен человек, а министр обороны заявил, что их не пустят на свободу, даже если будет проведено расследование и окажется, что они невиновны (27). В 2002 году верховный комиссар ООН по правам человека Мэри Робинсон и бывший президент США Джимми Картер осудили эти действия. Мэри Робинсон выступила с критикой оправдания тирании под видом борьбы с терроризмом. Она заявила, что США, Россия и Китай — страны, игнорирующие гражданские права и объясняющие это борьбой с международными террористическими группировками (28). По словам Джимми Картера, под прикрытием войны,

объявленной терроризму, верхушка консерваторов реализует долго сдерживавшиеся амбиции (29).

ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Поиск «оружия массового поражения» в Ираке, похоже, тоже оказался тактикой использования нестабильности для применения жестоких мер. Сначала администрация Буша объединила атаку Бен Ладена 11 сентября и тиранию Саддама Хусейна в Ираке в единый образ силы зла, которая должна быть уничтожена. Никем не доказанное обладание оружием массового поражения дало повод для незамедлительной упреждающей бомбардировки Ирака. США дали понять, что сделают это, даже если придется действовать в одиночку. ООН и международное сообщество пытались настоять на продолжении работы экспертов с целью выяснить, действительно ли у Саддама есть такое оружие. Некоторые сомневались в разумности упреждающего удара по стране, даже — или в особенности — если есть подозрение, что она владеет оружием массового поражения, которое может быть быстро использовано. Многие предполагали, что настоящая причина, по которой США решили бомбить Ирак, заключается в борьбе за политическую власть и за нефть. Пока США готовились к нападению, набрало силу мощное антивоенное движение. Тем не менее многих так беспокоила вероятность наличия у Саддама оружия массового поражения, что они согласились с возможной необходимостью бомбардировок. Многие американцы думали, что поспешность администрации Буша объясняется реальностью нависшей угрозы. Они хотели довериться в оценке ситуации осведомленному и компетентному правительству. Они с легкостью согласились, что иногда нужно проявлять твердость. Если мы будем рассматривать это как тактику использования или провоцирования нестабильности для установления господства

и контроля, то она была применена не только по отношению к Ираку, но и к американскому народу и всему международному сообществу.

УЖЕСТОЧЕНИЕ РЕАКЦИИ

Цель террора — запугивание, обострение эмоций, провоцирование нестабильности и потери ориентации. Террор заставляет нас искать кого-то, кто сумеет нас защитить. Нашим отношением к террору чрезвычайно легко управлять. Изучать реакции человека на тактики террора необходимо для того, чтобы не поддаваться внушению — бессознательно и безоговорочно. Крайне важно, какое психологическое воздействие оказывает террор на отдельных людей и на сообщества. Чтобы понимать свою реакцию на террор, нужно исследовать собственное поведение в состоянии страха, анализировать личные и общественные психологические травмы, разобраться в своем отношении к власти — как мы воспринимаем и исполняем то, что нам велят, или как мы протестуем и оказываем власти сопротивление. Такое познание самих себя необходимо, чтобы вести подробный диалог и дебаты внутри общества о значении наших гражданских свобод и нашей потребности в защите, чтобы не отдавать решение этих вопросов на откуп радикальным группам и реакционным лидерам, покорно принимая крайние меры и новые законы, отнимающие эти свободы.

ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ СИЛОЙ: ОТДЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Когда мы слышим о том, что в стране с твердыми идеалами демократии применялись тактики террора — полицией ли, в тюрьме или со стороны властей — мы склонны думать, что это случайное злоупотребление и нет

оснований подозревать, что насилие повсеместно и, возможно, является частью проводимой политики. Если нам объявляют, что упраздняются гражданские свободы, мы предпочитаем думать, что это временно и необходимо. Но если мы принадлежим к группе, против которой направлены эти действия, то правда обычно заключается в обратном. С другой стороны, иногда мы проявляем повышенную чувствительность к таким вещам: услышав об отдельном происшествии, начинаем рисовать себе общую картину и нередко заблуждаемся, видя закономерность там, где ее нет. Люди, оказавшиеся в том или ином маргинализированном меньшинстве, жалуются, что постоянно беспокоятся и спрашивают себя, не преувеличивают ли они, не слишком ли они все обобщают, когда подозревают власти в предвзятом отношении или несправедливых действиях.

Склонность считать жестокие меры аномалией, возможно, объясняется благополучием, наивностью и даже простодушной добросердечностью части общества. Может казаться, что те, кто страдает от нарушения прав человека и жестокого обращения, должно быть, каким-то образом этого заслужили. Или же, что тактики террора и пытки несправедливы, поэтому их просто не могут осуществлять доверенные власти. Или, наконец, эта часть общества приходит к выводу: «Скорее всего, это было неизбежно в такой чрезвычайной ситуации» или «Это была ошибка».

Такое отношение укрепляет и поддерживает порочную систему и учитывается при разработке тактик террора. Правитель или военачальник, совершая жестокие поступки, может говорить при этом на языке моральных ценностей и значительная часть населения будет слышать только слова о высоких идеалах. Так поступали и все фашистские лидеры. США знамениты своими разговорами о демократии, свободе и человечности, которые сопровождаются нарушениями прав человека внутри

страны и за рубежом и поддержкой диктаторов, жестоко угнетающих свое население. Все мы рассуждаем о гуманистических ценностях, смотря сквозь пальцы на собственные действия и бездействие. Мы с легкостью соотносим себя со своими благими намерениями и не замечаем того, что делаем в реальной жизни. Эта неосознаваемая тенденция, прослеживающаяся как у отдельных людей, так и у обществ, делает нас податливыми лидерам, которые ведут себя точно так же.

Мы можем принимать участие в осуществлении таких тактик из-за потребности в личной безопасности, защите и желания чувствовать себя невиновными. Мы не хотим сомневаться в своем защитнике. Использование правительством и полицией тактик террора и пыток ужасает не только самими действиями. Человек или группа, на которую они направлены, остается без покровительства. Это тоже создает условия для того, чтобы подняли голову военачальники или главари банд, которые зачастую используют тот же деспотизм и требуют покорности в обмен на защиту.

Глава 7. Тактики террора: Страшилище и демонизация

СТРАШИЛИЩЕ ГДЕ-ТО РЯДОМ

«Страшилище» бродит где-то рядом, оно придет и съест тебя. Спрячься дома, запри все окна и двери!

Страшилище — это часть вереницы наших грез, выдумок и мифов, фантастических действий и детских игр. Оно олицетворяет все, чего мы боимся! Оно, притаившись, ждет, а мы в это время пытаемся доказать свою невиновность, иначе оно нас съест.

Разумеется, такие страшилки — излюбленный метод создания атмосферы страха. С его помощью демонизируют отдельных людей или группы, что зачастую заканчивается нарушением прав человека, этническими чистками и геноцидом. Эта тактика направлена на то, чтобы вызвать в людях страх, создать и подпитывать боязнь какой-то категории людей и презрение к ней, а также чтобы убедить всех в необходимости защищаться от исходящего от этих людей зла.

Один из способов понять сущность Страшилища — отречься от него и попробовать освободиться от той части собственного существа, которая пугает, от части своих воззрений и моделей поведения. Это важно, поскольку мы проецируем эту пугающую часть нас самих на другого человека или группу, чаще всего на тех, кто непохож на нас, или мало нам известен, или маргинален по отношению к нашей группе или обществу, — на тех, от кого мы должны во что бы то ни стало отгородиться. Все это — предпосылки для предубеждений и ксенофобии. Так поступаем мы все. Это присуще человеческой

Рис. 7.1. Страшилище.
Автор Лаура М. Андерсон

натуре. Когда мы не отдаем себе в этом отчета, эту психологическую реакцию легко стимулировать. И Страшилище чудится нам в евреях, неграх, цыганах, гомосексуалистах, бомжах, крупных корпорациях, хорватах, мусульманах, сербах, Усаме Бен Ладене, Саддаме Хусейне и президенте Буше.

Прежде чем обратиться к рассказу о том, как целые сообщества и нации превращаются в добровольных убийц из-за эксплуатации образа Страшилища внутри нас, давайте посмотрим, как на нашу личность вообще влияют вера в него и его отрицание.

Во всем мире большинство из нас, взрослых, думает или делает вид, что Страшилище существовало только в детстве. Повзрослев, мы отрицаем его существование. Мы теряем связь с мифическим миром. Проблема не в вере в Страшилище — наоборот, проблема в том, что мы не признаем его существования даже в мире грез. Мы не соглашаемся с тем, что выдуманный мир формирует наши чувства и восприятие. Проблема в нашем

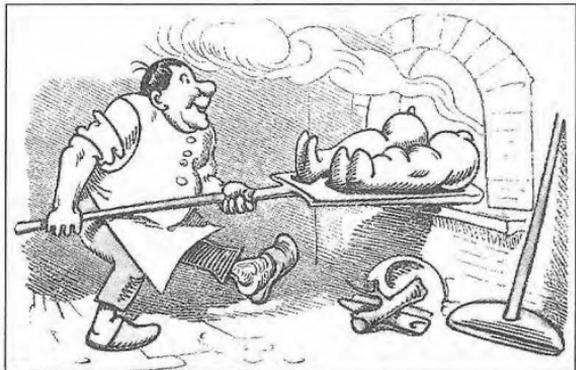

отрицании существования Страшилища и пугающего, но интересного содержимого наших фантазий. Пытаясь вести себя по-взрослому, мы отгораживаемся от страшилок и их богатого эмоционального содержания и начинаем считать их «детской игрой». Таким образом, мы преграждаем им путь в наше сознание и бессознательно воспроизводим этот миф в личных, общественных и политических взаимоотношениях.

Дети с потрясающей легкостью, радостью и страстью вступают в мир мифических созданий, монстров, фантазий и сновидений. Они знают, что эти создания реальны, и вместе с тем почти никогда не путают «настоящего монстра» с «настоящим человеком». Убивая монстра, они не убивают человека, который изображает этого монстра. Дети могут «заставить» своих здравомыслящих, любящих родителей и бабушек с дедушками в шутку «сожрать» их, понимая, что на самом деле те этого не сделают.

В культурах, где с помощью ритуальных представлений и танцев воспроизводят мифический мир и выражают ему почтение со всей благоговейностью и серьезностью, которых он заслуживает, ваш сосед может исполнять устрашающий танец в маске демона, и вы верите в реальность этого демона. Это не игра. Но после ритуала вы по-прежнему заходите к нему, чтобы одолжить муки или молока. Он, как и раньше, ваш сосед.

Рис. 7.2. «Макс и Мориц», детская книга Вильгельма Буша 1925 г. (рисунки 1870 г., в оригинале раскрашены вручную). «Непослушные Макс и Мориц падают в тесто. Пекарь их не замечает и кладет в духовку»

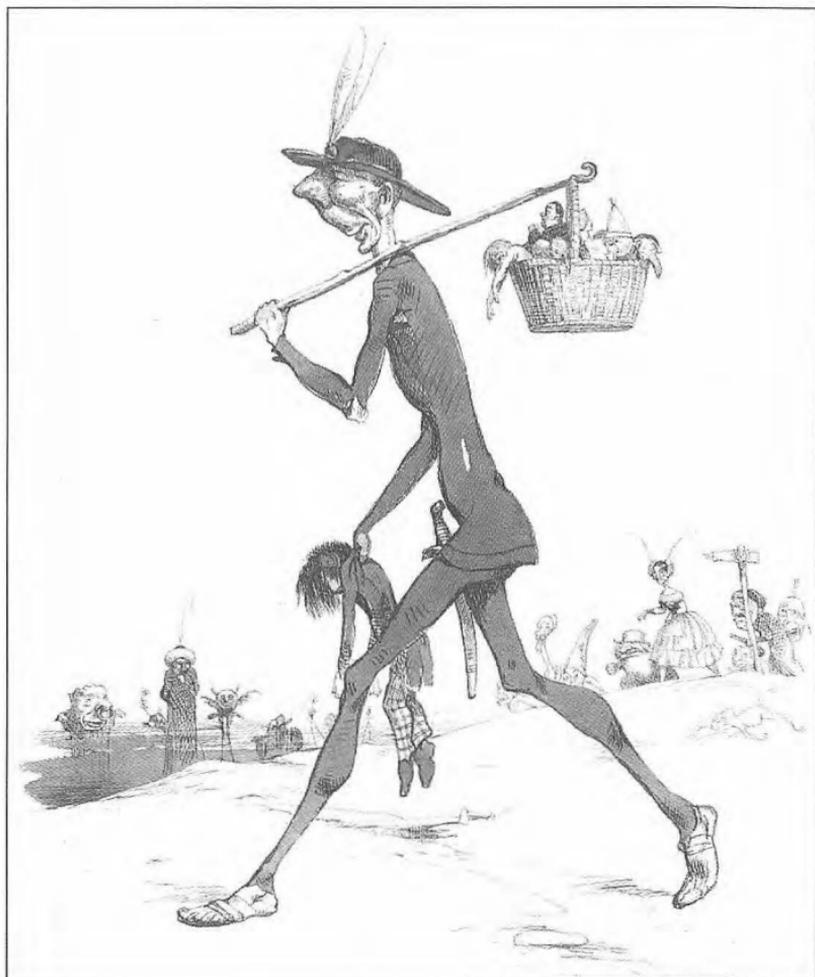

Писательница Марина Уорнер в книге «Ничего не выйдет, Страшилище» (No Go the Vogeuman) описывает такой случай:

Мать, которая близко к сердцу принимала советы о том, что взрослым следует всегда с уважением относиться к детским фантазиям, однажды ночью со всей серьезностью отреагировала на страх дочери, будто бы

Рис. 7.3. Страшилище. Автор Дойль Р., около 1890 г. «Страшилище собирает свои жертвы в корзину»

под кроватью кто-то сидит. Она заглянула под кровать, сделала вид, что нашла незваного гостя, выгнала его из-под кровати, спустила с лестницы, открыла входную дверь и вытолкала наружу. Потом захлопнула дверь и вернулась назад, стряхивая с рук пыль и приговаривая: «Ну, теперь-то мы от него избавились». Однако ее маленькая девочка, бледная от страха в кроватке, встретила ее вопросом: «Мамочка, а что, под кроватью правда кто-то был?» (1).

Попытка матери проникнуть в воображаемый мир дочери одновременно трогательна и поучительна. Происшедшее можно истолковать следующим образом: для того чтобы свободно предаваться мечтам, дочери необходимо знать, что ее мама точно находится в реальном мире. Желая подыграть дочери и спасти ее от угрозы, женщина сделала опасность реальной и нечаянно напугала девочку, считавшую, что ее мама знает разницу между мифическими угрозами и настоящими. Сделав угрозу реальной, она никоим образом не «отнеслась с уважением» к детским фантазиям! Девочка на время потеряла способность легко воображать жуткие вещи. Она больше не могла играть в страшного монстра, или прятаться от него под одеялом, или обнимать маму и чувствовать ее тепло, или прижимать к себе плюшевого мишку. Чудовище стало слишком «реальным».

Этот короткий рассказ о выдумке и реальности всеобъемлющ. Наша проблема заключается не в сказках о Страшилище. Если бы мы могли с уважением отнестись к миру мифов и эмоций, мы установили бы с ним контакт, получили бы возможность разобраться в собственной натуре и лучше ее понять, установить связь с самими собой и с глубоко запрятанными чувствами страха, отваги, способностью быть «плохим» и защищать себя. Проблема (и это реальная проблема) заключается в том, что мы теряем доступ к богатству мира грез и эмоций и нас

легко обмануть и заставить разыграть сценарий со Страшилищем. В итоге этот сценарий превращается в ужасающую реальность политической, общественной и личной жизни.

Два параллельных мира тесно связаны. А теперь спрячьтесь под одеяло и закройте все окна, пока я рассказываю вам вот что: Страшилище, как все мифические, призрачные фигуры и герои сновидений, реально. Самое интересное заключается в том, что оно свободно перемещается во времени и пространстве, путешествует сквозь годы и историю, скитается по деревням и странам мира. Оно просачивается сквозь окна и проникает в сердца как раз в тот момент, когда люди думают, что наконец-то находятся в безопасности. Оно приходит в облике соседей, партнеров или в новостях, оно проявляется в нашем стихийном желании разорвать кого-то на куски. Мир мифов реален, и он управляет нашими

Рис. 7.4. Пропагандистская иллюстрация под названием «Наказания ада», Берлин, ок. 1936 г. Иллюстрирует лекцию, почитанную «рейхсфюрером СС, начальником расы и земли». Лекция называлась «Das Judentum, seine blutsgebundene Wesenart in Vergangenheit und Gegenwart» («Еврейство и его кровавая сущность в прошлом и настоящем»)

индивидуальными и коллективными эмоциями, поведением и тем, как мы друг к другу относимся. Если вы начнете познавать себя, свои самые глубоко запертые под одеяло страхи, ту страшную, притаившуюся под кроватью часть вас самих, если вы уделите время друзьям и сообществу, попытаетесь разобраться в том, чего боитесь, выпустив из-под спуда свою отвагу, тревожность, застенчивость и злобу, непредсказуемость и мужество, — тогда реальный мир изменится. Он станет богатым, менее плоским, более ярким и увлекательным. Вы почувствуете связь с жизнью и людьми, которые вас окружают. И мифический мир тоже изменится. Беря на себя ответственность за него, мы очеловечиваем его.

Страшилище приходит к нам в легендах, присутствует во всех культурах, затрагивая самые глубоко запертые страхи по поводу собственной дикой и неизведанной сущности и того, что прячется под кроватью или где-то за углом. Оно предстает в виде дьявола, получеловека-полукозла, сатира и тролля. Вендиго — это высокий дикий живущий в лесу человек из северо-американской алгонкинской легенды, который ест людей, и особенно непослушных детей. Эта мифическая реальность с готовностью используется для воспитания нравственности, чтобы пугать детей и заставлять их вести себя хорошо. Ребенка предостерегают: «Если ты будешь непослушным мальчиком, Страшилище тебя съест!» В России и Восточной Европе непослушным детям грозили, что придет Баба-яга и заберет их. Баба-яга была еще и мудрой женщиной, но, в образе великанши-людоедки, она, подобно ведьме в сказке «Ганзель и Гретель», воровала детей и варила их в котелке. Санта-Клаус знает, хорошо или плохо вы себя ведете. В Нидерландах у святого Николая был помощник Черный Питер. Святой Николай и Черный Питер приносят подарки и конфеты хорошим мальчикам и девочкам, а плохих мальчиков и девочек Чер-

ный Питер забирает (здесь роль Страшилища отводится черному человеку).

Запугивание Страшилищем выходит за рамки простого запугивания непослушных мальчиков и девочек. Миф о нем используется в качестве тактики террора для разжигания ненависти, притеснения сообществ и развязывания геноцида. Тесная и потенциально творческая взаимосвязь между мифом и реальной жизнью безжалостно эксплуатируется в международном масштабе.

ПОЕДАНИЕ ДЕТЕЙ: СТРАШИЛИЩЕ В ОБРАЗЕ ЕВРЕЕВ

От Средних веков и вплоть до наших дней люди думали, что евреи убивают и едят детей, как Страшилище в той самой сказке. Один мой друг из Центральной Европы рассказывал, что в своей психотерапевтической практике он и в наши дни встречается людей, которые буквально в это верят.

Евреев обвиняли в ритуальных убийствах христианских детей. В 1144 году в городе Норидж в Англии впервые был зафиксирован случай такого обвинения. Спустя столетие из этой веры в ритуальные убийства родился так называемый кровавый навет — миф о том, что евреи на еврейскую Пасху используют кровь христианских девственниц для совершения ритуалов, выпечки мацы (пресного хлеба) и пьют ее, как вино (2).

Этот миф живет до сих пор. Недавно в статье в ежедневной саудовской газете описывалось, как евреи используют кровь для выпечки пирожных на праздник Пурим. Вот цитата из этой статьи: «Я решил поведать о еврейском празднике Пурим, потому что он связан с месяцем мартом. У этого праздника есть некоторые опасные обычаи, которые, без сомнения, вас шокируют, и я прошу меня простить, если это травмирует кого-то из читателей». Далее в статье говорится, что евреи готовят

Рис. 7.5. «Убийство мисс Джейн МакКреа в 1777 г.» — картина фирмы «Currier & Ives» 1846 г. (Это событие 1777 г. стало легендой, демонизирующей индейцев.)

пирожные с особой начинкой, сделанной из крови христиан или мусульман. В жутких подробностях описывается, как готовят эти пирожные и как добывают кровь. Эта статья могла быть предназначена только для того, чтобы пробудить страх и сильную ненависть. Ее перевели и опубликовали в западных средствах массовой информации, и после резкой критики редактор опубликовал извинения (3).

НАСИЛИЕ, СТРАШИЛИЩЕ И ТЕОРИЯ РАС

В немецкой книге для детей, датированной 1936 годом, сделан следующий вывод: «Отец евреев — дьявол. Когда Бог создавал мир, Он сотворил расы: индейцев, негров, китайцев, а также порочных созданий, называемых евреями» (4). Миф о Страшилище использовался не только для того, чтобы принизить какую-то расу, культуру, религиозную или этническую группу, но он учитывался уже при самой разработке расовых теорий и в их

применении с целью потворствовать эксплуатации и геноциду рас, которые считаются низшими. Сторонники социального дарвинизма поддерживали мнение, что некоторые расы менее развиты и невосприимчивы к цивилизации. Говард Винант¹ пишет: «Категоризацию людей по расе, хотя ее с помощью множества скрытых способов использовали во всем мире, выдумали европейцы. Она — следствие того же самого всемирно-исторического процесса, который сформировал национальные государства и империи» (5). Под влиянием мифа о Страшилище мы сами становимся подобны ему, не отдавая себе отчета в собственной жестокости, проецируя «варварство» на тех, кого убиваем. Аборигенов во всем мире считали «дикими» и «примитивными» и в то же время их безжалостно эксплуатировали и убивали во имя развития «цивилизации».

СТРАШИЛИЩЕ В ОБРАЗЕ ЧЕРНОКОЖИХ

В США чернокожих нередко ложно обвиняли в изнасиловании белых женщин и расправлялись с ними без суда. Те, кто вершили самосуд, совершали чудовищные акты насилия, которые отождествлялись с защитой невинных от Страшилища. И до сих пор психологическая проекция и представления о чернокожих людях как о диких и жестоких делают их объектами презрения, агрессии и жертвами неоправданных арестов.

СТРАШИЛИЩЕ И ГОМОФОБИЯ

Существует предубеждение против представителей всеми не любимых меньшинств, будто они опасны для наиболее уязвимых членов общества, а особенно женщин и детей.

¹ Винант Говард — американский социолог, специалист по теории рас. — Примеч. пер.

В гомосексуалистах часто видели Страшилищ, считая их преступниками, психически нездоровыми людьми и главное — растлителями малолетних. Страх перед Страшилищем стал следствием страха перед гомосексуальностью и боязни, что дети потеряют невинность. Необоснованные утверждения и явная ложь о том, что гомосексуалисты более склонны к растлению малолетних (в то время как множество исследований демонстрируют противоположное (6)) очень обижают гомосексуалистов, которые так или иначе постоянно сталкиваются с проявлениями гомофобии и стереотипами в семьях и обществе.

Когда Анита Брайант в 1977 году проводила успешную кампанию по отмене постановления округа Дейд во Флориде, запрещающего дискриминацию гомосексуалистов, она назвала свою организацию «Спасите наших детей», используя миф о Страшилище, которое уносит маленьких детей. Активисты движения против геев беспрестанно утверждают, что представители сексуальных меньшинств растлевают детей. Во время дебатов по поводу правила американских бойскаутов исключать из организации голубых скаутов и вожатых обсуждались и эти стереотипы (7).

СТРАШИЛИЩЕ В ОБРАЗЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В 1960-х годах во время «культурной революции» в Китае (8) Мао призывал студентов участвовать в народной революции. Эти молодые люди выросли с уверенностью в том, что Мао почти что Бог и все, что он говорит, правильно. Он утверждал, что коммунистическая партия и большая часть руководящих работников препятствуют развитию революции. Он призывал молодежь свергать местное руководство. Людей, подвергшихся гонениям, называли контрреволюционерами. Они стали Страшилищами. Они представляли опасность для ценностей

Рис. 7.6. «Культурная революция» в Китае, около 1966 г. На рисунках изображены преступления интеллектуалов. Написано: «Журнал „культурной революции“», «Ченг Ченг — человек, совершивший отвратительнейшие преступления», «Врачи делают вид, что лечат женщин, а на самом деле домогаются их», «Причина болезни — владение землей»

народа и революции. Молодые люди грабили квартиры стариков, оскорбляли и убивали их. Одна девушка рассказывала, как приехала в дом незнакомого пожилого человека, которого перед этим избила до смерти компания ее сверстников. Мужчину она увидела уже мертвым. Она сказала, что в то время не придавала случившемуся большого значения, так как это было обычным делом. Но позже, по ее словам, один и тот же вопрос преследовал ее: стала бы она участвовать в избиении и убийстве, если бы приехала чуть-чуть раньше? Девушка понимала, что никогда не сможет найти ответ. Однако позднее, когда она не согласилась с друзьями, утверждавшими, что Мао всегда прав, сверстники осудили ее, и долгое время с ней никто не разговаривал (9). Она превратилась в Страшилище, аутсайдера (того, кого не считают своим, таким же, как все), в угрозу нашему обществу или движению.

В СГОВОРЕ СО СТРАШИЛИЦЕМ

Миф о Страшилище используют в тактиках террора с политическими целями. Он нужен не только для того, чтобы вызывать ненависть и презрение по отношению

к определенной группе людей, которую упрекают и обвиняют в проблемах сообщества, но и с целью укрепить лояльность к собственной группе. Если вы не думаете и не действуете так же, как большинство членов сообщества, вас начинают подозревать в сговоре со Страшилищем или в том, что вы оно самое и есть. Подобное случается и в движениях общественных активистов, члены которых могут попасть под подозрение в том, что они Страшилища-аутсайдеры и подрывают движение. К тому же такой прием используется в тактиках государственного террора: чтобы расколоть социальное движение, в него внедряют лазутчика, который сеет недоверие между активистами. Отсутствие глубоких знаний о Страшилище внутри нас делает нас более податливыми действию таких тактик.

КАРИКАТУРЫ, ШУТКИ И ТАЛИСМАНЫ СПОРТСМЕНОВ

Излюбленным методом устрашения посредством мифа о Страшилище являются карикатуры. Карикатуры с утрированными, юмористическими или искаженными чертами затрагивают мифическую первооснову Страшилища. Маски с утрированными чертами лица или, например, ритуальные движения традиционно используют для того, чтобы облегчить доступ к архетипическим персонажам и создать пропитанную мифами атмосферу, переносящую участников и наблюдателей в фантастическую реальность. Карикатурные изображения стирают грань между мифическим миром и отдельным человеком или группой, которые выбраны объектами презрения. Они могут казаться смешными, игривыми и забавными, маскируя жестокость. Возможно, по этой причине шутки, принижающие женщин, гомосексуалистов, темнокожих и другие этнические сообщества, часто считают «просто шутками». Люди часто обижаются из-за того, что их

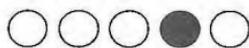
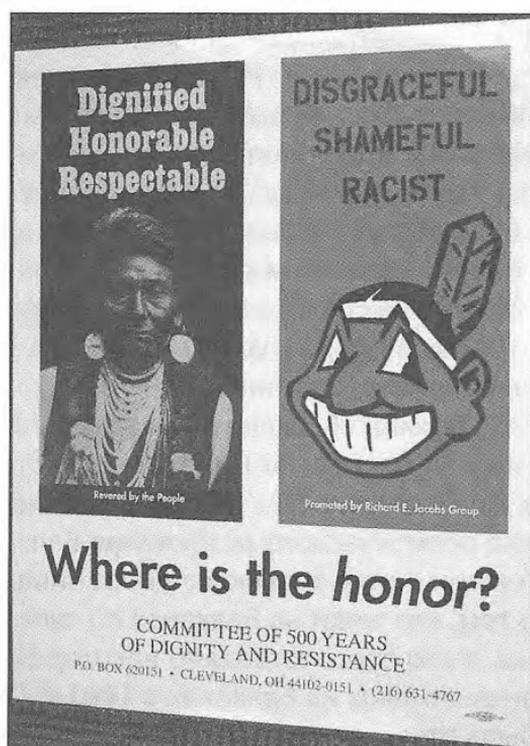

шутку сочли агрессивной, и думают, что такая реакция — результат политкорректности.

Как много лет назад, так и теперь лозунги, крылатые выражения и карикатуры изображают коренных жителей Северной Америки нецивилизованными дикарями. Сейчас по всем Соединенным Штатам в школах обсуждается вопрос, можно ли использовать изображения индейцев в качестве символов спортивных команд. Одна такая команда, использующая изображение «дикого» индейца, называется «Дикари» (10). Небольшое местное сообщество было возмущено тем, что это может рассматриваться как нечто расистское или даже оскорбительное — они уже много лет гордятся своей спортивной командой и ее символом. И хотя коренные американцы и правозащитные организации высказываются против исполь-

Рис. 7.7. Плакат «Где почтение», Комитет 500 лет достоинства и сопротивления. (Вождь Ваху — эмблема ведущей баскетбольной команды Кливленда. Команда настаивает на ее использовании, несмотря на активные демонстрации протеста и утверждения, что эмблема создает негативный стереотип индейца.)

зования таких изображений, их продолжают наивно и демонстративно использовать.

ПОРТРЕТЫ СТРАШИЛИЩА

Утрированные черты новоиспеченного Страшилища появляются на больших плакатах, вывесках и картинах, придавая ему мифический и загадочного оттенок. После событий 11 сентября Усама Бен Ладен и президент Буш стали Страшилищами нашего времени. Бен Ладена демонизировали для того, чтобы пробудить дух возмездия, и с той же целью сжигали и втапывали в грязь портреты «Страшилища» Буша.

СТРАШИЛИЩЕ: ТЕРМИНЫ И СТЕРЕОТИПЫ

Расистские штампы отражают и увековечивают взгляды расистов. Штампы относятся к образу зла, а не к конкретному человеку. Расистские замечания схожи с пропагандой, и их используют, чтобы отождествить отдельного человека или группу со Страшилищем. Афроамериканцы давно переживают бесконечную цепь унижений из-за своей расы. В бывшей Югославии, как мы уже видели, хорватов называли «ушашами», чтобы отождествить их с фашистским режимом усташей и пробудить страх перед Страшилищем, а мусульман иногда соотносили со Страшилищами-захватчиками XIV века.

Термин «балканизировать» означает «разделить регион на несколько маленьких, часто враждебных друг к другу государств» (11). Это понятие появилось вследствие политического разделения Балкан в начале XX века. Термин также отражает укоренившуюся точку зрения о том, что люди на Балканах по своей природе враждебны, и это способствовало некоторой дезинформации во время войны на Балканах в 1990-х. Считалось, что война была отчасти результатом еле сдерживаемых этнических

противоречий и долго подавляемой ненависти. Это клише способствовало тому, что весь мир решил: война неизбежна и с этим ничего не поделаешь.

Многие из нас, добрые и умные, огорченные жестокостью этого мира и убежденные сторонники ненасилия, думают, что не подвержены предрассудкам. И тем не менее мы видим Страшилище в «расистах», «фашистах», «государстве», «политиках» и с легкостью отмахиваемся от вопроса о том, что нами движет и какую роль мы играем в происходящих событиях.

ПРИНИМАЯ ВЫЗОВ СТРАШИЛИЩА

С одной стороны, понять суть мифа о Страшилище можно следующим образом: считая себя невиновными, мы изолируем и подпитываем свою жестокую сущность и действуем под ее влиянием. С другой стороны, можно посмотреть на этот миф и так: мы сами Страшилища и ведем себя очень опасно, представляя угрозу для наших детей и будущего. Нам необходимо избавиться от наивного убеждения, что мы невинны как дети на фоне жестокости этого мира. Надо убить в себе убежденность в том, что мы — добро, а зло прячется где-то рядом. Собрав воедино наивность и мужество, мы должны сделать шаг в неизвестность, узнать самих себя, друг друга и понять собственные фантазии.

Глава 8. Тактики террора: дегуманизация

Широко употребляемая тактика террора — дегуманизация, то есть изображение человека или группы людей паразитами, которых необходимо уничтожить. Демонизация стимулирует наш страх перед неизвестным. Дегуманизация облегчает нам убийство или дает право на него.

ТАРАКАНЫ И КРЫСЫ

7 и 8 апреля 1994 года руандская радиостанция RTLМ (Radio Television de Milles Collines — Радио и телевидение Тысячи Холмов) подстрекала к геноциду со словами: «Вы должны убивать их [тутси], они тараканы...», 2 июля — «Не знаю, поможет ли нам Бог уничтожить их [тутси]... но мы должны восстать, чтобы искоренить эту расу плохих людей. <...> Они должны быть уничтожены, другого пути нет» (1).

Во время пропагандистской кампании, направленной на дегуманизацию евреев и подготовку немецкой нации к их изгнанию и уничтожению, нацисты изображали евреев в виде крыс. По настоянию Йозефа Геббельса был снят хорошо известный пропагандистский фильм *Der Ewige Jude* («Вечный жид»).

В фильме показывают крыс, а закадровый голос произносит текст: «Где бы ни появились крысы, они приносят опустошение, уничтожая имущество и продовольствие. Они [крысы] распространяют болезни — чуму, проказу, брюшной тиф, холеру, дизентерию и другие. Они коварны, трусливы и жестоки и обычно собираются стаями. Эти животные — символ коварства и разрушения».

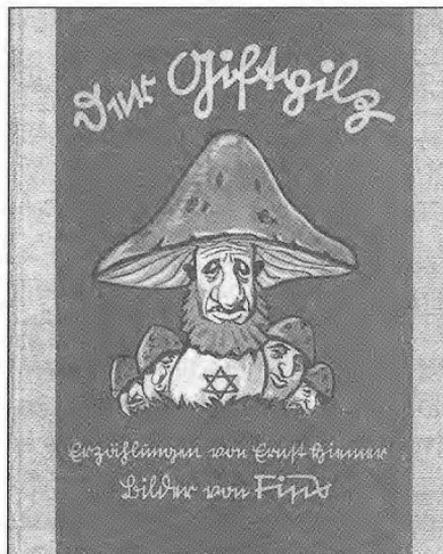

Рис. 8.1. Der Gift Pilz («Ядовитый гриб»), антиеврейская детская книжка, изданная Юлиусом Штрайхером

Рис. 8.2. Der Gift Pilz («Ядовитый гриб»). Подпись под картинкой: «Часто бывает сложно отличить ядовитый гриб от съедобного, точно так же нелегко бывает рассмотреть в еврее плута и преступника»

Затем на экране появляются фотографии мужчины-еврея и улыбающегося мальчика, и голос за кадром произносит: «Евреи — такие же крысы среди людей».

В другой части фильма говорится: «Под предводительством Адольфа Гитлера Германия подняла знамя войны против Вечного жида». Фотографии государственных деятелей и ликующих молодых немцев сопровождаются

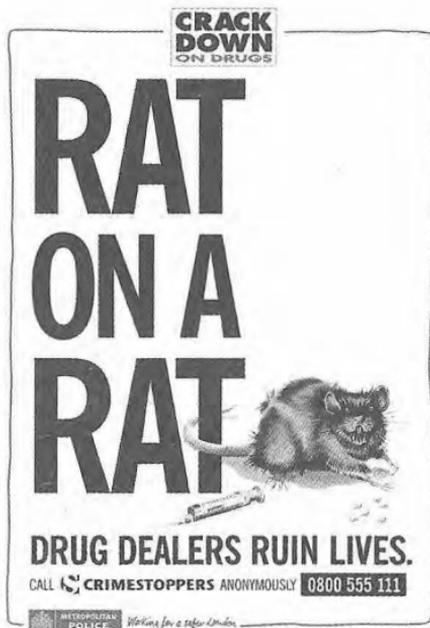

обещанием «окончательно ликвидировать еврейскую расу в Европе!» и звучат слова: «Непреложный закон природы сохранять чистоту своей нации. Это — наследие, которое национал-социалистическое движение навеки завещает немецкому народу» (2).

ЛОВИТЕ КРЫС — ЛОНДОНСКАЯ ПРОГРАММА БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ

Как-то днем я шла по улице Лондона и увидела большой плакат, на котором была нарисована крыса. Надпись на плакате гласила: «Ловите крыс. Торговцы наркотиками ломают жизни». Мне стало грустно. Очень хорошо, что общество пытается решить проблему наркоторговли. К тому же, по сообщениям лондонской полиции, это была крупная и успешная кампания, длившаяся два года — с 2000 по 2001-й (3). Позднее такие же кампании проводились и в других городах Великобритании. Я отлично

Рис. 8.3. Плакат «Ловите крыс» (Дословно: «Крыса на крысе»). Кампания по борьбе с наркотиками. Лондонская полиция

понимала: задумка состояла в том, чтобы воздействовать на людей, скрывающих информацию, которая могла оказаться критически важной для общественной жизни и безопасности. Я сознавала, что кампания была призвана бороться с теми, кто уговаривает и принуждает детей употреблять наркотики, разрушающие общество, губящие жизни и убивающие людей. В то же время меня обеспокоил использованный в ней образ крысы. Я не верю, что подобная стратегия способна помочь в долгосрочной перспективе построения гуманного общества. Использование изображений и описаний крыс напоминает тактику дегуманизации. Эта кампания дегуманизировала торговцев наркотиками. Возможно, не найдется человека, который был бы против этого. Кто-то, вероятно, даже скажет: «А почему бы и нет?»

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ

Коренных жителей Америки столетиями дегуманизировали для того, чтобы оправдать их истребление и продолжать его. Как пишет Стэннард, расчеты показывают, что в 1492 году Западное полушарие населяло не менее 75—100 миллионов человек, примерно 8—12 миллионов из которых проживали к северу от Мексики. А некоторые уважаемые исследователи, по его же данным, полагают, что население полушария составляло 145 миллионов человек, из которых 18 миллионов проживало на территории к северу от Мексики (4). Черчилль утверждает, что в Западном полушарии насчитывалось приблизительно 125 миллионов жителей. Потери среди коренного населения во многих областях достигли 90—95 (5).

Первый президент США Джордж Вашингтон говорил, что индейцы — «волки и звери, не заслуживающие от белых ничего, кроме как быть полностью уничтоженными» (6).

Томас Джефферсон¹ призывал граждан США «преследовать индейцев до тех пор, пока они не будут истреблены, либо выгнать их на другие земли, за пределы нашей досягаемости» (7, 8).

До 1717 года все колонии Новой Англии выплачивали вознаграждения за индейские скальпы. В 1722 году Массачусетс отменил свой закон о скальпах на основании его «неэффективности», но позднее, в 1747-м, восстановил его по просьбе населения (9).

Эндрю Джексон был избран президентом в 1828 году. Он хвастался тем, что «при любых обстоятельствах сохранял скальпы убитых» (10). Он руководил расчленением тел около 800 индейцев племени крик — мужчин, женщин и детей, жестоко убитых им и его людьми. Он отрубал их носы для подсчета и регистрации числа погибших и «срезал с их тел длинные полоски кожи, чтобы продубить ее и изготовить поводья» (11). Отвратительно даже писать об этом. Тем не менее жители США слишком редко задумываются о реальности этой истории и о продолжающихся нарушениях прав человека и игнорируют вопрос о праве на землю. Джексон призывал американские войска вытаскивать из «берлог» и убивать индианок и их «детенышей» (12). В своем втором ежегодном обращении к Конгрессу он заявил, что, хотя некоторые «опечалены» тем, как американские войска гонят индейцев к их «могилам», понимание «истинной филантропии примиряет разум с этими превратностями, равно как и с тем, что одно поколение уступает место другому» (13). Эта позиция помогла ему победить на выборах. Когда он отнимал землю у племени чероки, индейцам удалось оказать сопротивление и даже выиграть дело в Верховном суде США. Джексон бросил суду вызов, сказав: «Джон

¹ Джефферсон Томас (1743—1826) — третий президент США, один из отцов-основателей этого государства. — *Примеч. пер.*

Маршалл [председатель Верховного суда] принял решение, а теперь пусть исполнит его» (14).

В своей речи, произнесенной в 1886 году, Теодор Рузвельт сказал: «Думаю, мне должно быть стыдно признаться, что я разделяю западные взгляды на индейцев. Я не пойду так далеко, чтобы говорить, что хороший индеец — мертвый индеец, но я думаю, что в девяти случаях из десяти так оно и есть, а в подробностях десятого мне не очень хочется разбираться» (15).

Эта отвратительная фраза — «хороший индеец — мертвый индеец» — вошла в историю. Образ дикого индейца не только отражал страх перед Страшилищем. Эти «дикари» заселяли землю и стояли на пути права белого человека на экспансию.

С марта по апрель 1971-го, через три года после резни в Май-Лэй во Вьетнаме, комитет Конгресса выслушивал свидетельские показания по военным преступлениям. Член Конгресса Минк спросила капитана армии США Роберта Б. Джонсона, выпускника Вест-Пойнтской военной академии сухопутных войск 1965 года: «Вы заявили, что, по вашему мнению, резня в Май-Лэй явилась неизбежным следствием некоторых правил. Не могли бы вы указать, на какое правило вы ссылаетесь в отношении убийства военнопленных?» Джонсон ответил: «Во-первых, на естественное правило, что “хороший узкоглазый — мертвый узкоглазый”. Это то же, что “хороший индеец — мертвый индеец” и “хороший нигер — мертвый нигер”... Мы использовали понятие “страна индейцев”». Идея убийства «дикарей» была одной из составляющих стремления бомбить деревни, отправлять жителей в лагерь для интернированных и убивать «все, что движется» в зонах открытого огня (16).

15 декабря 1890 года вслед за убийством индейского вождя по прозвищу Сидящий Бык в еженедельной газете «Абердинский пионер» города Абердин в Северной Дакоте появилась такая статья:

«Скончался Сидящий Бык, самый известный из современных представителей пламени суу. Он был индейцем, подобно белым людям умевший ненавидеть и мстить тем, кто был несправедлив к нему и его людям. При жизни ему довелось увидеть, как его сына и его племя постепенно изгоняют с принадлежавших им земель, и они вынуждены были оставить свои привычные места охоты и приноровиться к тяжелому труду и чуждым развлечениям белых. Его завоеватели отличались эгоизмом, лживостью и вероломством по отношению к его людям. Стоит ли удивляться, что его дикий нрав, не обузданный годами подчинения, восстал? Стоит ли удивляться, что жгучая ярость все еще кипела в его груди и он искал возможности отомстить своим естественным врагам?

Далее следует:

Сидящий Бык был последним, в ком жил гордый дух исконных владельцев этих прерий, передававшийся по наследству на протяжении столетий жестоких и кровавых войн за владения. С его смертью исчезла знать краснокожих, а те немногие, кто остался, — это свора скулящих дворняжек, лижущих руку, которая их бьет. По закону победителей и превосходству цивилизации белые — хозяева американского континента, и безопасность пограничных поселений будет обеспечена окончательным истреблением немногих оставшихся индейцев. Почему бы и нет? Их слава померкла, их дух сломлен, их храбрость повергнута; пусть лучше они умрут, чем будут оставаться теми жалкими созданиями, которыми стали. История забудет этих последних презренных существ и в грядущие века заговорит о славе тех великих королей лесов и равнин, чью отвагу так любил описывать Фенимор Купер. Мы не можем искренне сожалеть об их уничтожении, но мы, как минимум, отдаем дань тому мужеству, которое проявляли в меру своих возможностей и образования прежние краснокожие Америки (17).

Как ни печально, но редактором и издателем «Абердинского пионера», поддержавшим геноцид, был Л. Фрэнк Баум. Десятью годами позднее он написал всеми любимую книгу «Волшебник страны Оз» (1900) (18). Роберт Венейблз писал, что впервые получил микрофильм этой статьи из «Абердинского пионера» в 1976 году и ожидал, что увидит передовицы, критикующие бойню на ручье Вундед-Ни. Спустя 14 лет после знакомства с этими документами он говорит, что пытался воспринимать ужасные статьи как сатиры или пародии, но они таковыми не являются. Однако он признается, что все равно любит книги и фильм о стране Оз.

Венейблз также утверждает, что призывы к геноциду, очевидно, не были единичными, а звучали повсеместно. Но нельзя объяснить такое отношение только тем, что тогда было другое время, и забыть про это. Еще в 1500-х годах европейцы в Америке выступали против бесчеловечного обращения с индейцами. Когда армия убивала индейцев на западе страны, газеты сообщали о преступлениях и многие люди были возмущены. Для проведения расследований учреждались целые комиссии (19).

Еще одна причина, по которой мы, к несчастью, не можем приписать такие взгляды прошлому, — это то, что они до сих пор актуальны. Особенность статьи Баума состоит в том, что он романтизирует и вместе с тем дегуманизирует коренное население Америки. Одновременная романтизация и дегуманизация до сих пор имеет место в отношении индейцев и других групп людей. Хотя общественность не слишком негодует относительно жестокого обращения с коренными американцами в прошлом и настоящем, их духовные традиции сильно романтизируются. Использование индейских талисманов — символов «диких» индейцев — в эмблемах спортивных команд как раз представляет собой сочетание романтизации и дегуманизации. Как отмечалось выше, некоторые люди сентиментально привязаны к тому, что

они рассматривают исключительно как символ «дикого» духа их команды. Они не осознают, что их наивное соотнесение дикарского и индейского связано с историей геноцида. Они игнорируют просьбы индейских общин, считают, что все дело в «политкорректности», и отказываются всерьез бороться с проблемой. Эта запутанная тенденция придавать романтический и экзотический оттенок группам людей, которые одновременно дегуманизируются, а потом недоумевать по поводу существования каких-то проблем, распространяется на самые разные группы и придает вопросу о культурном присвоении особую остроту. (См. также главу 12.)

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ В ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКОМ КОНФЛИКТЕ

Тактика дегуманизации призывает нас сосредоточить внимание на кажущейся или действительной угрозе нашему существованию и одновременно подавить чувство личной и коллективной гуманности. Израиль неизменно изображает палестинцев как угрозу своему существованию и слишком редко задумывается о кошмарных, нечеловеческих условиях оккупации и своей ответственности за это (20). Палестинцы дегуманизировались силами обороны Израиля и продолжают дегуманизироваться средствами массовой информации и обществом в целом (21). Осенью 2001 года Амос Элон¹ написал, что в одной израильской газете, известной своей «миролюбивостью», была опубликована карикатура, представляющая интифаду как вторжение множества вредоносных паразитов в человеческий организм. Издатель получил только одно критическое письмо от немца — жителя Иерусалима, который выразил протест против

¹ Элон Амос — израильский историк и социальный критик, автор книги «История евреев в Германии 1743—1933». — *Примеч. пер.*

дегуманизации палестинцев в рисунке, напоминающем нацистские карикатуры (22).

В палестинском обществе, в свою очередь, дегуманизируются израильтяне и евреи. Израильский институт изучения палестинской прессы *Palestinian Media Watch* осуществляет поиск карикатур, музыки и фильмов, содержащих дегуманизацию. Примеров много. На одной карикатуре премьер-министр Ариэль Шарон ест из миски палестинских детей. Другая изображает крысу в еврейском молитвенном покрывале и со звездой Давида. Есть фотография осла, покрытого талесом.

Дегуманизация — это язык угроз и насилия. Американец Рабби Майкл Лернер, издатель журнала «Тиккун», выступающий за прекращение оккупации западного берега реки Иордан, получал угрозы убийства. В одной такой угрозе незнакомец писал: «Все вы, недоразвитые левые животные, должны быть уничтожены» (23).

Исследуя тактику дегуманизации, я видела, как иногда обе стороны конфликта используют факт применения противником тактик дегуманизации как предлог для того, чтобы самим его дегуманизировать, как бы говоря: «Посмотрите, как они бесчеловечны. Они нас за людей не считают! Они безжалостны и не остановятся ни перед чем. Они хотят нас уничтожить. Нельзя жить с такими людьми или вести с ними переговоры». Журналистка Кэролин Глик выражает негодование относительно дегуманизации израильского населения и вместе со многими израильтянами приходит к выводу: «Поняв, что в палестинском обществе дела обстоят таким образом, мы заключаем, что боремся не с политическим движением за национальный суверенитет. Мы стали жертвами кампании геноцида, ратующей за наше полное уничтожение и поддерживаемой подавляющим большинством палестинцев» (24). Такая оценка, в свою очередь, укрепляет всеобщее настроение, оправдывающее применение насилия, убийств и использование тактик террора

против палестинцев. Во всем мире дегуманизация с обеих сторон подпитывает ощущение невозможности разрешения конфликта. И мы перестаем переживать по поводу происходящего.

Холодная логика террора характеризуется безразличием и расчетливостью. В газете Herald Tribune сообщалось об израильских офицерах, которые отзываются о палестинских смертниках как о «новом виде “хитрой бомбы”» (25).

Террористы-смертники стали палестинским вариантом «хитрого» оружия, — считают израильские офицеры. Более того, смертники недороги, непредсказуемы и многочисленны. Его или ее сравнительно легко спрятать, транспортировать и хранить, а следовательно, тяжело обнаружить и обезвредить, несмотря на хорошую техническую оснащенность и большой опыт израильских военнослужащих.

Кому-то это покажется остроумным. Но когда мы, не слишком задумываясь и беспокоясь, говорим о палестинских смертниках как о «хитрых бомбах», мы фактически узакониваем отношение к человеку как к бомбе. Это способствует оправданию и нормализации жестоких нападений на мирное население. Мирные жители — оружие. Хотя журналист, возможно, не намеревался поддерживать политику дегуманизации, эта статья демонстрирует, как, пока мы читаем или слушаем новости, дегуманизация просачивается в наше общество и в наше индивидуальное сознание.

Мы делаем врага «безликим», чтобы дегуманизировать его и, таким образом, иметь возможность совершать насилие. Людей готовят к пыткам и убийствам, чтобы они не ассоциировали человека с семьей, культурой, политической философией и будущим. Солдаты наносят удары, дегуманизируя врага, которого они собираются убить.

Колпаки на головах жертв пыток призваны не только дезориентировать жертву (см. главу 11), но и сделать так, чтобы пытающим было легче унижать и терроризировать человека без лица. Среди кошмарных фотографий подвергшихся пыткам иракских заключенных мир увидел изображения безликих голых пленных, на одном из которых был собачий ошейник, прикрепленный к поводку в руках американского военного (26).

ПРИНЯТИЕ ДЕГУМАНИЗАЦИИ

Тактика дегуманизации дегуманизирует не только целевую группу, против которой направлена. Эта тактика дегуманизирует всех нас: из-за нее мы становимся все более невозмутимыми, безучастными и равнодушными. Мы даже можем начать активно выражать презрение и готовность поддерживать и совершать зверства.

Каждый из нас действует в соответствии с этой тактикой, когда подавляет свою гуманность, подавляет чувствительность и восприимчивость к событиям, происходящим с нами и другими жителями нашей страны и мира. Когда мы прерываем контакт с тем, что для нас важно, с нашими самыми глубокими переживаниями, часто не отдавая себе в этом отчета, мы подавляем сострадание, тягостное состояние шока, отчаяния или горя относительно трагедий в нашем обществе и в мире. Мы отгораживаемся от объединяющего нас источника жизни. Мы изолируемся и игнорируем окружающих. Мы отказываемся знать, что происходит.

Я не пытаюсь приравнять дегуманизацию как тактику террора, используемую на войне и при геноциде, к естественной человеческой тенденции в меру сдерживать свои чувства. Тем не менее тактика дегуманизации дегуманизирует всех нас. Если мы начнем следить за собой, отмечать мгновения, когда мы утрачиваем чувствительность, и обращать внимание на глубокие и едва

уловимые отклики и переживания в своей душе, это может способствовать росту «гуманизации» не только наших личных жизней, но и наших стран и всего мира.

Жестокие крупномасштабные конфликты предваряются тактиками террора и нарушением прав человека. Недостаток тревоги в связи с нарушениями прав человека поддерживает широкомасштабное насилие. Откликаясь на нарушения прав человека, когда оно касается нас самих, наших друзей и членов сообществ, мы можем серьезно изменить положение людей, которых затрагивают эти нарушения, и ситуацию во всем мире. Действуя сообща, мы добьемся необходимых политических преобразований и общественных выступлений в защиту прав человека. Как общество мы тоже будем настороже, если услышим, как кого-то демонизируют или дегуманизируют в расистских, гомофобных или сексистских «шутках». Мы не будем черстветь, а станем обращать внимание на то, какова наша реакция и степень сопереживания — слегка ли мы вздрогнули или пришли в ярость — и не замечаем ли мы в себе стремление пройти мимо и оставить все как есть. Мы захотим понять, как возникают наши переживания, научиться бороться и обсуждать в обществе возможность личного вклада каждого.

Глава 9. Тактики террора: притупление чувствительности и психологическое узаконивание

Провоцировать или использовать нестабильность ради возникновения потребности в контроле. Распространять страх перед Страшилищем. Дегуманизировать противника, чтобы каждый почувствовал в себе готовность убивать. И в то же время заставлять всех считать такую ситуацию нормальной, естественной и приемлемой. Нечувствительность к окружающим изменениям не возникает сама по себе — это тактика террора, зачастую тщательно продуманная и имеющая целью насадить власть и контроль.

ПРИТУПЛЕНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Человек наделен способностью прекрасно адаптироваться, приспособливаться к окружающей реальности. Мы привыкаем к тому, что происходит. Особенно если находимся в привилегированном положении. Так, в Южной Африке белые слишком редко ставили под сомнение свое превосходство над коренным населением. Государство навязывало политику апартеида, силой заставляя замолчать тех, кто высказывался против системы, и предоставляя белым беспрецедентные хозяйственные выгоды. Чем больше вы получаете от системы, тем более «нормальной» и «естественной» она начинает казаться.

Белые из Южной Африки рассказывали мне, что помнят очень сильное странное чувство, которое возникало

у них в детстве, как будто что-то не так. Но их сомнения и вопросы оставались невысказанными и подавлялись. Одна женщина рассказала мне, что даже помнит момент, когда мир ее представлений о том, что нормально и правильно, раскололся на части. Ребенком она не могла понять, почему чернокожая домохозяйка ее семьи не может жить вместе со своими мужем и детьми. Задав этот вопрос, она получила столь нелепый и резкий ответ, что больше уже никогда о подобном не спрашивала. Те же, кто продолжал задаваться вопросами и пытался изменить ситуацию, сильно рисковали — именно такие люди становились жертвами репрессий. В странах, где управляют с помощью террора, осознание нарушений прав человека и выступления против них всегда несут в себе угрозу для зачинщика этой дискуссии.

Постоянный страх перед режимом стал нормой. Незадолго до окончания апартеида мы с моим мужем Жан-Клодом преподавали в Южной Африке. В одной из групп, которая состояла только из белых, женщина начала говорить о том, что ее кто-то преследует. Она ссылалась на многочисленные сигналы, знаки и странные ситуации. Чем дольше она говорила, тем больше вспоминала деталей и подробностей. При этом она была в крайне возбужденном состоянии. Поскольку мы к тому времени уже накопили большой опыт работы с людьми, у которых наблюдались психические расстройства, мы поняли, что женщина, вероятно, страдает паранойей. И я помню, как пыталась найти способ помочь ей, принимая во внимание ее уязвимое и, возможно, психотическое состояние, причем сделать это так, чтобы не оскорбить ее и в то же время учесть интересы группы в целом. А поскольку многие в группе знали, что я и мой муж работаем с людьми, страдающими психическими расстройствами в острой и хронической форме, то мне показалось, что все ждут, чтобы мы помогли ей и разрешили возникшую в группе сложную ситуацию. Я оглядела собравшихся, и их лица

запомнились мне навсегда. Все слушали ее и кивали, как если бы в ее истории не было ничего необычного. Запутанные и сложные детали этой истории оказались правдой. Женщина была психически здорова. Это мы с мужем попали в ловушку стереотипного мышления.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЗАКОНИВАНИЕ РАСИЗМА

Многие думают, что такие проявления расизма как ощущение собственного превосходства и презрение к другим являются естественным результатом непохожести людей друг на друга и боязни чужих. Предубеждения часто рассматриваются как страх перед неизвестным — перед Страшилищем — и неспособность адекватно воспринимать другого человека в результате уже сформировавшихся мифов. Расизм можно понять как предубеждение, которое все вокруг признают верным и которое насаждается обществом. Но сама теория о том, что предрасудки и расизм — «естественная» человеческая реакция, узаконивает эти явления. Цинн ставит под сомнение идею, что действия и чувства, которые мы называем «расистскими», являются результатом «естественной» антипатии белых к чернокожим. Он считает, что этот вопрос важен не только для исторической точности. Любое упоминание о расизме как о чем-то «естественном» снимает с общества ответственность за него (1).

Притупление чувствительности и рабство

Расизм в Америке — отчасти результат применения тактик террора. Притуплялась чувствительность белых. Навязывалось рабство. После окончания рабства афроамериканцев продолжали притеснять посредством тактик террора.

Притупление чувства справедливости у белых наряду с дегуманизацией в их глазах черного населения

стали необходимыми условиями существования рабства. Когда для Фредерика Дугласа¹ закончился период подневольного труда, он рискнул опубликовать свою историю. Одной из героинь книги стала жена его второго хозяина. До Дугласа рабов у нее не было, и вначале это была «добрейшая и милейшая женщина» (2). Дальше автор описывает, как она изменялась: «...увы! Этому доброму сердцу недолго суждено было таким оставаться. Губительный яд безграничной власти уже проник в нее и вскоре начал свою зловещую работу. Под влиянием рабства ее веселый прежде взгляд налился злобой, сладкая гармоничная музыка ее голоса превратилась в грубую и мерзкую какофонию, а ангельский лик сменился лицом дьявола» (3). Один из способов объяснить рассказ Дугласа — понять, как психологически происходит притупление чувствительности к насилию. Когда мы идентифицируем себя с добром, то «демона» проецируем на того человека или группу людей, которых притесняем. Одновременно с этим «демон» проявляется в нашем собственном грубом поведении, начинает действовать свободно и независимо от нас. Мы совершенно не реагируем на собственную жестокость просто потому, что ее не чувствуем. Зато приписываем ее тем, кого мы притесняем и на кого нападаем.

Первых африканцев привезли в Вирджинию в 1619 году. Торговля рабами возникла примерно в 1640—1670-х годах. Плантации росли, и к 1800 году 10—15 миллионов чернокожих были привезены в Соединенные Штаты. При этом на кораблях были ужасные условия и выживал только один из трех. По приблизительным подсчетам, в период, когда была позволена работорговля, африканский

¹ Дуглас Фредерик (1817—1895) — американский аболиционист, публицист. Выступал за вооруженную борьбу с рабством. Один из создателей «подземной железной дороги» и учредитель первых негритянских полков во время Гражданской войны в США 1861—1865 гг. — Примеч. пер.

континент потерял пятьдесят миллионов человек, включая тех, кто умер в пути или пытался избежать рабства (4).

Но тех, кто добирался до берегов Америки, было не так легко поработить (5). Поэтому правовые нормы Вирджинии в том, что касалось рабства, узаконивали тактики террора, принуждавшие африканцев к покорности любой ценой. В 1700-х годах в своде законов о рабстве было прописано следующее:

Ввиду того что рабы неоднократно сбежали от хозяев и прятались в болотах, лесах или других потаенных местах, убивали домашних свиней или причиняли другой ущерб... если раб сразу же не возвращается, любой может убить такого раба тем способом, каким сочтет нужным... Если же раба поймут... то он должен... предстать перед судом страны и получить наказание, которое судья сочтет для него подходящим... это может быть, например, расчленение или любой другой вид наказания, оно должно перевоспитать таких неисправимых рабов и устрашать других, чтобы им было неповадно заниматься такими делами (6).

Цинн пишет, что в газетах с 1736 по 1801 год Маллин обнаружил более тысячи объявлений о сбежавших рабах. По правилам рабовладельческой системы чернокожим было запрещено заключать браки и жить в семье. Беглецы часто рисковали жизнью, чтобы воссоединиться с любимыми (7).

Рабовладельцы разработали целую систему контроля, основанную на терроре. Цинн пишет:

Система подавляла людей психологически и физически. Рабов приучали к дисциплине, внушая вновь и вновь идею об их неполноценности, чтобы они «знали свое место». Им указывали, что они должны подчиняться, потому что их кожа черного цвета, должны трепетать

перед властью своего хозяина. Интересы хозяина должны стать их интересами, а личные нужды должны подавляться. Для достижения этой цели рабов заставляли заниматься тяжелым трудом, разбивали семьи, использовали религию... нужно было добиться разобщенности черного населения, и рабов разделяли на полевых и привилегированных домашних, если же и это не помогало, то сила закона или надсмотрщика молниеносно оставляла на теле раба страшные увечья или убивала его. Расчленение как одно из наказаний было закреплено в своде законов Вирджинии в 1705 году. В Мэриленде в 1723 году приняли закон, согласно которому негру, ударившему белого человека, можно было отрезать ухо, если же он совершал какое-то более серьезное правонарушение, его приговаривали к повешению, а его тело четвертовали и выставляли на всеобщее обозрение (8).

Во избежание революций или бунтов люди должны были воспринимать рабство как норму. И государство применило одну из распространенных тактик террора, объявив собрания людей, чьи интересы ущемляли, вне закона. Например, рабам было запрещено проводить танцевальные вечера, играть в карты или вместе молиться. Также был введен комендантский час. Законы и поправки легитимизировали в обществе такую ситуацию, делая ее «нормальной». Законы, запрещающие собрания, были приняты в 1812 году и стали частью «Вашингтонского черного кодекса» (9).

Притупление чувствительности и дегуманизация рабовладельца

Один из способов сделать так, чтобы белые не замечали жестокостей рабства, заключался в том, чтобы заставить их сконцентрироваться на своих материальных потребностях, продолжая при этом дегуманизировать рабов.

Ведь кто-то должен был работать на плантациях. Нужно было разрешать конфликты и поддерживать в порядке имущество. В октябре 1705 года был издан указ, по которому негры, мулаты и индейцы признавались «недвижимым имуществом», необходимым для наилучшего сохранения и обустройства имущества белого населения в каждом владении (10).

Судя по всему, в XVII веке чернокожие и белые слуги не задумывались о своих физических различиях, работали вместе и составляли один социальный слой (11). Белые иногда даже примыкали к движению сопротивления (12). Многие опасались, что недовольные белые помогут чернокожим рабам свергнуть систему. Еще в 1663 году в округе Глоусестер в Вирджинии чернокожие и белые слуги, связанные договором сервитута, объединились, чтобы восстать и отвоевать свободу. Однако нашелся предатель, доложивший о заговоре, и дело закончилось казнями (13).

Какие же тактики могли предотвратить подобные восстания, сохраняя при этом рабство как нормальное и естественное явление? «В 1705 году, приблизительно в то время, когда законы о рабстве легализовали применение телесных наказаний в отношении рабов, было принято постановление, согласно которому господ обязали помогать белым слугам, чей контракт подходил к концу. Освободившимся мужчинам нужно было выдавать десять бушелей¹ зерна, тридцать шиллингов и ружье, женщины получали пятнадцать бушелей зерна и сорок шиллингов. Кроме этого, освобожденные слуги должны были получить по 50 акров² земли». Таким образом, белым слугам дали почувствовать, что рабовладельцы защищают их интересы (14).

¹ Мера емкости, равная 36,3 л. — *Примеч. пер.*

² Мера земельной площади, равная 4047 кв. м (применяется в странах с английской системой мер). — *Примеч. пер.*

Психологическое узаконивание апартеида: от отмены рабства к сегрегации

Первые десять лет после отмены рабства можно назвать временем прогресса. Афроамериканцы стали работать за деньги, покупать землю и получили право участвовать в выборах. Принятая в 1866 году 14-я поправка к Конституции предоставила чернокожему населению гражданство и защиту гражданских свобод. В 1875 году был принят Билль о гражданских правах. Но эти завоевания теряли смысл по мере того, как штаты один за другим стали узаконивать сегрегацию, прописанную в законах Джима Кроу¹. Закон о гражданских правах был пересмотрен в 1883 году и окончательно утвердился в США только в 1964 году. Чернокожие не имели права ездить в тех же вагонах, что и белые, сидеть в тех же комнатах отдыха, использовать те же туалеты, есть в тех же ресторанах. Афроамериканцам был заказан доступ в некоторые больницы и такие общественные места, как парки или зоны для пикников. В южных штатах апартеид был легализован, террор и законы стали гарантом такой политики. Линчевание не контролировалось правительством. В 1954 году, после нескольких побед в Верховном суде, было принято постановление о том, что сегрегация в школах противоречит Конституции. Для многих это ознаменовало начало движения за гражданские права в США (15).

¹ *Джим Кроу* — комический расистский персонаж англо-американской драматургии, негр-оборванец, тупой и убогий. После того как американские негры получили гражданские права, законодатели стали применять разнообразные уловки, чтобы эти права аннулировать. Для этого вводили ценз на грамотность, имущество и т.д. Поскольку в большинстве своем афроамериканцы были безграмотны и бедны, они автоматически лишались права на голос и ряда других гражданских прав. — *Примеч. науч. ред.*

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР И НЕНАСИЛИЕ

Автобусный бойкот в Монтгомери 1955—1956 годов, «рейсы свободы» 1961 года, крупный марш в Вашингтоне в 1963-м — все эти события двигали историю вперед. Столкнувшись с тактиками террора и террористической угрозой со стороны таких организаций, как ККК («Ку-клукс-клан»), движение в защиту прав человека набрало силу и изменило ход истории с помощью ненасилия — мощного средства подрыва насильственной системы. В 1964 году наконец были приняты законы в поддержку гражданских прав.

Рис. 9.1. Вывеска времен Джима Кроу. «Питьевые фонтаны: налево — белым, направо — цветным. Монтгомери, Алабама. 14 июля '31»

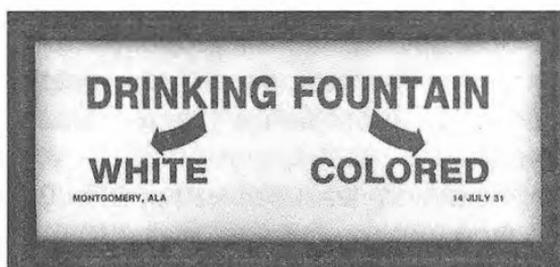

Рис. 9.2. Вывеска времен Джима Кроу. «Комнаты для отдыха. Только для белых. 2 августа 1926 г.»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЗАКОНИВАНИЕ ТАКТИК ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРА

Битва продолжалась. После ужасных притеснений со стороны ФБР в 1968 году был убит Мартин Лютер Кинг. Члены Специального комитета Сената США по изучению

деятельности разведки в отчете за 1976 год отметили, что «последовательное использование ФБР подобных тактик (КОИНТЕЛПРО) с целью уничтожить Мартина Лютера Кинга были нарушением закона и унижением человеческого достоинства» (16).

В 1960 году Малькольм Икс призывал свергнуть систему господства белой расы. Он тоже был убит. В 1966 году возникла партия «Черные пантеры». Через два дня после смерти Кинга полиция Окленда застрелила одного из членов этой партии Бобби Хьютона. Ему было 17 лет. Через пару месяцев Дж. Эдгар Гувер, возглавлявший в то время ФБР, заявил, что партия «Черные пантеры» представляет собой величайшую угрозу внутренней безопасности страны. Государство использовало весь арсенал тактик террора, чтобы расколоть движение: убивали лидеров, внедряли лазутчиков, проводили несанкционированные аресты, сажали в тюрьму, прослушивали телефонные разговоры и организовывали целые кампании по дезинформации (17). (Для получения более полной информации см. главы 10 и 13, а также документы по делам ФБР против Кинга и «Черных пантер»).

И хотя американское общество добилось значительных завоеваний в области гражданских прав, прав человека и признания страшной истории афроамериканцев, насилие все равно продолжается. Характерным показателем применения государством тактик террора могут служить проявления жестокости в таких государственных институтах, как полиция и тюрьмы. Таким образом, получается, что государство не защищает наше фундаментальное право на безопасность. С насилием в полиции и тюрьмах пытались бороться, но проблема «полицейского насилия» остается, так же как остается и проблема открыто или подспудно узаконенных тактик террора в правовых институтах США, особенно в отношении чернокожего населения. Жестокое избиение Родни Кинга засняли на видео, и когда издевавшимся над

ним полицейским вынесли оправдательный приговор, в Лос-Анджелесе началось восстание (1993).

Большое количество заключенных в тюрьмы афроамериканцев можно расценивать как результат и продолжение этой истории террора. Против афроамериканцев совершается насилие, и их сообщество усвоило правила жестокости, к которым привыкло. Афроамериканцев обычно изображают хулиганами, в то время как американцев (как белых, так и чернокожих), представляют вынужденными борцами с этими нарушителями. Такое положение вещей на государственном уровне превращается в норму, и также начинает считаться нормальным насилие внутри афроамериканского сообщества. И если наше общество не попытается разобраться в ситуации и разорвать этот порочный круг насилия, совершаемого в отношении афроамериканцев, это будет способствовать сохранению такого порядка. Отрицая свою жестокость, мы проецируем ее на других и добиваемся тем самым лишь ее повторения. А результат такого поведения может быть действительно трагическим.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЗАКОНИВАНИЕ: ГЕРМАНИЯ И ПУТЬ К ХОЛОКОСТУ

Законы упрощают осуществление геноцида. Если что-то происходит на законном основании, то мы уверены, что все в порядке, ведь государство защищает «наши» интересы. К тому времени, когда евреев, цыган, гомосексуалистов и других так называемых «неарийцев» депортировали в концлагеря, обществу их изгнание уже казалось естественным. Если твои соседи больше не участвуют в общественной жизни наравне со всеми, то их исчезновение из собственных домов может показаться в некотором смысле логичным. Поэтому, когда люди видели, как евреев полными вагонами вывозят на «восток», они не задавались вопросом, зачем это делают, — они

Рис. 9.4. Надпись над входом в университет: «Juden sind hier nicht erwünscht» («Евреев здесь не ждут»), Германия, около 1934 г. Надпись ниже гласит: «USU помогает. Помоги и ты. Вступай в наши ряды»

думали: наверняка у правительства есть законные основания так поступать.

В разгар событий мы начинаем постепенно терять к ним чувствительность. Эта тактика позволяет приготовить общество к зверствам, депортации, геноциду. И хотя свидетели предполагают, что план систематического уничтожения миллионов людей в концлагерях («окончательное решение еврейского вопроса») созрел лишь к 1941 году (18), тем не менее узаконивание и представление нормой высылки евреев и других «неарийцев», имевшие место с самого начала кампании, сделали возможной его реализацию. Браунинг рассказывает, о последовательности Гитлера и нацистов в решении так называемого «еврейского вопроса». Он пишет: «Не было смысла развивать дальше концепцию еврейской политики. Нужно было действовать» (19).

Ниже приведена хронология некоторых событий холокоста с 1933 по 1945 год (20, 21).

1933 В январе Гитлер стал канцлером немецкого рейха. 28 февраля немецкое правительство ввело запрет на свободу слова,

собраний, печати, отменило право на неприкосновенность жилища и разрешило обыски без ордера. 4 марта в Дахау создали первый концентрационный лагерь для политических оппонентов нового режима. 1 апреля нацисты начали всенародное бойкотирование еврейских магазинов. 7 апреля евреев лишили права занимать государственные должности, а также работать школьными учителями и преподавать в университетах. 25 апреля закон о «переполненности немецких школ и университетов» наложил ограничение на обучение детей евреев. 10 мая книги, написанные евреями и противниками нового режима, публично сожгли на костре. 14 июля приняли закон о насильственной стерилизации цыган, афронемцев, инвалидов и других лиц, не соответствующих стандартам арийской расы. 19 октября Германия вышла из Лиги Наций (предшественник ООН).

1934 Гитлер объявил себя фюрером Третьего рейха. В Германии прошла первая волна арестов представителей сексуальных меньшинств.

1935 Членов секты «Свидетели Иеговы» сняли с государственных должностей и арестовали. В мае возле немецких деревень, а также на дверях ресторанов и магазинов появились таблички с надписью «Евреям вход воспрещен». В сентябре Гитлер заявил, что немецкому правительству необходимо выработать концепцию «терпимого отношения» к еврейскому народу (22). Частью концепции стал Закон о гражданстве, разделяющий население страны

на «граждан» и «подданных». Чтобы иметь все политические права, нужно было быть этническим немцем. Также был принят закон о «защите немецкой крови и чести», запрещающий браки и сексуальные отношения между евреями и немцами. Евреям было запрещено нанимать на работу домработниц-немок моложе 45 лет (23).

1936 Немецких цыган стали арестовывать и высылать в концлагерь в Дахау.

1936—1937 Основаны концлагеря Заксенхаузен и Бухенвальд.

1938 В мае цыгане, проживавшие в Австрии и не имевшие определенного адреса, должны были пройти регистрацию. В связи с тем, что цыган все чаще стали называть «криминальными и асоциальными элементами», в июне у всех подростков в возрасте старше 14 лет стали снимать отпечатки пальцев. В том же месяце была проведена «Операция против асоциальных элементов», в рамках которой всех евреев, совершивших какие-либо правонарушения, высылали в концлагерь. В июле на международной конференции в Эвиане большинство европейских стран отказались принимать у себя еврейских беженцев из Германии. Тогда же евреев обязали носить с собой удостоверения личности. В августе в эти удостоверения добавили обязательные вторые имена — «Израиль» для мужчин и «Сара» для женщин. В октябре паспорта евреев поместили красной буквой J¹. В ночь с 9 на 10 ноября власти организовали

¹ От нем. «Jude» — «еврей». — *Примеч. пер.*

«Хрустальную ночь» («Kristallnacht»), или «Ночь разбитого стекла», которая последовала за убийством польским евреем Гершелем Гриншпаном немецкого дипломата в Париже. Это был погром синагог, еврейских магазинов и домов. Синагоги были сожжены и разграблены, 30 тысяч евреев арестованы и отправлены в концлагеря, 90 евреев погибли. После этого немецких евреев принудили компенсировать ущерб, нанесенный им же самим. В декабре евреев лишили водительских прав. Их стали вынуждать сворачивать бизнес, продавать недвижимость, они лишились права учиться в университетах.

1939—1940

В июне Куба отказалась принять еврейских беженцев, прибывших на борту корабля «Сент-Луис». США их тоже не приняли, и корабль был вынужден вернуться в Европу. В октябре врачи получили право лишать жизни психически нездоровых людей и инвалидов. В ноябре всех польских евреев обязали носить желтую звезду Давида или сине-белую повязку на руке. В декабре все евреи-мужчины Польши от 16 до 60 лет были отправлены на принудительные работы. В мае 1940 года более 160 тысяч польских евреев попали в гетто в городе Лодзь. Был основан концлагерь Освенцим. В октябре учредили Варшавское гетто.

1941

В сентябре правительство обязало немецких евреев носить желтую звезду Давида. В октябре началась депортация немецких евреев в Восточную Польшу. 34 тысячи евреев были убиты «летучими отрядами»

карателей на Украине. В Чельмно произошли массовые убийства евреев и цыган выхлопными газами в мобильных газовых камерах. По итогам конференции в Ванзее в 1942 году нацисты депортировали евреев в шесть лагерей смерти на бывшей польской территории: Чельмно, Бельцек, Собибор, Трешлинка, Освенцим-Биркенау и Майданек.

1944 В мае 440 тысяч венгерских евреев выслали в Освенцим-Биркенау, где все они погибли в газовых камерах. В январе 1945-го нацисты эвакуировали Освенцим и отправили заключенных «смертельным маршем» в Германию. Красная армия освободила Освенцим. В апреле и мае войска США освободили концлагеря в Дахау, Берген-Бельсен, Бухенвальд и Маутхаузен.

ТАКТИКА ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ И ОСВОЕНИЕ ИСТОРИИ

Часто, когда происходит какое-нибудь событие, мы не осознаем его важности. А если и осознаем, то стараемся его не заметить. И все же у истории можно учиться. Чтобы понять, почему мы отворачиваемся и закрываем двери, необходимо проследить процесс притупления восприимчивости к собственным вопросам и стремлению изменить что-то в лучшую сторону. Призыв отбросить привычку воспринимать окружающую реальность как цепь однократных, не связанных друг с другом событий и осмыслить происходящее — это вызов нашему духовному и политическому сознанию.

26 июня 1940 года в официальной докладной записке Госдепартамента США были описаны наиболее эффективные способы отказа в выдаче виз беженцам,

особенно из Германии. Одно из предложений гласило: «Просто советуйте нашим консулам создавать всевозможные препятствия, требовать дополнительные свидетельства и пользоваться бюрократической волокитой, чтобы откладывать, откладывать и откладывать выдачу визы» (24). Вне зависимости от того, говорим ли мы об управлении своей личной жизнью или иммиграционными системами наших стран, мы оправдываемся тем, что политика закрытых дверей — результат скудных ресурсов и плохого менеджмента. В этом, конечно, есть доля правды. Мы редко задумываемся над проблемами беженцев и все списываем на административные проволочки, не осознавая, что именно такие наши действия и называются политикой закрытых дверей и показывают недостаток нашей личной ответственности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЗАКОНИВАНИЕ ЗАТЯЖНЫХ КОНФЛИКТОВ

При затяжных и повторяющихся конфликтах наша чувствительность тоже притупляется. Люди, находящиеся в гуще событий, в течение долгого времени страдают от террора и длительных страхов, испытывают горечь и возмущение, но постепенно привыкают к собственной боли и мирятся с ней.

Находясь на безопасном расстоянии, мы читаем про израильско-палестинский конфликт или конфликт в Северной Ирландии и начинаем воспринимать их как норму, как нечто, что в любом случае не можем изменить. Мы забываем о проблеме, часто не знаем точно, в чем ее суть, а из-за пробелов в знаниях и отсутствия общего представления о ситуации стесняемся спросить об этом. Неполная информация и дезинформация ограничивают нам доступ к истории и способствуют снижению чувствительности. Мы перестаем задавать вопросы, перестаем реагировать.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УЗАКОНИВАНИЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Жестокие действия по отношению к женщинам, включая насилие в семье и изнасилования, стали настолько обычным явлением в большинстве стран мира, что, когда в начале 1970-х феминистки Великобритании и Америки подняли эту проблему, их выступления сочли радикалистскими нападками, подрывающими социальные устои. И хотя за последние 30 лет информированность общества о домашнем насилии значительно возросла, по-прежнему не изжит стереотип, что насилие в отношении слабого пола является нормой. Насилие над женщиной включает в себя избиения и сексуальные домогательства в семье, насилие в обществе и насилие, совершаемое государством или его исполнителями, такими как полиция, военные, охранники в тюрьмах (25). 1990-е годы и новое тысячелетие стали временем существенных изменений в области защиты прав женщин — теперь эта проблема все чаще обсуждается во всем мире, принимаются международные законы и стандарты.

Феминистское движение зарождалось на фоне принятия как нормы насилия над женщинами. И если мы хотим разработать новые нормы в отношении гендерных ролей, одновременно уважая разнообразие культур, то сначала должны ответить на вопрос, как происходит притупление протеста против насилия над женщинами. Насилие над слабым полом — это актуальная проблема, которую пытаются решить правозащитные движения во всем мире. Давление на правительства со стороны социальных групп и избирателей может заставить государства ввести новые политические меры, которые, в свою очередь, повлияют на формирование наших убеждений и установок. Эти новые политические меры могут стать новыми международными, а потом и всемирно принятыми нормами, способствуя защите прав человека во всем мире (26).

ПРИТУПЛЕНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ И ДЕПРЕССИЯ

Когда мы теряем чувствительность, то существующее положение дел начинает нас устраивать. Мы уверены, что ничего не можем изменить. Переставая реагировать на жестокости окружающего мира, мы тем самым дегуманизируем себя и возводим это в норму. Мы впадаем в депрессию, почти не замечая этого. Нам может показаться, что происходящее — это уже слишком или что стоит воспринимать все проще. Мы не можем найти выход из трудного положения и, более того, даже не понимаем, насколько сильно запутались. Депрессия — широко распространенный социальный феномен, являющийся своего рода ответом на введенный наркоз для наших чувств. Депрессия необходима для эффективного повсеместного использования тактик террора, возводящих в норму унижительное отношение к конкретным людям или группам людей. В то же время депрессия часто проходит, когда мы пробуждаемся от бесчувственности, выходим из транса, вновь следуем зову сердца и живем в своем, не навязанном нам мире.

Глава 10. Тактики террора: преследование лидеров

Еще одна тактика террора — преследование лидера с целью обезглавить социальное или политическое движение. Этот метод террора неоднократно использовался по всему миру. Лидеров арестовывают, убивают, похищают и пытаются.

История да и современность знают много подобных примеров. Новейшую информацию по этому вопросу можно получить в таких организациях, как Всемирная организация против пыток, «Международная амнистия» и «Human Rights Watch».

В качестве цели выбирают именно лидера, так как это позволяет одним ударом поразить движение или организацию в самое сердце. Правозащитники, которые обращают внимание общественности на нарушения прав человека в своих странах и в мире, часто сами становятся объектом террора.

Изучение динамики лидерства является ключевым моментом для понимания и предотвращения кровопролитных конфликтов и оказывает огромное воздействие на наше личностное и психологическое развитие и развитие человечества в целом. Нужно, чтобы люди больше знали о том, что преследование лидеров — это метод террора и запугивания общества. Нам необходимо разобраться и в вопросах природы лидерства, осознать, что нами руководит. Наши представления о лидерстве, так часто определяемые через понятия власти, силы и господства, являются важным социальным, политическим и духовным фактором.

ПЛАНОМЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИДЕРОВ

Выбрать лидера в качестве мишени — значит дезориентировать и запугать общественность, на которую он имеет влияние. Кроме того, такая тактика служит демонизации вожака и его движения. Убийство лидера может сопровождаться развитием мифа о добре и зле, в котором убийцу объявляют защитником общества от негодяев. Причем это может быть конкретная личность — лидер-негодяй, или группа лидеров, или широкий общественный слой (например, интеллигенция), или граждане, принадлежащие к какой-то религиозной, социальной или политической группе, — но всех их объединяет то, что они рассматриваются как угроза развитию доминирующего или зарождающегося режима. Необходимо уметь распознавать эту тактику, иначе нам будет непросто отличать заявления о том, что террорист должен быть пойман и уничтожен ради защиты граждан, от преследования самих граждан, потенциально угрожающих режиму и, возможно, живущих по соседству.

Планомерное ужесточение режима часто начинается с преследования лидеров, возглавивших сопротивление режиму или выступивших против него. В качестве лидера может выступать оппозиция, интеллигенция или духовные вожди. Нередко их убийство становится началом крупномасштабного геноцида — его легче всего начать именно с лидеров. Если правительство готово убивать альтернативных лидеров или рядовых участников социальных волнений, то оно способно ликвидировать и целую группу людей или даже все население.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИДЕРОВ — ПУТИ К ГЕНОЦИДУ

Первый этап этнической чистки — преследование тех, кто может возглавить мятеж или замедлить процесс.

Босния

В Боснии во время систематических этнических чисток в городах мусульман убивали или отправляли в концлагеря на пытки и голодную смерть. В Приедоре «сербы первым делом взялись за депортацию элиты... политических лидеров, судей, полицейских, академиков и других представителей интеллигенции, чиновников, артистов» (1).

Геноцид армян

В 1915 году более 2 тысяч городов и деревень лишились армянского населения. Были убиты более 2 миллионов армян, проживавших в Османской империи. Сначала избавлялись от молодых мужчин и общественных деятелей, затем — от женщин, стариков и детей. Одних убивали сразу, другие погибали от болезней и голода в концлагерях. К 1923 году, когда Турция обрела свой нынешний вид, об армянском населении говорить уже не приходилось (2).

Курды

Турецкое правительство приняло долгосрочную программу насильственной ассимиляции курдского населения — программу, запрещающую всякую оппозицию, включая культурные организации, политические партии и СМИ. Она предписывала насильственно подавлять любые протесты курдов. Сотни тысяч курдов были убиты турецкими властями. Государство сажало в тюрьму курдских членов турецкого парламента, правозащитников и ученых, пытавшихся отстаивать права курдского населения. По политическим мотивам правительство избавилось от многих журналистов и представителей интеллигенции (3).

КОЛОНИЗАЦИЯ И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИДЕРОВ

Во время колонизации тоже использовалась тактика преследования лидеров. Чтобы захватить людей, установить над ними господство и ассимилировать их, сначала надо было изменить их прежний образ жизни, избавиться от их богов и старейшин. Все это называлось миссионерской деятельностью. В Австралии миссионеры выбирали своей мишенью аборигенов-целителей. Дискредитируя их, они разрушали иерархию и систему ценностей общины (4). Целителей почитали как обладателей знания, живущих в двух мирах: мире людей и мире духов, а поселенцы XIX века называли их шарлатанами. Эти «шарлатаны» мешали поселенцам устанавливать свое господство. Именно целителей пытались дискредитировать в первую очередь, чтобы подчинить себе племя. Их высмеивали: ведь если удавалось показать, что они не способны оказать эффективную помощь, то их власть над племенем могла быть ослаблена.

КАЗНИ И МУЧЕНИКИ: ИРЛАНДИЯ И ПАСХАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ

В течение долгого времени, когда англичане пытались покорить Ирландию, а ирландцы сопротивлялись, британцы все время предпринимали попытки заставить лидеров ирландской оппозиции замолчать.

Пасхальное восстание 1916 года — важный момент в истории Ирландии и в нашем исследовании тактики уничтожения лидеров. Ирландское республиканское братство и Ирландская гражданская армия впервые объединились под названием Ирландская республиканская армия (IRA). В последний момент запланированное восстание против британского господства чуть не отменили. Организаторы сочли, что попытка опрокинуть власть англичан обречена на провал. Тем не менее

восстание началось, но через несколько дней повстанцы вынуждены были сдаться. Был проведен ряд судов над 16 лидерами повстанцев, причем каждый длился всего несколько минут, и в итоге 14 человек были казнены. Первого из них казнили уже через несколько дней после восстания.

Лидеров преследуют для того, чтобы подавить политическое или социальное восстание. Но иногда эффект бывает противоположным: убитые становятся героями и мучениками. Именно это и произошло в Ирландии. Народ поддержал восстание. Изображения мучеников висели на стенах кухонь. Британцы недооценили меру страдания и силу духа ирландцев. К 1918 году партия Шинн Фейн завоевала в британском парламенте 73 ирландских места из 105. Встревоженная Британия направила в Ирландию армию, чтобы усилить контроль над территорией, и на этот раз все закончилось войной. Военные действия велись до 1921 года, когда был подписан договор, по которому Ирландия была разделена на две части: 26 графств из 32 образовали нынешнюю Ирландскую Республику, а шесть остались под британским господством (Северная Ирландия). Пасхальное восстание и его мученики привели к свержению британского господства в Ирландии и продолжению борьбы Северной Ирландии за независимость.

«ОСОБЫЕ АКТЫ» ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ПОРЯДКА: АРЕСТЫ

Особые акты и указы, выбиваясь за рамки правовых норм, «узаконивают» арест. Мы уже наблюдали, как процессы такого рода начинаются с создания или использования нестабильной ситуации, демонизации и дегуманизации индивида или группы и выработки отношения к насилию как к норме. Лидеров, угрожающих существующему порядку, арестовывают и зачастую пытаются.

«Особые акты» легитимируют применение государственных тактик террора — государство получает возможность преследовать лидеров и подавлять мирные выступления и вооруженные восстания, часто создавая и укрепляя веру людей в то, что подавленное движение опасно для общества.

Вскоре после войны в Ирландии и разделения страны 7 апреля 1922 года, в силу вступил Акт о гражданских властях или, как его еще называли, Акт о чрезвычайных полномочиях. Это постановление давало местным властям и полиции право прибегать к использованию любых мер, которые они сочтут оправданными для поддержания порядка в Северной Ирландии, а также в любое время вносить необходимые изменения в законодательство, не согласуя их с парламентом. Можно было наступать на гражданские свободы, без предупреждения арестовывать и сечь плетью, бросать в тюрьму без суда. Такая политика, изначально представленная как временная, проводилась государством в течение 50 лет (5, 6).

Несмотря на то что католики составляли две трети населения, их лишили возможности влиять на социальные и политические события, процветала дискриминация в области жилищных вопросов, здравоохранения и трудоустройства. В 1968 году отчасти под влиянием идей Мартина Лютера Кинга подняло голову движение в защиту гражданских прав. Начался тяжелый период ирландской истории. Ассоциация гражданских прав Северной Ирландии в 1969 году организовала марш, во время которого произошли стычки с полицией. В 1971 году правительство провозгласило политику интернирования: теперь людей могли арестовывать и содержать в тюрьме без предъявления обвинений. На 30 января 1972 года была запланирована широкомасштабная акция протеста против этих действий властей. Марш поддержали все организации, защищавшие права человека, и националистические организации. В нем приняли участие около

20 тысяч человек. Позже этот день назвали «Кровавым воскресеньем». Солдаты сначала стреляли резиновыми пулями, потом перешли на боевые патроны, в результате 14 человек погибли и 24 были ранены. Британскую армию оправдали, постановив, что военные действовали в целях самообороны. Вместе с тем многие участники утверждали, что митингующие никак не провоцировали такие действия полиции, об этом же свидетельствовали и журналисты (7). Впоследствии многие требовали проведения дополнительного расследования произошедших событий, и даже сейчас, 30 лет спустя, не прекращаются споры по поводу того, что же там действительно произошло.

Акт о гражданских властях отменили в 1972 году, а в 1973 году вступил в действие Акт о чрезвычайных ситуациях. Это постановление было не менее репрессивным, оно не предусматривало презумпции невиновности и позволяло проводить судебное разбирательство в отсутствие присяжных (8).

Акт о чрезвычайных ситуациях давал Королевской ольстерской полиции (RUC) право арестовывать, задерживать и допрашивать подозреваемых в центрах допроса, выбивая из них информацию с помощью пыток (9). Жертв жутких пыток было множество. В 1977 году в Белфаст прибыли представители организации «Международная амнистия» и провели расследование, итогом которого стал отчет об использовании пыток, опубликованный в 1978 году. Позже с заявлениями выступил врач Королевской ольстерской полиции, потрясенный увечьями, которые он видел (10).

Создание специальных законов и временная отмена гражданских свобод — это государственная тактика террора. Как мы видим, всегда находятся люди, которые оправдывают, поддерживают применение суровых мер или даже требуют их применения, которых не волнует утрата гражданских свобод. Обеспокоенные

собственной безопасностью, эти люди не задумываются над тем, что гражданские свободы напрямую связаны с правами человека, что беспорядки происходят как раз по причине проведения правительством несправедливой политики или вообще создаются и используются самими властями с целью узаконить наступление на демократию.

Затяжной конфликт в Северной Ирландии был обусловлен применением тактик террора со стороны британского государства и армии, Королевской ольстерской полиции и лоялистов, а также тактиками террора ИРА.

ВСТРЕЧА В ТЮРЬМЕ

Еще одна тактика террора — запрет на встречи и собрания оппозиционных лидеров. Такие собрания прослушивают, на них засылают агентов. В Южной Африке лидеров Африканского национального конгресса (АНК) регулярно арестовывали и пытали, чтобы подавить возглавляемое ими движение против расистского и фашистского режима апартеида. Нельсон Мандела описывает в своих мемуарах забавный парадокс: когда движение только зарождалось, всех лидеров АНК одновременно арестовали и посадили в одну тюрьму. Там и прошла их первая не запрещенная правительством встреча (11).

УБИТЬ «ЛИДЕРА» — РАЗРУШИТЬ СТАРУЮ ИДЕОЛОГИЮ

Если хочешь установить новый режим или ввести новую идеологию, сначала избавься от старых. Это — одна из главных целей преследования политических, идейных или духовных лидеров, которые символически или реально поддерживают старый режим или могут оказать сопротивление. Старые власти блокируют прогресс и должны быть уничтожены. Чтобы новая идея укоренилась,

оппозицию нужно стереть с лица земли. Это убеждение часто служило предпосылкой для широкомасштабного террора и казней.

Разрушить старую идеологию: «культурная революция» в Китае

«Культурная революция» 1967—1977 годов в Китае была организована для того, чтобы простые люди, в основном молодежь, помогли стране избавиться от старых идей, традиций, образа мышления и культуры. Учителей преследовали, руководствуясь лозунгом: «Чем больше знаешь, тем больше отдаляешься от революции». Нонконформистов помещали в психиатрические больницы. Списки тех, кого нужно преследовать, были расклеены на стенах домов. В седьмой главе я описывала, как демонизировали «контрреволюционеров». Отряды хунвейбинов, состоявшие в основном из молодых людей, подвергали психологическим и физическим нападкам пожилых людей и представителей «интеллигенции», и, как правило, такие нападения кончались их гибелью. Были убиты десятки тысяч человек.

В 1967 году Сэм Марси, марксист и основатель Всемирной рабочей партии (Workers World Party), критиковал Социалистическую рабочую партию и Коммунистическую партию США за их неприятие тактик китайской «культурной революции» (12). Он писал:

«Культурная революция» началась в августе прошлого года по решению Центрального комитета Коммунистической партии... Помимо всего прочего, это решение предлагало искоренить «старые идеи, культуру, традиции и обычаи класса эксплуататоров» и «преобразовать литературу, культуру, искусство и другие составляющие надстройки, не соответствующие экономическому базису социализма...»

Как может истинный коммунист оспаривать это? Неужели та максима, что старый порядок с его старыми идеями, старой культурой и привычками класса эксплуататоров подлежит уничтожению, а новые революционные социалистические обычаи и традиции должны быть введены для создания нового режима, — неужели это еще не устоялось в сознании всех коммунистов?... Что действительно новое во всем этом, так это непоколебимая решимость Коммунистической партии Китая осуществить данную идею на практике. Вот это действительно ново! Августовское постановление провозгласило необходимость: «бороться с теми людьми во власти», которые активно выступают против «культурной революции».

И далее:

И все же, несмотря на вышесказанное, у многих преданных и искренних друзей Китайской Народной Республики по-прежнему остаются серьезные сомнения по поводу форм и методов введущейся борьбы. С возрастающей тревогой они следят за действиями отрядов красных хунвейбинов, по их мнению, незаконными и выходящими за рамки полномочий правительства.

Затем, представляя эту тактику как норму, он добавляет:

Тем не менее нужно помнить, что «культурная революция» — это именно революция, а значит, она подчиняется революционным законам. Революция, совершенная без каких-либо ограничений существующего политического и социального порядка, является скорее исключением из правил! Здесь, в США, такие вроде бы противоположные издания, как «Боец», выражающий взгляды Социалистической рабочей партии (SWP), и «Рабочий», трибуна Коммунистической партии, объединяются в воинственных

нападках на «культурную революцию»... И получается, что в классовой борьбе они по другую сторону баррикад.

Что до нас, то сколько бы ни было обнаружено недостатков и какими бы глубокими и серьезными ни были противоречия относительно проблем, возникших в результате этой всеохватывающей борьбы, мы верим, что ни один прогрессист или социалист, не говоря уже об истинных коммунистах, не откажется оказать поддержку «культурной революции» и ее лидерам.

Эти комментарии Марси интересны тем, что демонстрируют серьезную обеспокоенность лидеров социалистической и коммунистической партий США, выступающих против методов «культурной революции», и в то же время наглядно показывают логику, следуя которой легко узаконить и представить нормой эти методы. Автор считает, что запугивание и насилие необходимы для трансформации общества. Также он использует в своих целях понятие «преданность», предположив, что его коллеги — на самом деле враги и находятся по другую сторону баррикад в классовой борьбе. Чтобы быть «настоящим», «истинным» прогрессистом, социалистом или коммунистом, необходимо безоговорочно поддерживать движение и лидера.

После смерти Мао в 1976 году арестовали членов так называемой Банды четырех, которую Мао поддерживал, а возглавляла его жена. Внезапно их обвинили во всех грехах страны. Суд над этими четверьмя, транслировавшийся по телевидению на всю страну с целью унижить их, превратился в публичную порку, призванную перевернуть эту страницу китайской истории (13). Виновных приговорили к смертной казни, правда, затем ее заменили пожизненным заключением.

В докладе об этом периоде истории на сайте ChinaWN.com написано: «Свалить всю вину на Банду четырех было политически мудрым решением. Это была жертва,

которую необходимо было принести, чтобы общество отпустило свое прошлое» (14). Мне кажется интересным, что, с одной стороны, использовались принципы ответственности, что-то вроде процедуры люстрации, или привлечение кого-то к ответу для того, чтобы общество отошло от своих прошлых ошибок, а с другой — вновь повторились та же жуткая теория и практика: нужно избавиться от «старых властей», чтобы забыть о прошлом.

МИШЕНЬ — ИНФРАСТРУКТУРА: ВЬЕТНАМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «ФЕНИКС»

В 1967 году, в том же году, когда проходила китайская «культурная революция», во время войны во Вьетнаме ЦРУ (Центральное разведывательное управление США) начало проводить операцию под названием «Феникс». Она была направлена на «нейтрализацию» гражданской инфраструктуры, которая помогала Вьетконгу¹, — посредством убийств, похищений и систематического применения пыток. В качестве мишени выбрали вьетконговских лидеров, чтобы в первую очередь «нейтрализовать» ключевых игроков (15).

19 июля 1971 года Уильям Колби (16), офицер ЦРУ, ответственный за проведение операции, дал показания в подкомитете Комитета по правительственным операциям Сената, из которых следовало, что в период с 1968 по май 1971 года были уничтожены 20 587 человек, заподозренных в поддержке Вьетконга. Правительство же Южного Вьетнама считало, что на счету «Феникса» 40 994 смерти. Перед казнью попавших в плен вьетнамцев часто пытали (17). Офицеров и чиновников из Сайгона переводили в провинции. Операция «Феникс» (Фынг Хоанг)

¹ *Вьетконг* (Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама) — военно-политическая организация в Южном Вьетнаме в 1960—1967 гг., являвшаяся одной из воюющих сторон во вьетнамской войне. — *Примеч. пер.*

была задумана для «нейтрализации», то есть уничтожения или заключения под стражу чиновников и военных кадров Национального освободительного фронта (НОФ). Поэтому перед исполнителями операции была поставлена задача: 1) проверить существующую информацию о состоянии инфраструктуры Вьетконга; 2) допрашивать мирных жителей, которых наобум ловили военные отряды; 3) «нейтрализовать» активистов Национального освободительного фронта. Последнюю задачу часто выполняли состоявшие из вьетнамцев Провинциальные разведывательные отряды под руководством ЦРУ (18).

Представители органов власти США во главе с Колби устанавливали нормативы на количество «нейтрализованных» вьетнамцев в месяц. Введение этих нормативов вкуче со скудной информацией о состоянии инфраструктуры Национального освободительного фронта и невозможностью точно определить принадлежность чиновников и военных к НОФу приводило к тому, что количество убитых и отправленных на пытки возрастало. Бывали месяцы, когда квота составляла 1800 человек. Из-за большого количества заключенных «комитет по безопасности» был наделен спецполномочиями, в том числе правом заключать под стражу любого гражданина Южного Вьетнама на срок до двух лет с возможностью продления срока, причем обвиняемый не имел права на суд. Допросы вели с применением жестоких пыток. В своих показаниях перед Конгрессом США в июле—августе 1971 года агент операции «Феникс» Осборн сказал: «Я не знаю ни одного случая, чтобы арестованный по подозрению в причастности к Вьетконгу остался жив после нашего допроса» (19).

По словам Дугласа Валентайна — человека, который собирал и изучал материалы по программе «Феникс», — копии большинства документов сохранились у ответственного за создание «Феникса» Нельсона Бриксэма. Если бы не это, никаких документальных доказательств вообще не осталось бы. Во время эвакуации из Сайгона

где в его деревне скрываются вьетконговцы, за что получил награду (20).

Колби — разработчик операции «Феникс», позже возглавивший ЦРУ, — был уверен: будь у них чуть больше терпения, Штаты могли бы добиться продолжительного перемирия на своих условиях. Он открыто оправдывал операцию. По его мнению, ее потенциальный успех был бы более значим, чем нанесенный ущерб (21).

Согласно международному законодательству, противозаконные военные действия, такие как пытки и уничтожение гражданских лиц, расцениваются как военные преступления. В мирное время подобные нарушения, в том числе против собственного народа, называют преступлениями против человечества. И хотя многие призывают убийц к ответственности и требуют обнародовать правду, встречаются и такие, кто оправдывает подобные действия и считает их приемлемыми в суровых условиях войны или смены режима.

В статье «Вьетнамский синдром» Ричард Фолк (22) вспоминает экс-сенатора Боба Керри, который возглавлял небольшое подразделение «морских львов». В задачи подразделения входило уничтожение людей в рамках операции «Феникс», и Керри одним из первых рассказал миру о том, что солдат, воевавших во Вьетнаме, не обучали военному законодательству. О запрете убийства мирных жителей, который прописан в Боевом уставе армии США, он услышал спустя много лет после окончания войны.

ЛОГИКА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Если даже солдаты не обладают необходимой информацией, что говорить о простых людях? Операции типа «Феникса» всегда бывают частично засекречены. Поэтому когда всплывает правда, жестокое обращение с мирными жителями воспринимается как некий единичный

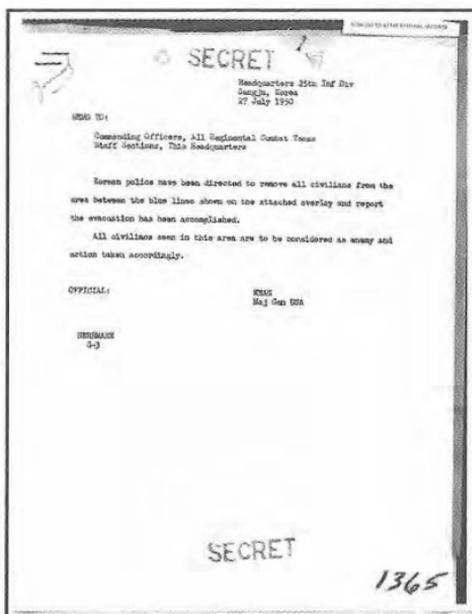

случай, ошибка, трагедия. Фолк отмечает: «Должное обучение солдат военным законам вступило бы в противоречие с приемами ведения боевых действий, применяемыми для подавления восстаний и преступными по своей сути. Солдатам, воевавшим в тех частях страны, где народ поддерживал революцию, говорили, что все мирное население, включая женщин, детей, стариков и раненых, надо считать врагами» (23).

По сути, такая тактика предполагает игнорирование интересов каждого члена общества. При искоренении инфраструктуры движения сопротивления мишенью становятся не только лидеры. Целые группы или движения, а то и целые поддерживающие их народы начинают рассматриваться как объект для допросов, пыток и казней. Именно такая логика и стала причиной массовых жертв во Вьетнаме, которые до сих пор по большей части не признаны. Этот аспект вьетнамской войны очевидно перекликается с деталями расследования пыток и военных тактик в Ираке.

Рис. 10.2. Санкция на убийство мирных жителей. Корейская война, армия США, июль 1950 г. (Рассекреченные документы правительства США.)

В исследовании Массачусетского университета, посвященном отношению людей к кризису в Персидском заливе (1980-х годов), один из вопросов звучал следующим образом: «Как вы считаете, сколько вьетнамцев погибло во вьетнамской войне?» В среднем американцы отвечали, что примерно 100 тысяч. В официальных же данных значились 2 миллиона. Реальность могла быть еще страшнее. Исследователи задались вопросом: как оценить немецкую политическую культуру, если на вопрос, сколько евреев умерло при холокосте, люди называли число 300 тысяч (24).

Дискуссия об ответственности за события во Вьетнаме до сих пор не ведется в полной мере — еще актуальны долгосрочные последствия психологической травмы ветеранов Вьетнама, ведь они были и жертвами, и преступниками. На сегодняшний день издано много книг о Вьетнаме, и писать эту историю еще не закончили. Комплекс вопросов об ответственности на индивидуальном и общественном уровнях пока только вырабатывается в американском обществе.

Мы уже убедились в том, что аресты, пытки и убийства лидеров сопротивления с целью подавить движение, которое они возглавляли, — это тактика террора, часто называемая «контртеррористической». Когда политического диссидента криминализируют (зачастую выдвигая ложные или сфабрикованные обвинения), это тоже способствует узакониванию его ареста. Если существует угроза насилия, многие оправдывают применение тактики террора, ведь главное — это предотвратить появление жертв. (Именно этим США оправдывают свои действия в отношении политических преступников во время войны с террором.)

Развитие этой логики приводит к арестам, пыткам и уничтожению большого числа мирных жителей, так как они поддерживают или могут поддержать действия врага и жизнеспособность его инфраструктуры. Преследуют

лидеров движений, преследуют целые группы внутри этих движений, преследуют даже целые слои общества, которые поддерживают эти движения. Любого случайно убитого человека могут представить как «косвенный ущерб».

В 1999 году агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило: бывшие солдаты подтвердили заявления жителей деревень Южной Кореи о том, что более 400 гражданских беженцев были убиты американцами во время событий в Но-Ган-Ри в июле 1950 года. Военные документы показали — командиры действительно отдавали приказы расстреливать мирных жителей, чтобы избежать риска проникновения лазутчиков со стороны противника. После опубликования этого репортажа события почти пятидесятилетней давности стали достоянием общественности, дав ход расследованию.

В 2001 году в армии США признали верность этих фактов, но ответственность на себя не взяли, заявив: события, подобные тем, что произошли в 1950 году в Но-Ган-Ри являются «трагической и прискорбной принадлежностью войны». Однако журналисты Чарльз Хэнли, Санг-Хун Чоэ и Марта Мендоза провели детальное расследование и написали книгу об этом событии (25).

В апреле 2004 года несколько сотен мирных жителей были убиты в городе Фалуджа в Ираке. По данным главврача местного госпиталя, в основном это были женщины, дети и пожилые люди (26). Затем по всему миру газеты опубликовали вызывающие отвращение фотографии, запечатлевшие американских военных, пытавших пленников-иракцев в тюрьме Абу-Грэйб неподалеку от Багдада. И хотя поначалу многие думали, что виновны лишь несколько членов персонала, которые повели себя неподобающим образом, позже стало понятно, что такие злоупотребления происходят систематически. Международный Красный Крест опубликовал доклад, подтвердивший: жестокое обращение и пытки в подконтрольных

США тюрьмах — систематическое явление (27). Помимо пыток в тюрьмах, известно о десятках тысяч иракцев, отправленных в тюрьмы и лагеря военнопленных без предъявления им обвинений (28).

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИДЕРОВ: ФБР И КОИНТЕЛПРО

В 1960-е годы в США ФБР использовало грязные тактики террора, направленные против правозащитных движений и националистических групп чернокожих. В 1976 году в итоговом докладе Выборного комитета по изучению правительственной активности в области разведки, подготовленном Сенатом США и известном как доклад Церковной комиссии (29), доказывалось, что программа контрразведки КОИНТЕЛПРО имела целью уничтожить Мартина Лютера Кинга — лидера и вдохновителя движения за гражданские права. В то же время ФБР собиралось найти ему замену — кого-то, кто мог бы стать лидером движения после дискредитации Кинга (30). Однако спецслужбы оказались неспособны повредить его репутации, и через два дня после того, как стало известно, что Кингу присудили Нобелевскую премию мира, на свет появилась смонтированная запись с материалом сексуального характера, якобы полученная в результате прослушивания его гостиничного номера. Пленку направили доктору Кингу, приложив записку с советом покончить жизнь самоубийством (рис. 10.3) (31). Вот текст этой записки: «Американская общественность, церковные организации, которые вас поддерживали — протестанты, католики и евреи, — узнают вас таким, какой вы есть на самом деле: жестоким ненормальным чудовищем. Вам конец, Кинг, вам остается только одно... Вы знаете, о чем идет речь. У вас только 34 дня и только один выход. И вам лучше им воспользоваться, пока публика не узнала о вашем ненормальном, мерзком, жульническом „я“» (34 дня — срок до вручения Нобелевской премии). Поскольку Кинг

не отреагировал, они предложили запись нескольким крупным новостным агентствам. СМИ отказались ее принять (32).

Одна из техник КОИНТЕЛПРО заключалась в нейтрализации активистов путем ложных обвинений против них. Лидеров партии «Черные пантеры» на основании сфабрикованных документов и лжесвидетельств, собранных с помощью местной полиции (33), бросили в тюрьму за убийство.

Давая показания в суде, Весли Сверинген (бывший агент ФБР) рассказал, что Джеронимо Пратт, бывший лидер «Пантер» в Лос-Анджелесе, был арестован при проведении кампании ФБР по уничтожению партии. По свидетельствам Луиса Таквуда, детективы и участники операции КОИНТЕЛПРО ФБР однажды просто взяли папку с документами по нераскрытым преступлениям и стали искать там дело, по которому было бы легче всего обвинить Пратта. Затем нашли подходящие «улики» и осудили его (34).

Много лет спустя, в 1980 году, бывшего директора ФБР Патрика Грея и Эдварда Миллера, возглавлявшего Команду 47 (подразделение внутренней контрразведки нью-йоркского отделения ФБР), обвинили в организации заговора с целью «нарушения прав и подавления свобод граждан Соединенных Штатов». Ни один из них не провел в тюрьме и дня. В 1981 году президент Рейган остановил следствие по их делам и простил тому и другому превышение полномочий в период политических конфликтов. А вот жертв КОИНТЕЛПРО никто не простил (35).

В 1970 году Пратта обвинили в убийстве, совершенном в 1968 году в Санта-Монике в Калифорнии (около Лос-Анджелеса). Он объяснял, что был в то время на собрании партии в Окленде, тоже в Калифорнии, но рядом с Сан-Франциско. Пратт также заявил, что ФБР прослушивало мероприятие и записи могут подтвердить его алиби.

Date: December 1, 1964
 To: Mr. W. C. Sullivan
 From: J. A. Sizoo
 Subject: MARTIN LUTHER KING, JR.

- Mr. Tolson
- Mr. DeLoach
- Mr. Mohr
- Mr. Bishop
- Mr. Casper
- Mr. Callahan
- Mr. Conrad
- Mr. Felt
- Mr. Gale
- Mr. Rosen
- Mr. Sullivan
- Mr. Tavel
- Mr. Trotter
- Tele. Room
- Miss Holmes
- Miss Gandy

Reference is made to the attached memorandum DeLoach to Mohr dated 11/27/64 concerning DeLoach's interview with [redacted] and to your informal memo, also attached.

[redacted] stated to DeLoach that he was faced with the difficult problem of taking steps to remove King from the national picture. He indicates in his comments a lack of confidence that he, alone, could be successful. It is, therefore, suggested that consideration be given to the following course of action:

That DeLoach have a further discussion with [redacted] and offer to be helpful to [redacted] in connection with the problem of the removal of King from the national scene;

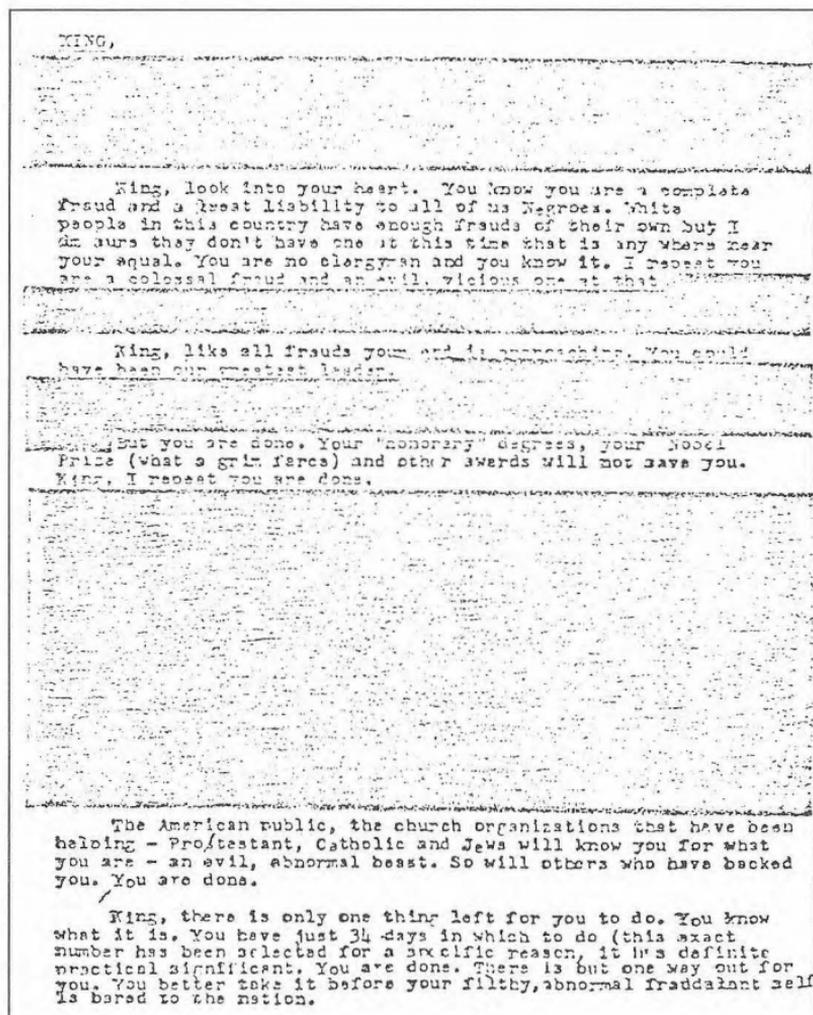
That DeLoach suggest that [redacted] might desire to call a meeting of Negro leaders in the country which might include, for instance, 2 or 3 top leaders in the civil rights movement such as James Farmer and A. Philip Randolph; 2 or 3 top Negro judges such as Judge Parsons and Judge Easty; 2 or 3 top reputable ministers such as Robert Johnson, Moderator of the Washington City Presbytery; 2 or 3 other selected Negro officials from public life such as the Negro Attorney General from one of the New England states. These men could be called for the purpose of learning the facts as to the Bureau's performance in the fulfillment of its responsibilities under the Civil Rights statute, and this could well be done at such a meeting. In addition, the Bureau, on a highly confidential basis, could brief such a group on the security background of King [redacted]. The use of a tape, such as contemplated in your memorandum, together with a transcript for convenience in following the tape, should be most convincing.

The inclusion of U.S. Government officials, such as Carl Rowen or Ralph Dunche, is not suggested as they might feel a duty to advise the White House of such a contemplated meeting. It is believed this would give us an opportunity to outline to a group of influential Negro leaders what our record in the enforcement of 'civil' rights has been. It would also give them, on a confidential basis, information concerning King which would convince them of the danger of King to the over-all civil rights movement. [redacted] is already well aware of this. This group should include such leadership as would be capable of removing King from the scene if they, of their own volition, decided this was the thing to do after such a briefing. The group should include strong enough men to control a man like James Farmer and make him see the light day. This might have the effect of increasing the stature of [redacted] who is a 'capable person and is ambitious.

There are refinements which, of course, could be added to the above which is set forth in outline form for possible consideration.

Однако представители ФБР под присягой отрицали существование этих пленок. Годами позже показания обвиняемого подтвердились: прослушивание действительно велось, однако в ФБР клялись, что «потеряли» нужные

← ↑ **Рис. 10.3.** Директива ФБР в рамках программы КОИНТЕЛПРО, описывающая, как избавиться от влияния Мартина Лютера Кинга, принудив его к самоубийству. (Рассекреченные документы правительства США.)

записи. Обвинение было снято с Пратта только в 1997 году, когда доказали, что главный свидетель обвинения — проплаченный доносчик ФБР — под присягой дал ложные показания по ключевым моментам. К тому времени Пратт находился в тюрьме уже более 27 лет (36).

Другой известный лидер нью-йоркского отделения партии «Черные пантеры» Дхоруба бу Вахад, или Ричард

Мур, был отпущен на свободу в 1990 году, отсидев 21 год в тюрьме по ложному обвинению. Сохранилось много документов, подтверждающих использование тактик террора против партии «Черные пантеры», но многое по-прежнему остается неизвестным (37).

Деятельность КОИНТЕЛПРО стала достоянием общественности благодаря тщательному расследованию сенатской комиссии 1976 года, основанием для начала которого стала утечка информации об Уотергейте, документы Пентагона и файлы КОИНТЕЛПРО. (Благодаря Акту о свободе информации отчет об этом расследовании теперь может прочитать каждый (38).) Очевидно, что ФБР не стеснялось в выборе средств для борьбы с людьми, которых считало опасными. Кинг, лидер движения за ненасилие, представлял угрозу, поскольку его борьба за гражданские права вдохновляла других. Доклад Церковной комиссии свидетельствовал, что в ЦРУ в период с 1953 по 1973 год вскрыли и сняли копии примерно с 250 тысяч писем первого класса, на их основании был составлен каталог из полутора миллионов имен. Было время, когда в ФБР существовал специальный список с фамилиями 26 тысяч человек, которых необходимо было арестовать в случае «чрезвычайного положения» (39). История ФБР и эти сенатские слушания очень важны для понимания того, по какой схеме нынешняя администрация Буша наступает на гражданские права.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИДЕРОВ: СТАЛИН И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ; ИДЕОЛОГИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ

В 1930-х годах Сталин начал проводить чистку партии, чтобы избавиться от оппозиционеров и контрреволюционеров в ее рядах. Во время сталинских репрессий

миллионы людей были убиты или сосланы в ГУЛАГ. Вся Россия жила в страхе. Точное количество жертв сталинского Великого террора неизвестно, называют числа от 700 тысяч до 2 миллионов, 20 миллионов и даже 40 миллионов в зависимости от того, учитываются ли только политические казни или же и массовая гибель людей в деревнях, а также считается ли эта массовая гибель убийством или просто результатом голода. По словам Роберты Маннинг, возглавлявшей комиссию по изучению советских архивов, принято считать, что сталинский террор распространялся в основном на политических оппонентов режима в городах, но на самом деле половина убийств была совершена в сельской местности. «Иногда у местных властей была и другая цель — например, избавиться от людей, которых в противном случае пришлось бы кормить» (40).

Историк марксизма Роговин, описывая трагедию и ужас 1937 года, говорит, что целью террора было уничтожение серьезной оппозиции сталинскому режиму, а главными его объектами были Лев Троцкий и его сторонники. Но несмотря на годы репрессий, влияние Троцкого оставалось сильным, а значит, сохранялась и возможность революционного переворота (41). Исследователь пишет, что недоверие Сталина ко многим членам партии в то время было обоснованным: он понимал, что существует реальная оппозиция, и если бы у этих людей появился шанс, они сумели бы лишить его власти.

Роговин пишет, что сталинский террор изначально имел целью уничтожить тех лидеров коммунистической партии, которые могли бы уйти в оппозицию Сталину и начать строить коммунизм по-другому. Сотни тысяч людей арестовывали в собственных домах, отправляли в тюрьмы и пытали, затем на показательных судебных процессах заставляли признаваться в преступлениях против Коммунистической партии, после чего либо уничтожали, либо отправляли в концлагеря.

Некоторые социалисты считают, что один из самых глобальных обманов этого столетия заключался в отождествлении сталинизма и социализма. Согласно этой точке зрения, западные историки использовали совершенные сталинским режимом преступления для того, чтобы дискредитировать социализм. Сталина изображали как логическое проявление коммунизма, а не как диктатора, применявшего тактики террора против коммунистических лидеров и мыслителей, которые хотели построить другой коммунизм.

Есть историки, которые резко осуждают существующую, по их мнению, левацкую манеру скрывать и преуменьшать значение событий, происходивших в странах с коммунистическим режимом на протяжении последнего столетия, только ради того, чтобы поддержать философию коммунизма.

В «Черной книге коммунизма» перечисляются преступления коммунистических режимов прошлого столетия. Некоторые утверждают, что эта книга хоронит «миф о добрых отцах-основателях» (42—45). Как пишет Макши, «очень многие до сих пор фанатично верят в сказку о том, что марксизм-ленинизм — невинная, по сути, идеология, а сталинизм — ее искажение, а не естественное развитие... Эти приверженцы левых идей до сих пор верят в (псевдо) науку о человеческой истории и отказываются видеть, какой адской смесью был коктейль марксизма-ленинизма».

Хотя моя работа не предполагает обзор советского наследия, вопрос о том, была ли порочна сама идеология по своей природе или же вина лежит на диктаторах, злоупотреблявших властью во имя идеологии, является фундаментальным. Он может в более глобальном, общем плане помочь нам понять, почему происходит насилие в мире и нашем сообществе и какое участие в этом насилии принимаем мы сами.

УСТРАНЕНИЕ ЛИДЕРОВ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Что нами движет — идеология или власть?

Наша способность мечтать об изменении мира и склонность любой ценой сохранять существующий порядок проецируется на лидеров. Мы эмоционально рассуждаем о своем мировоззрении. И хотя зачастую наши дискуссии могут казаться спорами об идеологии, это скорее споры о власти.

«Холодная война» между США и СССР казалась борьбой двух идеологий (капитализма и коммунизма или демократии и социализма), а на самом деле была противостоянием сил. Великие идеалы всегда использовали для порабощения и угнетения других. Почти любую великую (или чуть менее великую) идею можно использовать для пробуждения идеалов и высоких чувств, а вслед за ними — податливости и способности терроризировать окружающих.

Общий вопрос: что заставляет подчиняться личность и коллектив? Идеология? Или сила и возможность действовать от ее имени? Действуем ли мы как родители, преподаватели, любовники или граждане, мы часто путаем идеологию и навязывание идеологии. Чем меньше мы осознаем эту свою склонность, тем скорее готовы поддержать лидера или правительство, когда они используют наши идеалы или сильные чувства по поводу этих идеалов с целью захватить власть и насадить контроль.

Мечты дают возможности и открывают для общества новые дороги. Люди вынашивают мечты. Часто еще можно сказать, что лидер — это персонифицированная мечта (46). Если лидера отождествляют с мечтой, которая идет вразрез с доминирующим мировоззрением, его могут начать преследовать.

Демократия и власть

Мы очень часто определяем демократию через власть. Иногда говорим о балансе сил. Мы думаем, что одна идея или человек одерживает победу над другими. Нам даже кажется, что демократию можно установить силой. Мы говорим: «правит большинство». Арнольд Минделл пишет, что нами движет не та или иная идея, а собственные эмоции, внутренняя напряженность и затяжные конфликты, атмосфера между нами и неким основополагающим полем, которая не только определяет взаимоотношения между людьми, но и в конечном итоге объединяет их (47). Нами руководит голос, идея, звучащая где-то на задворках сознания, но которую мы еще не услышали, нами руководит взаимосвязь между старым и новым, между доминирующим и подавляемым. Нас ведет история. И нам нужны лидеры, способные наладить эту взаимосвязь, понять, как велико значение разнообразия, конфликта, противоречивых чувств и многогранности нашего существования. Минделл называет это «глубокой демократией».

Вершина айсберга

Мировосприятие, основанное на понятиях силы, когда один подавляет другого, можно сделать нормой только посредством запугивания и террора. Если ты запуган, то сделаешь все, что от тебя требуют. В нашей практике нам часто доводилось слышать: «Я не боялся, что меня убьют, — мне стало страшно, когда они пригрозили убить моего друга, ребенка, семью, близких».

Тактики террора — лишь вершина айсберга, основание которого формировалось на протяжении всей истории. Психологические качества, которые делают возможным применение таких тактик, присущи нам изначально.

что нами движет, потому что мы начинаем участвовать в реализации тактик террора задолго до того, как они принимают крайние формы. Мы слишком легко соглашаемся с ограниченной идеологией, основанной на утрашении и подавлении.

Лидерство как роль

Во многих общественных и политических движениях присутствует осознание того, что лидер — это не только личность, но и «роль», которую какой-то человек способен исполнить хорошо или не очень. И хотя лидер заставляет своих последователей двигаться вперед, они оказывают ему ту же услугу (48). Тактика террора, направленная на преследование лидеров, предполагает, что лидер один и движение не сможет существовать без него, как прежде. Но лидер — это нечто большее, чем просто человек. Поэтому такая тактика террора может быть «полезна» только в том смысле, что она на время ослабит значение лидерства (49). Эту роль рано или поздно возьмет на себя кто-то другой. Либо же дух лидера окажется настолько силен, что будет зажигать сердца людей на протяжении поколений.

Далай-лама бежал из Тибета в 1959 году. Но, даже будучи в изгнании, он продолжает оставаться политическим и духовным лидером Тибета. Преданность тибетцев далай-ламе даже в его отсутствие поддерживает в них крепкий дух и веру в освобождение и независимость.

Во многих общественных движениях пришли к пониманию того, что лидерство — это роль, которую могут исполнять сразу много людей, и такая децентрализация зачастую гораздо больше способствует развитию и процветанию движения. Общественные движения создают коллегиальное руководство, чтобы избежать централизации. Лидерство — непостоянная субстанция, и его невозможно представить себе вне взаимоотношений. Если

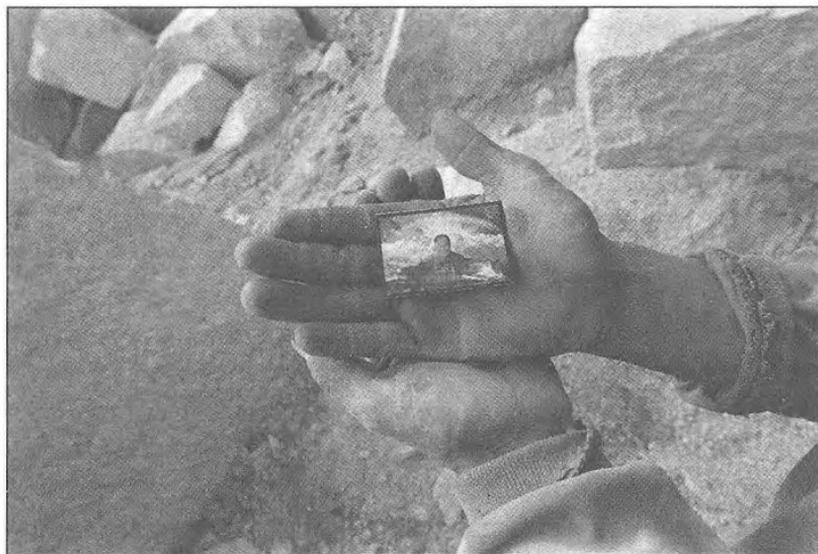
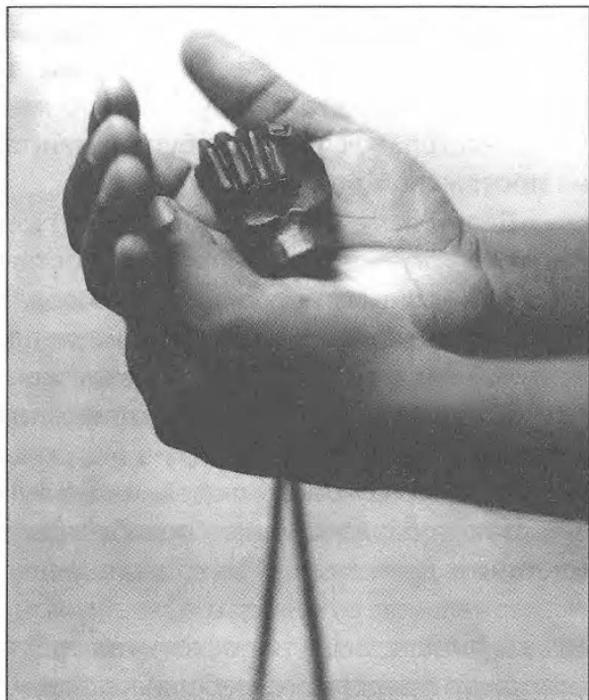

Рис. 10.4. «Воссоединение в Сера», Лхаса, 1993 г. © Нэнси Джо Джонсон. В монастыре Сера тибетский рабочий лелеет фото Его Святейшества далай-ламы. Хранить фотографии изгнанного лидера в Тибете запрещено

Рис. 10.5. Сын Стива Бико держит в руках деревянный кулак, принадлежавший его отцу. Стив Бико был убит в Южной Африке. (Фото Джулиан Эдельштейн)

власть не сконцентрирована в руках одного человека, если каждый член движения — лидер или носит в себе черты лидерства, то преследовать лидера невозможно, исчезает конкретная мишень.

«Война с террором» сталкивается именно с такой ситуацией: у террористов нет единого вождя. И если убит один террорист, то можно прогнозировать появление нескольких других, особенно если преследуемые считаются борцами за свободу или героями. Если уничтожат одно звено терроризма, то на его месте тут же возникнут другие. В этом плане преследование террористов только усугубляет проблему.

Анархическое движение предполагает рассредоточение лидерства. Само слово «анархия» произошло от греческого слова, обозначающего отсутствие лидера. Согласно анархическим взглядам, обществу не нужна централизованная власть (50). В конце 1880-х годов анархисты в США хотели разрушить капиталистическое устройство общества, отменить классовую систему и уничтожить правительство (51). «Новый анархизм» (52) был прародителем сегодняшнего антиглобализма. Анархию принято ассоциировать с хаосом, но часто случается так, что в группах по интересам и обычно мирных или праздничных собраниях рабочих, молодежи, активистов-экологов, пацифистов и многих других можно увидеть высокий уровень организации (53). Из-за стремления анархистов «избавиться от лидера» и уничтожить старую систему, иногда с применением силы, саму «анархию» ассоциируют с насилием. Однако анархическая идеология основана на другой идее — идее о том, что концентрация власти в руках одного человека не обязательна, поскольку ведь каждый может быть лидером и нести ответственность за происходящее.

Многие из нас жалуются на поведение некоторых наших лидеров, возмущаются или шутят над ними. Но если бы мы воспринимали лидерство как роль,

то были бы более склонны осознавать свою ответственность и брать эту роль на себя, чем уступать ее недостойным людям.

Второе рождение наших представлений о лидерстве

Мы склонны смотреть на лидерство как на победу одной стороны над другой. Даже в самих нас одно из качеств часто пытается стать определяющим, подчинив себе остальные. Серьезная и актуальная во всем мире проблема заключается в том, что люди не хотят быть лидерами и не расценивают свои идеи и ценности как ключевые для своего сообщества. Одна из причин нашего негативного отношения к лидерству такова: мы ассоциируем его с доминированием. Нам кажется, что мы должны или адаптироваться, или оказать сопротивление — в противном случае мы сдаем позиции, ограничивая свое поле деятельности и размышлений. Авторитарный лидер сидит внутри нас, унижая наши мысли и чувства. Либо мы думаем, что должны быть сильными и могущественными, чтобы сопротивляться доминированию, и, сами того не замечая, начинаем подавлять других. Личная и коллективная психология лидерства может иметь различные формы в зависимости от нашей семьи, культуры и политической истории. К примеру, у нас были очень интересные беседы с коллегами из бывших социалистических стран: они говорили о том, как трудно им быть лидерами в группах соотечественников — в людях глубоко коренится вера в коллективизм, и это затрудняет личностное самовыражение; кроме того, они слишком долго понимали под лидерством тиранию.

Нам следует принять психологический вызов «убить лидера», чтобы пересмотреть свои взгляды на это явление. Лидерство как доминирование осталось в прошлом. Невозможно подавлять других без применения тактик

террора. В действительности нами, вероятно, руководит творческая первооснова и поляризация, определяющая взаимодействия между людьми. Вот тот лидер, которого невозможно убить, устрасить или посадить в тюрьму. И этому лидеру нужна наша сознательность.

Глава 11. Тактики террора: пытки, разрушение тела и духа

Людей истязают, чтобы, измучив тело жертвы и сломив ее дух, добыть информацию или признание, наказать, обвинить третью сторону или установить в обществе власть террора. Пытки являются основной тактикой осуществления систематического насилия над выбранными в качестве мишени людьми, этническими, религиозными и политическими группами, тактикой проведения этнических чисток, геноцида и подавления потенциальных восстаний. Когда лидеров движений, членов этнических, религиозных или политических групп арестовывают, то целью истязаний становится уничтожение духа сопротивления в человеке, его сообществе или движении.

Мы часто думаем, что пытки применяют только как крайнее средство для получения информации или осуществления наказания. И мало кто знает, что они — тактика устрашения, имеющая целью уничтожить отдельных людей или целые сообщества, исключить возможность появления общественных или политических движений против подавления. Пытки сопровождают все этапы «закручивания гаек» — начиная от тактик эксплуатирования нестабильности и заканчивая призывами ужесточить режим, изданием особых указов, ограничивающих гражданские свободы, использованием тактик демонизации, дегуманизации, узаконивания, притупления чувствительности и преследования лидеров. Многие думают, что пытки применяются редко и где-то далеко, и поэтому их не касаются. В действительности они — обычная вещь в практике подавления и, возможно, даже в их родном городе (1).

До 1980 года проблемой пыток почти не занимались. Инге Генефке из Центра реабилитации и исследования жертв пыток в Копенгагене рассказывает о том, что

пытки считались локальным и случайным феноменом. Однако сейчас с точностью можно сказать: «Пытки — феномен не локальный и не случайный, поскольку систематические пытки могут осуществляться только с согласия и при поддержке государства. Пытки — это инструмент власти, который правительства используют для того, чтобы эту власть не потерять» (2). Систематическое нарушение прав человека и методы террора и пыток применяются во всем мире для уничтожения отдельных людей и сообществ с целью захватить и удержать доминирующие позиции. В 1997 году Генефке сказала, что треть мировых правительств пребывает у власти исключительно потому, что применяет пытки для поддержания влияния на собственный народ (3,4).

Пытки применяются не по инициативе пары-тройки «плохих парней». Они систематически практикуются и являются частью спланированных тактик по захвату господства и уничтожению духа потенциального сопротивления. Человека пытаются, чтобы уничтожить его личность, лишить его возможности действовать. Пытки созданы для того, чтобы разорвать нити, из которых соткана наша человеческая природа и которые связывают наши сообщества, чтобы унижить, сломить дух и пресечь любую возможность сопротивления власть имущим. Существуют даже учебники, где приведены инструкции по использованию самых эффективных методов пыток (5). Пытки применяют по всему миру в тюрьмах и в ходе силовых акций. «Специалисты» обмениваются методами и оборудованием. Орудия пыток продаются по всему миру (6).

СЛОМИТЬ ФИЗИЧЕСКОЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Во время пыток человека истязают психически и физически, задача — проломить барьеры чувствительности и эмоциональности, перешагнуть болевой рубеж. Цель пыток — уничтожить личность. Эту тактику террора

определяют как попытку убить человека, не доводя его до физической смерти (7). Методы включают в себя причинение жесточайших физических мук — постоянное нанесение одних и тех же телесных травм, прижигание, электрошок, удушение, экстремальные физические условия, такие как жара или холод, удержание туловища в какой-либо позе в течение долгого времени, лишение отдыха и сна, сексуальные издевательства, унижение и изнасилование, психические истязания, такие как сенсорная депривация¹, угрозы расправы, ареста или совершения сексуального насилия над членами семьи, принуждение наблюдать за пытками другого человека или самостоятельно осуществлять их.

Техники пыток создаются с учетом психических и физических возможностей людей. Задача этих техник — вытравить все, что мы называем человеческим, уничтожить личность, искоренить то, что помогло бы объекту пыток восстановиться. Если жертву отпускают на свободу, этот человек зачастую не может вернуться к повседневной жизни. А если он и возвращается в семью, его дети не могут поверить, что это их отец.

НЕВЫРАЗИМОЕ: ЧТОБЫ НИКОГДА НЕ ВЕРНУТЬСЯ

Чтобы жертва не смогла «вернуться домой», то есть восстановиться, техники пыток предполагают использование привычных вещей и действий, сопровождающих обыденную жизнь истязаемого. Орудиями пыток становятся телефоны, кресла, пластиковые пакеты, вареные яйца, вода и электрические провода. Прогулка шагом, бег и другие повторяющиеся движения превращаются в мучения. Невыносимой становится мысль о любом обыденном действии или предмете обихода (8). Пытки могут проводиться

¹ *Сенсорная депривация* (от лат. «sensus» — «чувство, ощущение» и «deprivatio» — «лишение») — продолжительное, более или менее полное лишение человека сенсорных впечатлений. — *Примеч. пер.*

в «медицинской» обстановке, допросы — в «бюрократической». В итоге объект пыток получает сильнейшую психическую травму и не сможет пойти к врачу или чиновнику без того, чтобы ее симптомы не дали о себе знать. В этом и заключается смысл пыток — подавить дух, лишить человека возможности найти убежище. Жертвы пыток часто не рассказывают о происшедшем, не желая, чтобы их близкие страдали. Все человеческое в них осквернено. Они замыкаются в себе, их истории остаются нерассказанными, а если они и решаются поведать кому-то о своей беде, то их слушают с каменными лицами — им не верят, люди не хотят об этом знать.

Когда кого-то незаконно арестовывают и бросают в тюрьму, то могут применять и пытки, давая другим понять, что любое сопротивление будет подавлено. После «Хрустальной ночи» в Германии в 1938 году около 25 тысяч мужчин-евреев были арестованы и отправлены на кратковременное пребывание в концентрационные лагеря — это было до начала массовой отправки в концлагеря и лагеря смерти. О том, что произошло в те дни, почти не говорят, но известно, что многих пытали, а некоторых забили до смерти.

Во всем мире во время конфликтов пытки используют для подавления недовольства и любого, даже ненасильственного, сопротивления. Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания была принята в 1984 году и вступила в силу в июне 1987 года. Исследования показывают, что из примерно 20 миллионов человек, которые сегодня во всем мире являются беженцами, переселенцами или перемещенными лицами внутри своей страны, 20—30 процентов подвергались пыткам со стороны своих собственных правительств (9). В поисках защиты эти жертвы пыток получают новую серьезную психическую травму, которая накладывается на огромные личные потери, — люди вынуждены бежать

в другое государство, окунаясь в чужую культуру, незнакомую языковую среду, их часто встречают с подозрениями и расистскими предрассудками, а иногда даже закрывают перед ним двери.

Все мы становимся невольными соучастниками этого преступления, когда отказываемся осознать, насколько широко распространено применение пыток и как страдают беженцы, их перенесшие. Жертвы пыток молчат, и общество не задается лишними вопросами. Осознать, что такое пытки, очень трудно именно потому, что это разрушает наши представления о «человечности». Но еще сложнее понять, как происходит узаконивание этих техник в социальных структурах, созданных для защиты населения и цивилизации. Ужасный и одновременно интересный факт: инфраструктура, используемая для проведения пыток в тюрьмах и полицейских участках, часто является самым постоянным, что есть в обществе. Может измениться режим, а вместе с ним и главенствующие политические, общественные и культурные установки, но система пыток остается неизменной (10).

Фотографии из Ирака, впервые появившиеся в апреле—мае 2004 года, демонстрируют, как американские солдаты пытали иракцев в тех же самых тюрьмах, которые использовались для пыток при режиме Саддама Хусейна.

Людей пытаются в тюрьмах, полицейских участках и центрах временного содержания заключенных по всему миру, в том числе и во многих демократических государствах Европы и в Америке. Пытки применяют и к «обычным» преступникам, и к политзаключенным. И, хотя в последние годы международное сообщество продвинулось вперед по пути признания этой проблемы и был сделан ряд шагов по выявлению и запрету пыток и других жестоких и унижительных наказаний, тем не менее пытки часто продолжают воспринимать как единичные происшествия, а не как проблему в системе власти, явно или тайно санкционированную (11).

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, НЕВЗИРАЯ НА ВСЕ ПРЕГРАДЫ

Жестокие пытки часто считают крайним проявлением агрессии и насилия, выходящим за рамки закона и судебной системы в целом. Но если посмотреть на историю и современное положение вещей, то можно увидеть, что пытки зачастую формируют эту самую судебную систему. Многие правительства поддерживают «порядок», подавляя оппозицию запугиванием и применением силы, включая пытки. Хотя пытки находятся вне норм международного права и военных конвенций, их все же продолжают использовать в качестве военной стратегии.

И я задаюсь вопросом: отражает ли эта тактика лишь нашу жестокость, склонность к доминированию и стремление получать желаемое любой ценой или она есть также и отражение силы человеческого духа? Ведь если бы люди были более слабыми, то к ним не пришлось бы применять такие ужасные меры. Невозможно доминировать, не прибегнув к средствам террора. Но даже если к ним прибегнуть, в конечном итоге они не дают желаемого результата. Люди, не сломленные пытками, иногда подтверждают эту мою мысль о нерушимой силе духа.

Те, кто выживает после попыток мучителя унижить, уничтожить их личность, физические и эмоциональные составляющие индивидуальности, лишит возможности сопротивляться, часто до конца своих дней ощущают последствия этой психической травмы. Вместе с тем некоторые из жертв пыток рассказывают: их дух превозмог все жестокости, и они почувствовали связь с чем-то священным, находящимся за пределами их личной истории, за пределами власти, силы и устрашения: они освободились от этих тисков, они — больше не жертвы. Они словно бы вдруг перестали придавать значение власти в ее нелепых и отвратительных проявлениях.

Глава 12. Тактики террора: целясь в душу общества

ИЗНАСИЛОВАНИЕ

Изнасилование — тактика войны, принудительного выселения и геноцида. Тактика террора, применяющаяся при политических арестах, особенно в отношении женщин и детей.

Почему изнасилование стало тактикой террора, средством пыток и орудием войны? Потому, что оно метит в душу сообщества, позволяет надругаться над самым святым, разорвать нити, воедино связывающие сообщество. Изнасилование имеет целью унижить, свергнуть в депрессию, оборвать поддерживающие нас духовные связи и отношения в обществе.

То, что жестокости в боснийских городах походили друг на друга, позволяет нам предположить, что средства террора были заранее детально определены. В книге «Изнасилование как способ ведения войны» Беверли Аллен приводит отрывок из документа, подготовленного представителями военного управления специальных служб, в число которых входили специалисты по методам ведения психологической войны:

Наш анализ поведения людей в мусульманских сообществах показывает, что боевой дух, волю и воинственную сущность можно подорвать только в том случае, если мы нацеливаемся на наиболее хрупкие элементы религиозной и социальной структуры. Имеются в виду женщины, особенно несовершеннолетние, и дети. Решительная атака на эти социальные элементы породит замешательство, а это спровоцирует сначала страх,

а потом панику, что, вероятно, приведет к отступлению с охваченных войной территорий (1).

И в Косове, и в Сомали было изнасиловано огромное количество женщин, и очень часто эти женщины даже не могут рассказать о том, что они пережили: слишком сильно табу, наложенное на эту тему. Их могут осудить или изгнать из семьи. Изнасилование — систематически применяемая тактика террора, созданная для нанесения ударов по болевым точкам сообщества.

ЧАЙНИКИ, ФОТОГРАФИИ И ДОРОГИЕ НАМ ВЕЩИ

Почему разбили старый чайник и цветочный горшок, стоявший на подоконнике? Почему в центре городка на землю бросили и подожгли фотографии, копий которых уже не сделать? Почему осквернили, разбомбили, сожгли дорогие сердцу памятники, соборы, церкви, храмы? Потому, что задача нападающих — уязвить самую душу сообщества, уничтожив все, что священно, что связывает нас с домом, определяет нашу принадлежность к сообществу и истории.

ПАМЯТНИКИ И ИСТОКИ СООБЩЕСТВА

В Хорватии в период с июля 1991 по январь 1992 года сербы повредили или разрушили более 500 памятников и исторических зданий, включая церковь XI века и римский дворец в Сплите IV века, а также исторические части городов Дубровник и Карловак, до основания разрушили город Вуковар, разорили более 370 музеев, библиотек и архивов. Целенаправленный обстрел этих зданий, переживших турецкую оккупацию, а также Первую и Вторую мировые войны, был частью тактики по уничтожению чужих культурных сокровищ. В Боснии, после того как сжигали исторические центры городов,

часто уничтожали мечети и католические церкви. Хорваты взорвали в Мостаре известный четырехсотлетний мост с арками, а в Герцеговине — сербский православный монастырь (2).

Рис. 12.1. Вуковар, Хорватия

Рис. 12.2. «Хрустальная ночь», или «Ночь разбитого стекла» (“Die zerstörte Synagoge in Eberswalde”). Разрушенная синагога в Эберсвальде (около Берлина)

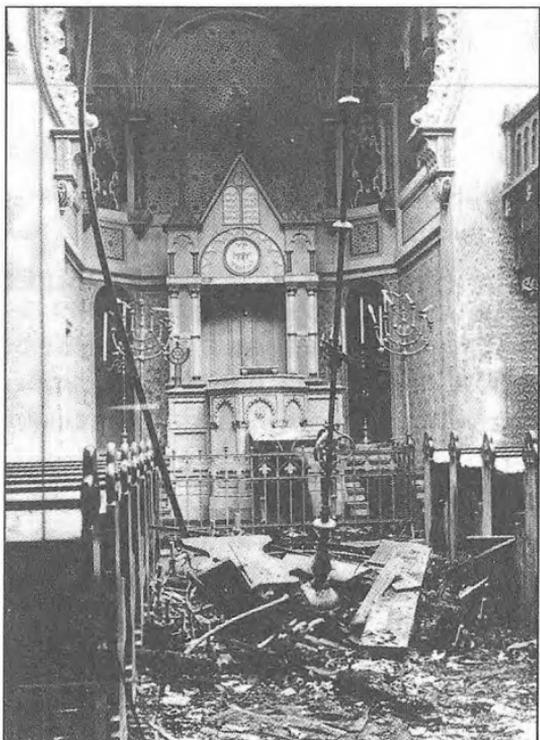

Рис. 12.3. Руины Шиде, Лхаса, 1993 г. © Нэнси Джо Джонсон. Монастырь Шиде, один из самых важных буддистских монастырей, был разрушен во время вторжения китайцев в Тибет в 1950 г.

В Косове в 1998—1999 годах был нанесен серьезный ущерб исламской культуре: 600 мечетей были разрушены или осквернены. На стенах мечетей оставляли расистские надписи, разодранные экземпляры Корана лежали, испачканные фекалиями (3). Сербские националисты считали эту территорию своей святой землей, отнятой у них после поражения на Косовом поле в 1389 году.

Ночь с 9 на 10 ноября 1938 года в Германии стала известна как «Хрустальная ночь», или «Ночь разбитого стекла». Нацисты организовали повсеместные погромы, во время которых разграбляли и разрушали еврейские школы, учреждения и магазины, осквернили и сожгли сотни синагог. А наутро арестовали 25 тысяч мужчин-евреев и несколько тысяч женщин.

Китайские военные силы захватили Тибет в 1949 году, и в результате этой оккупации погибло более 1,2 миллиона тибетцев. Было разрушено более 6 тысяч монастырей. Из-за своих политических и религиозных воззрений в тюрьмы попали тысячи людей, там их жестоко пытали.

Приблизительно 130 тысяч тибетских беженцев с тех пор живут по всему миру в изгнании (4).

Уничтожение культуры всегда было и остается одной из главных тактик террора. Когда представители нового режима хотят насадить свою власть, они избавляются от культурных символов старого. Про утрату культурных ценностей угнетенных или преследуемых сообществ обычно быстро забывают, или ее рассматривают как побочный эффект происходящих событий. И наша способность забывать используется как один из элементов этой тактики террора, цель которой — избавить жертву от воспоминаний, связывающих ее с обществом. Причем речь идет не только об ограниченной группе людей, но и о коллективном духе в целом. Один из способов стереть человеческую память и подкорректировать историю — уничтожить старых богов, памятники, статуи и храмы, а еще заменить старых богов на новых. Когда Моисей получил десять заповедей и спустился с горы, он увидел людей, которые танцевали и молились вавилонским божествам, и уничтожил этих «ложных идолов».

СОЖЖЕНИЕ КНИГ

Книги сжигают затем, чтобы уничтожить связь человека с культурой и общей историей, не дать ему почувствовать пульс жизни. Сожжение книг представляет собой торжество новой идеологии, не подлежащей обсуждению или критике. Сожжение книг — попытка переписать историю. Свобода информации мешает насаждению контроля. Сожжение книг — это эффектный жест, унижающий сообщество, это грандиозная чистка, обесценивающая жизни наших предков. Это одновременно и символический, и вполне материальный акт уничтожения старых ценностей, мешающих развитию нового режима и новой идеологии.

Рис. 12.4. Сожжение книг: гравюра на дереве XVI в., созданная Джостом Аннаном

10 мая 1933 года нацисты сжигали книги, среди которых были издания произведений поэта Генриха Гейне, немецкого еврея. Столетием раньше он написал: «Там, где сжигают книги, в конце концов будут сжигать людей» («Dort, wo man Bücher verbrennt, verbrennt man am Ende auch Menschen») (5).

Но самый масштабный в современной истории акт сожжения книг имел место в 1992 году, когда 25 августа военные силы сербских националистов начали трехдневный штурм Национальной и университетской библиотеки Боснии. Несмотря на стрельбу из снайперских винтовок, многие жители Сараева, рискуя своей жизнью, образовали живую цепь и спасали книги — передавали их из рук в руки и уносили подальше от горящего здания. Почти 1,5 миллиона книг погибло в этом огне, включая 155 тысяч редких экземпляров и рукописей. Были утрачены

государственные архивы и вся боснийская периодическая литература начиная с середины 1800-х годов (6). Уничтожение памятников и сожжение книг обычно соседствуют с насильственным изгнанием и геноцидом.

В Китае в период с 842 по 845 год нашей эры были уничтожены 4600 храмов и около 40 тысяч гробниц, а 200 тысяч монахов были изгнаны из страны. Разорение библиотек и варварское отношение к книгам глубоко повлияли на формирование буддистского учения (7).

Мы знаем множество примеров уничтожения книг, библиотек, музеев, сокровищ знаний и истории. Во время нападения США на Ирак в 2003 году библиотеки, музеи и места археологических раскопок были оставлены без охраны, что привело к разграблению культурных ценностей. В ходе дискуссий о том, кто виноват в происшедшем и почему это случилось, ситуация была представлена как ошибка управления, трагедия. Даже если это и правда, тот факт, что в условиях упреждающей атаки вооруженные силы США не предусмотрели подобного развития событий и не смогли защитить эти сокровища, следует расценить как желание уязвить душу атакуемой цивилизации в контексте плана установления «демократии».

СОЖЖЕНИЕ ВЕДЬМ

Сожжение ведьм служило очищением общества от «зла». Я упоминаю об этом в главке «Целясь в душу “большинства”» рядом с описанием сожжения книг и геноцидом потому, что эта тактика пыток и убийств была создана для уничтожения обычаев, не согласующихся с доминирующей христианской теологией. Церковь поставила себе задачей контролировать и искоренять знания, ассоциирующиеся с женщинами и «языческими» обычаями. Многие из женщин, ставших мишенями и жертвами этой политики, обладали экстраординарными способностями, навыками целительства и акушерства.

В 1326 году Церковь доверила инквизиции расследование дела ведьм и разработала теорию дьявольского происхождения колдовства. В 1486—1487 годах в книге под названием «Молот ведьм» авторы детально описали деятельность колдуний и методы получения их признаний (8). Охота на ведьм началась в Европе в 1450 году, закат ее пришелся на 1680 год. Однако казни продолжались до 1792 года.

В 1550—1650 годы, в период, называемый «временем сожжений», многие десятки тысяч людей были убиты, а для получения признаний использовались жесточайшие средства пыток. Точное количество жертв неизвестно. Некоторые исследователи называют цифру 30—50 тысяч (9), неоязыческое движение — 9 миллионов погибших. Жестче всего с ведьмами боролись в Германии, Франции, Швейцарии и Австрии. Охота на ведьм представляла собой тактику демонизации. Некоторые считают, что раз Господь «всеблагой», то необходим козел отпущения, отвечающий за все зло на Земле (10). Ведьм считали язычницами, которые почитают других богов и богинь, встречаются на ночных шабашах с демонами и творят все несчастья на свете, например провоцируют импотенцию у мужчин. «Охота на ведьм обычно являлась частью широких кампаний по борьбе с неповиновением и насаждению религиозной ортодоксальности» (11). Восемьдесят процентов из тех, кого признавали ведьмами и ведунами, составляли женщины; среди них было также много детей.

КОЛОНИЗАЦИЯ, ЯЗЫК, РИТУАЛЫ И ОБЫЧАИ

Колонизаторы всегда стремились уязвить душу сообщества, и это была их основная тактика. Разорвав нити, образующие материю сообщества, гораздо проще внедриться в него и захватить над ним власть. Если вы оставите людей пренебречь своими ритуалами, забыть

об обычаях и языке, вам будет легче убедить их пойти за собой. Чем меньше они доверяют знаниям собственной культуры и верят в ее духовную силу, тем скорее они примут вас и ваших богов. Нарушая ритм и ход жизни в сообществах, миссионеры часто считали свою деятельность богоугодной.

Мы уже говорили о том, что один из методов, ставящих людей забыть о своих корнях, о своем происхождении — дискредитация старейшин. Другой метод — изъятие детей из их семей и сообществ. С конца 1870-х и до начала 1970-х годов правительство США вынудило индейцев отправить тысячи своих детей на обучение в федеральные или религиозные школы-пансионы, вероятно, для того, чтобы помочь детям ассимилироваться. Но добивались этого путем уничтожения культуры, языка и обычаев коренного населения. Детей избивали, если они говорили на своем языке, жестокое обращение и сексуальное насилие были повседневным явлением. Местные сообщества до сих пор разбираются в наследии этих злоупотреблений, которые «инфицировали, унизили и разрушили жизни индейцев на десятилетия, столетия вперед» (12). В Канаде тысячи детей, тоже помимо их воли, отправляли в школы-пансионы, где повсеместно практиковалось применение физического и сексуального насилия. Есть свидетельства, что детей били, насиловали, они умирали от побоев, отравлений и электрошока (13). Эти истории сейчас пытаются обсудить и пережить в индейских сообществах, ведь только так можно излечить боль прошлого и обеспечить развитие в будущем. А вот публичного признания церковью и государством своих ошибок индейцы почти не слышали.

ДУША И СИМВОЛЫ В КАЧЕСТВЕ МИШЕНИ

Стремясь к доминированию, мы подавляем чужие культуры, символы, ритуалы и насаждаем свои, полагая

при этом, что утрата культурных символов — это просто побочный эффект смены властей. Есть и другая точка зрения, согласно которой одни культуры теряются в мировом круговороте, в то время как другие выходят на передний план. А можно полагать, что группа, стоящая у власти, просто подвержена предрассудкам и поэтому не ценит другие культуры, считая их ритуалы и ценности глупыми или немного странными, устаревшими. Но на самом деле все гораздо серьезнее. Утрата культуры отнюдь не просто побочный эффект угнетения. Нападающие знают, насколько большое значение имеют символы и ритуалы, и поэтому уничтожают их.

ДУША И СИМВОЛЫ В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ

Душа сообщества — это не только цель для атаки. Ее можно использовать и как оружие. После бомбежек, поджогов, изнасилований доминирующая группа использует свои символы, политическую идеологию и религию, чтобы сохранить власть и держать в страхе других. И в этом отношении она тоже лишается части своей души, поскольку воспетые ей идеалы и глубинный смысл превращаются в оружие войны.

ЦЕЛЯСЬ В ДУШУ «БОЛЬШИНСТВА»

Каждый из нас — мишень. Мы теряем связь с нашими корнями, чувство принадлежности к своему сообществу и смысл. Потеря коллективной души приводит к изоляции и депрессии, так широко распространенным в наших обществах. Утрата связей с этническим и культурным наследием приводит к появлению предубеждений и расизма. В некоторых обществах, где белое население составляет большинство, понятия этнической принадлежности и этнокультурных различий часто применяют только в отношении цветного населения. Само

слово «этнический» сегодня регулярно употребляется в США и некоторых частях Европы по отношению к группам, обычаи и культура которых ощутимо отличаются от доминирующих. Белые же часто воображают, будто у них нет собственного этнического и культурного наследия. Проецирование понятия «разнообразие» на цветное население стимулирует предрассудки и расизм. Для поддержания привилегированного положения, появляется помпезное «мы», или «большинство», позволяющее компенсировать утерянное богатство многообразия и связи с историей.

ДУША СООБЩЕСТВА И «ПРИСВОЕНИЕ КУЛЬТУРЫ»

Термин «присвоение культуры» означает заимствование элементов других культур без понимания исторической связи с ними. То, как мы используем чужие ритуалы и символы, очень важно, потому что попрание чужих ценностей и культурных символов всегда было тактикой террора. Осуществляя систематический террор, мы стремимся поразить основные символы общества. Но после того как сообщество претерпевает лишения, погибает и/или бывает изгнано со своего места проживания, а его историю переписывают или вовсе уничтожают, эти символы неожиданно появляются вновь. Они — как артефакты с разграбленного археологического раскопа, в которых никто не видит свидетелей ушедшей истории. Мы наивно любим их. Мы заимствуем и используем элементы чужих культур. Но если спросить нас, как эти культуры были осквернены, то мы можем не понять вопроса, разозлиться и даже проявить враждебность, жалуюсь на политкорректность.

Такие символы несут в себе большую эмоциональную нагрузку. Мы думаем, что перенимаем их в процессе неосознанной попытки оживить священное или даже разобратсья в жестоком наследии прошлого. Но, игнорируя

историю культурных символов, мы скорее романтизируем и опошляем их.

На рынке в Варшаве в начале 1990-х все прилавки были заставлены маленькими резными деревянными безделушками, изображающими еврейских раввинов, держащих в руках Тору. Что еще ужасней, на этикетках леденцов и даже бутылок с водкой красовались надпись «кошерно» и звезда Давида. Слово «кошерный» означает определенные правила диеты и ритуалы, которые соблюдают ортодоксальные евреи. Во время Второй мировой войны Польша потеряла почти все еврейское население, и именно там находились лагеря смерти Освенцим-Биркенау и другие. Товары, названные кошерными, таковыми, конечно, не являлись. Слово «кошерный», написанное на сладостях или водке, демонстрировало экзотичность, необычность продукта, а также оригинальный подход к торговле.

Присвоение культуры часто связано с желанием увидеть в покоренной цивилизации что-то дикое, экзотическое или сексуальное. Это характерно для расизма. Мы уже видели, насколько в США популярен образ «диких», «жестоких» индейцев — тех самых «диких» краснокожих, которых европейцы должны были убить в Америке, доказывая теорию «Божественного предопределения»¹.

Мы все время производим обмен культурными ценностями. Иногда это происходит в русле взаимопонимания и взаимопонимания. Иногда — в результате длительного процесса выяснения отношений. Иногда — это открытая эксплуатация чужой культуры. Не все и не всегда проходит гладко, но очевидно, что разрешение возникающих проблем требует диалога и взаимного уважения.

¹ Manifest Destiny — политическая доктрина в США XIX в., согласно которой североамериканцы являются избранным народом, призванным превратить Америку в «зону свободы». — *Примеч. пер.*

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЦЕЛИ И ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ

Тактики, направленные на уничтожение души сообщества, имеют долгосрочные цели и длительный эффект. Движение людских потоков и миграция происходят большей частью из-за международных конфликтов, изменений в развитии международной экономики, а также благодаря новым возможностям транспорта и коммуникаций. Мир становится все более многокультурным. И вопрос будущего каждого сообщества таков: как сделать, чтобы выжила его душа? Продолжим ли мы использовать свои культуру и идеологию как орудие и жертву войны или же в процессе общественного диалога начнем использовать возможность общаться друг с другом, учитывая богатство разнообразия?

Глава 13. Тактики террора: дезинформация

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И СМИ

Распространение ложной информации тоже является тактикой террора. Массмедиа — это могущественные орудия войны. Если государство поддерживает применение тактик террора, то, как правило, оно в большей или меньшей степени контролирует и средства массовой информации. Оксфордский словарь дает такое определение дезинформации: «Дезинформация — это распространение заведомо ложной информации, часто предоставляемой государством или его агентами иностранным властям или СМИ с целью оказать влияние их на мнение или политику» (1).

В бывшем СССР и странах, находившихся под его влиянием, все СМИ находились под контролем государства. Невозможно было сказать ни слова против существующего режима. Система агентуры и разведки работала настолько отлаженно, что оппозиционная идея, высказанная даже в интимной обстановке, могла стоить человеку жизни.

И поскольку в странах социалистического лагеря существовал только один источник «новостей», население научилось следовать программе партии. В то же время люди глубоко понимали, что инакомыслие подавляется посредством террора и доверять можно лишь немногим. В условиях демократии, напротив, население считает, что имеет доступ ко всей информации, даже если это и не так.

Свобода слова и свобода информации являются ключевыми понятиями демократической идеологии,

поскольку гарантируют народовластие как основу управления в государстве. Контроль над СМИ небольшого количества частных компаний ставит под угрозу сам принцип демократии. Европейская комиссия по правам человека признала «избыточную концентрацию прессы» нарушением прав, гарантированных статьей 19, и призвала государства предотвращать подобные нарушения (2). В 1983 году в книге «Монополия СМИ» Бен Багдикян писал, что почти все средства массовой информации в США контролируются 50 корпорациями. В издании 1987 года их количество свелось к 29, в 1990-м их стало 14, а в 1997-м — 10 (3). В 2000 году шестое издание «Монополии СМИ» засвидетельствовало, что основные СМИ в стране принадлежат всего шести корпорациям. «Именно эта всеохватывающая коллективная власть корпораций с особенностями их корпоративного взаимодействия, унифицированными культурными и политическими ценностями и ставит под сомнение значение роли личности в американской демократии» (4).

Иногда бывает неясно, где кончаются правдивые сведения и начинается дезинформация. Информацию часто интерпретируют так, чтобы она соответствовала нашему мировоззрению, влияла на наше мнение или приводила к конкретным результатам. Неполная правда, дезинформация и политехнологии стали неотъемлемой частью информации, а существование всяческих неясностей очень удобно для маскировки дезинформации. Когда откуда-то поступает сигнал, его сложно уловить — обычно существует слишком много шумов, мешающих понять, что происходит. И мы теряем внимание к происходящему. Полуправда и политехнологии созданы как раз для того, чтобы дезориентировать нас. Мы это знаем, обсуждаем это и опять не улавливаем суть. Укороченные или искажающие правду репортажи, даже если их создавали с благими намерениями, в итоге лишь

увеличивают количество дезинформации, способной к самовоспроизведению.

Можно назвать разные виды дезинформации, начиная от открытого подстрекательства к насилию и геноциду и распространения ложной информации, призванной задеть националистические струнки в душах людей, и кончая намеренным искажением информации для формирования общественного мнения. Главный инспектор ООН по вооружению Ханс Бликс, работавший в 2003 году в Ираке, заявил, что администрация Буша оказывала давление на его инспекторов, чтобы добиться более жестких формулировок в их отчетах. Он также сообщил, что сам был объектом грязных кампаний, осуществляемых кое-кем из Пентагона (5). Сейчас США и Соединенное Королевство ведут расследование, пытаясь выявить дезинформацию, ставшую причиной вторжения в Ирак в 2002 году.

Ноэм Хомски документально подтверждает, что администрация Вильсона перед Первой мировой войной основала в США правительственную комиссию по пропаганде. Эта «Комиссия Крила» сумела быстро превратить нацию пацифистов в жаждущих войны с немцами милитаристов. «Либерально-демократическая» теория поддержала новую технику «получения согласия» (6). Идея заключалась в том, что элита, интеллектуальное сообщество имеет право вырабатывать решения и нести за них ответственность, мы же, все остальные, примем участие в этом процессе с помощью голосования, а потом перейдем в разряд зрителей.

Хомски отмечает схожесть этой концепции с ленинской, где авангард революционных интеллектуалов захватывает власть в государстве, используя для этого силу народной революции (7). Когда государственную пропаганду поддерживают образованные классы, это может привести к серьезным последствиям. Помимо

того, что в США очень небольшое число корпораций обладает всеми СМИ, существует и другая проблема. Многих беспокоит тот факт, что и самой журналистской управляет сравнительно небольшая группа «элиты», особенно в Соединенных Штатах, где несколько изданий, таких как «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», имеют сильное влияние на формирование новостей во всей стране.

Это актуальный вопрос. Именно академические ученые и другие представители интеллигенции положили начало возникновению сербского националистического движения и подогревали его в конце 1980-х начале 1990-х. Именно ученые писали о чистоте расы в нацистской Германии. На протяжении всей истории «эксперты» и журналисты становились орудием войны, отравляя общество ложью, иницируя убийства и провоцируя одобрительное молчание. Но мы видели, что возможно и обратное. История знает не один пример того, как журналисты и представители интеллигенции высказывали свое мнение, рискуя жизнью и становясь объектами террора — их преследовали, чтобы избавиться от потенциального или действительного сопротивления насаждаемому режиму.

Изначально Интернет был относительно свободен от политического контроля и не представлял коммерческого интереса. Огромная сеть обмена информацией — необычный, интригующий противовес концентрированной экономической, политической и социальной власти, предоставляющий благодаря свободе информации безграничные возможности для мобилизации культурной и политической деятельности. В то же время сегодня огромное влияние на Интернет и контроль над ним имеет глобальный маркетинг, и наверняка государственные разведывательные службы не упускают возможности примкнуть к шпионящим за нами международным корпорациям и хакерам.

ПОЛУЧАТЕЛЬ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Дезинформация связана не только с источником лжи, неточной информации и технологий. Информационный процесс предполагает наличие как отправителя, так и адресата. Все мы интересуемся новостями — они нас волнуют, приводят в замешательство, кажутся нам скучными или лишают надежды. И если общество хочет решить проблему дезинформации и обсудить роль СМИ, то сначала нужно посмотреть на то, как мы собираем, сортируем и используем информацию.

Мишень дезинформации — наши эмоции, ограниченная сознательность и неспособность отбирать информацию, а также склонность верить всему, что наиболее соответствует нашему личному и коллективному опыту, нашим эмоциональным предпочтениям. Эта тактика использует наше желание сохранить свои привилегии, ради которых мы готовы согласиться с чем угодно. Дезинформация используется для того, чтобы оклеветать активистов и лидеров, дискредитировать общественные и политические движения, возбуждая подозрения и ненависть к отдельным людям и группам, усилить лояльность, разбередить старые раны и возбудить жажду мщения. Но всякая информация может с легкостью превратиться в дезинформацию, если мы некритично впитываем ее и оцениваем, исходя из единственного принципа — «это ложь или правда в зависимости от того, убеждает ли это меня (в очередной раз) в правоте моей единственно верной точки зрения».

РАДИО ТЫСЯЧИ ХОЛМОВ — ПРИЗЫВ К УБИЙСТВУ В РУАНДЕ

В Руанде в 1993 году СМИ открыто призывали убивать людей. Самая популярная в стране радиостанция RTLМ (Radio Television des Mille Collines) — «Радио

и телевидение тысячи холмов» — была основана в 1993 году членами семьи и друзьями президента Хабьяриманы. Людям нравилась музыка. Это радио передавало популярную музыку и одновременно начало проповедовать превосходство хуту.

Через несколько минут после того, как был сбит самолет Хабьяриманы (этот инцидент послужил толчком к насилию в Руанде), RTLM обвинило в случившемся бельгийский миротворческий контингент ООН. На следующее утро десять бельгийских солдат были жестоко убиты, и силы ООН тут же вывели из страны. Радиостанция начала провоцировать резню, используя знакомую нам тактику дегуманизации: «...они тараканы» и т. д. В эфире звучали призывы вроде: «Все, кто нас слушает, поднимайтесь на борьбу за нашу Руанду... беритесь за то оружие, которое у вас есть: у кого есть стрелы — берите стрелы, у кого есть копья — берите копья... берите свои обычные инструменты... мы все должны бороться [с тутси], мы должны покончить с ними, уничтожить их... для них не должно найтись убежища, им никуда не скрыться». Подобные лозунги звучали до последнего дня геноцида в Руанде. Фердинанд Нахимана, директор RTLM, позже был арестован и отправлен под трибунал по Руанде: его обвинили в подстрекательстве к геноциду. Такие же слоганы звучали и в эфире другой радиостанции в Заире — там призывали уничтожать тутси в Бурунди (8).

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И ГЕНОЦИД В ХОРВАТИИ И БОСНИИ

В бывшей Югославии СМИ стали одним из мощнейших орудий войны. В феврале 1991 года в начале войны в Хорватии, в регионе Краина, лидеры сербских формирований захватили полицейский участок в Пакрац, и Туджман приказал хорватской армии отвоевать захваченную территорию. В итоге 180 человек были арестованы, многие

бежали в горы. Город был оставлен с разбитыми окнами, изуродованными стенами и крышами домов. Белградскую прессу как прорвало — газеты писали о потоке беженцев, не меньше 20 000 человек, которые едут в Сербию. Вышел спецвыпуск многотиражной ежедневной белградской газеты «Вечерние новости», на первой полосе которой сообщалось об убийстве православно-го священника, на второй речь шла о том, что он ранен, а на третьей приводился его комментарий (9). В тот день на сербском митинге в Краине было сказано, что Хорватия объявила сербам войну. И ЮНА (JNA)¹ впервые вторглась в Хорватию (10).

На протяжении всего периода военных действий не только одни и те же происшествия освещались в различных формах, но существовали диаметрально противоположные версии событий. Когда в 1992 году сербские военизированные формирования выгоняли из домов боснийских мусульман, убивали их и под страхом смерти заставляли убивать своих соседей, отправляли в невыносимые условия в жестокие концлагеря типа Омарска (11), где их жестоко пытали, сербские власти заявляли, что все это необходимые меры самообороны. Выдуманные истории разжигали страхи, что мусульмане собираются начать геноцид сербов. Люди слушали и верили этой версии происходящего, транслируемой в официальных новостях телевидения и радио боснийских сербов.

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ О ГЕНОЦИДЕ В БОСНИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ

Как уже упоминалось, стоило возрасти числу доказательств того, что в Хорватии и Боснии происходит массовая депортация, действуют концлагеря и применяются

¹ Югославская народная армия, руководимая сербами. — Примеч. пер.

пытки и расправы над населением, как западные политики и СМИ заговорили о «гражданской войне». Нам сообщали, что из-за давней этнической вражды люди на Балканах больше не могут жить вместе, а не о том, что конфликт был спровоцирован и подогрет с целью этнических чисток и геноцида. Так как все участники конфликта совершали жестокости, журналисты часто рисовали картину войны, в которой все, казалось, сошли с ума и начали убивать друг друга. Использование понятия «гражданская война» вместо «геноцид» оправдывало невыполнение обязательств, предусмотренных Уставом ООН. В подробном отчете, представленном Организацией Объединенных Наций, говорилось, что 90 процентов преступлений в Боснии совершается сербскими экстремистами, 6 процентов — хорватскими и 4 процента — мусульманскими (12). Хотя статистика значительно разнится в зависимости от источника, происходившее не было «гражданской войной». Главное здесь — задуматься, какое влияние может оказать на ход истории способ получения и восприятия информации.

ПАРТИЙНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ЯДОВИТЫЕ ДОКУМЕНТЫ: КОИНТЕЛПРО

Распространенное средство дезинформации — подделка документов. В рамках программы контрразведки КОИНТЕЛПРО совершались попытки спровоцировать или обострить конфликты между партией «Черные пантеры» и связанными с ней объединениями. В одном докладе говорилось, что необходимо разжечь вражду между «Черными пантерами» и организацией Объединенные рабы при помощи письма, якобы написанного «Пантерами» и раскрывающего некий заговор с целью убийства (рис. 13.1). Тот же доклад призывал спровоцировать конфликт между «Черными пантерами» и партией «Мир и свобода», а также раскол внутри самих «Пантер» (13).

OPTIONAL FORM NO. 10
MAY 1962 EDITION
GSA GEN. REG. NO. 27

UNITED STATES GOVERNMENT

Memorandum

TO : DIRECTOR, FBI (100-448006) DATE: 11/29/68

FROM : SAC, LOS ANGELES (157-1751) (P)

SUBJECT: COUNTERINTELLIGENCE PROGRAM
BLACK NATIONALIST - HATE GROUPS
RACIAL INTELLIGENCE

W.C.G.
W.C.G.
W.C.G.

W.C.G.
W.C.G.
W.C.G.

Re Los Angeles letter to Bureau dated 9/25/68.

I. OPERATIONS UNDER CONSIDERATION

The Los Angeles Office is currently preparing an anonymous letter for Bureau approval which will be sent to the Los Angeles Black Panther Party (BPP) supposedly from a member of the "US" organization in which it will be stated that the youth group of the "US" organization is aware of the BPP "contract" to kill RON KARENGA, leader of "US", and they, "US" members, in retaliation, have made plans to ambush leaders of the BPP in Los Angeles.

It is hoped this counterintelligence measure will result in an "US" and BPP vendetta.

Investigation has indicated that the Peace and Freedom Party (PFP) has been furnishing the BPP with financial assistance. An anonymous letter is being prepared for Bureau approval to be sent to a leader of PFP in which it is set forth that the BPP has made statements in closed meetings that when the armed rebellion comes the whites in the PFP will be lined up against the wall with the rest of the whites.

It is felt that this type of a letter could cause considerable disruption of the association between the BPP and the PFP.

In order to cause disruption between the BPP of Oakland, California, and the BPP of Los Angeles, an envelope is being prepared for Bureau approval which appears

REG-2

② - Bureau (RM)
1 - Los Angeles

LWS/dld
(3)

W.C.G.
W.C.G.
W.C.G.

Рис. 13.1. Письмо ФБР с планом распространить дезинформацию и спровоцировать «вендетту» между партией «Черные пантеры» и «Объединенными рабами», а также испортить отношения между «Черными пантерами» и партией «Мир и свобода» и между отделениями «Черных пантер» в Окленде и Лос-Анджелесе. (Рассекреченные документы правительства США.)

В рамках КОИНТЕЛПРО была предпринята попытка рассорить партию «Черные пантеры» и Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД) посредством фабрикации и предоставления СМИ документов, содержащих оскорбительные нападки на «Черных пантер» со стороны СККНД (14). Еще один план КОИНТЕЛПРО — письмо, адресованное еврейской организации, и написанное якобы проеврейски настроенным чернокожим, который заявляет, что «Черные пантеры» — оголтелые антисемиты и должны быть остановлены (рис. 13.2) (15).

Помимо прочего, ФБР решило испортить репутацию «Черных пантер» и белой актрисы Джин Сиберг, которая оказывала партии финансовую поддержку (рис. 13.3). В архивах ФБР есть заявление с просьбой разрешить передать новостным агентствам сфабрикованную скандальную историю о Сиберг, а также приказ, позволяющий это сделать. История заключалась в том, что актриса якобы ждет ребенка от лидера «Черных пантер», а не от своего мужа. Эта дезинформация была нацелена на использование расистских и сексистских настроений, а также на разрушение согласия между сторонниками движения. Сиберг впала в депрессию, ее ребенок, отцом которого был муж актрисы, родился мертвым, а сама она покончила жизнь самоубийством (16).

По иронии судьбы, пока я писала эту главу о дезинформации, я зашла в Интернете на один авторитетный сайт левого толка. На главной странице сообщалось о рассылке электронных писем экстремистского содержания, якобы осуществляемой сотрудниками веб-сайта. (Письма, не отражавшие их взглядов, отправляли вовсе не сотрудники сайта.) Больше ничего сказано не было. Похоже, это была попытка испортить репутацию сайта, представив его работников экстремистами, и оттолкнуть тем самым его растущую аудиторию.

OPTIONAL FORM NO. 10
MAY 1962 EDITION
GSA FPMR (41 CFR) 101-11.6
 UNITED STATES GOVERNMENT
Memorandum

TO : DIRECTOR, FBI (100-448006) **DATE:** 9/10/69
FROM : SAC, NEW YORK (100-161140) (P)
SUBJECT: COUNTERINTELLIGENCE PROGRAM
 BLACK NATIONALIST - HATE GROUPS
 RACIAL INTELLIGENCE
 BLACK PANTHER PARTY (BPP)

Re NY report of [REDACTED], captioned
 "JEWISH DEFENSE LEAGUE, RACIAL MATTERS", NY file 157-3463;
 Bu letter to NY, 7/25/69.

Referenced report has been reviewed by the NYO
 in an effort to target one individual within the Jewish
 Defense League (JEDEL) who would be the suitable recipient
 of information furnished on an anonymous basis that the
 Bureau wishes to disseminate and/or use for future counter-
 intelligence purposes.

NY is of the opinion that the individual within
 JEDEL who would most suitably serve the above stated purpose
 would be Rabbi MEIR KAHANE, a Director of JEDEL. It is
 noted that Rabbi KAHANE's background as a writer for the
 NY newspaper "Jewish Press" would enable him to give wide-
 spread coverage of anti-Semitic statements made by the BPP
 and other Black Nationalist hate groups not only to members
 of JEDEL but to other individuals who would take cognizance
 of such statements.

In order to prepare a suggested initial communi-
 cation from the anonymous source to Rabbi KAHANE which would
 establish rapport between the two, it is felt that this contact
 should not be limited to the furnishing of factual information
 of interest to the aims of JEDEL because the NYO does not
 feel that JEDEL could be motivated to act as called for in
 referenced Bureau letter if the information gathered by the
 NYO concerning anti-semitism and other matters were furnished
 to that organization without some embellishment.

Memo proposing anonymous letter to provoke conflict between the Jewish Defense League and the BPP. Text of letter appears on the next page.

Рис. 13.2. Письмо ФБР с планом породить раскол между партией «Черные пантеры» и Лигой защиты евреев. Продолжение на следующей странице. (Рассекреченные документы правительства США.)

For example it is felt that JEDEL is aware of the majority of information concerning the factual views of the BPP and other Black Nationalist groups through public sources of information such as the BPP newspaper, "The Black Panther", and to furnish such information from an "anonymous source" would either be dismissed by JEDEL as trivial or attributed to some other party who may have an interest in causing JEDEL to act against such groups as the BPP.

In view of the above comments the following is submitted as the suggested communication to be used to establish rapport between the anonymous source and the selected individual associated with JEDEL:

"Dear Rabbi Kahane:

I am a Negro man who is 48 years old and served his country in the U.S. Army in WW2 and worked as a truck driver with "the famous red-ball express" in Gen. Eisenhower's Army in France and Nazi Germany. One day I had a crash with the truck I was driving, a 2½ ton truck, and was injured real bad. I was treated and helped by a Jewish Army Dr. named "Rothstein" who helped me get better again.

Also I was encouraged to remain in high school for two years by my favorite teacher, Mr. Katz. I have always thought Jewish people are good and they have helped me all my life. That is why I become so upset about my oldest son who is a Black Panther and very much against Jewish people. My oldest son just returned from Algiers in Africa where he met a bunch of other Black Panthers from all over the world. He said to me that they all agree that the Jewish people are against all the colored people and that the only friends the colored people have are the Arabs.

I told my child that the Jewish people are the friends of the colored people but he calls me a Tom and says I'll never be anything better than a Jew boy's slave.

Last night my boy had a meeting at my house with six of his Black Panther friends. From the way they talked it sounded like they had a plan to force Jewish store owners to give them money or they would drop a bomb on the Jewish store. Some of the money they get will be sent to the Arabs in Africa.

They left books and pictures around with Arab writing on them and pictures of Jewish soldiers killing Arab babies. I think they are going to give these away at Negro Christian Churches.

I think you might be able to stop this. I think I can get some of the pictures and books without getting myself in trouble. I will send them to you if you are interested.

I would like not to use my real name at this time.

A friend"

It is further suggested that a second communication be sent to Rabbi KAHANE approximately one week after the above described letter which will follow the same format, but will contain as enclosures some BPP artifacts such as pictures of BOBBY SEALE, ELDRIDGE CLEAVER, a copy of a BPP newspaper, etc. It is felt that a progression of letters should then follow which would further establish rapport with the JEDEL and eventually culminate in the anonymous letter writer requesting some response from the JEDEL recipient of these letters.

ТРОПОЮ ЛЖИ

Австрийский ученый Карл Краус писал: «Что вовлекает мир в войну? Сначала дипломаты лгут журналистам, а затем сами же верят этой лжи, прочитав ее в газетах» (17). Сначала кто-то говорит неправду или искажает информацию. Затем масштабы дезинформации быстро разрастаются, и она становится отправной точкой для построения анализов и комментариев. Когда ложь укоренилась в сознании общества, любое выражение несогласия или сомнения может быть воспринято как заговор, радикализм или вранье. Если ложь удастся разоблачить, это рассматривают как одиночное явление, которое не ставит под сомнение все остальные взаимосвязанные факты. Дезинформация становится нормой. А правда — своего рода «сопутствующим ущербом».

США бомбили Ирак, основываясь на утверждении, что Саддам Хусейн, безусловно, обладает оружием массового поражения. Когда бомбардировки уже шли полным ходом, начали звучать заявления об освобождении иракского народа и установлении в стране демократии. Возник вопрос: «Так где же то самое оружие массового поражения?» — на который министр обороны Дональд Рамсфельд с широкой ухмылкой на лице ответил: «Саддама мы тоже не обнаружили, но это же не повод утверждать, что его вовсе не существовало». Призывы к тщательной проверке информации об оружии массового поражения были представлены как глупость.

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И НАШИ КОГНИТИВНЫЕ СХЕМЫ

Чтобы как-то совладать с дезинформацией, нам как обществу следует лучше разбираться в психологических механизмах этого явления. Мы легко верим в то, что нам говорят, если это соответствует нашим ожиданиям,

Date: 4/27/70

Transmit the following in _____
(Type in plaintext or code)

Via AIRTEL REGISTERED MAIL
(Priority)

TO: DIRECTOR, FBI (100-448005)

FROM: SAC, LOS ANGELES (157-4054) (P)

SUBJECT: COUNTERINTELLIGENCE PROGRAM
BLACK NATIONALIST HATE GROUPS
RACIAL INTELLIGENCE - BLACK PANTHER PARTY

Re San Francisco airtel to the Bureau dated 4/23/70, entitled, "BLACK PANTHER PARTY (BPP), LOS ANGELES DIVISION, RM-BPP."

Bureau permission is requested to publicize the pregnancy of JEAN SEBERG, well-known movie actress, by _____ Black Panther Party, (BPP) _____ by advising Hollywood Gossip-Columnists" in the Los Angeles area of the situation. It is felt that the possible publication of SEBERG's plight could cause her embarrassment and serve to cheapen her image with the general public.

It is proposed that the following letter from a fictitious person be sent to local columnists:

"I was just thinking about you and remembered I still owe you a favor. So-----I was in Paris last week and ran into Jean Seberg, who was heavy with baby. I thought she and Romaine had gotten

② - Bureau (RM)
② - San Francisco (Info) (RM) REC-52
2 - Los Angeles

RWH/fs
(6)

100-448006-1766
MAY 1 1970

RACIAL INT. SECT.

Approved: _____ Sent _____ Per _____
Special Agent in Charge

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE : 1969 O - 341-281-111

LA 157-4054

together again, but she confided the child belonged to _____ of the Black Panthers, one _____. The dear girl is getting around!

"Anyway, I thought you might get a scoop on the others. Be good and I'll see you soon.

"Love,
Sol"

Usual precautions would be taken by the Los Angeles Division to preclude identification of the Bureau as the source of the letter if approval is granted.

Рис. 13.3. Планы ФБР очернить Джин Сиберг. В результате них Сиберг родила мертвого ребенка и покончила жизнь самоубийством. (Рассекреченные документы правительства США.)

представлениям и идеалам. В процессуально-ориентированной психологии понятие «границы» («edge») (18), или периметра, идентичности определяет наше восприятие самих себя, событий, которые могут случиться, и нашу картину мира. Эта «граница» идентичности определяет внутренние убеждения и внешние ориентиры. Убеждения формируются в процессе приобретения личного и коллективного опыта, в процессе нашего общения с родителями и учителями, религиозными деятелями, представителями политических идеологий или «экспертами». Границы определяют наше восприятие и сознание, то, какую информацию мы способны усвоить, а какая проходит сквозь наши фильтры, как мы усваиваем информацию, какое место для нее выделяем, а также то, насколько мы ценим данную информацию и как на нее реагируем.

Наше внутреннее «правительство» воспринимает информацию, интерпретирует ее и как бы раскладывает по «файлам». Одни сообщения мы отмечаем для себя как особо важные, другие — как менее важные, а остальные — как попавшие к нам по ошибке или вовсе не имеющие значения. Мы просеиваем и упорядочиваем информацию в соответствии с нашими идеалами и системой взглядов. Если мы верим, что в нашей стране правит справедливость и демократия, то, услышав «новость» о том, что кого-то осудили за убийство, мы предполагаем, что этого человека судил справедливый суд и он действительно убийца. Если мы придерживаемся расистских взглядов и считаем, что чернокожие агрессивны, то новость о том, что чернокожего осудили за убийство, мы воспринимаем под влиянием двух наших «файлов» — «мы живем в хорошей, демократической стране, где людей судят справедливо» и «чернокожие агрессивны». Мы с готовностью «проглатываем» дезинформацию, когда она соответствует этим внутренним ориентирам или «файлам». Незамеченная и легко переваренная, она несет в себе яд. В этом случае адресат не подозревает, что повод был сфабрикован.

Авторы дезинформации не просто удачно соврали, но и подкрепили будущее невежество, создав основу для дальнейшей лжи и новых волн дезинформации.

Когда рассказ о настоящем положении дел угрожает устоявшейся системе взглядов или ставит под вопрос нашу собственную позицию, мы с радостью принимаем дезинформацию, способную вновь укрепить нашу веру. Дезинформация необходима власти имущим для поддержания слабеющего мифа.

Дезинформация зачастую — именно то, что мы хотим услышать, поэтому подsunуть ее нам довольно просто. Чтобы сфабрикованная информация выглядела правдиво, не нужно прилагать особенных усилий. Как ни странно, намного труднее донести до людей правду, если она противоречит некоему мифу или идеалу, основанному на внутренних убеждениях и внешних ориентирах.

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И ИДЕАЛЫ

Мы с отчаянной готовностью проглатываем дезинформацию, так как на кону стоят наши искренние идеалы и мечты (19). Мы не способны просто так отказаться от своих идеалистических перспектив ради того, чтобы яснее смотреть на вещи. Идеалы делают нас людьми, дают нам цель, даруют связь с ценностями и силами, которые находятся за гранью индивидуальных судеб. Чем меньше мы отдаем себе отчет в своих идеалах, тем легче их использовать, чтобы подсластить для нас пилюлю дезинформации. Осознавать свои идеалы означает делать все возможное для того, чтобы жить в соответствии с ними, а не просто ими себя усыплять.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «СПЕЦСЛУЖБЫ»

В популярных СМИ редко рассказывают о применении тактик террора, которые мы обсуждали, — эксплуатации

нестабильности, демонизации, дегуманизации, узаконивании, преследовании лидеров, стремлении уязвить «душу» общества, пытках и дезинформации. Как правило, подобные тактики являются элементами секретных «разведывательных» операций наряду с прослушиванием телефонных переговоров и прочими формами слежки. В государствах фашистского толка контроль над средствами массовой информации идет рука об руку с деятельностью секретных служб, использованием слежки и подавлением диссидентов. В демократических странах государственные тактики террора обычно называются «охраной государственной безопасности» и «контртеррористической деятельностью» и находятся вне зоны общественного внимания.

Публичная дискуссия на тему гражданских свобод, дезинформации и «спецслужб» не должна обходить стороной вопрос о психологическом измерении проблемы и о том, как мы участвуем в информационном потоке. Если мы определяем себя как пассивных адресатов информации, мы, по сути, отказываемся использовать свои «спецслужбы», отказываемся самостоятельно наблюдать за информационным потоком и принимать в нем участие.

При вооруженных конфликтах почти всегда блокируются распространение информации и попытки взаимодействия, а также выражение противоположных мнений, обоюдно подкрепляемых «фактами». Обсуждение в обществе зачастую побуждает нас принять определенную точку зрения вместо того, чтобы осуществлять взвешенное взаимодействие. Наша проблема состоит в том, что мы недостаточно дифференцируем и анализируем свои взгляды. Мы останавливаемся на полпути, поддерживая конфликт, вместо того, чтобы вдумчиво обсудить возникшие разногласия. В этом смысле «дезинформация» имеет свойство усиливать сама себя. Наше любопытство, общение и обсуждения не достигают цели, если

мы не учитываем внутренних правил, управляющих нашим восприятием информации и нашими эмоциональными реакциями. Когда мы информированы минимально или односторонне, то мы подвержены воздействию дезинформации, которая делает нашу позицию еще более радикальной. Если нам неинтересны глубочайшие чувства, управляющие нашим восприятием и реакциями, мы не способны осознать и выразить свои взгляды при общении с другими. Пока мы не доверяем в полной мере своему собственному восприятию, мы парадоксальным образом остаемся к нему привязанными, теряя способность к полноценной рефлексии.

Дезинформация не сводится к тому, что кто-то вводит нас в заблуждение. Дезинформация — это процесс, в котором мы часто изолируем себя и неосознанно участвуем в насилии. Мы изолируем себя от своего прошлого, друг от друга и от участия в мировых событиях в настоящий момент. Дезинформация имеет свойство воспроизводить себя до бесконечности. Чтобы приступить к ее разоблачению, необходим процесс в широких общественных масштабах, что-то вроде Комиссии правды, которая помогла бы человечеству выпутаться из своих историй. Для этого нам потребуется нечто большее, нежели информация. Нам нужен доступ друг к другу в наших сердцах, в личных отношениях и в сообществе.

Глава 14. Что стоит за террором?

ВНИМАНИЕ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Нарушения прав человека зачастую остаются незамеченными или не вызывают в обществе заметного протеста. Одна из причин этого заключается в следующем: мы не вполне понимаем, что нарушения происходят систематически, не понимаем их смысла и возможных последствий. Мы склонны считать, что ограничение гражданских свобод допустимо в качестве крайней меры в особой ситуации, и по завершении этой ситуации надеемся на скорейшее возвращение к спокойной жизни. Но нам следует смотреть на вещи в более широкой перспективе и видеть скрытые течения, увязывая воедино разрозненные факты и тревожные сигналы.

Занимая должность верховного уполномоченного ООН по правам человека, Мэри Робинсон подчеркивала, что нарушения прав человека являются предвестниками вооруженных конфликтов. По ее мнению, своевременно реагируя на нарушения прав человека, можно предотвратить широкомасштабные вооруженные столкновения. Там, где нарушаются права человека и присутствует устойчивая практика насильственного контроля, эскалация конфликта неизбежна. Если где-то наблюдаются нарушения прав человека, значит, еще большее количество подобных нарушений остается незамеченным, намеренно скрывается и не выходит на поверхность. Эти нарушения часто носят систематический, организованный характер и в явной или скрытой форме санкционированы правительством.

Когда нашим неотъемлемым правам ничто не угрожает, нам хочется, чтобы так было всегда. Мы хотим, чтобы разведывательные службы эффективно работали,

оберегая наши безопасность и свободу. Те из нас, кто пережил угрозу жизни и террор, знают, что значит — не иметь возможности обратиться за помощью к властям. Главная задача и ответственность правительства состоит в охране нашей безопасности и в защите основных прав человека. Главная цель международного права и правоохранительных организаций — способствовать этому процессу и информировать общественность обо всех случаях невыполнения данного требования.

Международное право четко отделяет борьбу между государствами от ситуаций, когда то или иное государство совершает военные преступления или преступления против человечества, например применяя тактику запугивания мирного населения, в том числе своих собственных граждан. Хотя война не бывает гуманной, понятия международного права существенно способствовали выработке этических и законодательных рамок для охраны индивидуальных прав человека в ходе войн по всему миру, равно как и прав гражданского населения в остальное время.

В 1945 году по следам ужасающих зверств нацистского режима Нюрнбергский трибунал определил преступления против человечества как систематические преступления против гражданского населения, судить за которые можно в любой точке мира, независимо от страны, в которой совершались злодеяния. В 1948 году Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека, которая легла в основу всех последующих разработок по правам человека и с тех пор все глубже интегрируется в национальные и международные этические и правовые нормы. В Конвенции о геноциде 1948 года и в Женевской конвенции 1949 года были четко разграничены правила ведения войны между государствами и преступления против человечества.

Несмотря на то что вопрос о правах человека все чаще попадает в фокус общественного внимания,

нарушения прав человека не прекращаются, а вооруженные конфликты не утихают. Такие организации, как «Международная амнистия», Всемирная организация против пыток и «Хьюман райтс вотч» совместно с Комиссией по правам человека ООН осуществляют постоянный мониторинг нарушений прав человека по всему миру и стремятся адекватно отвечать на подобные происшествия, добиваясь сознательного отношения к ним со стороны населения. Деятельность по защите прав человека включает в себя информирование широких слоев общества о случаях нарушения прав человека и международного права. Людям необходимо знать и о том, как их собственное поведение и эмоции способствуют применению террора и нарушениям прав человека, которые ведут к вооруженному конфликту.

США ПРОТИВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

США как единственная сверхдержава современного мира, по всей видимости, занимают такую позицию, в соответствии с которой им нет дела до международного права и международных соглашений по правам человека, — они ставят себя выше международных институтов.

Начиная с 11 сентября 2001 года такое положение вызывает все возрастающую озабоченность в широких кругах в связи с односторонними действиями США и риторикой по поводу «войны с терроризмом». Мало-помалу США пытаются подорвать авторитет Международного уголовного суда, обеспечив безнаказанность для своих граждан. Они требуют, чтобы любой гражданин Соединенных Штатов, обвиняемый в преступлениях под юрисдикцией Международного уголовного суда (Всемирного суда), был возвращен в страну без всяких обязательств со стороны судов США в отношении данного лица и без каких бы то ни было для него последствий в том случае, если американский суд не справится со своими

обязанностями. Под угрозой отказа в материальной помощи США пытались оказать давление на ряд стран с целью подписания двусторонних соглашений, призванных обеспечить подобный иммунитет. Среди европейских стран такое давление осуществлялось на Румынию, Грузию, Албанию, Македонию, Боснию, Хорватию, Сербию и Черногорию. В обращении к европейским странам Европейский союз потребовал не подписывать подобные соглашения и придерживаться принципов ЕС, в результате чего администрация Буша обвинила ЕС в «дискредитации всех “их” усилий по улучшению и восстановлению трансатлантических связей» (1).

Таким образом, пользуясь своей военной и экономической мощью, США могут потребовать для себя безнаказанности и обеспечить ее, что вызывает далеко идущие опасения относительно защиты прав человека. Целью международного права является привлечение всеобщего внимания к тем ситуациям, в которых государства неправомерно применяют силу по отношению к своим собственным гражданам или иностранцам, а затем обеспечивают безнаказанность причастным к этому лицам на собственной территории. Обладая непревзойденной мощью, США требуют подобной безнаказанности во всех странах мира. Остальные страны в случае их несогласия объявляются инакомыслящими и не могут более рассчитывать в отношении себя на соблюдение международных конвенций по ведению войны и правам человека.

Международные группы по защите прав человека и Комиссия ООН по правам человека неоднократно заявляли о серьезных нарушениях в связи с заключением сотен людей без официального обвинения или суда на военно-морской базе США в заливе Гуантанамо. Среди заключенных есть дети, которых объявили «вражескими боевиками» (2). «Война с терроризмом» создала в обществе такую атмосферу, что многие американцы

допускают оправданность подобного положения дел в исключительных обстоятельствах. Однако, как мы могли убедиться, это все та же вековая тактика государственного террора, при которой нестабильность ситуации используется с целью подавления гражданских свобод. Никому из заключенных в заливе Гуантанамо не была предоставлена возможность выступить в суде, встретиться с адвокатами или родственниками. Ни одно дело не представлено в «компетентный трибунал», как того требует Женевская конвенция. Людям отказали во внешнем мониторинге судебных процедур, а дела решили рассматривать в военном суде. Есть подозрения о существовании там камер смерти (3).

Страшилище

Оглядываясь на жестокость и массовые нарушения прав человека, которые совершались в течение всего прошедшего столетия и последних десятилетий, мы можем подумать, что не способны предотвратить насилие при таких чрезвычайных масштабах проблемы. Эти масштабы чудовищны. Мы не знаем, с чего начать. Возможно, мы недостаточно заинтересованы, многого не знаем, нас обманывают, мы не уверены в своих силах, заняты, мы хотели бы помочь, но не знаем, что от нас требуется. С другой стороны, нас сковывает опасение, что какая-то из тактик террора будет применена и по отношению к нам самим.

Откуда берется тип мышления, позволяющий нам стремиться к превосходству любой ценой, мучить людей ради подчинения их своей воле и составлять руководства по осуществлению подобной практики? Предпочитая думать, что это некое чудовище, живущее вне нас, какой-нибудь страшный властитель ужасной, раздираемой войнами страны, мы лишь отворачиваемся от самих себя и от реального насилия в этом мире. Нам комфортнее оставаться в сказочном мире, где за каждым углом

нас поджидает Страшилище. Мы страдаем в атмосфере подавления, мы бунтуем против нее, и в то же время она нам чрезвычайно нравится. Привыкнув к силовому взгляду на мир, мы ограничиваем широту своего мышления и чувствования.

Когда мы не согласны с общепринятым мнением, нам бывает трудно высказать свою точку зрения даже в компании друзей, и во сто крат тяжелее сделать это в организации, сообществе или стране. Мы учимся не замечать своего стремления что-то изменить. К тому моменту, когда подобные вещи доходят до нашего сознания, мы уже выходим из себя и начинаем бунтовать, а это — обратная сторона все той же медали. Нас очень просто отвлечь от своих собственных непосредственных интересов, которые состоят в том, чтобы внимательно прислушиваться к наиболее глубоким, едва заметным ощущениям и впечатлениям, а также в осознании нашей абсолютной способности поддерживать самые разнообразные мнения и конструктивное взаимодействие между ними. Если мы не пользуемся своим даром объединять противоречивый опыт, то становимся рабами одного-единственного настроения, одной веры или идеи и в результате утрачиваем здоровую рефлексию и смысл происходящего.

РЕПРЕССИИ И СВОБОДА МЫСЛИ

Многие люди из России и тех стран восточного блока, которые находились под влиянием Советского Союза, таких как Чехия и Словакия, Польша и Болгария, рассказывали мне о своем опыте: они чувствовали, что не только не могут свободно говорить, но с течением времени, по мере привыкания к системе, начинали замечать, что не могут свободно думать. Я навсегда запомнила историю одного русского, который говорил об этом процессе с отрезвляющей откровенностью. Он дал очень детальное

и тщательное описание динамики снижения осознанности, того, как репрессивная система поглощает человеческую душу. Он описывал потерю способности свободно мыслить с такой необычайной живостью, что пара сотен слушателей сидели, замерев на краешке стульев. Столь точное, детальное описание процесса утраты свободного мышления само по себе было парадоксальным и просветляющим. Хотя он говорил об утрате свободного мышления в России, его собственные комментарии указывали на сверхъестественную способность к творческому мышлению. Казалось, он рассказывает не только о людях из бывших соцстран, но и о жителях многих других частей мира. Во многих государствах мы привыкли принимать свободу самовыражения как само собой разумеющееся благо и не замечаем постепенной деградации нашей способности задавать вопросы и о чем-то глубоко задумываться. Причины такой ситуации коренятся в нашем привилегированном положении, именно поэтому нам не хочется или неинтересно разбираться в огромном потоке информации (и дезинформации).

ИНТЕРИОРИЗОВАННОЕ ПОДАВЛЕНИЕ

Движение феминисток стало глобальным явлением, связанным с пробуждением от коллективного транса, безусловной веры в то, что мнение женщины не стоит брать в расчет, ее существование не имеет значения и сама она — чья-то собственность. Женское движение возглавили сами женщины. Это кажется само собой разумеющимся, но все же идея, что угнетенные должны освободиться сами, очень важна и плодотворна. Освобождение заключается не только в избавлении от угнетателя, но подразумевает также осознание угнетателя внутри себя. Процесс познания внутреннего угнетателя во всех его аспектах может быть очень страшным, болезненным, но обязательно приносит освобождение, так как человек

больше не может оставаться в бессознательной тюрьме своего ума и сердца. Южноафриканский активист Стив Бико, уничтоженный режимом апартеида, говорил: «Самым мощным оружием в руках угнетателя является сознание угнетаемого».

Внутреннее подавление возникает, если индивид или группа людей привязаны к голосу угнетателя, звучащему в их собственной душе — такой угнетатель никогда не оставляет своих жертв в покое. Угнетатели приобретают союзника, который не только шпионит за угнетенными, но и живет в их умах. Внутреннее подавление вызывает яростный протест и против угнетателя, и против себя самого.

Нам следует понять, каким образом в каждом из нас действует внутренняя власть — мы должны наблюдать за своими реакциями, понять, когда эта власть снижает нашу мотивацию оставаться в курсе событий или вмешиваться в происходящее. Возможно, она также вынуждает нас чувствовать себя изолированными или отрезанными от каких-либо существенных аспектов внутреннего и внешнего мира. Она притупляет наши творческие способности и желание устанавливать личные связи. Она парализует наше любопытство. Она предлагает нам расслабиться, воспользоваться ситуацией, повеселиться вволю. Она говорит нам, что глупы мы сами или глупы другие люди. Она ставит под вопрос наше право сомневаться или углубляться в обсуждение происходящего. Немецкая поговорка гласит: «Schuster, bleib bei Deinen Leisten» («Башмачник, занимайся своими подошвами»), — призывая нас не размышлять о вещах, выходящих за рамки нашего общественного положения. Этот призрак ставит под сомнение образование, половую и классовую принадлежность, сексуальную ориентацию, национальность, этническое происхождение, культурное наследие и возраст каждого человека. Он охраняет нашу эмоциональную стабильность, настроение, умственное здоровье и лояльность.

ПРАВО НА МЕЧТУ И РАЗНООБРАЗИЕ

Внутреннее подавление нарушает свободу нашего самовыражения еще до того, как мы успеваем обратить на это внимание. Это приводит к потере целостности и распространению хронического фона умеренной депрессии. Депрессия помогает нам адаптироваться к своему положению, почувствовать себя беспомощными перед нарушениями прав человека в наших сообществах и по всему миру. То, что мы принимаем за норму, может оказаться разновидностью умеренной хронической депрессии. Мы не замечаем, насколько погружены в динамику насильственного подавления вне зависимости от того, пытаемся ли мы адаптироваться, подчинить кого-то своей воле или протестовать, чувствуем ли мы себя оскорбленными, униженными, испуганными, ненужными или же сильными и уверенными в себе.

Беспримерным достижением можно назвать познание ограничений этого мировоззрения вместо предпочтения примитивной картины мира. Мы имели возможность наблюдать, как подобная картина мира, где одна сторона доминирует над другой, поддерживается при помощи тактики устрашения, оказывающей психологическое и моральное воздействие. Такое мировоззрение влияет на политические и экономические события, средства массовой информации и всю область взаимодействий в нашем коллективе — на общественные и личные отношения.

Независимо от того, принадлежим ли мы к угнетенной или доминирующей группе или отождествляем себя с обеими сторонами этого взаимодействия, некая часть нашей личности продолжает осознавать несовершенство ситуации и стремится расстаться с мировоззрением, при котором кто-то над кем-то доминирует. Таким образом мы можем открыть для себя духовность и богатство внутреннего и внешнего мира.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мне понравился фильм «Шоу Трумэна» (4) — американское кино конца 90-х годов прошлого века, посвященное трудностям преодоления границ нашего узкого мировоззрения. Трумэн жил в телевизионном шоу, в котором родился и вырос, а мир наблюдал за его жизнью подобно тому, как мы следим за героями телесериалов. Но однажды он стал подозревать, что живет в странном мире, и стал прислушиваться к своим внутренним порывам и голосу сердца, что привело его слишком близко к границам его телевизионного мира. Чтобы не испортить телешоу, окружающие решили остановить его любым возможным способом. Сначала его побуждали вернуться к своим повседневным делам, затем пошли в ход ложь и дезинформация, включая сфабрикованные репортажи новостей, призванные объяснить те аномалии, которые ему удавалось обнаружить вокруг, а потом его обманул лучший (телевизионный) друг. Ему все чаще приходилось сталкиваться с тактиками террора, и в конце концов он совершил «прогулку со смертью» (5) по морю в ужасный шторм, который, по сценарию, должен был вернуть его на берег, а потом — убить. Продюсер предпочитал видеть его мертвым, нежели обретшим осознание, или, если воспользоваться более мягкой интерпретацией, в интересах продюсера было остановить его любой ценой, а задачей телевизионного персонажа — преодолеть ограничения своей старой телевизионной личности, рискуя всем ради того, чтобы стать настоящим человеком и оказаться по ту сторону декораций. Его плоский персонаж обязан был стать живым. В результате вся аудитория телевизионного шоу как один горячо болела за успех его драматического мероприятия. То, что казалось горизонтом, на деле было стеной с нарисованными на ней облаками на краю съемочной площадки. И в ней обнаружилась дверь. Когда Трумэн добрался до нее, он просто открыл ее и вышел.

Так как все это транслировалось в прямом эфире, раздался взрыв аплодисментов, и на этой веселой и нравоучительной ноте зрители начали переключать каналы.

ПРИЗРАК ТЕРРОРА: НАСТОЯЩИЕ И ПРИЗРАЧНЫЕ РОЛИ

При неподатливом, затяжном конфликте террор охватывает всю систему в целом. Каждый чувствует себя объектом террора, а в другом видит угнетателя. Система начинает работать по принципу бесконечного оказания сопротивления угнетателю. Так как никто не желает отождествлять себя с угнетателем, фигура угнетателя превращается в некое подобие призрака (6). Этого призрака невозможно локализовать, связав с каким-либо регионом, группой людей или отдельной личностью. Он буквально повсюду. Обе стороны конфликта страдают от террора. А сам призрак обосновался на границах нашего мировоззрения, надежно укрепляя их своим присутствием.

В конфликтных ситуациях полезно четко дифференцировать позиции противостоящих сторон. На форуме позиции можно обозначить как два места в помещении, с которых будут выступать представители той и другой стороны. Этот метод помогает людям наблюдать и участвовать во взаимодействии обеих сторон, а не просто чувствовать себя вовлеченными в конфликт. Понятие «ролей», введенное Арнольдом Минделлом помогает углубить подобное взаимодействие (7). Роль — это нечто большее, чем точка зрения отдельного человека. Любая роль требует множества точек зрения, которые позволили бы ей полностью воплотиться и дифференцироваться. Однако личность тоже представляет собой нечто большее, чем роль. По мере того как вы выражаете свое мнение в рамках одной из ролей, вы можете обнаружить в себе и черты другой роли и у вас может появиться желание хотя бы на секунду перейти на другую позицию (8).

Роли можно представить себе как узловые точки в скрытой структуре конфликта. Роли имеют архетипическую природу: угнетатель и угнетенный, свой и чужой, призраки изгоняющие и призывающие (9). Я предпочитаю определять взаимодействие ролей как «глубинную структуру» (10), которая проявляется вновь и вновь вне зависимости от изменяющегося содержания. Когда каждая из сторон успела испытать на себе насилие со стороны противника, разрешение конфликта требует серьезной работы не только с последствиями насилия, имевшими место во взаимоотношениях различных групп в те или иные моменты истории, с выявлением ответственных сторон, но также и со скрытой структурой конфликта между угнетателем и угнетенным, которая снова и снова воспроизводит себя в истории. Роли остаются прежними, меняются только люди, которые их исполняют (11).

ГРУППОВОЙ ПРОЦЕСС: ТЕРРОР, ИЗОЛЯЦИЯ И ОБЩЕСТВО

Однажды во время форума в Хорватии члены группы начали разговор о том, что их вклад в жизнь сообщества, их труд никому не нужны. Все участники форума были активистами в своих сообществах и занимались разработкой различных программ, социальной работой, разрешением юридических и психологических проблем, среди них были учителя, управленцы и т. п. Несколько участников рассказали, как их идеи последовательно отвергали коллеги и общество, называли глупыми и просто бесполезными, что вновь возрождало чувство безнадежности в период духовной и экономической депрессии в Хорватии. После завершения сессии мы обнаружили, что та же самая динамика актуализировалась и в нашем взаимодействии. Мы узнали, что одна из участниц, которая никогда прежде не бывала на таких форумах, чувствовала

себя разочарованной из-за того, что другой участник то и дело подшучивал и отпускал саркастические замечания в адрес выступавших, которых, как ей показалось, никто не принимает всерьез, поэтому она боялась даже слово сказать.

Готовясь к следующему дню, мы с коллегой заинтересовались структурой этого процесса. Нам казалось, что мы упустили в работе нечто важное. В конце концов мы решили отправиться спать, я задремала, но постоянно просыпалась с чувством дискомфорта и недомогания. Я ругала себя за выпитое за ужином вино и очень хотела уснуть, чтобы с утра быть в форме. Но уснуть я не могла. Я пребывала в странном состоянии. Все мое тело покрылось холодной испариной. Что за чертовщина со мной творится? Я сконцентрировала свое внимание на этой испарине и, к своему большому удивлению, поняла, что испытываю ужас. Но чего я боялась? Может быть, причиной страха была моя неспособность понять динамику группы? Зная себя, я понимала, что мне предстоит бодрствовать до тех пор, пока я этого не пойму. Но это был страх! Затем я осознала, что терроризировать меня должен был некий «призрак». Мои волнение и растерянность сразу же исчезли, как только я поняла, что чувство ужаса и призрак, вызвавший это чувство, были ролями в рамках поля, ролями, которые в тот момент были очень значимы в Хорватии, и именно они определяли нашу групповую динамику.

Я сделала записи и легла спать. Утром я обсудила это с Лейном, и утром, в кратком введении в работу группы мы упомянули о процессе, происходившем накануне, в частности о том, как чувство ненужности своего участия в жизни сообщества может затронуть травматический опыт, связанный с тактиками террора, и привести к выталкиванию человека из общественной жизни. Мы организовали групповое обсуждение, чтобы выяснить, в каком направлении группа хотела бы двигаться

дальше. Та женщина, которая была расстроена и боялась выступать, вдруг поднялась с места, вышла в центр комнаты и попросила предоставить ей слово. Она рассказала страшную историю, которую никому до этого не рассказывала. Во время войны ее беспричинно арестовали, держали взаперти три дня, унижали, запугивали и угрожали тем, что она может «исчезнуть». Она никогда не говорила своим родным или кому бы то ни было о том, где провела эти три дня. Когда она заговорила, ее начало трясти от воспоминаний об ужасе, который ей пришлось пережить, и от смущения перед группой. Все в группе сказали, что хотят услышать ее историю. Мы видели, как ее страх быть отвергнутой группой в ту минуту соединился с происшествием десятилетней давности, когда ее изолировали от общества и чуть не убили.

Поддержав ее и предоставив возможность свободно рассказать свою историю, мы встали рядом с ней и продолжали слушать (12). Тем не менее ее по-прежнему била дрожь. Мы сказали, что, может быть, и для нее, и для всех нас было бы полезно, если бы мы сыграли ту «роль» или тот «голос», который продолжал препятствовать ее попытке донести свой рассказ до слушателей — ту часть группы или сообщества, незаметную и глубоко запрятанную, которая пытается изгнать ее, угрожая «исчезновением». Мы выбрали голос страшной «призрачной роли», которая сыпала угрозами и прогоняла ее, а также тот голос, который не хотел слушать ее историю. Многие согласно кивали, узнав знакомый «голос», который говорил: «Нам не интересно. Это невозможно тяжело слушать. Слишком много всяких историй. Не расстраивай нас. Бывают истории и пострашнее».

Затем вышел участник, который вызвался сыграть роль «призрака», не желающего ее выслушать. Он говорил от своего имени: «Я не могу слушать тебя внимательно, потому что у нас слишком много мертвых и они уже никогда не расскажут свои истории». Он сказал, что

мог бы выразить свои боль и возмущение только одним способом — выйдя на главную площадь и совершив самоожжение. При поддержке моего коллеги Лейна ему удалось отчасти выразить свою ярость не в словах, а следуя за движением, которое вырвалось у него спонтанно и вылилось затем в яростный танец — смесь гнева, страсти и жизненной силы.

Затем выступил человек, который днем ранее подшучивал над выступавшими. Он подбодрил женщину, сказав, что группа относится к ней с теплотой, готова принять и защитить ее. Женщина была тронута тем, как он и вся группа ее принимает. Она перестала дрожать и плакать и сказала, что испытывает большое облегчение, впервые рассказав свою историю. Группа продолжила обсуждать происшедшее, подробно останавливаясь на тех аспектах отношений в обществе, которые лишают людей голоса и мешают рассказывать о важных для себя вещах. Они говорили о необходимости проработки травматического опыта в собственных сообществах и важности участия каждого человека в развитии своих сообществ.

РАЗОРВАТЬ ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Тактики террора имеют своей целью лишить нас поддержки или способности протестовать. Они призваны запугать и лишить нас голоса или же вызвать реакцию, ведущую к дальнейшему углублению кризиса. Чтобы разорвать этот порочный круг, мы должны осознать, как мы сами поддерживаем этот циклический процесс.

Чтобы снять заклятие, необходимы личная и политическая сознательность. Процессуально-ориентированная психотерапия, разработанная Арнольдом Минделлом (13), позволяет уникальным образом сочетать индивидуальную и групповую работу. Через осознание своего восприятия, реакций и особенностей коммуникации,

а также поляризации ролей и призраков в системе можно понять механизм системных взаимодействий на внутриличностном уровне, — в межличностных отношениях и в сообществе. Начиная понимать процесс взаимодействия на внутриличностном уровне, мы освобождаемся, и нам становится легче общаться с внешним миром. Также мы можем иметь опыт взаимодействия с неким полем, предопределяющим и включающим в себя тот или иной конфликт. Сосредоточение на внутреннем мире не заменяет работу вовне, а скорее делает ее возможной. Таким образом, мы получаем возможность активно урегулировать конфликты как в нашей внутренней жизни, так и в межличностных отношениях и в жизни общества, а не страдать, вновь и вновь воспроизводя их.

Ганди считал, что «человеческое самосознание раскрывается и возрастает во всей сложности в процессе противоборства с трудными вызовами окружающего мира. По Ганди, самореализация возможна только через включенность в мировые события» (14). Он верил в то, что человечество неделимо и ни один человек не может совершить преступление по отношению к другому, не совершив при этом преступления против себя самого (15). Ненасилие означает несогласие с системой жестокости, отказ от реализации насилия. Однако это не должно приводить к пассивности, и Ганди ясно давал это понять. Он даже говорил, что лучше быть жестоким, нежели пассивным. Таким образом, ненасилие означает способность отказаться от участия в конфликте через преодоление пассивности и склонности к автоматическим реакциям.

В Лос-Анджелесе мы с мужем имели честь несколько раз встретиться с Гленном Смайли незадолго до его кончины. Он обучал Мартина Лютера Кинга методам ненасильственных действий, был глубоко вовлечен в движение за гражданские права и продолжал изучать ненасилие до конца своих дней. Я запомнила его рассказы

о зарождении движения за гражданские права, когда участники приходили в кафе в южных штатах США парами — чернокожий вместе с белым. Когда им отказывали в обслуживании или провоцировали их, они вежливо настаивали на том, чтобы их обслужили, не давая вовлечь себя в драку. Он подчеркивал важность внутренней работы и дисциплины, которые были необходимы для подобных действий в условиях реальной угрозы.

В автобиографии Нельсон Мандела описывает ряд ситуаций, когда он не позволил обращаться с собой недостойным образом, избежав при этом собственных примитивных реакций. Такие случаи имели место как в дни его тюремного заключения, так и когда он занимал пост лидера Южноафриканской Республики.

ЦЕЛЬ МАНДЕЛЫ — ОСВОБОДИТЬ НАС ВСЕХ ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ

Избавиться от террора, запугивания и угнетения — задача не только политическая, социальная или групповая, но также глубоко психологическая и духовная. Вот что говорил Мандела о времени, проведенном им в заключении: «В те долгие годы одиночества жажда свободы для моего народа переросла во мне в жажду освобождения всех людей — и чернокожих, и белых. Я понял с исключительной ясностью, что угнетатель нуждается в освобождении ничуть не меньше, чем угнетенный... Я не могу быть свободным, пока отнимаю свободу у кого-то другого, точно так же, как не свободен тот, кого поработили. Как угнетенный, так и угнетатель лишаются своей человеческой природы. Когда я вышел из тюрьмы, моей миссией стало освобождение всех без исключения — и угнетенных, и угнетателей» (16). Мандела разорвал порочный круг одновременно своей личной истории и трагической истории угнетения в ЮАР. Его пример свидетельствует о том, что человек способен выйти из тюрьмы истории.

НЕРУШИМЫЙ ДУХ

Оглядываясь на историю человечества, мы видим, что наша индивидуальная и коллективная психология во все времена последовательно использовалась для разжигания террора, для того, чтобы устанавливать контроль и испытывать нас на прочность. История полна примеров того, как тактики террора эксплуатируют нестабильность и потребность человека в защите, его страх перед Страшилищем, динамику дегуманизации, развитие нечувствительности и узаконивание, дезинформацию, преследование лидеров и стремление уязвить душу общества. Тактики террора укрепляют границы системы, основанной на насильственном подавлении.

В то же время эти границы остаются нерушимыми до тех пор, пока мы соглашаемся участвовать в процессе, который воспроизводит себя в наших душах, в отношениях, в нашем обществе и в политике. Если мы прервем этот процесс, система не сможет оставаться прежней.

Прервать этот процесс — значит встретиться лицом к лицу с повсеместным нарушением прав человека, тактиками террора и вооруженными конфликтами, не оказавшись при этом парализованными и беспомощными, не потеряв надежду и не воспроизводя порочный круг своим стремлением к возмездию. Чтобы поступать таким образом, человек должен понимать, что его психологическое и духовное развитие — основа его политической сознательности.

Вдохновляющим является пример людей, обретших надежду, внутреннюю гармонию и решимость не на основе наивной веры, а через опыт соприкосновения с пределами человеческой выносливости, показывая нам эти пределы. Заклятье спадает, за привычным горизонтом становятся видны новые возможности, власть террора преодолевается.

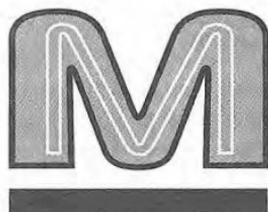
ЧАСТЬ

3.

**Травма:
исторический
кошмар**

Глава 15. История нашей жизни: усугубление психической травмы

Мы приобретаем травматический опыт, когда нас подвергают жестокому обращению или мы молча наблюдаем, как это происходит с другими. Травма возникает, когда становится невозможно переносить жестокость. Жестокость может быть невыразима, невыразима, и одна из возможных реакций на нее — попытка забыть о происшедшем, позволяя себе плыть по течению. Мы не способны дать отпор этой жестокости, как-то ответить на нее или принять ее. Но и двигаться дальше мы тоже не в силах. Жестокость отказывается покидать наше сознание, мы вспоминаем о ней вновь и вновь, она вторгается в нашу жизнь и остается с нами. Травматические симптомы развиваются в конфликте

между стремлением предать этот опыт забвению, исключив его из своей истории, и бесконечным вторжением в сознание назойливых впечатлений. Жизнь людей с психической травмой состоит из периодов нечувствительности, связанных с желанием забыть о происшедшем, и жестоких приступов, когда пережитые события вторгаются в сознание в форме флешбэков¹, ночных кошмаров, эмоциональных реакций и телесных симптомов. Все мы разделяем травматический опыт нашей общей судьбы, иногда замалчивая невыразимые события истории, а иногда снова и снова воскрешая память о них.

Определение и распознавание симптомов посттравматического стрессового расстройства имеет большое значение для клиницистов и для людей, пострадавших от психической травмы (1). Важно также разделять индивидуальную травму, травму отдельной группы и наш коллективный исторический опыт, который влияет даже на тех из нас, кто, казалось бы, находится далеко от места, где бушует вооруженный конфликт (2). До тех пор пока мы не осознаем динамику психологической травмы, которая реализуется внутри нас самих (имея в виду как индивидуальное, так и коллективное сознание), мы легко становимся невольными соучастниками распространения насилия и остаемся подверженными эксплуатации. Травматический опыт заключен в нас как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, а травмирующие эпизоды возникают снова и снова, продолжая преследовать нас. Сопутствующая травме психологическая динамика довольно предсказуема и систематически эксплуатируется ради очередного возобновления конфликта. Наше молчание перед лицом жестокости тоже является активной составной частью насилия.

¹ Флешбэк — один из симптомов посттравматического стрессового расстройства; заключающийся в том, что в сознание постоянно и бесконтрольно вторгаются живые воспоминания о травматическом событии. — *Примеч. пер.*

Журналист Дэвид Рифф описывает, как поначалу был уверен, что его миссией является донести до всего мира информацию о происходящем в Боснии (3). Он со всей страстью подходил к выполнению своего профессионального долга и был уверен, что если бы мир знал о происходящем в этой стране, то люди обязательно вмешались бы. Впоследствии ему пришлось признать свою наивность. В гитлеровской Германии многие были уверены, что если бы мир знал о том, что происходит, то союзники непременно разбомбили бы лагерь смерти, железнодорожную сеть и с готовностью приняли огромное количество беженцев. Конечно, если бы только мир знал... Однако, как это ни странно, мы — весь мир — знали и предпочитали не вмешиваться.

Одной лишь осведомленности о страшных событиях, происходящих в нашем мире, недостаточно, чтобы положить им конец: из-за обилия информации о творившихся на Земле ужасах мы даже можем становиться все более бесчувственными. На уровне общества нечувствительность к жестокости словно в зеркале отражает то оцепенение, которое часто испытывают люди, перенесшие психическую травму. Чтобы вернуться к жизни, участвовать в ней, людям с травматическим опытом нужна возможность поведать о своих невыразимых страданиях. Все вместе мы могли бы прервать молчание и разрушить чары соучастия, если бы начали рассказывать свою настоящую историю, сознавая: даже если мы считаем себя защищенными от жестокостей в этом мире, не следует приглушать в себе чувство сострадания к тем, кто от них пострадал. В противном случае наше поведение становится звеном в развитии коллективной психической травмы.

Для общества и мира в целом рассказать свою настоящую историю, значит столкнуться с огромными сложностями в вопросах личной и коллективной ответственности. Еще сложнее эту ответственность прочувствовать, открыть свои сердца и осознать, что мы успели

совершить по отношению друг к другу и что нам как людям пришлось пережить. В конце концов, мы должны задать себе вопрос — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне: способны ли мы в принципе вырваться из порочного круга насилия? Мы сталкиваемся с чувством безысходности и депрессией. Когда мы перестаем считать себя просто наблюдателями, то становимся внимательнее, принимаем близко к сердцу трагедии мира и нашей общей судьбы и начинаем с ними бороться. Это требует огромного сочувствия к самим себе, к нашей особой связи друг с другом, к страшной и прекрасной истории жизни на планете Земля.

ШОК

Травма возникает в результате сильнейшего шокового состояния. В момент шока привычная жизнь — личности или целого сообщества — прерывается. Травматическое событие могло предать ваши фундаментальные ценности, либо вас принудили что-то сделать, не оставляя никакого выбора. Вы могли оказаться вовлеченными в цепь бурно разворачивающихся событий. А может быть, вам угрожали, заставив принять страшное решение, спасая не только свою собственную жизнь, но и жизни своих детей, партнера, друга или соседей. Травму можно получить во время боя, пытки или будучи насильственно изгнанным из своего дома, став беженцем. Травма может возникнуть, когда с вами жестоко обращаются, терроризируют или когда вы лишены возможности обратиться за помощью к властям, потому что изгоняют вас или совершают жестокость именно люди, наделенные властью. Симптомы психической травмы могут возникнуть как у того, кто стал свидетелем насилия, так и у непосредственной его жертвы. Травму может получить и человек, который сам жестоко с кем-то обращался, возможно действуя в страхе, под угрозой расправы. Травма часто возникает и в случаях, когда

бездействие или неверное действие привели к трагическим и необратимым последствиям.

Пережив травмирующий опыт, вы можете не помнить сам момент шока. В этом состоит его важная особенность. Не было времени отреагировать. Жизнь продолжалась, возможно, события очень быстро сменяли друг друга, и все внимание было сосредоточено на выживании. Даже если в дальнейшем вы оказались способны сфокусироваться на приведших к травме событиях, первичный шок все же может не осознаваться, как будто бы время застыло на месте.

РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ВСЛЕДСТВИЕ ШОКА

Не каждая шоковая ситуация приводит к развитию симптомов психологической травмы, но там, где есть травма, есть и элемент шока. После шокирующего события часть нашего существа продолжает как бы автоматически двигаться вперед, а другая — остается позади. По мере дальнейшего движения на первичный шок может накладиться следующий. Большинству из нас приходилось испытывать что-то похожее. Один мой знакомый учитель рассказывал, что, когда ученик задает ему вопрос, он испытывает небольшой шок. Часть его продолжает движение вперед и отвечает на вопрос без каких-либо затруднений, а другая — чувствует себя отстраненно и как будто в тумане. Когда он попытался исследовать это чувство, то обнаружил, что оно непосредственно связано с перенесенными в детстве унижениями, которым его подвергали учителя, если он неправильно отвечал на заданные вопросы.

ВЫЖИВАНИЕ

В ситуациях шока людям часто запоминается странное ощущение, как будто какая-то часть их личности

по инерции продолжает жить, автономно выполняя некие необходимые действия. Став свидетелем аварии, вы преодолеваете шесть полос интенсивного дорожного движения и оказываете медицинскую помощь. После сексуального насилия часто случается, что жертва формально вернулась к нормальной жизни, но утратила чувство контакта с самой собой. Когда разразилась война, кто-то продолжал привычно готовить еду для детей. Не было времени осознать шоковое состояние или выразить соответствующие моменту боль, страх и возмущение. Во всех этих случаях двигаться вперед, не реагируя возмущением или болью, — предположительное или действительное условие выживания.

ПЕРЕГРУЗКА СОЗНАНИЯ

В повседневной жизни часть личности человека воспринимает его опыт, рефлексировать и отвечает на него. Воспринимать травматические события слишком тяжело. Джудит Херман¹ пишет: «Обычной реакцией на факт жестокости является изгнание его из своего сознания. Некоторые нарушения общественного договора настолько ужасны, что говорить о них вслух невыносимо» (4). Такой опыт находится за гранью нашей способности воспринимать, он не увязывается с нашим положением и ролью в обществе. Часть нашей души, отвечающая за восприятие происходящих событий, не справляется со своей задачей. Мы оказываемся неспособными реагировать, отвечать на происходящее и взаимодействовать с ним. Пока одна из частей нашего существа продолжает движение вперед, травмирующее событие словно застывает во времени до тех пор, пока мы не будем готовы его принять.

¹ Херман Джудит Льюис (род. 1942) — профессор клинической психиатрии в медицинской школе Гарвардского университета. Специалист по лечению психических травм. — *Примеч. пер.*

Поскольку одна часть двигается дальше, а другая остается словно замороженной, немедленно образуется разрыв между воспоминанием о событиях и связанной с ними эмоциональной реакцией. Это может проявляться в том, что, рассказывая о страшном событии со всеми деталями, человек не выражает адекватных содержанию эмоций. Или же он упускает подробности, в его рассказе есть провалы, перепутан порядок событий на фоне глубокого расстройств чувств и физического возбуждения.

В ситуациях, связанных с психологической травмой, люди утрачивают контроль над своей памятью. Это может приводить к амнезии, полной неспособности вспомнить происшедшие события. Или же воспоминания бесконтрольно вторгаются в виде странных неразборчивых фрагментов и наводняют сознание. Невозможность управлять своими воспоминаниями отражает отсутствие выбора, характеризовавшее исходную ситуацию. Конфликт между отрицанием ужасного события и желанием внятно поведать о происшедшем является центральным элементом динамики психической травмы (5).

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

Травматический эпизод не просто остается с человеком, но возникает перед ним снова и снова, вызывая тяжелые переживания. Событие проигрывается вновь и вновь в ночных кошмарах в виде флешбэков. Воспроизведение травмирующих событий отличается от простых воспоминаний, они переживаются скорее как реально происходящие — здесь и сейчас. Проявляются те же реакции организма. Может возникнуть полноценное сенсорное воспроизведение события в форме флешбэка или во сне. Событие может воспроизводиться небольшими фрагментами. Вновь могут быть пережиты сильнейшие эмоции страха и острой тревоги. Появляясь словно из ниоткуда, могут внезапно зарождаться приступы паники,

ялости или тоски. Зачастую наблюдаются хронические симптомы повышенного кровяного давления и мигрени. Бессонница растягивается на месяцы и годы. Многие люди, перенесшие травму, особенно в условиях боевых действий, остаются чрезвычайно настороженными, умственно и физически готовясь к отражению опасности или атаки в результате постоянного воспроизведения травматического опыта. Все эти переживания хорошо известны как симптомы посттравматического стрессового расстройства. (Симптомы посттравматического стрессового расстройства приведены в приложении наряду с выделенными мной симптомами психологической травмы в группе и сообществе, а также коллективной травмы в более широких общественных образованиях.)

Существуют различные мнения по поводу психологических и биохимических факторов, которые лежат в основе подобного воспроизведения травмирующих событий. Вдобавок к поиску механизмов воспроизведения травмы имеет смысл изучить также и цель, которую преследует подобное воспроизведение. Один из подходов к пониманию этого явления таков: травмирующее событие воспроизводит себя, чтобы быть засвидетельствованным, воспринятым, собранным воедино, чтобы человек интегрировал его в свой опыт и дал на него адекватный ответ, включил в свою личную историю, а также в историю коллективную и общественную.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Травматический эпизод повторяется, если человек не может полностью его пережить. Если он после пережитого как бы «вышел» на время. Происшедшее было слишком сложно воспринять, перенести, и все человеческие реакции на событие были приостановлены для того, чтобы можно было действовать и остаться в живых. В то время как внешне жизнь продолжалась, травматический эпизод

застыл на месте и начал себя воспроизводить. Последствия травмы сводятся к тому, что человек либо зациклился на событии, либо совершенно отгородился от него.

Человеку с травмой необходимо отыскать в себе внутреннего «свидетеля», который способен воспринимать, рассказывать и формулировать ответ на произошедшее событие. Термином «метакоммуникатор» (6) обозначается та часть нашего сознания, которая может воспринимать опыт и сообщать о нем, не сдаваясь на милость бесконечно повторяющихся событий. Способность отражать и комментировать события, вызвавшие психологическую травму, наряду с умением воспринять и рассказать свою историю, «доверить ее памяти» тоже дает ощущение, что мы можем сделать выбор и сознательно прикоснуться к страшным воспоминаниям о пережитых событиях, прежде чем они начнут воспроизводиться

Рис. 15.1. «1984», художник Арпана Каур

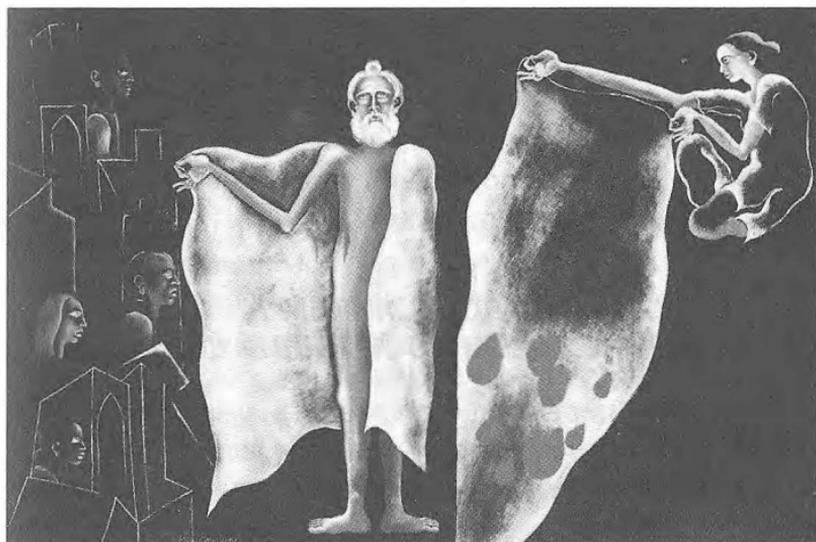

Рис. 7.2. «Макс и Мориц», детская книга Вильгельма Буша 1925 г. (рисунки 1870 г., в оригинале раскрашены вручную). «Непослушные Макс и Мориц падают в тесто. Пекарь их не замечает и кладет в духовку»

вновь и вновь. В результате мы получаем возможность управлять нашей памятью, а не быть жертвой повторяющихся воспоминаний. Вести повествование означает не только пересказывать сюжет, но и переживать эмоции. На передний план могут выступить реакции возмущения, ужаса, ярости и горя — те самые, которые раньше переполняли душу, но оставались запертыми в душе и теле, и для их раскрытия не находилось времени или места.

Люди, которые рассказывали мне о пережитом во время войны в бывшей Югославии, часто боялись начинать свой рассказ — боялись, что если начнут плакать, то не смогут остановиться. Джонатан Шэй в своей выдающейся работе «Ахиллес во Вьетнаме» пишет следующее: «Сильнейшая травма подрывает целостность сознания. Когда человек может осознанно рассказать о том, что случилось, связать воедино разрозненные элементы, эмоции, вызванные значением этих событий, ощущения от физических воздействий, он вновь складывает

воедино сознание, разорванное в результате полученной травмы. Подобное повествование зачастую приводит к ремиссии в отношении некоторых симптомов, особенно навязчивых, когда отчужденные телесные ощущения, аффекты и элементы поведения необъяснимым образом вторгаются в жизнь человека» (7).

СДЕЛАТЬ СОБЫТИЕ ДОСТОЯНИЕМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ: НЕДОСТАЮЩИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Потребность пережившего травму в «метакоммуникации» — в том, чтобы вырваться из ловушки травматического события, рассказав о нем, — подразумевает общение в сообществе: рассказ должен быть услышан и прочувствован другими. Повествование помогает излечить травмированного индивида лишь в том случае, если при этом присутствует некая общность людей, способных выслушать и отреагировать (8). Необходимость рассказать о событии вместо того, чтобы держать его в себе или отгораживаться от него — потребность не только индивидуальная, но и коллективная, общественная.

Часто сообщество не хочет выслушивать рассказ, и это усугубляет изоляцию и уход человека в себя, усиливает его страх поделиться своим переживанием. Неспособность группы или общества выслушать историю психической травмы и отреагировать на нее имеет очень глубокие корни и множество граней. Она включает в себя бесчувственность, неспособность справиться с жестокостью, стремление защитить остальных членов общества от травматической реакции, чувство безысходности, вины, страха перед своей или общей ответственностью, безучастность, невежество, презрение, а также желание сохранить свои привилегии и оптимистическое мировосприятие.

Таким образом, проблема недостающего свидетеля, той части нашего существа, которая способна воспринять,

переработать опыт и отреагировать на него, оказывается не только внутренним делом, но также коллективной, общественной проблемой. Люди не способны понять самих себя, понять сущность происшедшего и дать разумный ответ.

Работая на Балканах, мы часто наблюдали нежелание людей дать себе отчет в том, с какой легкостью они становятся бесчувственными по отношению к травме своего сообщества, к своей собственной боли и возмущению, к своей личной истории и к историям окружающих. Всегда отыщется судьба, которая будет трагичнее предыдущих. Многие люди предпочитают руководствоваться расхожими мнениями вроде: «бывает и пострашнее, чем у меня», «случается и похуже, чем у вас», «пора забыть обо всем этом и продолжать жить».

Подобное отношение изолирует нас друг от друга. Люди зачастую не решаются рассказывать о себе, чтобы не огорчать слушателя. В охваченных войной регионах люди часто опасаются пробудить симптомы психической травмы у слушателя, которому, возможно, тоже пришлось многое пережить. Выражая возмущение и печаль по поводу чьей-то истории, можно пробудить к жиз-

Рис. 15.2. «Раны»,
художник Арлана
Каур

ни коллективное возмущение и общее горе, которым уже не будет конца.

Во время работы на больших форумах мы поняли, как важно быть внимательными по отношению к подобным страхам, в то же время не ставя преграды людям и обществу, если они вдруг захотят рассказать о своей судьбе и услышать других. Работая с группами и сообществами в условиях конфликта, мы затрагиваем их травматический опыт. В той осторожности, с которой люди подходят к предложению вынести свою историю на всеобщее обсуждение, присутствует немалая доля мудрости. По сути, это попытка не допустить воспроизведения травматического опыта, даже в форме рассказа. Этого можно избежать, если рассказчик чувствует возможность выбрать, когда и кому рассказать свою историю, а слушатели могут решать, когда и как ее слушать. Обращая особое внимание на важность этого выбора, а не простое воспроизведение событий в рассказах и усиление психологической травмы у окружающих, удастся пробудить сочувствие и способность общества к восприятию и адекватной оценке.

Кто-то предпочитает сделать выбор в пользу обсуждения своей травматической истории наедине с человеком, которому он доверяет, что может быть весьма полезно, но при этом важно не допускать воспроизведения ситуации, при которой травматическая история каждого человека оторвана от истории общества. Любая история принадлежит также и обществу. Польза, которую отдельный индивид и общество получают от возможности рассказать свою историю в обстановке групповой работы или форума, — неоценима, но этого часто не понимают. Для травмированного человека важнее всего отклик других на его историю.

Независимо от того, рассказывается ли история в беседе один на один, в группе или на крупном общественном форуме, безучастные лица слушателей могут

стать причиной дальнейшего усугубления психической травмы и изоляции рассказчика. Безучастие нередко является результатом шоковой реакции, дискомфорта или соблюдения так называемой профессиональной дистанции. В Хорватии в большой группе людей, посвятивших жизнь помощи окружающим, мы все вместе обнаружили, как часто они — иногда неосознанно — следовали убеждению, что не следует выражать свои чувства. Их учили, что это — соблюдение «профессиональной дистанции». Способность поделиться своими личными историями, выразить чувство горя и возмущения от пережитого и услышанного в своих сообществах эти люди восприняли как возрождение человечности в самих себе, а также воли и смысла жить дальше наряду с желанием и решимостью продолжать свою работу.

Одна женщина рассказала, как ей пришлось давать профессиональное заключение в трибунале по поводу военного преступления, свидетельницей которого она оказалась. Рассказывая о жестокости, которую ей пришлось наблюдать, она потеряла контроль над своими чувствами и расплакалась. Судья сделал ей замечание, что как профессионал она могла бы держать свои эмоции под контролем. К счастью, ей удалось ответить, что именно человечность и способность к эмоциональному отклику сделали ее профессионалом в своей области. В данном случае непрофессионально повел себя судья. Холодность в отношении эмоциональных реакций на трагедию и жестокости приводит к воспроизведению психической травмы.

Мне часто доводилось быть свидетелем того, как безучастный взгляд и молчание служили ответом на чью-либо историю травмы, что часто считается проявлением уважения, благоговения и сопереживания. Нам может казаться, что подходящих слов попросту не существует, и мы молчим, надеясь, что человек и так почувствует, насколько мы ему сопереживаем. Но даже в этом случае молчания

недостаточно. Как пишет Шэй, «без эмоционального отклика в слушателях травма не может стать достоянием общности» (9). В то же время слушатель должен быть достаточно сильным и мужественным, чтобы выслушать историю до конца, не приходя в излишнее возбуждение и не погружаясь в свои собственные эмоции, потому что таким образом он как бы непреднамеренно оставит человека в одиночестве, не давая ему возможности продолжить свой рассказ. Человеку, рассказывающему о травме, нужно, чтобы его приняли с сочувствием и теплотой, но в то же время он должен видеть: у вас хватит сил и решимости его выслушать. Совместное переживание индивидуальных или коллективных страданий отнюдь не означает их повторения. Смысл заключается в чувстве гуманности, понимания и сопереживания. Шэй пишет: «Слушатель должен быть готов к тому, что ему придется испытать определенную долю того ужаса, горя и ярости, которые испытывала жертва. В конце концов, в этом и заключается смысл слова “сопереживание”» (10).

Многократно на общественных форумах, посвященных разрешению конфликтных ситуаций, мы наблюдали, как в условиях полного воспроизведения конфликта, когда каждая точка зрения находит свое выражение в интенсивной полемике, наступает мгновение, когда аудитория становится способна сочувствовать и поддерживать каждого из пострадавших в его печали и возмущении. В этот самый миг, когда люди приобретают опыт проникновения за ширму взаимных обвинений, может произойти трансформация, которая укрепляет готовность сторон изменить общее будущее.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ТРАВМА

Для понимания того, как динамика психической травмы способствует бесконечному возобновлению конфликта, необходимо изучить реакцию общества на широкое

распространение травматического опыта. Когда от жестокости страдает целое сообщество, травма может запечатлеться в семейном, групповом или общественном сознании на многие поколения. Общество можно сравнить с человеческим организмом, и подобно тому, как индивидууму требуются годы, чтобы решиться рассказывать свою историю и возвращаться к норме, повествование о травме общества можно вести лишь в последующих поколениях. Отдельному человеку может потребоваться около 10 лет, чтобы справиться со своей потерей и травмой, обществу же, чтобы открыто посмотреть в лицо случившемуся, может оказаться недостаточно и периода в 50 или 100 лет.

В Руанде 750 000 человек из племени тутси и умеренных представителей племени хуту были убиты в течение всего нескольких месяцев 1994 года. Десятки тысяч женщин подверглись насилию, и вдобавок ко всему теперь там свирепствует эпидемия СПИДа. Семьи, культура и сама ткань общества разрушены. Как травмированный человек оказывается не в состоянии воспринять и реагировать на травмирующее событие в момент, когда оно произошло, потому что он должен сконцентрироваться на выживании, так и подвергшееся травме общество вынуждено бороться за жизнь, сосредоточившись на базовых вопросах бытия. Травма от ужасающих событий остается надолго, она затрагивает все грани общественной жизни. Общественность Руанды вынуждена сфокусировать внимание на вопросах экономического выживания, однако травма будет постоянно влиять на эту внешнюю работу. Даже если внимание послевоенного общества остается прикованным к хозяйственной деятельности, для него чрезвычайно важно найти способ справляться с общественной травмой, учитывая иерархическую систему и творческие особенности этого общества, ради возрождения духа и воли к восстановлению. До сих пор в подобных ситуациях не уделялось

достаточного внимания действию всеобъемлющей травмы и ее непосредственному влиянию на социальный, политический и экономический аспекты послевоенного восстановления. В литературе, посвященной этим вопросам, ясно очерчена важнейшая связь между широкомасштабным насилием и травмой и между травмой и обществом. Как указывает Брэкен, даже рост интереса к этой проблеме в последние годы во многом ограничивается тем, что исследователи продолжают думать в русле индивидуальной психологии (11). Роббен и Суарес-Ороско подчеркивают, что насилие и травма должны исследоваться комплексно, при этом большое внимание следует уделять последствиям насилия как у отдельных людей, так и у групп в целом (12).

В Косове у людей лица без возраста: глаза у всех такие, будто они повидали слишком многое. В те месяцы и годы, которые последовали за геноцидом албанского населения в Косове и бомбардировками Сербии, в обстановке нестабильности миссия ООН в Косове (МООНК) отвечала за развитие сферы услуг и временное управление. Регион был наводнен и бесчисленными гуманитарными организациями, которые пытались сделать и зачастую делали немало хорошего, однако этому довольно беспорядочному процессу сильно недоставало координации и надзора. Отчаянная нужда в жилье, которую, казалось бы, нетрудно было удовлетворить при таком количестве ресурсов в регионе, долгое время оставалась насущной из-за бюрократической волокиты.

Мы с моим коллегой Лейном однажды проводили встречу с группами из городов Приштина и Митровице, чтобы обсудить проблемы, с которыми сталкиваются работники социальных служб региона. Психическая травма от утрат и жестокостей, которые им пришлось пережить, была очень глубокой. Многие недавно начали выполнять свои обязанности в социальных службах и рассказывали, как они рады делать что-то полезное для тех,

кто находится в еще худшем положении. Один мужчина рассказал, как целый день добирался до подопечной пожилой пары лишь для того, чтобы сообщить о невозможности достать материалы для их дома, которые они ожидали получить. Он боялся сообщить эту плохую новость людям, оказавшимся в изоляции и потерявшим все. Но когда добрался до места и сообщил им эту новость, они упали перед ним на колени и принялись целовать его руки и одежду, благодаря за то, что он не поленился преодолеть весь этот путь и не оставил их в неведении. Со слезами на глазах он рассказывал, как был поражен пониманием того, что даже в тяжелой ситуации, связанной с необходимостью выживания, самое главное — чувство сострадания, которое мы испытываем по отношению друг к другу.

Группа оказалась удивительно теплой и радушной, люди испытывали искреннюю благодарность за наш интерес и сочувствие к ним и к обстоятельствам их нелегкого существования. Один из участников хотел передать всему миру, что они горячо нуждаются в людях, готовых приехать в Косово и помочь им, даже не столько делами, сколько глубоким участием, интересом к людям и их жизни, их судьбам, их общественной травме, они будут рады всем, кто захотел бы быть вместе с ними, помогая преодолеть трудности, которые им предстоят.

В послевоенной ситуации, когда нужно восстанавливать общество в социальном, экономическом и политическом плане, необходимо не только продолжать двигаться вперед, но и воссоздавать общность, сохраняя память об эмоциональной реальности происшедшего. Обсуждение коллективной травмы на общественных форумах могло бы заметно укрепить сотрудничество и повысить эффективность усилий в процессе восстановления общества. Подобные обсуждения приводят к лучшему пониманию путей воссоздания ткани общественной жизни и духа сообщества. Как травмированный

человек не может продолжать нормальную жизнь, будучи в ловушке травматического опыта, чувства изоляции, безысходности и бессмысленности, так и общество не способно восстановиться, если утрачены дух, надежда и единое чувство смысла.

НЕ ВСПОМИНАТЬ БЫЛОЕ: ОРИЕНТАЦИЯ НЕ ПРЕИМУЩЕСТВО БОЛЬШИНСТВА

Проблема раскола при коллективной травме может проявляться и так, что одна часть общества переживает насилие, а другая продолжает двигаться вперед, не желая или не имея возможности принимать травматическую историю близко к сердцу. Зачастую доминирующая или обладающая большей социальной властью группа отказывается включать историю травмы меньшей группы в общую коллективную идентичность или в собственное повествование о событиях. Меньшинство, пострадавшее от жестокости — нередко именно от рук большинства или доминирующей группы, — может остаться наедине со своей травматической историей. Группу объединяет общая память. Настойчивое исключение меньшинства из сознания, мыслей и чувств более широкого общественного образования и доминирующей группы воссоздает страдания и травму.

Даже если мы принадлежим к группе, которая подавляла другую или получала выгоду от ее угнетения кем-то другим, мы часто первыми страдаем от последствий этой истории и стремимся забыть о ней как можно скорее. В первой части этой книги мы говорили о том, что, продолжая двигаться вперед без обсуждения ответственности сторон, мы оставляем цикл конфликта незавершенным. Недостаток ответственности соединяется с травмой и остается в реальности общества или группы на многие поколения. Позднее всегда существует возможность рассмотреть те проблемы ответственности,

с решением которых не смогли справиться предыдущие поколения. Хотя зачастую настойчивость в отрицании актуальности подобных вопросов с течением времени только усиливается. Следующее поколение чувствует себя невиновным и незапятнанным, так как во всем этом нет его вины, а сами события кажутся очень далекими. Так мы остаемся в «неведении» и теряем связь с историей, не отдавая себе отчета в своем преимуществе: ведь мы можем просто сказать, что хотим оставить происшедшее в прошлом, в то время как пострадавшие этого сделать не могут, потому что продолжают страдать.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА И УСПОКОЕНИЕ СОВЕСТИ

Как мы видим, включить чужую боль в свое сознание и принять ее близко к сердцу нам мешает страх перед ответственностью, нежелание чувствовать себя виноватыми и разбираться в требованиях о возмещении ущерба. Любые дискуссии по поводу репараций в конце концов упираются в необходимость переходить от слов к делу. Но возмещение ущерба мало значит без искреннего сочувствия и желания общества улаживать спорные вопросы своего прошлого и положить конец жестокостям и угнетению в настоящем.

Библейская притча о Якове рассказывает об ответственности, совести и возмещении ущерба. Яков собирался встретиться со своим братом Исавом спустя многие годы после того, как обманом лишил его наследства и благословения. Яков обманул их отца, который собирался завещать имущество своему старшему сыну Исаву. У отца было плохое зрение, и Яков получил наследство вместо своего брата, укутав свои руки в меха, чтобы выдать себя за своего более волосатого брата. Теперь, по прошествии многих лет, Яков готовился встретить брата изысканными дарами в качестве компенсации, чтобы смягчить тяжесть их встречи. В ночь накануне встречи

Якову пришлось вынести нелегкую внутреннюю борьбу: «Сначала он не понимал, с кем ему приходится бороться, и сохранял свое высокомерие. Однако по мере того как близился рассвет, он начал осознавать, что ему противостоит Бог. Он понял несправедность своего поведения по отношению к Исаву и на заре попросил Бога благословить это откровение» (13). Утром он вышел встречать своего брата, с трудом передвигаясь после ночного единорства и ведя за собой «200 коз, 20 козлов, 200 овец и 20 баранов, 30 верблюдов, 40 коров и 10 быков, 20 ослиц и 10 ослов». Исав отказался принимать подношение, заявив, что сам имеет достаточно. «Но тогда Яков сказал: “Нет, я молю тебя об этом... ибо... видел твое лицо как лицо Господа своего”. Он продолжал настаивать, и брату пришлось принять его дар» (14). Эту притчу можно трактовать таким образом: для завершения конфликта с длительной предысторией нам как обществу необходимо вынести настоящую борьбу в собственном сознании, открыто признать наиболее тяжелые моменты своей истории и увидеть в «другом» Бога как источник нашей целостности.

В США фраза «40 акров и 1 мул» напоминает каждому о том, что после отмены рабства рабам пообещали выдать по 40 акров земли и по одному мулу. Это обещание так и не было выполнено, и фраза символизирует отсутствие логического завершения у этой страшной страницы американской истории. Страницу можно было бы перевернуть, если бы белое большинство глубоко пересмотрело свое отношение к проблеме и возместило материальный ущерб. В результате факт строительства государства буквально на спинах рабов так и не получил в полной мере адекватной оценки.

За редким исключением, коренное население Америки как страдало, так и продолжает страдать от неприятия, которое испытывает по отношению к ним американское общество и которое легло в основу истории

государства США. Автор Уорд Черчилль¹ пишет: «Начавшийся в 60-е годы рост этнического сознания и последовавшая за этим мобилизация индейских сообществ в Западном полушарии были негативно восприняты как правительственными силами, так и оппозиционными партиями и революционно настроенными течениями». Жестокость, с которой осуществлялось государственное строительство, в процессе которого убивали и репрессировали коренное население, изымали его земли, уничтожали культуру, язык и самый смысл существования коренных американцев, официально никогда не признавалась в качестве существенной проблемы, касающейся каждого американца, и никогда не удостоивалась серьезного рассмотрения. В США коренное население живет беднее, чем какая-либо иная общность. В некоторых регионах распространены болезни и недоедание. Земля, принадлежавшая индейцам, была отнята незаконно, и во многих случаях связанные с этим договоренности были проигнорированы государством. Уорд Черчилль описывает, как активисты из числа белого населения «за редчайшим исключением, упорно оправдываются, что не могут занять последовательную позицию в вопросе об индейских землях, потому что, к сожалению, не вполне знакомы с сутью проблемы [как будто она настолько сложна]. В то же время, поколение за поколением, они практически ничего не делают для того, чтобы разобраться, кому же принадлежит земля, на которой они живут. Пластинка играет лишь до тех пор, пока не износится, а мелодия не станет очередной вариацией на тему “не слышу зла, не вижу зла”» (15). Хотя со временем желание

¹ Черчилль Уорд Лерой (род. 1947) — американский писатель и политический активист. Исследует историю отношения к политическим диссидентам и коренным американцам в Америке. Автор книг «Убей индейца, сохрани человека» (Kill the Indian, Save the Man), «Разбить, разрушить и опозорить» (To Disrupt, Discredit And Destroy) и других. — Примеч. пер.

продолжить движение вперед и не вспоминать былое лишь усиливается, американская история по-прежнему остается незавершенной — ее похоронили, не расставив все точки над «і».

КОЛЛЕКТИВНОЕ ОЦЕПЕНЕНИЕ

Во многих отношениях Германия активно старается интегрировать реальность Второй мировой войны и холокоста в свою историю и возместить жертвам причиненный ущерб. В то же время на эмоциональном уровне в обществе присутствует атмосфера холодности относительно судьбы и травмы этих жертв и неспособность к глубокому сочувствию. Я часто слышала от немцев, что они не могут больше слышать истории про холокост. Они больше не хотят чувствовать себя виноватыми. Как и в любом очаге травматического опыта, пытаться продолжать движение вперед — естественно и необходимо. Но все же замороженная коллективная травма не дает многим немцам ощутить связь с периодом нацистского режима и холокоста. В обществе до сих пор присутствуют антиеврейские настроения, которые сделали это явление возможным. Нередко можно услышать сожаления о том, что Германия проиграла войну, и это еще больше затрудняет процесс примирения с наследием истории. Немцы очень часто показывают, что хотят жить дальше и забыть о прошлом, и в то же время они до сих пор страдают от чрезвычайно сильного коллективного шока и неспособности поделиться своими чувствами по этому поводу. У меня был особый интерес к исследованию заторможенной коллективной травмы у людей, переживших холокост, и их детей, и я помню, насколько глубокое сочувствие у меня как еврейки (мои родители — немецкие евреи, избежавшие холокоста) вызвали немцы, когда я поняла, что во многих отношениях мы с ними находимся в одной «лодке», застрявшей в прошлом.

Будучи в Польше, я увидела, что многие молодые люди мало что знают о событиях Холокоста и не слишком сочувствуют происшедшему. Их воспитывали с мыслью о тех ужасных трагедиях Второй мировой войны, которые пришлось пережить их собственным семьям, — жертвам германского вторжения. Они почти ничего не знают о большой еврейской диаспоре, жившей когда-то в Польше, и об истории антисемитизма в Польше, а тот факт, что в стране осталось совсем немного евреев, еще больше отдаляет их от этой темы. Современные акты антисемитизма почти не вызывают в стране реакции и желания их осмыслить. Люди плохо понимают контекст происходящего, когда кто-то оскверняет могилы, разрушает памятники и разрисовывает стены антисемитскими граффити.

Геноцид устраняет то или иное сообщество в регионе, поэтому последующие поколения могут забыть о нем. Я помню, как на большом групповом форуме одна молодая женщина из восточноевропейской страны, в которой ранее была большая доля еврейского населения, а теперь евреев очень мало, начала говорить о том, как часто она испытывает чувство оцепенения, пустоты, чувствует некую пропасть, как будто что-то важное исчезло из страны, культуры и ее собственной души. В определенный момент она наивно, но от всего сердца сказала, что ей очень не хватает евреев и их культуры и она чувствует ужасную потерю и пустоту в своем прошлом. Меня глубоко тронули слова этой молодой женщины. Моя семья жила не так далеко от ее родины, и я впервые услышала, что нас кому-то недостает.

РОМАНТИЗАЦИЯ ТРАВМЫ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО

Итак, мы знаем, что существует не только тенденция глубоко прятать отвратительные истории прошлого, если

они причиняют боль, неудобство или посягают на наши привилегии в настоящем, но и тенденция романтизировать свою судьбу. Романтическая сентиментальность по отношению к жертвам какого-либо зверства — одна из характеристик динамики коллективной травмы. Мы часто бываем сентиментальны, когда наши чувства притуплены. Сентиментальность позволяет нам не смотреть на ситуацию трезво и не испытывать по ее поводу более глубоких переживаний. Сентиментальность можно интерпретировать и по-другому: находясь в оцепенении, будучи бесчувственными и неспособными непосредственно воспринимать сложные чувства, мы призываем ее, пытаемся справиться с холодностью, разбудить в себе чувствительность и понимание того, что произошло.

В столице Словакии Братиславе, в той части города, где прежде жило еврейское население, на месте старой синагоги проложено шоссе. Неподалеку стоит небольшой музей, посвященный евреям. В начале 90-х, когда я посетила этот музей, там была экспозиция еврейского быта, с предметами в стеклянных витринах: «это свечи для Шаббата», «это талес раввина», «это Тора». У меня появилось стойкое ощущение, что еврейский народ и его обычаи показаны как давно утерянная раса — без всякого сочувствия по отношению к живой истории, разворачивавшейся на этих самых улицах. Словакия — единственная страна, которая платила немцам деньги за выселение евреев.

Романтизация часто возникает и вокруг травматической истории наших предков. Романтикой окрашиваются горькие моменты истории, в результате чего потери приобретают значимость. Романтизм приносит с собой надежду и жажду возмездия. Этому способствуют песни, поэзия, драма, символика и религиозный пыл. Битва на Косовом поле, в которой был убит сербский князь Лазарь, стала мощным символом поражения Сербии и последовавшего за ним пятисотлетнего

турецкого ига. Эта история позднее стала легендой, воспетой в поэзии, живописи, театре и литературе. Князя Лазаря изображали как мученика, которого предали подобно Христу. Местя за смерть Лазаря, сербский рыцарь Обилич убил султана Мурата и стал национальным героем. Современный сербский национализм был основан на этой мифологизированной истории. В Косове находилось множество сербских монастырей и святынь, потому этот край был объявлен чем-то вроде священной земли. Когда в 80-х годах косовские албанцы, подвергавшиеся в Косове дискриминации, несмотря на то что они составляли подавляющее большинство населения, стали выступать за свои гражданские права и права человека, напряжение начало расти. В 1986 году сербская православная церковь опубликовала заявление о том, что сербы в Косове подвергаются опасности этнических чисток. В 1987 году Слободан Милошевич выступил в качестве представителя националистического движения Сербии. В период 1988—1989 годов мощи князя Лазаря были демонстративно провезены по областям, которые причислялись к «Большой Сербии», и затем доставлены в провинцию Косово. Мощи Лазаря с почестями и богослужениями были помещены в монастырь в Грачанице, таким образом Косово было представлено как священное пространство, в котором наступило священное время. Год 1389-й превратился в 1989-й (16).

ПЕРЕСМОТР ИСТОРИИ

Если осознание страданий других людей ставит под угрозу наше ощущение собственной праведности и наши привилегии, мы стремимся поскорее забыть о страшных историях и жить дальше. Существует множество примеров того, как одна часть общества «движется вперед», оставляя другую самостоятельно переживать свою травму. Те, кто движется дальше, постоянно жалуются, что

пережившая жестокость группа снова и снова рассказывает все ту же историю.

В особенно тяжелых случаях часть общества не только двигается дальше, но и требует, чтобы травматическое событие было вычеркнуто из истории. В таком случае возникает полный разрыв. Происходит попытка вырвать страницу истории, как будто ее никогда не было, или переписать ее. В бывшей Югославии постоянно осуществлялся пересмотр истории, даже по мере того, как развивались события вокруг этнических чисток.

В боснийском городе Фоча были убиты все мусульмане, которых не депортировали, а город был переименован в Србинье («Сербский»). Люди, принимавшие участие в «зачистке», получили медали Милоша Обилича, косовского мстителя. Мечети XV и XVI веков, шедевры исламской архитектуры, были взорваны. Когда сербского мэра спросили, зачем было разрушать мечети, он ответил: «В Фоче никогда не было мечетей». Похожая история произошла в городе Зворник, где после подрывов мечетей новый мэр серб полностью отрицал их существование (17).

В мире существует весьма значимое движение за пересмотр истории Холокоста, и некоторые заявляют, что никакого Холокоста не было и вся эта история сфабрикована евреями или же ее масштабы сильно преувеличены. К примеру, ставится под сомнение количество жертв, большинство из которых приписывается тифу, а не газовым камерам (18). История колонизации по всему миру полна событиями, о которых рассказывают как о героических и приключенческих авантюрах, а не как о жестокостях, принесших травму.

Хотя пересмотр истории обычно ассоциируется с экстремистскими и националистическими группами, мы все пересматриваем историю в том случае, когда нас интересует лишь версия событий, призванная защитить наши интересы и подтвердить невиновность, а не понимание

действительного положения вещей. Целенаправленные усилия по искажению исторических фактов и дезинформация лишь усугубляют положение вещей.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ НОВОСТИ

Когда люди страдают от насилия, пыток, депортации и геноцида, призывают на помощь весь мир и видят, что мир от них отворачивается, это приводит к обострению травмы. При этом все мы читаем газеты и смотрим телевизор, узнаем о невыносимых страданиях, а затем отправляемся по своим делам, почти не реагируя на все это. Возможно, мы считаем, что в нашем мире слишком много трагедий, чтобы можно было всем посочувствовать. Возможно, мы чувствуем нечто вроде прохладного отчуждения, которое сами не в силах объяснить, некую дистанцированность от ужасающих событий, которые происходят словно в параллельном мире и совсем не затрагивают нас. Случается, мы с трудом находим силы, чтобы сконцентрироваться на своей собственной жизни, на своих повседневных делах. Интересный факт состоит в том, что все это — описание динамики психической травмы. Часть нашей души и нашего общества уходит вперед, стремясь вернуться к нормальной жизни и забыть о невыносимых событиях.

Когда мы впервые были в Хорватии, то оказались в городе, сильно пострадавшем от войны. Люди съехались на форум со всех регионов Хорватии и из Боснии. Это была смешанная группа хорватов, сербов и мусульман, и мы работали над проблемами последствий войны. Группа из Сараева держалась вместе, члены ее быстро подружились. Иногда они опаздывали на занятие на несколько минут из-за того, что одному из них, молодому человеку в инвалидном кресле, требовалась помощь при подъеме по лестнице. Это была прекрасная группа, и большинство участников семинара отмечали, что они

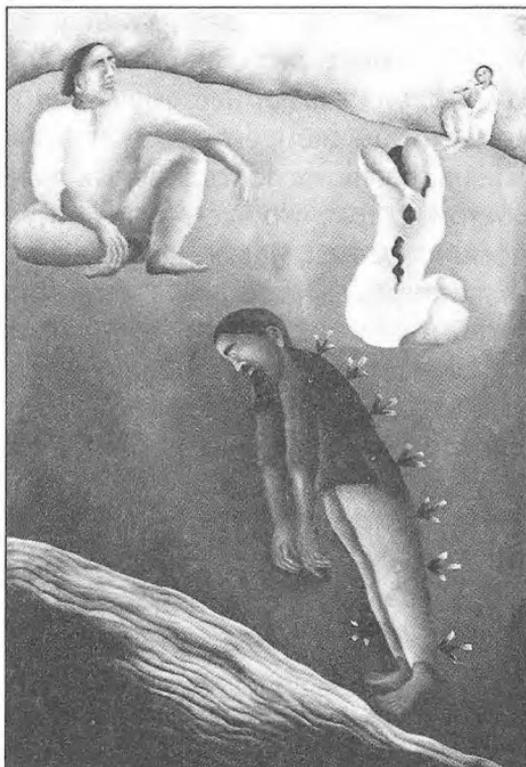

относятся друг к другу с особенной теплотой и у всех у них особый — городской, сараевский — стиль поведения. Некоторые считали, что эта группа ведет себя отстраненно, однако в одном из групповых обсуждений выяснилось: дело обстоит совсем не так. Людям из Сараева казалось, остальные участники форума дистанцируются от них из-за их военной травмы. Хотя все присутствовавшие перенесли войну и многие были психически травмированы, жители Сараева совсем недавно пережили настоящий ад.

Женщина из этой группы сказала остальным участникам форума: «Мы чувствуем, что вы отстраняетесь от нас. Вы обращаетесь с нами, как с музейными экспонатами». «Вы смотрите на нас, но боитесь притронуться». В этот момент выступила вперед другая женщина и села

Рис. 15.4. «Мир продолжает жить», художник Арлана Каур

напротив первой. Обращаясь к ней, она сказала: «Я наблюдала за событиями в Сараеве по телевизору. К тому времени война в Хорватии закончилась, и хотя я жила всего в 200 километрах от Сараева, когда я смотрела новости по телевизору, мне казалось, что это происходит где-то далеко. Я помню, что не чувствовала ничего особенного. И помню, как подумала: слава богу, что все эти события происходят там, а не здесь». Когда она произнесла эти слова, сидя лицом к лицу с женщиной из Сараева, которой пришлось вынести мучительнейшую личную потерю, из глаз у людей полились слезы. Я никогда больше не видела подобного: у каждого из 60 участников текли слезы. Мы с Лейном тоже заплакали. Профессиональная переводчица начала рыдать и очень переживала, что не может сдержать слез. Мы заверили ее, что это нормально, и переводить начали добровольцы, а остальные продолжали рассказывать о том, как они дистанцировались от боли и изолировались друг от друга, и даже за событиями в соседней деревне наблюдали по телевизору — точно так же, как за ними спокойно наблюдал весь остальной мир.

МОЛЧАНИЕ, ДИСТАНЦИЯ И НЕЙТРАЛИТЕТ

Наше молчание перед лицом жестокости следует понимать не только как отсутствие заявлений. Оно представляет собой нечто гораздо большее. Молчание учитывается при планировании и применении жестокостей. Оно — центральный элемент в динамике психической травмы. При виде жестокости мы замолкаем. Нам навязывают молчание множеством способов: кто-то манипулирует нашей индивидуальной и коллективной склонностью перекладывать ответственность на других, демонизировать своих соседей, любой ценой добиваться для себя безопасного существования, принимать этнические конфликты как обычное явление

и заниматься только своими повседневными делами. Когда нет гарантии, что мы будем молчать, молчание навязывают посредством тактики устрашения. Те, кому это выгодно, делают ставку на наше молчаливое соучастие, на отсутствие нашей реакции. Однако каждый из нас тоже получает выгоду, игнорируя то, что совершается в этом мире от нашего имени, и ища для себя выгоду и некие преимущества.

Описание этнических чисток и геноцида как конфликта, разгоревшегося между двумя группами, может означать негласное принятие националистических заявлений о том, что некоторые этнические группы могут представлять собой угрозу. При переходе от многонациональных империй к однородным национальным государствам создатели этих государств зачастую изображали ужасы депортаций, этнических чисток и геноцида как неизбежные общественные и этнические трения (19). Р. Г. Суни цитирует исследователя Бернарда Льюиса¹, который писал:

Для турок армянское национальное движение представляло смертельную опасность.... Армяне, проживавшие по всей Турции — от Кавказских гор до Средиземноморского побережья, — находились в самом сердце страны, и отказ от этих земель означал бы не просто уменьшение территории, но распад турецкого государства на части. Расположенные бок о бок друг с другом армянские и турецкие деревни веками жили в добрососедских отношениях. Теперь же между ними началась ожесточенная борьба — борьба между двумя нациями за обладание единой родиной, завершившаяся в 1915 году страшной резней, в которой погибло полтора миллиона армян.

¹ Льюис Бернард (род. 1916) — известный американский политолог, специалист по Востоку, профессор Пристонского университета. Автор книг «Кризис ислама» (The Crisis of Islam), «Что пошло не так?» (What Went Wrong?) и др. — Примеч. пер.

Суни отмечает, как этот отрывок предполагает легитимность национального государства и характеризует район исконного проживания армян как территорию, на которой они стали представлять собой препятствие для национальных притязаний турок (20).

Таким образом, геноцид армян можно было бы считать неизбежным. Хотя армянские и турецкие деревни, согласно автору, «жили в добрососедских отношениях», внезапно начал назревать конфликт. Подобная логика надежно просочилась в наши умы, мы качаем головами и пожимаем плечами, ощущая неизбежность этнических конфликтов и неспособность людей примириться с различиями.

Как мы видели, в бывшей Югославии жестокость и геноцид зачастую выдавали за гражданскую войну, уходящую корнями в вековую напряженность между балканскими народами, которые в результате своей истории и по своей природе якобы не способны жить вместе и обречены на регулярные вспышки насилия. Мы легко можем согласиться с тем, что это слишком сложно для нашего понимания, к тому же эти народы в любом случае убивают друг друга уже на протяжении столетий. Президент Клинтон нарушил свое обязательство отменить эмбарго на поставки вооружений, оставив боснийцев без оружия, потому что его администрация и средства массовой информации описывали конфликт как многовековую этническую напряженность (21). Точно так же западные средства массовой информации изображали геноцид 1994 года в Руанде как многовековой этнический конфликт между племенами хуту и тутси. Однако и в Руанде хуту и тутси жили бок о бок и в большинстве сообществ заключали между собой браки, а геноцид был тщательно спланирован в течение нескольких лет. Он не был выражением межплеменной розни, а служил целям националистического режима (22).

Наша концепция этнического соперничества способствует реализации подобных стратегий. Думая, что этнический конфликт — естественное и неизбежное явление, мы соглашаемся с тем, что нейтральная позиция есть благо. Мы не понимаем, что травматический опыт людей и вопросы исторической справедливости намеренно используются для осуществления насилия, а наш так называемый нейтралитет — необходимый компонент геноцида. Вместе с тем призывы «вмешаться» из «гуманитарных» соображений тоже используются для оправдания нападения на тот или иной регион или для его захвата. Война в Ираке стала тому наиболее свежим примером.

Глава 16. Психическая травма и поиск убежища

БЕЗОПАСНОСТЬ

Стремление к безопасному существованию — основу индивидуальной, семейной и общественной психологии — подпитывают наши личные и коллективные воспоминания о жестокостях и травмах. Эту потребность в безопасности легко эксплуатировать. Когда появляется угроза выживанию семьи, за обещание безопасности мы бываем вынуждены мириться с чем угодно. Таким образом, правительству или лидеру достаточно сделать всего лишь шаг, чтобы внушить нам страх или расшевелить его в нас, а затем, выгодно используя в своих целях эту потребность в безопасности, применить свою власть ради нашей «защиты». Всесильным пропуском для рвущихся к власти становится наша способность демонизировать и дегуманизировать ситуацию.

Политические лидеры и военачальники знают, что ради «безопасности» мы с готовностью вывернемся наизнанку, согласимся не замечать огромных пластов информации, пожертвуем здравым смыслом, наглухо закроем свои сердца и ум, преступим всякую мораль и приличия, а затем создадим мифы, прославляющие наше поведение, демонстрируя патриотизм и лояльность тем, кто вызвался нас защищать.

В бывшей Югославии, чтобы обеспечить свой приход к власти, Слободан Милошевич использовал застарелую травму времен Второй мировой войны, когда хорватские националисты из движения усташей совершали зверства в отношении сербов, евреев и других народов, а также травму времен османского вторжения

XIV века. Это было больше, чем призыв к восстановлению справедливости, — это будило эмоциональную память о прошлых жестокостях и позволяло требовать для сербов защиты от хорватов и мусульман в Хорватии и Боснии. Разговоры об обеспечении безопасности сербов стали моральным оправданием этнических чисток и геноцида.

ЗАЩИТНИК И ПРЕДАТЕЛЬ В ОДНОМ ЛИЦЕ

Отсутствие «защиты» — важная характеристика психической травмы. Травмы, связанные с физическим и сексуальным насилием над детьми, возникают не только из-за самих омерзительных поступков, но и в результате предательства человека, которому мы доверяем и который призван защищать нас. Хорваты, мусульмане и сербы часто рассказывали мне о травмирующих воспоминаниях: те, кому они доверяли как надежным соседям, вдруг начинали демонизировать их и выступали против них и их детей. Для политических беженцев величайшей травмой зачастую оборачивается предательство со стороны их правительства, первейшей обязанностью которого является защита права человека на безопасность. Находясь в гуще самых тяжелых событий и ужасающих переживаний, они не могут позвать на помощь, им не к кому обратиться. Полиция, правительство — все отреклись от них. Безопасного пристанища не существует. Правительство предает свой народ и отворачивается от него.

Во время войны во Вьетнаме, как и во всех войнах, солдаты США полностью зависели от армии во всем, что было связано с их выживанием, — обучении, пище и воде, коммуникациях, информации о противнике и компетентности офицеров (1). Если солдаты участвовали в убийствах мирных граждан, они знали, что это предательство основополагающих человеческих и общественных ценностей, но начальство приказывало им забыть об этом,

не беспокоиться и даже радоваться новым жертвам. Подобное предательство сокровенных ценностей человека со стороны властей, от которых он зависит, является одной из главных причин психической травмы. Джонатан Шэй пишет, что, работая с ветеранами войн, он начал склоняться к мнению: моральные травмы являются важной составной частью любых вызванных войной стрессов, которые затем приводят к пожизненным психологическим последствиям (2).

Серьезнейшая травма может возникнуть и в случае, когда человек оказывается неспособен защитить себя, своих детей, семью и друзей. Один мужчина с симптомами сильнейшей психической травмы рассказал мне историю, которая неотрывно преследовала его. Близкие друзья пришли к нему в панике, говоря, что им необходимо бежать. Он заверил их, что они могут остаться — он сможет их защитить, так как занимает некую властную позицию в своем сообществе. Это оказалось смертельной ошибкой. Он не смог их защитить, и они были убиты.

БЕЖЕНЦЫ И БЕЗОПАСНОЕ ПРИСТАНИЩЕ

Одна из основных задач правительства — обеспечение безопасности. Тем не менее миллионы людей были убиты или принуждены к бегству из родных мест своими собственными правительствами. По всему миру насчитываются миллионы беженцев, многие из которых глубоко травмированы, и все они ищут безопасного пристанища.

В то время как общества и страны обсуждают договоры по вопросам иммиграции, травма воссоздается нашим отказом обеспечить адекватную защиту прав беженцев. Многие не понимают, от чего бегут эти люди, не понимают, каково это — покинуть свой дом, лишившись какой бы то ни было защиты. Многие иммигранты сталкиваются с предвзятостью и неприятием, и это

Рис. 16.1. «Нанак во времена кровоточащих ран», художник Арпана Каур

усугубляет их травмы. Холодная неприветливость бюрократии, которая не нравится никому из нас, в беженцах способна пробудить воспоминания об издевательствах, а холодный взгляд прохожего на улице усиливает чувство изоляции и травму. Доброжелательное же отношение способно изменить жизнь человека.

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА И ГРАНИЦЫ

Стратегия, при которой одну группу берут под защиту, а другую демонизируют, становится рациональным основанием и толчком для национализма и геноцида, поощряет эти явления и является причиной бедственного положения беженцев. Та же самая стратегия используется и для ужесточения условий перехода через границы и недопущения беженцев в другие страны.

334 Хотя простого ответа на вопросы иммиграции в мире

Рис. 16.2. «Границы», художник Арпана Каур

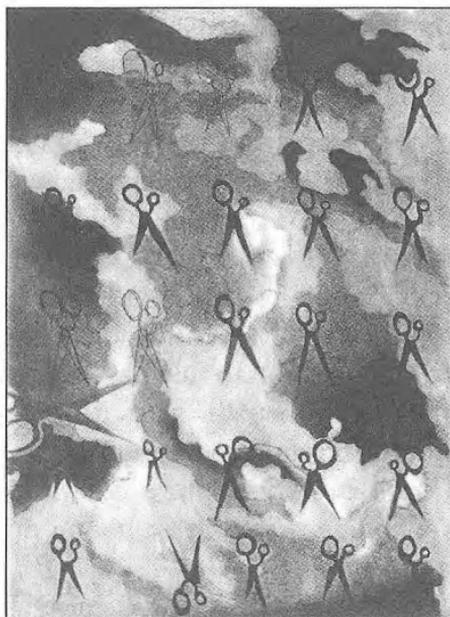
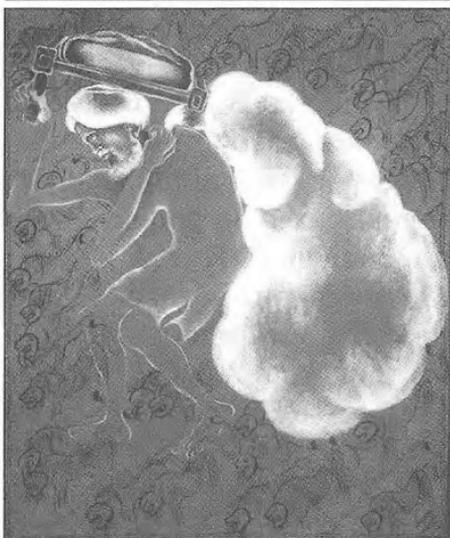

Рис. 16.3. «1947», художник Арпана Каур

не существует, реальная трагедия разыгрывается в результате поддержки гражданами политики ограничения притока беженцев. Та же динамика, которая используется для разжигания войны, повышает озабоченность людей вопросами безопасности и сохранения собственных

преимуществ, лишь только появляется мишень для демонизации и неприятия.

Во время Второй мировой войны мир знал о том, что в лагерях смерти каждый день уничтожают 10 000 евреев. Но США принимали лишь ограниченное количество беженцев, и то лишь при соблюдении определенных условий. В фильме «Аминь» режиссера Косты Граваса изображен посол Соединенных Штатов, который заявляет, что США никак не могут открыть доступ для большего количества иммигрантов еврейской национальности, так как это может вызвать волну антисемитизма. Подобное бесстыдное лицемерие иллюстрирует нашу способность отождествлять себя с разумом и добродетелью, захлопывая при этом дверь перед лицом нуждающихся в помощи.

Перед потоком ищущих убежища часто закрывают двери. По данным Управления Верховного комиссариата ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) на июль 2004 года, в течение 2003 года примерно 17,1 миллиона человек попали в сферу ответственности УВКБ ООН, включая беженцев, лиц, попросивших политического убежища, вернувшихся на родину и перемещенных внутри страны. В конце 2002 года их было существенно больше — 20,8 миллиона человек (3). Среди населения, попавшего в сферу ответственности УВКБ ООН, 36 процентов находилось в Азии, 25 процентов — в Африке, 25 процентов — в Европе, 5 процентов — в Северной Америке и 8 процентов — в Южной Америке (4).

По международному законодательству, беженцам, не имеющим возможности вернуться в родные края из-за политической ситуации или вооруженного конфликта, должно быть предоставлено убежище в других странах. Иммиграционная политика стран различается. Хотя в целом все согласны с тем, как важно различать экономически и политически мотивированную миграцию, часто бывает сложно провести грань между этими

двумя категориями. Многие беженцы, прибывшие из стран, в которых идут вооруженные конфликты, получают отказ под любым предлогом, включая незаконное прибытие в страну, неправильное заполнение формы, опоздание на интервью. Многим отказывают, других отправляют в тюрьмы (5).

Глава 17. Возобновление вооруженного конфликта. Как разорвать порочный круг

Как мы выяснили, травмирующее событие создает раскол в душе человека — одна ее часть движется вперед, стараясь выжить и функционировать, а другая остается в западне своего опыта. Мы также поняли, что подобный раскол исторически образуется в коллективе — одна часть общества пытается идти вперед и оставить происшедшее в прошлом, а другая не может этого сделать. Мы видели, как травмирующее событие упорно воспроизводится в ночных кошмарах, флешбэках и физических симптомах отдельного человека. Травма возрождается при возобновлении вооруженных конфликтов.

Обычно травма связана с огромной несправедливостью. Старые травмы разжигают в людях воинственность. Вооруженный конфликт часто возобновляется из-за того, что каждая из сторон не может забыть о прошлых травмах. Травма и вооруженный конфликт разыгрываются вновь и вновь подобно коллективному кошмару. Ужасный сон может повториться в другом месте или в другую эпоху. Иногда его разыгрывают те же актеры, а иногда совершенно другие. Иногда актеры меняются ролями.

Вооруженные конфликты возвращаются подобно ночному кошмару или флешбэку тогда, когда некому их «засвидетельствовать». Кошмар повторяется, а мы, его действующие лица, из-за отсутствия способности к саморефлексии позволяем вовлекать себя в эту мифическую драму. В израильско-палестинском конфликте имеет место бесконечное воспроизведение кошмара — правительство Израиля пытается сломить палестинцев,

а группы палестинцев отвечают террористическими атаками, на которые следует ответ со стороны израильских военных, за которыми следуют новые террористические акты. Все ясно видят этот порочный круг, но все же позволяют вовлечь себя в это навязчивое маниакальное поведение без осознания и контроля. Травма продолжает вмешиваться в нашу жизнь и воспроизводить себя.

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА И ШЕСТЬ МОТИВОВ ДЛЯ МСТИ

Конфликты часто возрождаются из-за того, что люди хотят мести. Будет нелишним исследовать и понять наше стремление мстить и его связь с желанием добиться справедливости и облегчить свою травму. Мы в состоянии осознать эту жажду мести и причины, которые ее обусловили, вместо того, чтобы просто пытаться избавиться от нее или действовать в соответствии с ней, призывая своих лидеров к мщению. Внимательно изучив причины, побуждающие нас к мести, мы, возможно, научимся воспринимать свои потребности более серьезно и не будем скатываться до примитивных реакций и навязчивого воспроизведения кошмара. Ниже приведены шесть мотивов мести. В актах возмездия могут играть активную роль один или несколько из них. Вот они: **1)** привлечь к ответственности, наказать и сравнять счет; **2)** причинить боль другому, чтобы не испытывать боль самому; **3)** дать другим почувствовать, каково это; **4)** ослабить внутреннее давление; **5)** отказаться выносить унижения и встать в полный рост; **6)** отомстить за погибших.

Привлечь к ответственности, наказать и сравнять счет

В конфликтных ситуациях некоторые люди объясняют свою страсть к отмщению желанием призвать

противоположную сторону к ответу. Жажда мести легко пробуждается, когда никто не отвечает за содеянное, когда нет общественного признания того или иного факта, виновников не судят и не наказывают. «Шкала справедливости», приведенная нами в главе 4 при обсуждении проблемы ответственности, показывает, как неудовлетворенная потребность в признании способна вылиться в стремление наказать, отомстить и убить. Мсть — это желание сравнять счет: «Теперь вам придется заплатить за то, что вы сделали». Чем больше мы настаиваем на том, что не несем никакой ответственности, тем сильнее другим хочется отомстить, чтобы мы все-таки были наказаны (1).

Причинить боль другому, чтобы не испытывать боль самому

Еще одна причина, по которой человеку хочется мстить, — желание вырваться из ловушки собственной боли. Этой подмены люди обычно не осознают. Один из способов хотя бы на время забыть о страдании — стать источником боли вместо того, чтобы самому быть ее жертвой. Нам хочется причинить боль другому. Так мы поступаем, например, в том случае, когда, ударившись пальцем о ножку стула, порываемся ударить стул в ответ. Мы словно ощущаем себя жертвой стула, когда пинаем его через всю комнату. Иногда мы перестаем чувствовать себя жертвой и отождествляем себя с источником боли для окружающих. В ином случае продолжаем отождествляться с собственной болью, а перемена ролей происходит неосознанно. Понемногу, ощущая себя жертвой боли, мы в поисках отмщения начинаем причинять боль другим. Эта динамика ложится в основу бесконечного цикла конфликтов с переменной ролей. Мы либо перескакиваем от одной роли к другой, либо играем обе роли одновременно. Такая тенденция может легко использоваться

для того, чтобы заставить людей или целые нации, вспоминая о причиненной им боли, в свою очередь, причинять боль другим.

Шэй приводит рассказ ветерана вьетнамской войны о своем ближайшем друге и сослуживце, который подорвался на mine, и о появившейся после этого жажде мести:

И мы искали, искали, искали. То, что от него осталось, выглядело почти как парик. Там были только его волосы. Только волосы. И мы положили их в мешок для трупа. Я плакал как ребенок.... А рядом шел конвой, солдаты, они смотрели на меня, а мне было на это наплевать. Я плакал, плакал, плакал. Потом я перестал плакать. После этого я, наверное, не плакал лет двадцать. Я отвернулся. У меня не было чувств. Я хотел причинять боль. Делать больно. Больно (2).

Фил Моллон так пишет о травме и насилии в нашем мире: «Кажется, что нас беспокоит какая-то невыносимая боль, единственным спасением от которой становится причинение боли окружающим» (3). Парадоксальным образом нашу внутреннюю потребность в смене ролей можно понять не только как желание освободиться от роли жертвы, но также и как неосознанное стремление разобраться в проблеме. В нашей психологии заложена склонность к смене ролей и жажда мести, но мы также способны и многое осознать. Отдельные люди и группы людей всегда заинтересованы в поиске альтернативы конфликту, они хотят выяснить, почему мы принимаем на себя эти роли и что заставляет нас менять их. Нам интереснее обсуждать особенности нашего взаимодействия, чем быть вовлеченными в круговорот событий. Если мы сумеем осознать свою склонность к этой смене ролей и отказаться от такого поведения, это может стать методом разрешения конфликтов.

Дать другим понять, каково это

Если в тот самый момент, когда люди стремятся к осуществлению мести, серьезно отнестись к их порыву и спросить, чего они хотят, они с большой долей вероятности ответят: мы очень хотим показать другому человеку (группе), каково это — чувствовать то, что пришлось перенести нам. При этом они могут быть глубоко уверены: узнай тот человек, каково это — испытать такую боль и унижение, он очнулся бы, изменился и что-то предпринял, чтобы положить этому конец.

Если вам удастся побудить к полному самовыражению людей, которые в пылу конфликта со всей яростью стремятся кому-то отомстить, они станут возмущенно кричать о своих страданиях и жестокостях, которые им пришлось вынести, о страданиях своего народа — и так до тех пор, пока кто-нибудь не почувствует то же самое, пока чье-то сердце не распахнется им навстречу и не разделит хотя бы малую толику их страданий. До тех пор пока другие не разделят боль и возмущение жертв насилия, в них будет сохраняться жажда мести, стремление вновь повторять все это.

Жажда мести может ощущаться как ненависть. Однажды на крупной международной конференции группа стала обсуждать конфликт между мусульманами и индусами в Индии. Речь зашла о страданиях, порожденных кастовой системой в индийском обществе. Один мужчина из касты неприкасаемых, срываясь на крик, начал рассказывать об ужасах этой системы угнетения, причиняющей столько боли, о том, что неприкасаемых не считают за людей. Он кричал и дрожал от ярости, возмущения и горя. Его возмущение было безмерным. Наконец он выкрикнул: «Я ненавижу, ненавижу, ненавижу вас. Вы угнетали меня четыре тысячи лет, и я буду ненавидеть вас еще четыре тысячи лет». Я помню, как в тот момент опустилась на пол с ощущением, что он затронул важнейшую

струну в трагедии человечества. Оттого, что он высказал все это в большой группе, в помещении возникло чувство благоговения и общности и возникло ощущение, что трансформация нашей истории возможна.

Ослабить внутреннее давление

Желание мстить может возникать, когда возмущение и боль подавляются, поэтому травма постоянно воспроизводится. Угнетатель — независимо от того, предстанет ли он в облики расиста, антисемита, фашиста или палача, — становится фигурой внутренней и продолжает угнетать и преследовать нас. Когда силы на исходе, он продолжает на нас нападать. Когда перестаем сопротивляться, он бьет нас снова. Такая внутренняя агрессия проявляется подсознательно как по отношению к самому себе и своей группе, так и вовне, по отношению к другим. Опять же подобное воспроизведение зачастую происходит автоматически, неосознанно.

Отказаться выносить унижения и встать в полный рост

В состоянии людей или группы, перенесших унижение и боль, наступает момент, когда они внезапно начинают ощущать свою силу, словно накопившиеся боль и страдания вдруг переливаются через край, заставляют расправить плечи, встать в полный рост и больше уже никогда не соглашаться на поражение. После Шестидневной войны 1967 года член кнессета Бен-Элиезер сказал: «Нас было не так мало, как все думают. На нашей стороне сражались шесть миллионов человек, которые шептали нам на ухо одиннадцатую заповедь: не дай себя убить» (4).

Это стремление встать в полный рост может вылиться в акт мести. Будучи посредником в переговорах при разрешении конфликтных ситуаций, человек имеет

возможность дать людям осознать этот момент подъема и поддержать их, в то же время не дав этой силе проявиться в попытке мщения. В эту минуту нужно поощрить человека воспользоваться вдруг проявившейся мощью для того, чтобы найти позитивные пути решения проблемы и изменения ситуации.

Отомстить за погибших и помнить о них

Некоторые говорят, что мстят за мертвых. Мечь выражает их преданность и любовь, а то и помогает установить связь с потусторонним миром. Жажда мести помогает противостоять чувству безысходности и может ощущаться как требование справедливости. Целью может быть воздаяние за погибших предков или товарищей или же уважение их памяти: «Это за тебя, любимый. Я убью этого подонка ради тебя и вырву его чертово сердце» (5).

ТРАВМА, ПОТРЕБНОСТЬ УБИВАТЬ, БЫТЬ УЧАСТНИКОМ СОБЫТИЙ И ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ СТРАДАНИЯМ

Согласно одному из объяснений циклической динамики насилия и стремления мстить, жажда мести и убийств — это попытка во всеуслышание заявить о своей истории и одновременно подвести ее к логическому завершению. Это стремление стать участником событий и больше не страдать от боли, уйти от кошмара, который возвращается вновь и вновь. Как это ни парадоксально, наша глубочайшая потребность остановить круговорот страданий толкает нас на мечь — и страдания продолжают.

ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ПОРОЧНОГО КРУГА

Таким образом, мы можем понимать воспроизведение травмы в форме ночных кошмаров, флешбэков и даже

жажды мщения как желание осознать события, «засвидетельствовать» их. Страдания и жестокость повторяются снова и снова, как будто призывая нас воспринять их, включить в свой опыт, рассказать о них и положить им конец. Возможно, это сулит обнадеживающую перспективу залечить коллективные травмы и справиться с постоянно воспроизводимым насилием. Психическая травма — прекрасное горючее для политических и социальных конфликтов. Работа с коллективной динамикой травмы в пострадавших от войны регионах и с хроническими конфликтами в обществе может помочь людям осознать свои проблемы, что, в свою очередь, необходимо для примирения сторон и разрешения конфликтов. В тех случаях, когда ситуация накалена, когда какое-то событие вот-вот спровоцирует социальный взрыв, необходимо проводить форумы, используя их как способ налаживания контактов и форму обсуждения взаимоотношений в обществе. Нам необходимо по-новому посмотреть на вещи и понять, как воспроизводятся конфликты, как манипулируют нашими сокровенными чувствами и как нам связать, объединить человеческую историю и закончить с бесчувственностью и отстраненностью.

Мы видели, как тяжело бывает травмированному человеку, когда одна часть его личности продолжает двигаться вперед, а травматический опыт останавливает событие, воспроизводит его, вторгается в жизнь в форме симптомов и подрывает силы. В таких случаях человеку необходимо рассказать свою историю, восстановить связь между событиями и вызванными ими эмоциями, которые оказались слишком тяжелы. Но на этот раз нужно не просто воспроизвести тот кошмар, чтобы снова страдать из-за него, а осознать происшедшие события и дать другим осознать их. Таким образом, человек с травмой находит возможность вернуться к жизни, не отгораживаясь от страшных воспоминаний, которые затем непременно вернуться в виде симптомов, а благодаря

Рис. 17.1. «Куда подевались цветы», художник Арпана Каур. Картина написана по заказу Музея Хиросимы в память о пятидесятой годовщине атомной бомбардировки

интеграции этой истории со всеми ее ужасами в свою жизнь. Группе или обществу, выслушивающим рассказ, необходимо тоже прочувствовать его и включить в коллективное повествование, чтобы иметь возможность двигаться вперед целостно, не затемняя фрагменты реальности и не пытаясь пересмотреть историю. Мир полон травматического опыта, повторяющихся флешбэков и кошмарных снов о вооруженных конфликтах. Сознание человечества непрочно. Весь мир — это наш клиент, страдающий от психической травмы. Вместе мы можем создать повествование о нашей общей истории, чтобы объединить все события с эмоциональной реальностью происходившего. При этом необходимо, чтобы все сообщества общались и взаимодействовали, иначе наш рассказ канет в ту пропасть, которая нас разъединяет.

Тех, кто пережил американскую атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, называют «хибакуша» (6). Они занимают очень важное место в японском обществе и в мире как свидетели ядерного взрыва и пострадавшие от его последствий. Около 300 000 человек погибли в Хиросиме и Нагасаки и десятки тысяч стали свидетелями, пережив этот кошмар, а мир продолжал наблюдать. Многие праздновали окончание войны. Историки

не могут прийти к согласию, была ли Япония в тот момент готова к капитуляции. В этом случае бомбардировка — не только невообразимо жестокий, но еще и бессмысленный акт. Или она все же помогла спасти чьи-то жизни? Хибакуша верят, что им выпала важная роль быть свидетелями происшедшего и поведать эту историю человечеству ради его будущего. Они уверены, что никакие аргументы в пользу ядерных арсеналов не сопоставимы с тем, что они видели. Становясь старше, они продолжают настойчиво рассказывать эту историю, чтобы заставить общество разобраться в своих проблемах, чтобы мир не забывал об этой трагедии (7).

ФОРУМЫ

В главе 3 мы говорили о том, как трибуналы и Комиссии правды и примирения помогают обществу рассказывать свои истории, заполнять белые пятна и осознавать происшедшее. Важным аспектом работы Комиссий правды и примирения является то, что за событиями и реакцией на них одновременно наблюдает много людей. Истории рассказываются по возможности наиболее полно, чтобы все общество могло двигаться дальше. Мы также увидели и ограниченность трибуналов и Комиссий правды и примирения, способных иметь дело лишь с небольшими фрагментами истории, удовлетворять потребность в определении ответственности только небольшой части общества, помогая ей двигаться вперед.

Наш опыт по проведению форумов в регионах, пострадавших от войн и затяжных конфликтов, позволяет предположить, какую значимость могли бы приобрести подобные форумы, если бы стали нормой общественной практики, давая возможность повсеместно решать вопросы ответственности и справляться с психической травмой. Форумы могут проводиться под эгидой как правительственных, так и неправительственных организаций

(НПО), в качестве совместных проектов различных организаций, а также по общественной инициативе и в рамках международных усилий по урегулированию конфликтов. Подобные форумы полезно проводить в крупных городах, перед которыми стоят вопросы разрешения социальных конфликтов (8), а также в зонах боевых действий и в пострадавших от войны регионах. Форумы могут успешно проводиться как форма городского собрания, а также при решении спорных вопросов в организациях и между организациями. Сотрудничество между организациями в процессе построения сообщества чрезвычайно важно. Организации, работающие с населением в областях здравоохранения, социальной сферы, образования, законодательства, охраны прав человека, охраны правопорядка и управления, естественным образом сталкиваются со сложностями и иногда даже затрудняют друг другу работу. Этот эффект многократно усиливается в зонах вооруженных конфликтов. В Хорватии, как и во многих зонах боевых действий, зачастую возникали трения между НПО и правительственными организациями, их интересы приходили в противоречие. В ходе реализации нашего проекта в Хорватии спонсорская организация прилагала особые усилия к тому, чтобы расположить к нашей работе и объединить людей из правительственных организаций, НПО, международных организаций, а также представителей местной власти.

Понимание того, что травма — явление коллективное и его следует осмыслять в рамках общественных форумов, должно лежать в основе любых попыток предотвратить вооруженные столкновения, которые подпитываются застарелыми травмами. При серьезном намерении разрешить конфликт это соображение непременно следует учитывать. Работая в регионе, где бушует конфликт и ставшем эпицентром травмы невероятного масштаба, я поняла, что каждый раз, затрагивая острый вопрос, мы задеваем очаг боли, незаметный при

каждодневном общении. Фасилитатор должен отдавать себе отчет в высокой вероятности проявления травматических симптомов. В то же время, избегая острых вопросов, мы просто-напросто обходим травму. Таким образом, фасилитаторы в конфликтных ситуациях и переговорщики должны обладать особыми навыками, осторожностью и знаниями, необходимыми для понимания коллективной травмы и работы с ней, а также для безошибочного обращения с «болевыми точками» (9) конфликта.

КОГДА СООБЩЕСТВА НЕ МОГУТ ПРИМИРИТЬСЯ. ДЕЙСТВИЕ ТРАВМЫ

В ситуациях, когда жестокость разделяет общество на два непримиримых лагеря, для каждого из этих лагерей может оказаться чрезвычайно полезным проработать коллективную травму. Потребность в размежевании нередко бывает самым замысловатым образом переплетена с потребностью в безопасности и страхом возобновления насилия и симптомов травмы.

Сейчас, спустя более чем 10 лет после войны и жестокостей в хорватском Вуковаре, город все еще стоит в руинах. Люди живут в условиях почти полного апартеида. Начиная с пивных баров и заканчивая детскими площадками, вся жизнь хорватов и сербов протекает раздельно. На городском собрании был сделан ряд замечаний по поводу отсутствия на этом и других собраниях людей, с которыми можно было бы обсудить вопросы гуманитарного характера в регионе. Используя простую методику процессуально-ориентированной работы, мы предложили — если есть желание обсудить гуманитарные вопросы с отсутствующими лицами — сделать это в диалоге с их «ролями». Мы поставили стул, призванный представлять «роль». К удивлению самой группы, ей неплохо удалось сформулировать взгляды и обозначить опыт противоположной стороны.

Выступая в этой роли, одна женщина начала рассказывать о разрушительной травме: «Когда вы говорите о том, что “мы” не приходим на встречи, вы игнорируете реальность... Если вы не готовы понять, что нам пришлось пережить и какова наша травма, как мы можем встречаться с вами?» Атмосфера радикально изменилась. Мы с моим коллегой Лейном приостановили обсуждение, чтобы отметить, сколь сильна психическая травма во всем регионе, как среди отсутствующих, так и среди присутствующих в помещении. Многие поняли, что не вполне осознавали масштабы собственной травмы из-за страха перед ее грандиозностью, из-за необходимости не обращать на нее внимания, быть активными, двигаться вперед и восстанавливать свое разрушенное сообщество. Травма была очень распространена, но надо было продолжать жить дальше, поэтому ее считали неизбежным злом, с которым нужно просто смириться. Каждый был травмирован. Некоторые отмечали: для того, чтобы воспринять и понять травматический опыт других, им необходимо освободить пространство для работы с собственной травмой, а стремление забыть о прошлом, хотя и вполне понятное, разрушает их усилия по воссозданию сообщества.

Мы почувствовали, что все это указывает на способ работы, необходимый для данного региона, — внутренний диалог в рамках каждого из сообществ на тему всеобъемлющей травмы, и лишь после того, как сообщества проведут эту работу, они смогут начать взаимодействовать между собой. Глубокая травма оказывает влияние на весь процесс социального и экономического развития.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ФОРУМЫ

Существует непосредственный и весьма действенный метод работы в сообществах, суть которого состоит

в совмещении форума и театра. Это привносит в процесс элемент ритуального действия и чувство защищенности. Театр создает пространство для выражения и проработки тех проблем и эмоций, которые не попадают в фокус общественного внимания. Сам по себе являясь форумом, театр способен любое событие сделать достоянием общественности и в то же время открыть во всем нечто скрытое, некие творческие и вдохновляющие элементы. Автор метода психодрамы Дж. Л. Морено¹ изначально занимался общественными и политическими проблемами (10). «Театр угнетенных» и «законодательный театр» Аугусто Боалья² дает нам возможность попробовать себя в решении политических и социальных вопросов (11). Сейчас я и мои коллеги работаем в живом импровизированном театре и пытаемся решать с группами общественные проблемы, сочетая элементы форума и ролевой игры (12). Этот метод можно считать одновременно древним и современным. Особая сложность и важнейшая цель такой работы состоит в выработке правильного подхода к людям, перенесшим общественную травму. Шэй пишет о том, как древние греки боготворили Гомера, рассказчика и врачевателя душ. В «Одиссее» Гомер создает портрет эпического певца, который исцеляет рассказами о Трое — они столь правдивы, что заставляют старого воина Одиссея плакать (13).

¹ *Морено Джекоб (Якоб) Леви* (1889—1974) — психиатр, психолог и социолог. Основатель методов психодрамы и социометрии, один из пионеров групповой психотерапии. Родился в Бухаресте, вырос в Вене. В 1925 г. переехал в США. Работал в Нью-Йорке, в основном с детьми. Создал научную школу. — *Примеч. пер.*

² *Боалья Аугусто* (род. 1931) — бразильский театральный режиссер, писатель и политик. Создатель «Театра угнетенных» — системы, в которой театр используется для получения знаний, трансформации внутреннего мира и взаимоотношений с другими людьми. — *Примеч. пер.*

ЛИЧНОСТНЫЕ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ И ТРАСПЕРСОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАВМЫ

Для того чтобы вырваться из порочного круга психической травмы, необходимо понимать личностное, коллективное, а также трансперсональное измерения травматического опыта. Нет ничего более интимного, более личного, чем опыт столкновения лицом к лицу со страхом, когда вы потрясены до глубины души, потому что предали ваши сокровеннейшие ценности и представления о том, что может с вами случиться и что вы можете вынести. Такие переживания — самое интимное, чем может поделиться человек. Но в то же время травма не может касаться только одного человека, она затрагивает также его семью, группу и общество. Психическая травма — это общественное и политическое явление. Если симптомы травмы рассматриваются лишь в качестве личной психологической проблемы, это может обострить последствия травмы, оставляя человека в изоляции. В этом случае его отделяют от общества и признают больным (14). Подобная тенденция в обществе связана с желанием не принимать подобные истории близко к сердцу и выталкивать травматический опыт вовне, откуда он еще более настойчиво продолжает вторгаться в сознание.

Кроме того, травма имеет и трансперсональное измерение. Она как бы стирает из памяти личную историю человека, ослабляет его связь с самим собой до травмирующего события. Повидав худшие стороны человеческой природы, можно легко впасть в отчаяние и чувство безысходности, заработать истощение и утратить связь с повседневностью и с самим собой. Однако иногда травматический опыт переносит человека в другие измерения, за рамки личности и повседневности, за грань жизни и смерти, связывая его со сверхъестественным источником духовности и сострадания. Хотя травма предполагает предательство доверия и сокровенных идеалов, после

подобного крушения базовых ценностей иногда возникает новая связь с более глубоким трансперсональным источником. Осознание трансперсональных и духовных измерений травматического опыта очень важно для понимания того, какие ресурсы и возможности есть у людей и сообществ для борьбы с психической травмой, особенно при работе с застарелыми конфликтами, в которых общество переживает психическую травму уже на протяжении многих поколений.

ВРЕМЯ И ТРАВМА

Травмирующие события застывают во времени, но не в качестве воспоминаний, а как события настоящего, вновь и вновь возникающие перед нами. Наши привычные представления о пространстве и линейном времени при этом разрушаются. Странные ощущения в теле, отрывочное восприятие и провалы в памяти создают жуткое чувство: как будто вы вышли за рамки общепринятого понимания реальности и линейного времени. Опыт пребывания вне времени может заставить человека с ужасом почувствовать, как он теряет связь с реальностью, сходит с ума. С другой стороны, он может ощутить, что он прикасается к вечности и, будучи оторванным от реальности, в определенные моменты обретает связь с чем-то бесконечным, влекущем за собой, с чем-то духовным, находящимся за пределами циклического конфликта.

ГОРЕ, РИТУАЛ И РАССТАВАНИЕ

Чтобы жить и двигаться дальше после потери или травмирующего события, нужно уметь испытывать горе. Переживание горя помогает осознать трагедию и одновременно почтить память погибших, попрощаться с ними. Ритуалы похорон и кремации нужны не только для того, чтобы проститься с погибшими и почтить их память, но

Рис. 17.2. «Мать солдата»,
художник Арпана Каур

и чтобы получить возможность жить дальше. Если тела погибших найти не удастся, люди не могут обрести спокойствие. История остается незавершенной и продолжает нас преследовать. Массовые захоронения становятся символом войны и трагедии недожитых жизней, а также страниц нашей истории, которые не удастся перевернуть. Еще хуже, если не удастся обнаружить даже массовых захоронений. Когда мертвые пропадают бесследно, выжившим трудно жить дальше.

Некоторые рассказывают, что, потеряв любимого человека, вдруг понимают, что им следует его отпустить, перестать удерживать своими мыслями о нем и незавершенных делах, чувством печали. Мы как будто чувствуем, что мертвый хочет и заслуживает того, чтобы быть отпущенным из этого мира на свободу. И если мы его отпустим, то сможем сами приобщиться к той свободе мертвых, которая выше печали из-за незавершенной земной истории; она — часть нашей души, которая позволяет

прикоснуться к чему-то вечному. По традиции индуизма, когда кто-то умирает, зажигают огонь. После кремации наступает период молитвы. На десятый день после смерти огонь относят к морю. Его опускают в море для того, чтобы показать духу, что его больше ничто не держит в прошлой жизни и он может продолжить свой путь в потусторонний мир.

СОЧУВСТВИЕ И ИНТЕРЕС К ЖИЗНИ

В травмирующих событиях нет ничего романтического, и то опустошение, которое они приносят с собой в жизнь человека, невозможно переоценить. Но, несмотря на это, иногда люди, перенесшие травму, со временем обретают способность воспринимать не только весь собственный опыт, но и опыт других людей — в их сердце остается место для чужих невыразимых трагедий и вместе с тем откуда-то берутся удивительные задор и жизнелюбие. В каком-то смысле эти люди совершили путешествие на ту сторону бытия и вернулись. Это дает им особое ощущение свободы, так как им больше нечего терять. Они возвращаются назад из любви к жизни, их глубоко интересует этот мир, возможно даже больше, чем когда бы то ни было, но какая-то часть их существа уже

Рис. 17.3. Мемориал в Вуковаре

свободна и находится вне времени, вместе со своими предками.

Независимо от того, пережили ли вы лично психическую травму или вам посчастливилось этого избежать, все мы, живущие в этом мире, участвуем в динамике коллективной психической травмы. Исторические раны до сих пор не зажили, и мы не можем просто забыть о них, продолжая жить и двигаясь вперед. Если мы пытаемся это сделать, травматические события возвращаются и переигрываются. Из-за травматического опыта человек перестает чувствовать взаимосвязь с событием и вместе с тем постоянно ощущает на себе его давление. Под влиянием травмы то же самое происходит и с нашим восприятием мира: мы чувствуем отстраненность от общемировых проблем, и одновременно они воздействуют на нас, вовлекая в повторяющийся кошмар. Наше сострадание могло бы проявиться в том, чтобы, набравшись мужества, мы приняли близко к сердцу историю нашего мира и не отгораживались от мировых событий.

ЧАСТЬ

4.

**Боевой клич —
измененные**

СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ

во время

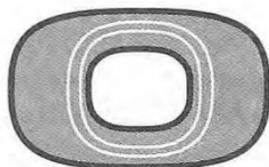
ВОЙНЫ

Глава 18. По ту сторону обыденного

ПРОГУЛКИ

днажды прекрасным теплым вечером в Хорватии сразу после ужина наша группа отправилась на прогулку вдоль берега моря. Небо над головой было полно звезд. Я беседовала с одним из участников форума, который уже присутствовал на наших предыдущих занятиях, и мне было приятно снова увидеть его. Я поинтересовалась его жизнью, и он немного рассказал мне о своей работе. Мы шли все быстрее и вскоре зашагали в молчании. Спустя несколько минут мы обменялись репликами по поводу того, как хорошо так вот пройтись, и он сказал: «После войны я все время ходил пешком. Это единственное, что меня спасало. Я прошагал многие мили. Когда

наш город был атакован, я участвовал в сопротивлении и почти не спал. Ночами напролет я ходил и бегал по всему городу — кого-то встретить, передать сообщение, — а вокруг рвались гранаты. Казалось, что они пролетают прямо у меня над ухом или сквозь меня, но не могут причинить мне вреда. Я не мог умереть. Я точно знал, что не могу умереть. Как будто я уже умер. Я чувствовал воодушевление, связь с чем-то большим, чем жизнь и смерть, — с Богом. После окончания войны я впал в депрессию, такую же глубокую, каким приподнятым до этого было мое настроение. Все, чего я хотел, — умереть и лежать в земле. Большинство моих друзей лежало в земле. Все, чего я хотел, — присоединиться к ним».

Затем он продолжил: «Именно тогда я начал ходить на прогулки. Это был мой единственный способ не терять связи с жизнью и с Богом. Я гулял изо дня в день — недели, месяцы и годы, — я прошагал сотни миль». Пока он рассказывал эту историю, мы продолжали идти, и я смотрела себе под ноги, внимательно слушая его рассказ. Оглянувшись назад, я увидела, что наши друзья заметно отстали.

Война выхватывает людей из повседневной жизни с какой-то мистической силой. Она не только прерывает течение жизни, приводит к ужасным потерям в семье и обществе, к потере жизненных целей и всего того, что когда-то имело для них значение, но, кроме того, время от времени люди испытывают соприкосновение с чем-то находящимся за гранью их индивидуальной жизни. Некоторые ощущают присутствие духа и чувствуют связь с неким всеобъемлющим смыслом, который превышает жизни и смерти, — это вызывает восторг и даже пьянит. Каждая секунда отпечатывается в сознании с предельной ясностью. В гуще трагических и травмирующих событий войны может казаться, что весь остальной мир где-то очень далеко, что он недостижим.

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

При измененных состояниях сознания (altered states) — восприятие, эмоции, настроение и ощущения лежат за гранью того, что принято называть «нормой». Это в равной степени относится и к общественным «нормам», и к личным. Если человек всегда подавлен, то внезапный подъем настроения можно считать измененным состоянием. Если кто-то все время пьян, то необычна трезвость. Измененные состояния также могут приоткрыть дверь в глубинные измерения нашей коллективной психики, где мы сражаемся с демонами и бесами, где мы ощущаем связь с бесконечностью и самим Творцом.

На индивидуальном и коллективном уровнях многие из нас чувствуют значимость проникновения в эти глубинные измерения жизни, что отражено в ритуалах и духовных практиках всех мировых культур. Некоторых подобные переживания сопровождают в течение всей жизни, являясь постоянным источником ее смысла. Другие же почти не ощущают связи с чем-то запредельным или необычным. Зачастую лишь на пороге смерти, или столкнувшись со смертельной опасностью, люди переживают такое смещение перспективы, как будто они наблюдают происходящее одновременно изнутри и извне и видят свою жизнь как часть бесконечной мировой истории.

Подобные явления можно понимать как влияние архетипов на наше личное и коллективное развитие. Эти силы имеют множество проявлений, описанных в мифах, сказках и священных текстах различных религий мира. Нам нравится открывать тайны жизни и принципы творения. Мы ощущаем вдохновение и создаем произведения искусства, сочиняем музыку. Нас охватывает жажда исследований. Но стремление найти причину и смысл за пределами повседневной идентичности, превзойти

рамки эго и ощутить связь с бесконечностью, преданность и способность быть частью общества — все эти великолепные проявления человечности могут использоваться и для того, чтобы спровоцировать нас на участие в войнах и насилии.

«Зов потустороннего» затрагивает наши самые глубокие чувства. Мы готовы забыть о своей повседневной жизни, ради того чтобы осуществить нечто важное, что может оказаться нашим психологическим и духовным призванием и связано с выходом за узкие рамки повседневной идентичности, а также с опытом прикосновения к универсуму и даже бесконечности. Если мы не до конца осознаем эти тенденции, то нашу склонность к «измененным состояниям» очень легко эксплуатировать, ибо она открывает нам путь прочь от обыденного к чему-то удивительному и экстраординарному.

ВО ИМЯ БОГА

Эта тенденция эксплуатируется не только скрытым образом. Во все времена религия играла в войнах ключевую роль. Мы призываем к насилию во имя духовности, во имя Бога. Религиозные организации всегда практиковали насилие как против своих адептов, так и против своих врагов — реальных или воображаемых. Люди обращаются к Богу для оправдания насилия, точно так же как они обращаются к Нему ради обоснования своего сопротивления или для того, чтобы примириться с разрушениями и потерями (1).

От своих вождей мы ожидаем возбуждения чувства нашей связи с некой высшей причинностью. Лидеры мобилизуют нас, а мы мобилизуем лидеров. Войну питают самые священные и чудесные аспекты жизни человека, который горячо жаждет, чтобы великая мечта и любовь сообщества подняли и понесли его вперед. Людьюми движут преданность и способность приносить в жертву

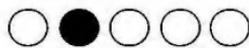

В войне 1967 года израильтяне не только отстояли свою землю, но и заняли новые области, которые с тех пор носят название «оккупированных территорий». Люди ликовали. После длительного периода враждебности по отношению к евреям, которая вылилась в ужасы Холокоста, у них возникло чувство торжества справедливости, всеобщего подъема, возврата на «землю обетованную» — не просто борьбы за существование, но обретения давно утраченного «дома». Измененное состояние при праздновании победы не позволило израильтянам разглядеть сложное положение палестинцев и те проблемы, к которым ведет эта «победа».

Интифада черпала свой потенциал в тех измененных состояниях сознания, которые возникают из ощущения новых возможностей, свободы и силы. Дух сопротивления укрепляется благодаря чувству связи

Рис. 18.2. Чарли Чаплин в роли Гитлера в фильме «Великий диктатор»

с высшим смыслом, который находится за гранью этой полной страданий жизни, за гранью жизни и смерти. Кое-кто празднует осуществление жестоких террористических актов, несмотря на всю их бесчеловечность, несмотря на непременно следующие за ними санкции израильской армии и новый цикл насилия. Одна из причин этого — необычное состояние опьянения, связанное с ощущением могущества и осуществления возмездия. Даже мимолетные чувства подобного рода нельзя недооценивать, так как они помогают людям мечтать о светлом будущем.

Волнующее чувство победы, свободы и могущества возбуждает, лишает способности думать о последствиях, не говоря уже о сочувствии противоположной стороне. Пропаганда раздувает этот огонь, а также намеренно и явно эксплуатирует подобные измененные состояния сознания.

ПАРЯ НА КРЫЛЬЯХ «ВЫСОКОГО МИФА»

Попробуйте затронуть «высокий миф» (2) человека, и вы поймете, что так можно пробудить или, наоборот, уничтожить его волю к жизни и веру в человечество. Кроме того, таким образом можно вызвать патриотические чувства, националистический гнев и желание убивать.

Паря на крыльях «высокого мифа», мы чувствуем себя на вершине мира и ликуем. Он делает нас уверенными в себе, почти всемогущими, неуязвимыми, мы готовы всем сердцем отдаться правому делу, но при этом снижается наша способность видеть контекст происходящего. Если вы когда-нибудь влюблялись, то, возможно, помните себя в состоянии «высокого мифа», опьяненных тем, что ваша мечта сбылась. Наконец-то, идеальная пара! Выражение «любовь слепа» удачно описывает «высокий миф». Мы видим совершенство и не способны разглядеть недостатки своего партнера — пока что. Но так

и должно быть. Мечта помогает нам установить связь с тем, что выходит за рамки нашего обыденного мира и привычек, и если нам повезет, мы найдем взаимную любовь на долгие годы.

«Высокий миф» ведет нас за собой и придает жизни смысл, но в то же время когда мы находимся в состоянии «высокого мифа», то редко ведем себя в соответствии со своими идеалами. Напротив, мы как будто впадаем в ступор, и нас легко одурачить как в личной, так и в общественной и политической жизни. Из-за доверия к «высокому мифу» многие люди начинают верить всему, что им говорят, не задавая вопросов и не раздумывая.

ПРИТЯЖЕНИЕ «НИЗКОГО МИФА»

«Высокий миф» может упасть и разбиться о кажущуюся нам ужасной реальность. Мы впадаем в отчаяние, чувствуя горечь и безысходность, убежденные: ничто уже не изменится к лучшему.

Проснувшись однажды утром, мы обнаруживаем, что партнер больше не выглядит как отражение наших фантазий. Эта минута может ознаменовать начало настоящих отношений вместо игры с «высоким мифом», но подобное пробуждение и столкновение с реальностью иногда связано с большими сложностями.

Состояние «низкого мифа» бывает очень трудно выносить, но в то же время оно необъяснимым образом притягивает нас. Мы впадаем в экзистенциальную депрессию, нас охватывает чувство безысходности, страсть к покаянию, или же мы теряем силы, становясь безразличными ко всему. Возникает беспокойство и ощущение, что оказался в ловушке. «Низкий миф» также часто используется в политике и на войне.

Когда мы чувствуем свою сопричастность к происходящему, «высокий миф» делает возможным все.

Когда мы чувствуем себя отверженными, его сменяет «низкий миф». Молодые люди, которые чувствуют, что общество отвернулось от них, становятся жертвами «низкого мифа», но жизнь молодежных банд пробуждает в них «высокий миф» и чувство принадлежности. Возникновению чувства разобщенности с людьми могут способствовать и привилегии. Ощущение безысходности, оцепенение или серьезная депрессия характерны для оторванных от общества подростков из привилегированных семей, которым незнакомо чувство ответственности. В США были случаи, когда подростки впадали в ярость и расстреливали своих одноклассников и учителей. Они были готовы умереть и убивать других, ассоциируя себя с безысходностью и манией (3). На протяжении всей истории человечества во всем мире низкие и высокие мифы молодежи и даже детей использовались для того, чтобы отправлять их на войну.

ПАТРИОТИЗМ И ПОДДЕРЖКА ТЕРРОРИСТОВ

Чувство безысходности может обернуться приверженностью некоему великому делу, хорошему или плохому, готовностью отдать за него свою жизнь. Террористические акты, особенно с участием «живых бомб», произрастают из причудливого сочетания низкого и высокого мифов человека и его политической страсти.

В США страшные события 11 сентября 2001 года вызвали не просто волну страха, возмущения и печали, но и сплотили общество, привели к стремлению объединиться и высоко поднять свое знамя. Хотя большая часть мира была шокирована и выражала свои соболезнования, были и такие, кто впал в состояние «высокого мифа», связанного с новой возможностью поразить политическую и экономическую систему США в самое сердце, хотя бы символически.

НАЦИОНАЛИЗМ

Единство культуры

Национализм — это политический принцип, согласно которому основным связующим фактором в обществе является культурное единство (4). В радикальной версии национализма единство культуры становится необходимым и вместе с тем достаточным условием для полноценного включения человека в ту или иную общность; лишь представители соответствующей культуры имеют право принадлежать к этой общности и обязаны к ней принадлежать. Следующим шагом становится ликвидация всех прочих. Для понимания того, как зарождаются националистические движения, очень важно учитывать роль высоких чувств в подобных процессах.

То, что «нация» — это принадлежность к определенной культурной или этнической группе, преподносится как «факт». Как было описано в частях 1, 2 и 3, исторические несправедливости и травмы могут использоваться для провоцирования страха и возмущения, и при этом сопротивляющиеся режиму группы подвергаются демонизации, дегуманизации и обвиняются во всех бедах сообщества. Все эти действия подогреваются нашими глубочайшими чувствами, связанными с самоопределением, чувством дома, родной земли и любви к сообществу. Националистические движения рождаются и существуют благодаря тому, что мы эмоционально их поддерживаем.

Самоопределение и гордость

Национализм возникает на гребне борьбы за самоопределение, как ответ на желание избавиться от гнета и угроз существованию сообщества. Мы хотим выживать, процветать, отстаивать свою идентичность и автономию,

хотим иметь чувство собственного достоинства и гордиться своей культурой, историей и будущим. Мы отстаиваем право на свое место на этой земле, где сможем жить согласно своей природе как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Когда мы лишаемся этого права на безопасность и самоопределение, то испытываем невыносимую тревогу.

Дом и земля

Мы жаждем спокойствия, хотим чувствовать себя «как дома». Ощущение надежной опоры появляется, когда соблюдаются основные права человека, связанные с безопасностью и включенностью в сообщество. Этому также способствует ощущение связи со своей собственной историей и опытом. Выше были описаны случаи, когда травма разрушала эту душевную опору — и у индивидуумов, и у целых сообществ. Когда мы восстанавливаем эту связь со своей личной историей и историей своего общества, может возникнуть чувство «возвращения домой». Чувствовать себя «как дома» помогает также связь с духовным источником, и некоторые люди везде чувствуют себя как дома. Для кого-то это ощущение связано с природой или с определенным местом. Любовь к природе и родной земле глубоко укоренена в наших душах. Есть и такие, кто воспринимает родные места как собственное тело или тело матери. Разлука со своей страной может восприниматься как утрата своего тела, матери или выпадения из жизни сообщества. Чувство дома может быть связано с ощущением своего тела, его глубоких, едва различимых импульсов и ритмов, как источника бытия и влечения к жизни.

Национализм зачастую является результатом стремления обладать исторической территорией, которое будит поэтический, духовный и сентиментальный голод. Недостаточно осознанное отношение к земле, к особой

связи с землей — нашей собственной и других людей — приводит к мучительным конфликтам, к эксплуатации территории и друг друга.

ЖАЖДА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К СООБЩЕСТВУ

Чувство принадлежности к сообществу дает человеку возможность участвовать в его делах. В то же время это стремление принадлежать к сообществу, если оно не осознается, может быть легко использовано для разжигания войны. Мы сентиментальны и легко заражаемся романтизмом. Снайперы напевают народные песни и песни о любви.

Важно подчеркнуть, что наши качества, которые так легко использовать в совсем не благих целях, не сами по себе уводят нас в сторону национализма, неприятия инородцев или геноцида. Для того чтобы это произошло, кто-то тщательно, неукоснительно и систематически манипулирует этими нашими качествами.

ОСНОВНОЙ ИНГРЕДИЕНТ — НАИВНОСТЬ

В ходе националистических кампаний и этнических чисток бандиты и преступники становятся героями войны. На Балканах боевики действовали в тесном сотрудничестве с государством. В нацистской Германии молодчики в коричневых рубашках помогали нацистам обеспечивать послушание, терроризируя население.

Тем не менее одной лишь грубой силы недостаточно. Чтобы процесс пошел быстрее, проще и эффективнее, необходима существенная доля наивности. Поэтому в первую очередь часто проводится работа с молодежью. В 30-е годы молодежное движение нацистов вызывало большой энтузиазм у юного поколения. Оно насаждало позитивные ценности и дисциплину, эксплуатируя дух единства и преданности. Крайне правые и сторонники

превосходства белой расы в Европе и США до сих пор обращаются со своими пропагандистскими посланиями именно к молодежи.

Для борьбы за националистические идеи требуются наивные юные умы. Конечно, не все молодые люди наивны, да и наивна бывает не только молодежь. Слово «юный» употребляется здесь скорее символически, но оно не становится от этого менее актуальным. Пробудившись от своей наивности, мы могли бы предотвратить многие вооруженные конфликты. Пробуждение подразумевает осознание этих «юношеских» черт в каждом из нас.

УМ НОВИЧКА

Можно сказать, что наивность рождается из сочетания «высокого мифа» и недостатка сознательности. Но у наивности есть близкий родственник — «ум новичка». Этот термин используется в буддистской философии. «Умом новичка» обладает исследователь, открытый для восприятия того, что лежит за пределами его теории или парадигмы. Этой непосредственностью обладают оригинальный художник и духовный практик. Это качество дает людям способность в тот или иной момент жизни изменить свою позицию и посмотреть на вещи с противоположной стороны, оно позволяет нам нарушить статус-кво и не плыть по течению.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Понятие жертвы связано со способностью отказываться от своих предубеждений. Принесение в жертву подразумевает отказ от привычной идентификации или права на собственность. В философии индуизма жертвоприношение является ключевым моментом при поиске контакта с источником творения. «Чтобы получить творческий

импульс, необходимо принести себя в жертву, тогда Дух сможет проявить все свое богатство и могущество во внутренней жизни человека» (5). В индийской религии и мифологии Ганеш (бог с головой слона) считается владыкой всех начинаний. Он пребывает в той точке, где мы расстаемся со старой реальностью и вступаем в новую жизнь, в новые врата восприятия. Он находится между прошлым и будущим и помогает свершиться изменениям во всех необычных ситуациях, с которыми мы сталкиваемся в жизни. Богиня Кали выступает в качестве разрушительного аспекта времени. Она разрушает мирскую сторону сознания, позволяя по-новому взглянуть на мир (6). Церемонии принесения жертвы, включая символические подношения, тоже призваны наладить связь с бесконечным. Пожертвовать собой означает радикально обновить свою личность за счет трансформирующего прикосновения Божественного.

Какими бы ни были наши личные верования или религиозная принадлежность, наша способность приносить себя в жертву связана с наиболее важными

Рис. 18.3. Жертвоприношение, индийский религиозный праздник Пуджа. (Фото Алекса Джонсона.)

Рис. 18.4. «Жертвоприношение Исаака». Рембрандт Харменс ван Рейн

переживаниями человечества. Индуистская религия учит тому, что через самопожертвование и работу во имя Бога человек может преодолеть путы этого мира иллюзий. В буддизме, как и в индуизме, термином «сансара» обозначаются вовлеченность человека в бесконечно повторяющиеся циклы конфликтов и его заблуждения, когда он в эти конфликты погружен. Связь с Божественным стимулирует творческую энергию, способную остановить и разрушить этот круговорот. В христианской религии ценится самопожертвование и способность отдать свою жизнь во имя высшей цели. Ислам тоже отдает должное жертве на благо общества и во имя будущего. Независимо от религии человека медитация и молитва являются актами предания себя Божественной силе, что раскрывается в символике ритуальных «подношений».

Самопожертвование может стать ключевым моментом на пути личностного и духовного развития. Тем не менее человеческая душа очень легко подпадает под власть «высокого мифа» духовности: вместо того, чтобы

развивать в себе сознательность, мы утрачиваем чувство личной ответственности и одурманиваем себя. Чогъям Трунгпа¹ описывал преданность целям и результатам духовной работы, а также сопутствующие этой преданности настроения как «духовный материализм» (7). Многие ситуации требуют особенно сознательного отношения. В психотерапевтической работе и во взаимоотношениях учителя и ученика важно быть очень внимательными.

Преданность и способность жертвовать собой может выражаться в привязанности к определенной группе, в верности духовному вождю, политическому лидеру или идеологии. Врожденная склонность человека быть верным и приносить себя в жертву — великий дар, который очень легко эксплуатировать. Националистические лидеры, призывая к абсолютной преданности, могут рассчитывать на эту преданность и жертвенность и быть уверенными в ней.

ПРЕДАННОСТЬ И ЛЮБОВЬ НА ВОЙНЕ

Если вы спросите у людей, каковы психологические и эмоциональные факторы, заставляющие их участвовать в войнах, они назовут ненависть, предрассудки, злобу и агрессию. Однако войнам всегда сопутствуют преданность и любовь. Преданность своей стране развивается из способности чувствовать себя частью коллектива, заботиться о чем-то гораздо более важном, чем личное выживание.

Степень любви солдат друг к другу не уместается в рамки товарищеских и дружеских взаимоотношений. Шэй приводит слова ветерана вьетнамской войны: «Я превратился в курицу-наседку. Это было примерно так: “Давай, давай, давай, скорей сюда, бежим! Теперь

¹ Трунгпа Чогъям (1940–1987) — буддийский мастер медитации, ученый, поэт и художник. Много сделал для распространения тибетского буддизма на Западе. — *Примеч. пер.*

Рис. 18.5. «Отец целует сына на прощанье», плакат Государственного политического управления, Россия, около 1939 г.

Рис. 18.6. «Ты нужен своим друзьям». Вербовочный плакат времен Первой мировой войны, Англия

пригнулись все! Отлично, держимся. Теперь на землю — лежи, черт возьми, не волнуйся! Спокойно, ребята!” Это твердо вошло в привычку. Я смотрел на остальных пятерых парней как на собственных детей» (8).

Шэй пишет: «У сражающихся плечом к плечу мужчин боевая ситуация вызывает к жизни страстную заботу друг о друге. Ее можно сравнить разве что с самыми ранними, детскими и глубокими чувствами по отношению к близким родственникам. Мы часто слышим, что гибель одного однополчанина сломала жизнь другому, выжившему, и его судьба безнадежно разделилась на периоды до и после гибели товарища» (9).

Связь между солдатами в бою чрезвычайно сильна — солдаты зачастую ценят жизнь своих товарищей выше собственной и опасаются потерь среди друзей больше, чем собственной гибели. Готовность к самопожертвованию является неотъемлемой частью любого сражения. Любовь и преданность, на которые способен человек, готовность погибнуть за другого — прекраснейшие качества человеческой природы, и именно их используют для того, чтобы посылать мужчин и женщин на войну.

Глава 19. Со всеми заодно

ЕДИНСТВО

Во времена ужасных, тяжелых событий мы забываем о повседневных заботах. Оставаясь самими собой, мы оказываемся способными выйти за пределы собственно «я». Ограничения личности и мирские заботы словно испаряются, и мы чувствуем полное единение с обществом, планетой и всей Вселенной. К подобному эффекту могут приводить критические ситуации. Я жила в Лос-Анджелесе, когда в 1994 году там произошло крупное землетрясение. Помню, как мы с соседями, потрясенные, толпились на улице, вертя в руках радиоприемники, и впервые искренне радовались встрече друг с другом. В течение следующих недель прекрасное чувство общности, которое обычно напрочь отсутствует, охватило весь город.

Патриотизм и национализм основаны на этой жажде единства, которую легко повернуть на путь псевдоединения: «Мы едины. Мы торжествуем. Они не такие, как мы».

На Балканах люди забыли о своих разногласиях с соседями, спеша объединиться по номинальному принципу национальной общности под сербскими, хорватскими или мусульманскими знаменами. И наоборот, застарелые или инсценированные конфликты нередко служили основанием для возбуждения подозрений или ненависти и даже подстрекательства к убийству человека, который, возможно, был вашим одноклассником, булочником, соседом или супругом, но принадлежал к другой национальности.

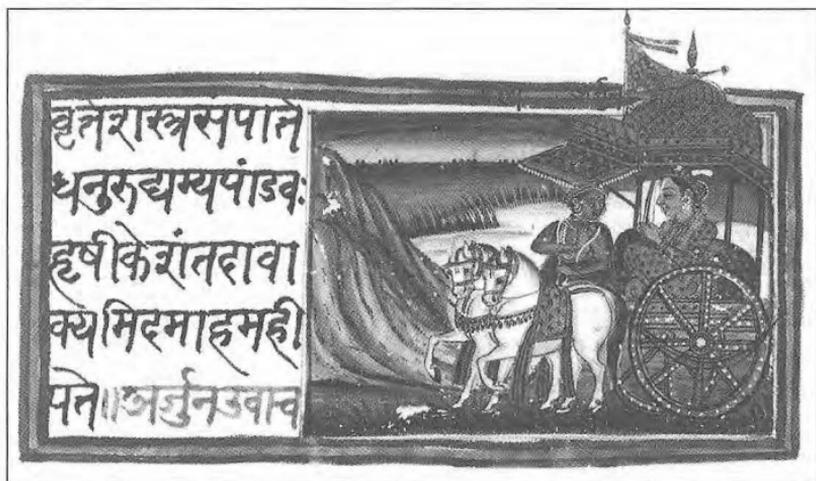

УБИЙСТВО И СМЕРТЬ

Одно из самых отвратительных проявлений природы человека — его способность убивать себе подобных, что, по мнению некоторых исследователей, является отличительной чертой нашего вида¹. Убийство себе подобных связано не только со способностью человека демонизировать и дегуманизировать других людей. Она провоцируется верой в нечто более важное, чем сама жизнь. Это качество лежит и в основе сострадания. Оно движет обществом и цивилизацией, позволяя нам чувствовать себя частью живого потока, выходящего за пределы нашего столь недолгого пребывания на этой земле. Оно позволяет нам жертвовать жизнью ради других. Таким

Рис. 19.1. Кришна беседует с Арджуной на поле боя. Манускрипт «Бхагавад-гиты» начала XIX в.

¹ Современные данные этологии, зоопсихологии и сравнительной антропологии не подтверждают это предположение. У высших позвоночных действительно наблюдается инстинктивное торможение внутривидовой агрессии, пропорциональное естественной вооруженности вида. Однако при переполнении экологической ниши и прочих форс-мажорных обстоятельствах убийства себе подобных и даже самоубийства (т. н. феномен леммингов) в животных популяциях могут приобретать широкий размах. — *Примеч. науч. ред.*

образом, наша способность отдавать жизнь за других людей неразрывно связана со способностью их убивать.

Наш интерес к чему-то более важному, чем сама жизнь, может быть использован для манипулирования нами на войне. Но в то же время если мы полностью осознаем, что существуют вещи более важные, чем наша привязанность к жизни, то это должно приводить нас к отказу от убийства, к полноценной жизни, к энергичной самореализации в течение короткого периода жизни.

В «Бхагавад-гите» (1) Арджуна мучится мрачными сомнениями на величайшем поле боя и беседует об этом с Кришной. Кришна учит нас без оглядки бросаться в битву жизни, обретая понимание того, что мы никоим образом не ограничены поисками тех ролей, которые призывали играть.

ДЕНЬ МЕРТВЫХ, ОСТАНОВКА МИРА

Другой отличительной чертой существования человеческого сообщества является то, что мы хороним и сжигаем своих мертвых, а также соблюдаем обряды и ритуалы, связанные со смертью. На протяжении истории человечества и во всех культурах существовали различные взгляды на то, что происходит с человеком после смерти и происходит ли что-нибудь вообще. Однако везде и во все времена уважали ушедших предков и устанавливали связь с ними, а также ценили некое ощущение смысла, превосходящего нашу земную жизнь.

Вера в существование реальности за пределами жизни и смерти может иметь духовную, религиозную, художественную или интеллектуальную природу, но именно она определяет нашу собственную судьбу, интерес к судьбе потомков, наше творчество, вклад в ту или иную область знания или искусства, поиски смысла жизни и способность размышлять о ней.

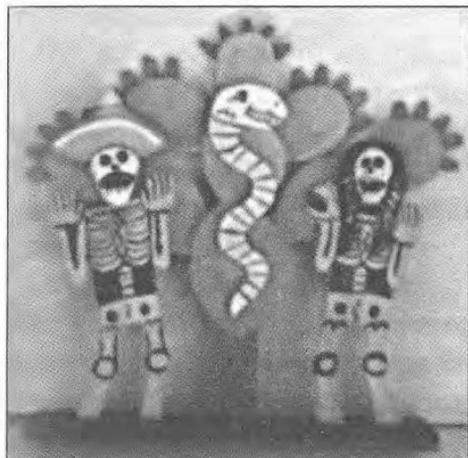

Рис. 19.2. День мертвых, Адам и Ева

В Мексике День мертвых — праздник. Люди призывают мертвых вернуться в свои дома. Гулянья в честь посещения умершими живых родственников оформлены изображениями и скульптурами скелетов, занятых повседневными делами, — они готовят еду, продают какой-нибудь товар в киосках и т. д.

Это акт освобождения: одной ногой находиться в обыденном мире, а другой — за его пределами, как будто «останавливая» мир. Подобный опыт может быть кратким, мимолетным. Французское выражение «Un Ange Passe»¹ описывает мгновение полной тишины, когда мы испытываем внезапный прилив благоговения. Например, во время оживленной беседы ее участники вдруг ощущают что-то важное, и возникает чувство, будто все вокруг замерло и в воздухе повисло нечто чудесное, умиротворяющее, вечное и удивительное. Затем ангел летит дальше, и жизнь продолжается.

Измененные состояния сознания, связанные с войной, иногда включают в себя ощущение остановки мира. Это может осознаваться как трагическая потеря, а иногда — как некое таинство. В то время как наш

¹ «Ангел пролетает». — Примеч. пер.

мир разваливается на части, мы освобождаемся от пут обыденности.

РИТУАЛЫ ИНИЦИАЦИИ: УМЕРЕТЬ И ВОЗРОДИТЬСЯ

Ритуал инициации — праздник взросления человека, когда он перестает быть подопечным и обретает статус взрослого человека, того, кто заботится о сообществе. Он впервые выходит на охоту, заводит партнера или становится родителем. В этой точке перехода к новой роли человек обретает связь с предками, которые выполняли эту роль до него, и с последующими поколениями, которые займут его место. Смена роли связана с риском, так как означает отказ от прежней идентичности и неизвестность в будущем. Отказываясь от привычной роли, как по своей воле, так и в связи с жизненными перипетиями, человек может испытать острое чувство утраты. Такое происходит, когда мы теряем родителя, когда ребенок покидает наш дом или погибает или мы теряем партнера, выходим на работу или, наоборот, уходим на пенсию, переезжаем в другой город. Но все же, выходя из одной роли и входя в другую, мы можем пережить удивительное чувство свободы и приобрести понимание того, что предыдущая роль или идентичность была всего лишь «ролью», а отнюдь не вашей личностью.

Церемонии инициации отмечают переход к новой роли, и в некоторых культурах они включают в себя ритуал прохождения через болевой порог, служащий для разрушения границы старой идентичности. Призывы к войне тоже являются своего рода инициацией — это призыв к тем, кто готов отдать свою жизнь ради выживания сообщества, переступить порог своего обыденного мира во имя приобщения к всеобщей целостности.

В Европе до сих пор проходят ежегодные представления, на которых люди сжигают изображение короля (2), что символизирует весеннее обновление природы

и культуры. Ритуальная гибель вождя (или главенствующего принципа) необходима для того, чтобы заново начать жить и обеспечить продолжение циклического развития. Христианский обряд Святого Причастия предполагает обязанность верующих вкусить просфору и пригубить вино — Тело Христово и Кровь Христову. Христианская теология высоко ценит отказ от привязанностей или от собственной жизни ради спасения души. Последователь индуизма преодолевает ограничения эго, чтобы соединиться с Брахмой — великим единым началом, которое лежит в основе всего и включает в себя все разнообразие нашего мира. Тантрический буддизм учит, что «из символической “смерти” тела рождается духовная сущность человека» (3).

Желание нащупать связь с чем-то за пределами наших индивидуальных судеб, с тем, что лежит за гранью жизни и смерти, имеет тысячи лиц в различных культурах и религиозных традициях, выражается самыми разными способами. По мере взросления мы можем ощущать не только кратковременность и мимолетность жизни, но и разобщение с собственной жизнью и принадлежность к гораздо более долгой судьбе многих поколений, мы можем почувствовать ход времени и даже бесконечность.

Один мой друг, молодой парень, был ранен снайперской пулей в Сараеве и его парализовало. Он рассказывал мне, как неделями лежал в больнице, уставившись в потолок (он был в явно бодрствующем, но вместе с тем коматозном состоянии). Затем он узнал, что пока он был в больнице, о нем волновались, боялись, что он умрет, а он находился в ясном сознании, видел Бога, был преисполнен любви и восхищения.

Нам часто доводилось слышать рассказы людей о их приподнятом настроении во время войны, о чувстве связи с Богом или с неким «источником», который находится глубже любого страха, ярости или печали.

Другие люди, наоборот, ощущают утрату веры в источник подобного рода и веру в Бога. Я не раз слышала такие заявления: «Если Бог существует, как он мог допустить такие зверства?»

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА

При подготовке военнослужащих для армии и флота инструкторы стремятся ввести своих подчиненных в измененные состояния сознания, чтобы подготовить воина к встрече с экстремальными испытаниями войны. Опять же тренируют, как правило, молодых людей. Как и при зарождении националистических движений, динамика и эмоции, которые определяют наше поведение, намеренно оттачиваются дисциплиной, чтобы научить солдат отдавать свои жизни ради общественного блага и высшего смысла и иметь возможность забрать их жизни. Бой барабанов, марш в составе подразделения, строевые песни, бритье головы, военная форма и подчинение уставу — все это лишает человека индивидуальности, стимулирует и укрепляет дисциплину ради достижения поставленных целей. Террористов-смертников убеждают и иногда профессионально учат расставаться со своей идентичностью и жизнью ради сообщества. Одной из основных характеристик террориста-самоубийцы является то, что он не чувствует себя одиноким, а напротив, ощущает прочную связь с остальными в достижении общей духовной цели (4).

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ SEAL

Спецподразделения американского военного флота SEAL проходят подготовку к действиям в экстремальных и чрезвычайных ситуациях. По окончании очередного тренировочного цикла кандидаты на вступление в подразделение проходят тестирование. Тех, кто не прошел

испытания, отсеивают. В отчете о процессе обучения один из тренеров отметил, что важнейшим критерием при отборе кандидатов является желание или нежелание самого тренера выполнять задание бок о бок с кандидатом: «Я задаю себе вопрос: “Отдал бы я свою жизнь в руки этого новобранца?”». Тренировки и тестирование бойцов подразделения включают в себя долговременное погружение в ледяную воду, лишение сна и тяжелейшие нагрузки. Все границы личности должны быть преодолены, пока она не утратит свою идентификацию с данным физическим телом и не начнет отождествляться с функциональной единицей подразделения, став заодно со всеми.

Данная тактика является отражением тактики террористической, и она многократно подвергалась критике и пересматривалась. Эта тактика предназначена не для укрепления силы воли, а скорее для того, чтобы сломить индивидуальную волю и подстроить ее под волю группы. Малейший импульс индивидуализма, который может отделить человека от подразделения, опасен. Тренировка заключается в предании себя силе, превосходящей индивидуальные возможности. Физические и духовные ресурсы эксплуатируются до такой степени, которую новобранец не мог себе даже представить, — и все это для того, чтобы объединиться со всеми и действовать сообща, служить своему подразделению.

АСКЕТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Тренировки подразделений SEAL несколько схожи с аскетическими практиками в некоторых религиозных традициях. К примеру, в Индии подвижники-садху, удалившиеся от цивилизации, выживают и неплохо себя чувствуют в экстремальных условиях. Крайние формы аскетизма могут включать в себя жизнь без пищи и воды в течение длительного периода времени или причинение боли

своему телу. Все это — методы преодоления границ своего эго, привязанного к состоянию комфорта, которые позволяют практикующему установить контакт с глубоким источником жизненной силы, единства и творения.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Возмущение по поводу творящихся несправедливостей, травматические события личной и коллективной истории и вера в лучшее будущее побуждают нас принимать активное участие в общественной жизни. Поиск связи с высшим смыслом и преданность сообществу являются прекрасной питательной почвой для разрастания общественных движений. Опять же важнейшими участниками общественных движений часто становятся молодые люди. Когда некое движение набирает силу, способствуя повышению общественной сознательности, оно способно углубить конфликт в обществе, что, в свою очередь, может привести к наступлению на демократию со стороны правительства.

В СТРУЕ: ПРАЖСКАЯ ВЕСНА И БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ощущение больших возможностей держит нас на плаву. Дух захватывает, когда чувствуешь себя частью движения. Поодиночке мы испытываем массу ограничений, вместе же способны добиться чего угодно. Однако энтузиазм рождается не только из ощущения всемогущества массы. Его возникновению способствует чувство причастности к пульсу жизни. Когда-то, еще подростком, мне довелось участвовать в демонстрации против войны во Вьетнаме. Я помню, как, двигаясь вверх по длинному склону холма в Сиэтле, я смотрела назад и вперед и не могла разглядеть ни конца, ни начала этой огромной толпы. Я ощущала себя частью великой волны перемен. Друзья из Чехии

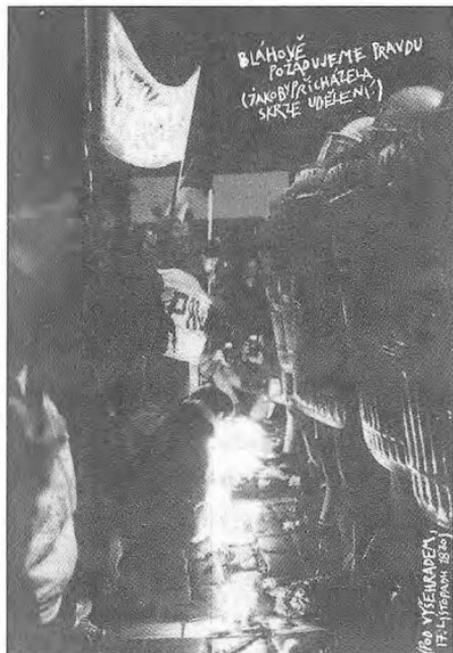

Рис. 19.3. Бархатная революция, 17 ноября 1989 г. Под Вышеградом, Прага. «Мы наивно смеем звать к истине (хотя в конечном счете ею не обладает никто)». Вторая часть этой фразы имеет двойной смысл, состоящий в том, что на истину была введена монополия и нас ею снабжало правительство

и Словакии рассказывали мне о восторженном настроении Пражской весны 1968 года, о надежде на открытый мир и свободу от тирании, об ощущении того, что жизнь забила ключом. Песни Марты Кубисовой¹ поднимали дух, а творчество Боба Дилана, с которым впервые познакомились в социалистической стране, рождало ощущение принадлежности к свободному миру.

Затем, вслед за вошедшими в город танками, последовали террор, разочарование и депрессия. Лишь 20 лет спустя коммунизм рухнул по всей Европе, и тогда Марта Кубисова снова спела на Вацлавской площади в Праге перед многотысячной толпой, собравшейся, несмотря на мороз. Она пела песню «Молитва Марте» — неофициальный гимн Пражской весны 1968 года и Бархатной революции 1989 года (5). Бархатная революция повторила

¹ Кубисова Марта (род. 1942) — культовая чешская певица, особенно популярная во время Пражской весны 1968 года. — *Примеч. пер.*

восторг Пражской весны, но карательных мер на этот раз не последовало.

ПЕСНЯ

Многие ритуалы предполагают выход за рамки индивидуальности ради слияния с духом сообщества. При помощи ритмических песнопений и мантр, танцев или молитвы мы можем перейти в мифическое, безвременное пространство общего сознания. Определенные виды спорта не только позволяют повысить индивидуальное мастерство и выносливость, но также помогают нам раскрыться во взаимодействии с командой и ощутить глубинную связь с остальными. Танцуя в группе людей, мы можем почувствовать смысл преодоления границ своей индивидуальности, ощутить радость и пульсацию общего поля.

Сейчас, когда я работаю над этой главой, наступит Рождество — на острове Кауаи около двух часов ночи, и за полем у моих соседей-гавайцев большая вечеринка. Я сижу в домике с соломенными стенами и улыбаюсь каждый раз, когда в доносящейся оттуда громкой музыке одна песня сменяет другую. Все гости подпевают и барабанят в такт музыке. Песни очень романтичные — гавайские, а сразу после них «Бич Бойз» и «Битлз»: «Я хочу взять тебя за руку». А вот и песня с Карибского архипелага — «Я хочу домой».

Я вспоминаю ночи в Хорватии и очень скучаю по тому времени, когда мы с друзьями пили молодое домашнее вино под звездным небом. Мы собирались на пляже или в гостинице. Люди пели хором, начиная с десяти часов вечера и вплоть до четырех или пяти, а иногда и до семи часов утра. Они не делали перерывов ни на секунду — одна песня плавно переходила в другую. Кто-то обязательно запевал новую песню, а остальные непременно подхватывали, и песни у них никогда

не заканчивались — народные песни Хорватии, Сербии, Боснии, Черногории, Македонии, Словении, романтические, грустные, очаровательно красивые и глупые. Мой коллега Лейн вносил струю блюза и рок-н-ролла. Однажды около пяти часов утра у группы закончились народные песни. После секундной паузы они вдруг запели русские патриотические песни — и пели до тех пор, пока не появилась полиция! К десяти часам мы все были уже в зале для собраний в костюмах и галстуках, готовые к завершающему занятию форума.

На Балканах песни прочно ассоциируются с националистическими движениями. На вечеринке, которую мы устроили во время нашего первого семинара, люди танцевали в одной комнате, а в другой кто-то начал играть на гитаре и петь. Скоро все собрались в той, другой, комнате и стали петь хором. Во время исполнения одной из песен на всех вдруг нахлынули чувства. Помню, как у меня по телу пробежали мурашки. Кто-то шепнул мне, что это была песня всеми любимого сербского певца, которого в Хорватии объявили вне закона, и никто его больше не слышал с самого начала войны.

АЛКОГОЛЬ: ПИВО, ЦЕЛОСТНОСТЬ И СООБЩЕСТВО

Однажды на форуме в Хорватии участники рассказали нам с Лейном о сложностях, с которыми им приходится сталкиваться при осуществлении проектов в своих сообществах. Они поведали о своем бедственном материальном положении и о том, как международные агентства с большими средствами прибрали к рукам все рычаги власти. Произошла бурная сцена, в которой все изображали, как им приходится подлизываться к служащим агентств международной помощи, фотографируясь с ними в обнимку. Каждый раз, когда кто-то предлагал новый путь развития, полезную идею или проект, ему сразу отводили роль безнадежного «пивного пьяницы».

В игривом, почти хмельном настроении, но с убийственной серьезностью, члены группы описывали, как пассивное сопротивление, психологическое выгорание и настроение безысходности душат их проекты и всякую инициативу в сообществе.

Мы обсудили, каким образом алкоголизм связан с болью, послевоенной травмой и упорной работой на благо сообщества вопреки всем сложностям. Мы решили исследовать измененное состояние сознания, которое привлекает людей к «пиву». Одна из участниц рассказала, что она привыкла быть лидером в своем сообществе, однако ей приходится бороться с психологическим выгоранием. Мы попросили ее разыграть роль «пивного пьяницы» и почувствовать на себе, что означает пить пиво: ей нужно было представить себе, будто она выпила несколько кружек пива, и рассказать нам, что хорошего в этом состоянии. Она начала делать медленные движения, вводя себя в «пивное» опьянение и фокусируясь на своих внутренних ощущениях. Она описала, как пиво приносит чувство связи с людьми и обществом и помогает ей чувствовать себя «наполненной». Это переживание способно «сделать жизнь довольно сносной». Когда она достигла ощущения полноты, то сразу же выразила позитивное отношение ко всем участникам группы и сказала, что ее переполняет глубокое чувство единой семьи, которое выработалось в группе за последние несколько дней. Атмосфера в группе сразу же изменилась — каждый почувствовал, что его оценили, и мы признали в ней новое качество лидера, достигнутое через это ощущение полноты.

Мы обсудили проблему распространения алкоголизма как одного из последствий войны и то, насколько остро она встала в Хорватии и в большинстве уголков мира (6). Мы обсудили, как важно для лидеров сообществ ощущение полноты и тесной связи с коллективом (речь идет не об эффекте алкоголя), как важно избегать

психологического утомления, несмотря на сильный посттравматический стресс у личности и в сообществе, а также отметили важность долгосрочной и непрерывной работы по воссозданию сообщества. Группа осознала тот факт, что в отсутствие чувства полноты энтузиазм лидеров сообществ, которые пытаются проводить в жизнь проекты или инициировать процессы, подавляется психологическим утомлением и алкоголизмом. В этом процессе некоторые нащупали для себя новые измерения лидерства, связанные с состоянием полноты, которые позволяли им быть бодрыми, живыми и вдохновлять других людей на выполнение долгосрочных и трудоемких задач.

Глава 20. За гранью

СУИЦИД

В послевоенные годы на Балканах зафиксирован высокий уровень самоубийств среди бывших солдат. Стремление совершить самоубийство, выжив на войне, произрастает из чувства утраты, печали, самообвинений в неспособности спасти друга, депрессии, бессмысленности существования и сложностей при строительстве новой жизни, которые кажутся непреодолимыми. Но в то же время еще одной причиной самоубийств среди бывших солдат служит тоска по сильным и возвышенным переживаниям войны. Возвращение к нормальной жизни иногда ощущается как крушение, падение в обыденность. А иногда солдат просто не может «найти» дорогу домой — он уже не думал вернуться и словно бы ощущает себя погибшим в бою. Он не способен соединить в себе память о переживаниях на войне с повседневными домашними отношениями. Кроме того, как мы уже знаем, он ощущает себя оторванным от сообщества, которое не проявляет интереса или понимания по отношению к тому, что ему пришлось пережить. Он жаждет единства, которое он испытывал в компании других солдат. Он жаждет чего-то, что находится по ту сторону жизни и смерти. Самоубийство зачастую является попыткой вернуться туда, где жизнь и смерть не имеют значения и где он побывал вместе со своими товарищами. А если товарищи погибли на войне, тогда это еще и способ воссоединиться с ними.

ЗА ГРАНЬЮ: ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Война приносит с собой такую интенсивность переживаний, что, даже несмотря на зверства, ужас и разбитые

сердца, она ощущается и нередко осмысливается как период повышенной жизнеспособности. Один мой друг, которому уже перевалило за девяносто лет, рассказывал мне с горящими глазами, что он никогда не чувствовал себя более живым, чем во время Второй мировой войны, когда летал на бомбардировщике. «Я чувствовал свободу. Когда взлетаешь на таком самолете, никогда не знаешь, доведется ли тебе вернуться назад, — говорил он с усмешкой. — А вернувшись, хочется только одного — снова отправиться в полет». Чувство жизни на грани смерти приносит с собой возвышенное ощущение свободы и жизнеспособности. Мои друзья на Балканах описывали мне ощущение интенсивности переживаний, по которому они скучали, несмотря на все ужасы войны: «Ты чувствуешь себя в самом центре важнейших событий мирового значения». В книге «Война как источник смысла» Крис Хеджес¹ описывает это пьянящее ощущение, которое возникает у людей на войне: «Вспыхнувший конфликт мгновенно упраздняет проблемы и головную боль повседневной жизни» (1).

В экстремальных условиях военного безумия жизнь тем не менее должна продолжаться. Простейшие действия, направленные на выживание, могут приобретать грандиозную значимость. В разгар бомбежки кому-то приходится покинуть укрытие, чтобы принести воды. Ветераны вьетнамской войны описывают ту крепкую связь, которая возникает между людьми из-за необходимости прикрывать от огня спину товарища, которому нужно отойти в кусты: «Это такая близость, которую вам нигде не доведется испытать. Это ближе, чем отношения с матерью и отцом... братом и сестрой или любимым другим самым близким членом вашей семьи. Когда вы садитесь

¹ Хеджес Крис — американский военный журналист, ныне — научный сотрудник издательского центра Nation Institute. В 2001 г. за материалы о глобальном терроризме получил наиболее престижную журналистскую награду — Пулитцеровскую премию. — *Примеч. пер.*

испражниться, а он прикрывает вас, это, знаете ли, что-то особенное.... Вы необходимы друг другу для того, чтобы выжить» (2).

Наряду с интенсивностью военных переживаний у людей возникает глубокая взаимосвязь с теми, кто разделяет с ними эти переживания, и, наоборот, отчуждение от тех, кто не имеет к ним отношения. В таких экстремальных условиях часто отмечается и сильное желание простых вещей, которые кажутся теперь недоступными. Приятельница из Хорватии рассказывала мне историю о том, как однажды во время войны они с подругой вбили себе в голову, что им необходимо пробежаться по магазинам и купить себе одежду. Они предприняли поездку в соседний город, где продолжал работать торговый центр, подвергая себя при этом огромному риску на обстреливавшихся открытых шоссежных дорогах, и даже видели пролетающие над головами гранаты.

НЕТ ПУТИ ДОМОЙ

Возвращение в «обычный» мир иногда тоже становится невозможным. Одна женщина из Хорватии рассказала мне, что ее муж сражался на линии фронта, а линия эта проходила так близко к их дому, что он легко мог отпроситься домой на несколько дней. Однако он никак не мог найти «дорогу домой», и они начали испытывать глубочайшее отчуждение друг к другу. Они жили в разных мирах и не могли изменить ситуацию. Он мечтал снова попасть на фронт, чтобы оказаться среди тех, кто его понимает.

После войны солдатам приходится возвращаться в мир, который они успели забыть. Оказывается, что лишь немногие заинтересованы в том, чтобы наладить связь с этим миром и осознать свой военный опыт. То же самое можно сказать и о беженцах, попадающих в страны, где люди ничего не знают об их переживаниях. Я вспоминаю,

как, впервые вернувшись из Хорватии и рассказывая о том, что увидела и узнала, я замечала пустоту в глазах собеседников, как будто они закрывали передо мной дверь. Поначалу я думала, что к подобной реакции приводят мое возбужденное состояние и несвязность повествования, и только позже поняла, что эта ситуация в некоторой, пусть незначительной степени схожа с ситуацией человека, вернувшегося с войны, который не может отыскать «дорогу домой». На том первом семинаре в Хорватии мы затронули нечто настолько необычное и ужасное, что я не могла рассказать об этом, не могла разделить это с другими по возвращении «домой».

Невозможно понять проблему экстремальных состояний во время войны, если рассматривать только отдельный регион или историческую ситуацию. Так же нельзя понять жестокость, изучая лишь тех людей, которые выглядят жестокими. Необходима более широкая картина. Те из нас, кто живет вдалеке от войн, идентифицируют себя с «обыденным», одновременно отстраняясь от войны и проецируя экстремальные образы (самые героические или ужасающие) на тех, кто воюет. Солдаты не могут «вернуться домой», и мы захлопываем перед ними двери. Журналисты, побывавшие в зоне боевых действий, и другие специалисты, поработавшие в горячих точках под эгидой ООН или иных международных и правозащитных организаций, тоже зачастую испытывают сложности с «возвращением домой». Это связано с травмой и с чувством, что ты побывал в «другом мире».

Мы были свидетелями того, что геноцид, жестокости и страдания на Балканах интерпретировались как очередное столкновение между «этими сумасшедшими с Балкан». То же и в Руанде — многие считали, что древняя племенная вражда отчего-то разгорелась с новой силой. Эти мнения помогали людям, живущим далеко от войн, сохранять дистанцию и продолжать идентифицировать себя с «нормой» и «цивилизацией», принижая

воюющих до состояния «сумасшедших» и «варваров». Кроме того, это помогало им оставаться на позиции безответственного наблюдения, заявляя о своей неспособности помочь. Чем чаще мы исключаем из своей картины мира целые пласты реальности ради возможности идентифицировать себя с «нормальной» жизнью, тем больше мы способствуем насилию и отстраняемся, изолируемся от тех, кому приходится это насилие переживать.

СВЕРХБДИТЕЛЬНОСТЬ

Шэй приводит слова ветерана вьетнамской войны: «Я так завидую нормальным людям, которые могут запросто пойти прогуляться в торговый центр со своими женами, держась за руки. Понимаете, я не могу этого сделать, потому что я привык все время оглядываться. Черт возьми, я вам завидую!» Он говорит, обращаясь к автору: «Я представляю, как вы идете по улице в свою клинику, и вам не приходится осматривать крыши: нет ли на них снайперов, и вы не заглядываете в промежутки между автомобилями: убедиться, что оттуда никто не выпрыгнет, и я уверен, что вы не обращаете никакого внимания на прохожих. А я в любой момент могу описать вам всех людей, идущих по улице на расстоянии двух кварталов впереди и сзади меня. Вот вы приближаетесь ко мне по улице, но вы не видите меня, потому что находитесь в своем собственном мире и не ожидаете засады. Как вы можете так жить? Я вам завидую» (3).

Военная травма наряду с неспособностью вернуться к «обычной жизни» может приводить к экстремальному психологическому состоянию повышенной бдительности. Вот еще одна цитата из беседы Шэя с ветераном Вьетнама: «Я по-настоящему не засыпаю вот уже двадцать лет. Я ложусь в кровать, но не сплю. Я постоянно наблюдаю за дверью, потом за окном и снова за дверью. Я встаю с постели по меньшей мере пять раз

за ночь, чтобы проверить периметр помещения, а иногда — до десяти или пятнадцати раз. У каждой двери я всегда держу какое-нибудь оружие — бейсбольную биту, нож или что-то еще. Раньше я спал с ружьем под подушкой...» (4).

После войны в Косове мы с моим коллегой Лейном общались с группой людей в городе Митровице. Они рассказывали об албанцах, которые все еще жили на сербской стороне Митровице, и по ночам оттуда иногда доносились страшные крики, но они не могли прийти к этим несчастным на помощь. Этим людям была нанесена серьезнейшая травма, и они баррикадировались в собственных домах и не спали по ночам. Они даже не знали, что война закончилась. Для них она продолжалась.

На наших форумах в Хорватии люди часто рассказывали о длительных периодах без сна во время войны. Даже спустя десять лет у многих остались нарушения сна. Однажды мужчина, настоявший на своем присутствии на форуме несмотря на серьезные проблемы с сердцем, рассказал нам о том, как в одну из ночей во время войны он проснулся в ужасе от того, что в его комнате собралось множество людей. Он описал живую картину, как на него надвигались призрачные фигуры, возникавшие в отсветах ламп, тенях абажуров и на месте холодильника. Он издал вопль, от которого кровь стыла в жилах, и барабанил в стену, пока на шум не прибежал сосед. Сосед проверил всю квартиру, никого не обнаружил, остался с ним на всю ночь и поил его коньяком. Та ночь, дружеское участие и коньяк оказались спасительными для нашего героя. Присутствующих тронула эта история, и началось душевное и живое обсуждение: многие поделились своими историями и приемами, как спать, не выключая свет, радио и телевизор, не выпуская из рук пульт дистанционного управления.

Сверхбдительность — экстремальный симптом военной травмы, однако бессонница во время и после

войны очень распространена и может оставаться с человеком многие месяцы и годы. Помню, как жители Сараева говорили: «В Сараеве никто не спит». Возможно, было бы полезно рассматривать сверхбдительность не только как симптом военной травмы и не только в контексте бессонницы у перенесших ее и у живущих в регионах, пострадавших от насилия, но и как пример и показатель того, что многим другим обществам тоже нужно проснуться. Можно представить, что если бы общество переняло это бодрствование, то очень многие из нас по ночам не спали бы, занимаясь вопросами, беспокоящими наши сообщества. В Хорватии несколько человек сказали нам, что впервые за долгое время сумели уснуть, глубоко и вдумчиво обсудив важные для них вопросы в ситуации форума. Шэй цитирует ветерана вьетнамской войны: «Мне снятся парни, которые зовут меня из могил. Они говорят мне: “Давай иди к нам. Пора отдохнуть. Ты сполна заплатил по счетам. Пора отдохнуть”» (5).

БЕРСЕРКЕРЫ

Состояние неистовства считается отличительной чертой военной травмы и относится к экстремальным формам измененных состояний сознания во время войны. Солдаты впадают в буйную, неистовую ярость и иногда совершают возмутительные зверства. Термин «берсеркер» пришел к нам из древнескандинавского лексикона, в котором он обозначал обезумевшего воина, идущего в бой раздетым догола или без всяких доспехов в состоянии Божественной или демонической одержимости (6). Солдаты, впавшие в такое состояние и пережившие его, часто не в состоянии вспомнить или опознать себя в том яростном образе. Состояние неистовства может возвращаться впоследствии и в мирной жизни солдата.

По мнению Шэй, из рассказов о вьетнамской войне следует, что возникновению подобных состояний могут

способствовать некоторые обстоятельства, как то: предательство, оскорбление или унижение со стороны командования, гибель соратника, ранение, неожиданное нападение врага, окружение, засада, вид изувеченных врагом тел товарищей, а также неожиданное избавление от неминуемой смерти (7). Автор выделяет состояние неистовства как один из самых серьезных психологических и психофизиологических аспектов боевой травмы (8).

Берсеркером овладевают мифическая ярость и жажда отмщения, сопровождающиеся уверенностью в собственной неуязвимости. Берсеркер нередко чувствует, что он не может умереть, потому что уже мертв. Я сама слышала, как люди описывают такое ощущение, когда им кажется, что они не могут умереть, потому что они как будто бы уже мертвы. Берсеркер покончил с той жизнью, которая знакома всем нам. Остальные солдаты могут воспринимать берсеркера как героя, потерявшего всякий страх и чувство самосохранения, одичавшего человека без малейшего намека на индивидуальность или принадлежность к социальной группе. Берсеркер полон огня, но совершенно холоден к проявлениям жизни и смерти. Берсеркеры часто погибают в бою. Если же такой человек выживает, то он может утратить последовательную память о своих переживаниях и действиях. Он помнит лишь то, что ему рассказали позже. В экстремальном состоянии человек пребывает вне времени и за пределами всего, что доступно пониманию (9).

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ

Берсеркер ломает представление о возможностях человеческой личности. Объяснить это можно тем, что берсеркер достигает запредельной степени выносливости. В свою очередь, его экстремальное поведение находится за гранями знакомого ему мира. Берсеркера

не сдерживают групповые или моральные нормы. Страдание возникает впоследствии, когда человек не может вспомнить, что произошло, но ему рассказывают о его диком поведении, которое могло заключаться в совершении невыразимых зверств. В скандинавской мифологии считалось, что в гуще неистовой битвы берсеркер способен превратиться в волка или медведя и сражаться с воем и пеной у рта, будучи неуязвимым для меча и огня (10). Опыт берсеркеров и тех, кто наблюдал подобное поведение в бою, говорит о преодолении всяких границ человеческого.

Опыт превращения в зверя или полубога присутствует и в ритуалах многих других культурных традиций. Основным отличием здесь является то, что в них эти переживания скорее моделируются, нежели поглощают человека без остатка. Охотники традиционно практиковали некое «изменение формы» с превращением в «жертву», чтобы лучше изучить особенности поведения жертвы, открыть для себя и воплотить ее дух, — это должно было способствовать поимке зверя и избеганию опасностей. Шаманские практики различных культур включают в себя достижение необычных состояний сознания, в которых преодолеваются личные и коллективные границы поведения в сообществе.

Шаманские практики тоже могут включать в себя изменение формы для того, чтобы воплотить в своем теле дух животного-союзника или божества. Ношение шкур и масок диких животных, а также совершение характерных для животного движений позволяют танцующему воплотить определенные черты и в некоторой степени самому стать духом этого животного. Главное отличие состоит в том, что шаман намеренно достигает пределов своей психики, входит в измененное состояние сознания и демонстрирует поведение за рамками культурной традиции и даже самой «человеческой» формы ради того, чтобы попасть в иные миры, установить

контакт с духами и принести своим сородичам полезную информацию.

МЕЖДУ МИРАМИ

Большинство из нас привлекает яркий опыт преодоления границ знакомого нам мира, но в то же время мы стараемся оберегать себя путем изоляции или дистанцирования от элементов подобного опыта. Мы хотим иметь возможность преодолевать свою идентичность таким образом, чтобы не потерять свою целостность.

Мы имели возможность проследить, как измененные состояния сознания, связанные с верностью, любовью к сообществу и способностью преодолевать рамки обыденного, эксплуатируются с целью разжигания войн. «Измененными» эти состояния сознания делает то, что они не вписываются в наш повседневный кругозор и повседневный опыт. Испытывая восторг при преодолении границ привычной идентичности, но при этом заботясь о том, чтобы оставаться самими собой, мы иногда оказываемся в подобии транса, как бы застряв между мирами.

Сейчас мы совершим небольшой обзор динамических характеристик измененных состояний сознания, которые используются в ритуалах, и сопоставим их с опытом лиц, перенесших психические расстройства. Мы также рассмотрим, как сам по себе конфликт может принять форму измененного состояния, чуть ли не выходящего за пределы привычного мира, и как целые сообщества впадают в состояние транса.

ГАЗЕТА

Взяв в руки газету, вы можете отметить в себе две тенденции: жажду ярких впечатлений и стремление надежно отгородиться от них. На страницах этой книги

вы постоянно встречались с описанием того, как люди, якобы отстранившиеся от войны, на деле принимали в ней участие, будучи вовлечены в динамику правосудия, террора и травмы. Осознаем мы это или нет, но все мы впадаем в измененные состояния сознания, связанные с войной.

Поразительно и даже забавно, что редкие минуты отдыха в кафе или за завтраком мы используем, уткнувшись носом в газету, жадно впитывая в себя насилие и разрушение, которые творятся в мире. Посмотрите на людей, читающих газеты в метро, все еще полусонных, с затуманенным сознанием, в то время как заголовки громкогласно объявляют о войне, трагедиях и жестокостях на наших улицах. Нам нравится переключать телевизионные каналы (или скандалить по этому поводу со своими близкими), будучи в восторге от безумных актов героизма и кровавой жестокости, время от времени интересуясь, не вредно ли на все это смотреть нашим детям.

Многих из нас жестокости, которые показывают по телевизору или описывают в газетах, приводят в ослабленное состояние и развлекают, потому что они соответствуют двум немаловажным критериям. Они удовлетворяют нашу жажду ярких впечатлений и тягу к экстремальным переживаниям, плохо совместимым с социальной нормой. И в то же время они позволяют нам надежно дистанцироваться от всего этого, выводя подобные события за периметр своей духовной жизни и мышления. При этом мы, как правило, не чувствуем никакого участия и даже не воспринимаем себя объективными наблюдателями — процесс нас просто захватывает без остатка или же мы остаемся холодно безучастными. Многие средства массовой информации стимулируют и обслуживают это состояние сознания, порождаемое комбинацией чувствительности и отстраненности. Но есть и такие журналисты, которые рискуют жизнью ради того, чтобы вторгнуться на эту территорию, и борются

за то, чтобы позвать нас с собой и показать происходящее таким, какое оно есть, не вызывая в нас внутреннего воспроизведения насилия. Они призывают нас принять участие и осознать происходящее.

Будучи неспособными рефлексировать, мы оказываемся в самой гуще событий, стараясь при этом держаться на расстоянии. Мы сидим в метро или за столиком в кафе и читаем о происходящих сегодня ужасах, и наши остекленевшие глаза выражают состояние всеобщего социального транса и оцепенения от насилия в нашем мире.

Чтобы понять природу насилия и найти на него адекватный ответ, необходимо осознавать динамику необычных состояний сознания. Нам нужно лучше понять, почему нам хочется выйти за рамки обыденного мира, почему так необходимо мечтать о том, чего нет в нашей повседневной жизни, и как мы в то же время стремимся держать руку на пульсе своей жизни.

РИТУАЛ

Измененные состояния сознания позволяют преодолеть ограничения привычных схем восприятия и коллективной идентичности. Без должной степени осознанности подобные состояния захватывают без остатка и могут быть очень жестокими. Даже позитивные переживания, например ощущение единства со Вселенной, могут носить всепоглощающий характер, а потому вызывать ужас. Одним из способов формирования таких переживаний являются ритуалы. В ритуалах мы отдаем должное силам непознанного, влияющим на нашу жизнь. При этом мы концентрируем внимание на том, чтобы избежать разрушений и хаоса, которые могут возникнуть при бесконтрольном проявлении подобных сил. Ритуал можно также понимать как попытку расширить границы привычного сознания.

Став важной составной частью жизни человека, ритуал может способствовать обновлению и помочь вступить в контакт с Божественным. Ритуал создает строго ограниченные рамки выхода за пределы повседневной идентичности. Ритуал — это способ приобщиться к священному и улучшить жизнь сообщества.

Хотя ритуальные практики поддерживают наше стремление выйти за границы повседневности, иногда они могут приводить и к противоположному эффекту, отчасти отдаляя нас от подобного опыта. Имея возможность благодаря ритуалам легитимно проявлять в себе подобные силы, мы получаем в свое распоряжение выпускной клапан. Стоит лишь выпустить из парового котла небольшую струйку пара, и кипение в нем прекращается. Таким образом, ритуальные действия, которые позволяют выйти за пределы коллективной идентичности, способны эффективно поддерживать эту самую идентичность и статус-кво.

Карнавал

Карнавал — это великолепное время безудержного веселья, нескольких дней буйства и вседозволенности. Люди выходят на улицы, пьют, пляшут день и ночь, исполняют музыку и ряжутся в различные костюмы, словно примеряя на себя образы всех духов безумия, которых принято изгонять из повседневной жизни. В течение пятидесяти одной недели люди старательно играют свои привычные роли, помня об ответственности, и лишь несколько прекрасных дней в году ослабляют хватку, спускают с привязи всех неистовых духов и демонов страсти, предаются игре и удовольствиям. По окончании карнавала они расходятся по домам. В этом смысле карнавал не меняет культуру, но поддерживает и обновляет ее, давая отдушину, освежая дух и придавая силы для дальнейшего пути.

Театр и маски

Театр может считаться формой ритуала, и кое-кто утверждает, что это самая ранняя форма искусства. Когда гаснут огни, мы погружаемся в водоворот драматических событий, оказываемся в необычном мире, прикасаясь к чему-то удивительному, что превосходит саму жизнь. Театральное представление создает такой контекст, в котором зритель может разделить драматические переживания, не будучи всецело поглощен ими.

В некоторых случаях и ритуал, и театр могут быть лишены содержания, так, словно действие совершается само по себе, не соприкасаясь с творческим потоком за гранью повседневности. Волшебство может быть утрачено. Но тот, кто имеет контакт с этим глубинным источником, чувствует, что благодаря смещению самоидентификации начинает познавать нечто особенное, помогающее проложить путь в новые миры, к новому мировоззрению. Театр призывает нас погрузиться в мечту, позволить себе быть захваченными человеческой драмой, которая приводит в движение и объединяет все наши личные истории. Театр способен вызвать к жизни ту часть нашего сознания, которая позволяет ощутить весь драматизм и всю насыщенность человеческих судеб, не попадая при этом в ловушку бесконечного воспроизведения драмы и сохраняя способность к рефлексии и глубокому сочувствию.

Находиться в двух местах одновременно

Джозеф Кэмпбелл¹ говорил о том, что когда некто надевает маску Бога, участники ритуального действия

¹ Кэмпбелл Джозеф (1904—1978) — американский исследователь мифологии, известен благодаря своим трудам по сравнительной мифологии и религиоведению. — *Примеч. пер.*

больше не видят человека, изображающего Бога, — они видят Бога. В то же время они прекрасно отдают себе отчет в том, что это — один из их соседей, который надел маску. Эти факты отнюдь не противоречат друг другу. Участник ритуала одновременно и Бог, и ваш сосед в маске (11).

Театр (в своих лучших проявлениях) является хорошим примером подобного рода двойного сознания, необходимого нам для того, чтобы, испытывая интенсивные переживания, не остаться в них навсегда. Михаил Чехов описывал опыт одновременного пребывания актера в зрительном зале, в самом себе и в каждом из своих партнеров по сцене (12). Эта способность отражать происходящее одновременно с нескольких точек зрения чрезвычайно важна и присуща нам как человеческим существам. Когда мы стремимся оставаться в стороне от интенсивных переживаний, дабы лучше контролировать происходящее и сохранять в покое свой обыденный мир, переживания, наоборот, наводняют и переполняют нас. В то же время наша тяга к экстремальному опыту и интенсивным ощущениям становится способом покончить со своей зависимостью от повседневных забот и стереотипов. Это означает, что мы стремимся не просто к насыщенным переживаниям, но к большей осознанности, которая достигается благодаря освобождению от привязанности к безжизненной, ограниченной единственной точке зрения.

БЕЗУМИЕ ИЛИ ТВОРЧЕСТВО?

Когда нас переполняют впечатления и переживания, выходящие за рамки того, что принято считать нормальным, функциональным, то со стороны мы можем казаться психически нездоровыми. Многие задаются вопросом: как определить наличие душевной болезни — с какой стороны смотреть?

Кто безумец?

В прекрасном фильме «Дон Жуан де Марко»¹ (13) молодой человек, которого играет Джонни Депп, заявляет, что он великий любовник Дон Жуан, и его отправляют в психиатрическую лечебницу. Главного же героя этой истории — психиатра, который переживает кризис, связанный с утратой смысла жизни, играет Марлон Брандо. Пациент помогает своему врачу скорректировать свое понимание того, что в нашей жизни безумно, а что правильно, и, самое главное, заново открыть для себя любовь.

Р. Д. Лейнг² отзывался о психически больных пациентах как о людях, дающих здравый ответ на безумное состояние общества. Он говорил: «Состояние отчужденности, глубокого сна, потери сознания, сумасшествия — есть состояние нормального человека» (14). Известно, что коллеги испытывали к нему холодность, возможно, потому, что сам он не раз предпринимал путешествия к самым дальним границам своего внутреннего мира. Один раз врачи попросили у Лейнга помощи в работе с пациенткой, которая переживала приступ кататонии, сидя обнаженной в одиночестве и раскачиваясь взад-вперед. Лейнг снял с себя одежду, сел рядом и принялся раскачиваться, и вскоре пациентка заговорила впервые после многомесячного молчания. Лейнг заинтересовался у врачей: «Неужели это не приходило вам в голову?»

¹ «Дон Жуан де Марко» — художественный фильм производства США (1995). Режиссер Джереми Ливен. В главных ролях — Марлон Брандо, Фэй Данауэй, Джонни Депп. — *Примеч. пер.*

² Лейнг Рональд Дэвид (1927—1989) — шотландский психиатр, выделявшийся своим нестандартным взглядом на психиатрию, один из идеологов движения «антипсихиатрии». — *Примеч. пер.*

Сознание наблюдателя

Нам с моим мужем Жаном-Клодом довелось работать в психиатрических клиниках (15), применяя методы процессуально-ориентированной психотерапии в отношении как острых, так и хронических случаев душевных расстройств. При этом мы обнаружили, что описание особенно тяжелых пациентов как «недоступных» относится не только к самим пациентам, но должно рассматриваться также и в контексте их отношений с лечащими врачами. Зачастую врач не способен или не заинтересован в том, чтобы приобщиться к опыту и мировоззрению пациента, вступить с ним в контакт и помочь ему раскрыть значение своих переживаний, сигналов и впечатлений. И наоборот, любовь, понимание и уважение доктора к своему пациенту открывают дорогу к излечению, особенно при условии внимательного отношения к его навязчивым переживаниям и симптомам. Описывая эту динамику, Арнольд Минделл отмечает: «Почти во всех книгах по психиатрии принято описывать умственные расстройства в таких терминах, как “распад личности” и “неуравновешенное, хаотическое состояние”... Представление о хаотичности и непредсказуемости относится к сознанию и опыту самого терапевта или наблюдателя» (16).

Мы привыкли наблюдать за ситуацией, исходя из бессознательных предположений о «нормальности», и рассматривать все, что нас раздражает, как «ненормальное» и нездоровое. Поэтому мы, даже не осознавая этого, твердо соблюдаем культурно обусловленные нормы. Знать о культурной обусловленности своего опыта и поведения и о своей склонности к этноцентрическому восприятию происходящего крайне важно для психиатра. Однако умение войти в мир другого человека настолько глубоко, чтобы раскрыть смысл его уникальных сообщений, восприятий и эмоциональных состояний, требует серьезной тренировки осознания.

Идентифицированный пациент, статус-кво и ключ к творческому развитию

Чтобы понять человеческое восприятие и измененные состояния сознания, требуется системное видение. Семейные психотерапевты еще в 1960-е годы говорили: умственное расстройство невозможно рассматривать как индивидуальную психопатологию, его следует изучать в контексте семьи (17). Идея заключалась в том, что симптомы, которые демонстрирует один из ее членов, принадлежат всей семье. «Идентифицированный пациент» выходит за грань, чтобы позволить остальным членам семьи поддерживать статус-кво. Например, в семье, где все интересуются делами друг друга и никогда не закрывают дверей, появляется кататонический пациент. Он напрочь отказывается говорить и сидит целыми днями, запершись в своей комнате, становясь «идентифицированным пациентом» в семье, где принято вторгаться в индивидуальное психологическое пространство. Процессуально-ориентированная психология Минделла привносит в изучение систем важное измерение. Ее автор постоянно подчеркивает, что путь развития той или иной системы, будь то уровень индивидуальной психики, семьи, группы или общества, всегда можно разглядеть в наиболее раздражающем факторе данной системы и во взаимодействии всех ее частей. Чтобы вместо «больного» с диагнозом «кататония» увидеть дисфункциональную семью с отсутствием понятий о личной жизни, требуется лишь смещение акцента. Более того, можно увидеть в семье систему с творческим потенциалом, где намечилось взаимодействие между «кататонией» и «открытыми дверями». Творчество рождается тогда, когда процесс взаимодействия между частями системы становится осознанным. Различные части системы реализуются с помощью каждого из членов семьи, а также в отношениях между ними. Кататония в данном случае может

быть попыткой выражения автономности и интроверсии, способности отказаться от привычек семьи и следовать своим внутренним импульсам. Политика «открытых дверей» сначала подавляет в человеке склонность к углубленной самореализации, но по мере осознания семьей подобных процессов, «открытая дверь» начинает также символизировать преодоление границ и возможность близкого контакта между людьми.

Разбивая окна

Когда наши впечатления или поведение выходят за рамки того, что принято считать «нормой», мы ломаем представления о здоровом человеческом опыте — как свои, так и окружающих. Экстремальные впечатления накачивают на нас, бросая серьезный вызов самоконтролю. Одна моя знакомая часто попадала в больницу из-за того, что, бесконтрольно следуя своим импульсам, разбивала камнями витрины на улицах. Ее «приступы ярости» и потребность бить окна представляли угрозу для ее собственного благополучия и для общества.

На семинаре, в котором участвовали около 60 человек — психиатров, студентов и лиц с острыми и хроническими проблемами психики, — мы попросили эту женщину описать, что она чувствует, когда бросается камнями в витрины.

Мы заметили, что когда она пыталась описать свои чувства, то начинала размахивать руками, и ощутили ее сильную застенчивость по отношению к нам. Я попробовала тоже размахивать руками и даже подбрасывать свой стул, но затем стала искать что-нибудь, чем было бы более безопасно кидаться. Обнаружились какие-то подушки, и я попросила ее подергать вместе со мной руками и покидать подушки. Мы изо всех сил кидали подушки на пол, но в один важный момент подушка отлетела (по ошибке) в мою сторону. Она очень

смутилась, и я заметила, как «разбилось окно». В ответ я бросила в нее подушкой и побудила ее в шутку сразиться со мной, что привело к очень теплому игровому контакту. За этим броском стояла именно жажда близкого контакта. Выяснилось, что к ее приступам на улицах приводило чувство изоляции и мысли о том, что люди смотрят на нее как на чужую, игнорируют ее. Ярость составляла один из уровней ее опыта, но под ним скрывалось стремление преодолеть свою изоляцию и изоляцию других людей в общественной жизни, преодолеть границы статус-кво и ограничивающие нас всех привычки в общении, желание установить с людьми настоящую связь. Мы с ней регулярно общались после этого. Ее личностный рост был гарантирован близкими отношениями с искренне любящим ее психиатром.

Экстремальные состояния, обозначаемые как психические расстройства, несут в себе необходимый заряд и полную картину будущей эволюции системы. Вообще-то, бросаться камнями опасно и такое поведение недопустимо. Однако когда описанная выше пациентка получила поддержку и ее поведение стало полностью развернутым, то в его основе обнаружился импульс к преодолению изоляции, к углублению межличностных связей. Экстремальное состояние одного человека несет в себе информацию и демонстрирует картину эволюции более общей системы (18). В современном обществе изоляция является одной из важнейших проблем. Страсть этой женщины разбивать окна отражала общую картину жестокости, угрожающей обществу, и краха межличностных связей, и в этом смысле в своей основе несла в себе призыв к борьбе с изоляцией и к тесному контакту между людьми.

Медицина, магия и попытки заглянуть за порог

История психиатрии омрачена применением грубейших методов подавления и лечения «необычного» или

антиобщественного поведения людей, страдающих душевными расстройствами. Их часто связывали или пичкали препаратами. До сих пор в случаях острого психического расстройства врачи в первую очередь стремятся подавить симптомы и сделать человека более функциональным. Иногда лекарственные препараты помогают достичь цели. Пациенты, которые испытывают ужас при проявлении неконтролируемых переживаний, зачастую высоко оценивают эффект лекарств. В то же время многие люди с расстройствами психики отказываются принимать их из-за одурманивающего побочного эффекта. Кроме того, существует мнение, что прием лекарств еще сильнее разобщает человека со своим личным опытом и жизненными переживаниями.

Пугающие переживания, выходящие за рамки нашей идентичности, могут нести в себе значимую информацию не только для индивида, но и для общества. В книге «Тени города» Минделл описывает, как отдельные люди переживают определенные процессы, имеющие непосредственное отношение к обществу в целом. Понять некий процесс и осознать его может не только отдельный человек, у которого проявляется тот или иной симптом. Эта информация принадлежит более общей системе, поэтому каждый из нас мог бы взяться за решение такой задачи. В некоторых культурах мы видим особенных людей с опытом экстремальных переживаний, которые вырабатывают у себя шаманскую способность переходить в измененные состояния сознания и в иные миры и общаться с потусторонними духами. Они возвращаются назад, чтобы лечить других и помогать сообществу. Наша способность осознавать даже самые необычные явления и коллективная идентичность имеют первостепенное значение для взаимоотношений, для обогащения и распространения культуры. Художники стараются заглянуть за грань хотя бы одним глазком, исследователи испытывают на прочность наши знания, психологи и духовные

лидеры имеют дело с силами подсознательного и неведомого. Каждый по-своему участвует в удивительном и не всегда гладком опыте преодоления границ знакомого мира. И ставит перед собой задачу проникновения в пространство между мирами, чтобы вернуться с важным открытием или проложить дорогу к новому мировоззрению, а также указать на потенциал взаимодействия между мирами.

Во всех культурах присутствует сильная тенденция вырывать с корнем все, что не вписывается в рамки общепринятой нормы, с помощью применения лекарственных средств, психотерапии или магических практик. В некоторых культурах людей, восприятие и поведение которых ставит под сомнение статус-кво, принято считать помешанными или одержимыми.

Как правило, нас страшит неизведанное, и мы стремимся отрицать любой опыт, который может представлять угрозу для наших уверенности, безопасности и выживания. Склонность игнорировать существенные элементы опыта и устранять раздражающие факторы, которые ставят под сомнение привычную идентичность, представляет собой не только распространенную психологическую тактику, но и серьезную проблему общественной и политической жизни.

КОНФЛИКТ КАК ИЗМЕНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ

Мы уже говорили о том, как присущая человеку жажда необычных переживаний может использоваться с целью разжигания войны. Мы рассмотрели измененные и экстремальные состояния сознания, которые возникают во время войны и вследствие войны, наблюдали за связью измененных состояний с нашей реакцией на жестокость. Поговорили мы и о том, как при помощи ритуалов находят свое выражение измененные состояния сознания,

не вписывающиеся в рамки коллективной идентичности. Обсудили, каким образом измененные состояния сознания способствуют поддержанию статус-кво, в то же время заключая в себе возможности и схемы для дальнейшего развития системы. Мы также коснулись проблемы отношения измененных и экстремальных состояний к душевному здоровью и «безумию».

Проблема может быть понята таким образом, что конфликт представляет собой столкновение с ограничениями собственной идентичности и с тем содержанием, которое не вписывается в эту идентичность. Мы склонны терять ориентацию при виде того, что не вписывается в рамки привычной концепции нормы. Следовательно, мы часто воспринимаем конфликт как измененное состояние, пугающую встречу с неизведанным, и до настоящего времени у нас есть не много примеров осознанного и трезвого поведения в ситуации конфликта.

Попадая в конфликтную ситуацию, мы оказываемся под властью интенсивных, заряженных эмоций или, напротив, утрачиваем с ними всякую связь. Мы замираем, словно нам в глаза ударяет свет фар. Мы чувствуем себя застрявшими между мирами в смущении и растерянности. Наши заторможенность и недостаточная гибкость в подобной ситуации, в свою очередь, приводят к дальнейшей эскалации конфликта.

ЗАСТРЕВАЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ

В предвоенной обстановке, когда обостряются проблемы насилия, целые сообщества оказываются вовлеченными в бурные процессы, которыми они никак не управляют, из которых не способны выбраться и с которыми они не в состоянии встретиться лицом к лицу. В подобии транса люди обнаруживают, что начинают играть определенные роли в этом разгорающемся кошмаре, от которого они уже не в состоянии очнуться. Жизнь превращается

в сущий ад, людей будто уносит в параллельный мир. Как во сне, когда вы просто выходите за дверь, но обнаруживаете себя в страшном незнакомом месте, а дороги назад нет. На пути вам встречаются одни фантомы с пустыми глазами, которые только и могут, что слоняться по жизни, испуганные или самовлюбленные, не способные оглянуться и посмотреть на себя со стороны. Нет никого, к кому можно было бы обратиться. Вы вместе со всеми окружающими находитесь в закрытой системе. События происходят сами по себе, одно за другим. Нет ни начала, ни конца — вы не помните, как все это началось, и уже не можете вернуться обратно.

Этот параллельный мир населяют голодные духи (19), призраки, обреченные на вечную бессонницу. В буддизме голодные духи ассоциируются с людьми, которые были убиты, но не были погребены, поэтому их души

Рис. 20.1. Гаки-зоши. Свиток голодных духов, вторая половина XII в.

скитаются по миру. Такое происходит в тех случаях, когда люди погибают вдали от дома или в результате массовых казней (20). Традиция буддизма определяет мир голодных духов как реальность ненасытного голода (21). Когда в наших сердцах, в нашем обществе или между народами разгорается конфликт, мы в определенном смысле становимся этими голодными духами — мы страдаем, мы ненасытны, мы застреваем между мирами и чувствуем себя выброшенными на обочину истории, мы жаждем обрести самих себя.

Глава 21. Прорыв

НАБЛЮДАЯ ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ

На одном из форумов в Хорватии группа совершенно спонтанно стала разыгрывать сцену из предвоенного периода, когда каждый чувствовал, что его затягивает кошмар того, что творилось в бывшей Югославии.

Непосредственно перед этим в группе произошло интенсивное обсуждение насущных проблем в связи с конфликтом хорватов и сербов в послевоенной Хорватии. После всех жестокостей, через которые пришлось пройти обеим сторонам, процесс примирения шел чрезвычайно трудно, и конфликты то и дело возобновлялись. В один из моментов участники форума сербской и хорватской национальности сошлись в горячем споре, в котором обе стороны выглядели абсолютно правыми, опираясь на факты, подтверждающие их правоту. Многие ощутили безнадежность этой конфликтной ситуации. Иным стало больно, так как в них пробудились травмы и трагедии пережитой войны. А кто-то просто устал от непрекращающихся споров и не хотел принимать в этом участия. Мы сделали перерыв.

Стараясь привести свои мысли в порядок, мы с Лейном посоветовались, а затем вкратце обрисовали людям те «роли», которые часто проявляются в ситуациях конфликтного взаимодействия. В рассказе присутствовали роли этих двух сторон, а также «роль призрака», который все время находился рядом и нашепывал на ухо участникам каждой стороны: «Вы совершенно правы, и я могу подтвердить это фактами», — стимулируя таким образом яростный обмен аргументами. Была и роль человека, страдающего от этого конфликта и чувствовавшего себя беспомощным. А также роль «помощника», который пытался предлагать

варианты разрешения конфликта. Была роль отвернувшегося человека, соблюдающего дистанцию. И была еще одна важная роль — «роль призрака», которому был выгоден каждый аспект подобной ситуации. Мы нарисовали карту всех этих ролей и решили провести эксперимент, создав визуально-кинестетическую карту в центре круга из 80 участников.

Мы нашли добровольцев на каждую из этих ролей, чтобы создать визуально-кинестетическую карту скрытой динамики конфликтного взаимодействия. От них требовалось лишь стоять на определенном месте и делать простые жесты, отражавшие характер той или иной роли. Двое вызвались изображать основные стороны конфликта, стоя лицом к лицу и зеркально повторяя движения друг друга с кулаками, занесенными над головой. Еще один встал между ними, изображая «призрака» и подбадривая обоих с чувством праведности и удовлетворения. Другой участник принял позу сломленного человека, обхватив голову руками и изображая страдание. «Помощник» пытался жестами объединить стороны, «отвернувшийся» в расслабленной позе расположился спиной к происходящему, заложив руки за голову и соблюдая дистанцию, а тот, кому все это было выгодно, крадучись, перемещался вокруг них и радостно потирал руки.

После короткой презентации собравшиеся заявили, что все эти роли им хорошо знакомы по жизни своих сообществ и даже по собственным реакциям. На следующем собрании мы поставили вопрос о дальнейших действиях. Хотя обычно групповое взаимодействие происходило в форме диалога с выходом в центр комнаты и представлением тех или иных сторон и ролей, после эксперимента качество взаимодействия в группе изменилось. Группа, возможно вдохновленная попыткой физического отображения структуры конфликтного взаимодействия, спонтанно решила сделать ритуальную постановку сцены довоенной жизни. Один из участников заявил, что хотел бы

изобразить силы, втянувшие регион в войну. Ему нужна была чья-то рука, чтобы сделать это, и я предложила свою. Он начал тянуть, а я сопротивлялась. Он потянул сильнее. Группа затихла, и казалось, что мгновение растянулось навечно. Я чувствовала, как бьется мое сердце и тело моментально включилось в эту «роль», так что я смогла ощутить частичку того ужаса, который охватывал весь регион. Группа была прикована к месту. Мужчина ухватился покрепче и стал тянуть сильнее, я упиралась изо всех сил. Совершенно неожиданно один из участников выбежал на середину комнаты и разнял нас одним уверенным, гармоничным жестом. Вся комната взорвалась аплодисментами. Кто-то сказал: «Только никто не сделал этого во время или перед войной. Некому было разорвать эту хватку». Другая участница, вскочив со стула и выйдя на середину комнаты, отметила еще одно существенное различие между нашей постановкой и реальной ситуацией. Я изображала активное сопротивление, а она и еще один вышедший в середину круга человек, попросив потянуть их за руки, стали изображать лунатиков с закрытыми глазами и вытянутыми вперед руками, которых можно увести в любую сторону, куда только заблагорассудится.

Выступали все новые участники, и наш ритуальный спектакль продолжался. Внимание каждого было приковано к действию. Воспроизведение этого транса и падения в бездну дало людям ощущение «свидетельствования» и обогатило опыт их общей вовлеченности в трагические события. Спонтанная постановка разрушила чары, создала общее для всех повествование, которое объединило хорватов, сербов и мусульман.

ВИНА ИЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

На другом форуме мы обсуждали проблему ответственности, и один хорошо образованный мужчина, впервые принимавший участие в наших занятиях, эмоционально

рассказал нам, что привык чувствовать себя жертвой ужасов, творившихся в регионе. Он признался: на форуме он впервые смог осознать, что был не только жертвой, но и принимал личное участие в развитии этой жестокой войны, почувствовав себя частью тех социальных движений, которые вылились затем в насилие. И добавил, что никогда об этом не задумывался. Он проводил четкое различие между своим новым состоянием осознанности и чувством вины, предполагая, что до того самого момента не чувствовал никакой ответственности именно из страха перед чувством вины. Но теперь он не чувствовал себя виноватым, скорее ощутил шанс лично изменить что-то в будущем, и впервые с начала войны в его сердце поселилась надежда.

Способность свидетельствовать и осознавать свою роль в разворачивающихся общественных событиях может способствовать предотвращению конфликта. В ситуации активного применения тактик террора это может оказаться невозможным. Тем не менее резкая мобилизация националистических сил возможна лишь при условии, когда общество демонстрирует свою наивность и уступчивость. Все мы способны культивировать в себе осознанность по отношению к той эмоциональной динамике, которая определяет наше индивидуальное и коллективное поведение. Эта динамика нещадно эксплуатируется, однако мы можем противопоставить этому нагнетанию целенаправленное развитие общественных движений, работу в рамках форумов и демократическое строительство. По окончании наших форумов мы не раз слышали от людей, что, будь у них подобный опыт до войны, события, возможно, развивались бы иначе.

БОЕВОЙ КЛИЧ — В АТАКУ!

Разорвать порочный круг вооруженного конфликта может показаться непосильной задачей. Тем не менее к «воину»

внутри каждого из нас обращен призыв не убивать врага, а постараться вырваться за рамки закрытой системы, пробудиться от кошмарного сна. Необходим клинок, который рассекает пелену транса и обеспечит связь с источником творческого потенциала, лежащего в основе любого конфликта. Спонтанная групповая постановка сцены из доверенной жизни, которую я описывала, и решимость этих людей бороться с состоянием транса, помогли им всем вместе свидетельствовать о своей истории и выйти за рамки ее порочного круга. Люди по-новому взглянули друг на друга.

Если «клинок» будет подчиняться силе, то ему не достичь цели и не освободить людей из порочного круга насилия. Он лишь вновь воссоздаст его. Чтобы прорваться сквозь чары ночного кошмара, необходимо пробудиться и широко открыть глаза.

В больших группах на форумах в местах серьезных конфликтов мне множество раз доводилось наблюдать способность отдельных людей и целых групп мгновенно отказываться от циклической динамики, причем не напоказ и не наперекор своим чувствам и взглядам. Не ради

Рис. 21.1. Кали

демонстрации своей терпимости и умения прощать. Это стремление идет от души, от желания разобраться в конфликте и пройти этот путь до конца, примерить на себя полярные мифические роли и привести ситуацию конфликта в движение, но не оставаясь при этом исключительно на своей позиции, а рассматривая ее в определенный момент с противоположной точки зрения. В эти минуты мы ясно видим, что все играем какие-то роли, но при этом не сливаемся с ними окончательно. Вдруг кто-то изменяет свою точку зрения, и не только слышит, что говорит человек с другой стороны, но и сочувствует ему, становится на его сторону, чтобы принять близко к сердцу его опыт и его историю. Тогда сами роли могут исчезнуть, и появляется видение ситуации в целом, объединяя разные истории в одну общую. «Ангел пролетает».

Мы принимаем участие в битве, но она не захватывает нас и не способна завладеть нами полностью. Появляется чувство осознанного выбора — иногда впервые в жизни — и мы не бродим больше по руинам истории подобно лунатикам. Когда мы полностью выражаем собственную точку зрения и голос нашей привычной роли бывает услышан, тогда мы приобретаем способность слушать других и признавать другие точки зрения. Мы получаем связь с чем-то более истинным, важным, нежели позиция той или иной группы, и более глубоким, чем исполняемые нами роли. Мы понимаем, что мы актеры, связанные друг с другом рамками единой пьесы, привязанные к боли, чувству невозможности и отсутствию надежды, но также к чему-то такому, что удивляет, обнадеживает и дает возможность начать все с начала.

ДЕМОНЫ, ДРАКОНЫ И ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЦИИ

Чтобы развить способность «останавливать мир» — в своей личной жизни и в жизни сообщества, страны или мира, — нам следует принимать участие в процессах,

которые движут нами, не становясь их жертвами. Осознание приходит в результате выявления «рубежей» своей идентичности, которые определяют и ограничивают наш взгляд на мир. Осознание приходит в результате отказа от привычных точек зрения, при столкновении лицом к лицу с неизвестным — как в своей собственной душе, так и в тех, кого мы больше всего боялись и считали своими врагами.

«Путешествие героя», как описывал его Джон Кэмпбелл¹ (1), — это повесть, которую люди рассказывают вновь и вновь, наверное, в каждой культуре. Какая-то сила толкает нас оставить свой дом и отправиться навстречу приключениям (2). Сначала мы предпочитаем не откликаться на этот призыв, будучи привязаны к своему «обычному миру» и мировоззрению. Но при помощи наставников мы наконец перешагиваем порог своего дома и проходим серию испытаний. В самом последнем испытании мы встречаем «врага». Мы сражаемся с ним и ключевым образом меняемся, чтобы вернуться домой обновленными и принести свой дар другим.

В тибетском буддизме считается, что после смерти мы вступаем в особую реальность, или «бардо», где нам приходится сражаться с демонами «с той стороны». Концепция индивидуации Юнга включает в себя упорную борьбу с мифическими силами, определяющими нашу жизнь, в результате которой мы становимся сознательными творцами собственных судеб. Юнг часто подчеркивал важность того, чтобы не быть легкодоступными для сил бессознательного или зависимыми от них, но уметь отвечать на их воздействия, справляться с этими силами, бороться вдумчиво и с полной самоотдачей. Юнг говорил, что, так или иначе, эти мифические силы неизбежно окажут на нас влияние, но мы должны сделать выбор:

¹ Кэмпбелл Джон Вуд (1910–1971) — американский писатель-фантаст. Автор произведений «Сумерки», «Ночь», «Кто идет?». — Примеч. пер.

предпочесть, чтобы «нас тащили за шиворот», или «идти с прямой спиной, ориентируясь по указателям» на жизненном пути.

ОБЩЕСТВО «ТАЩАТ ЗА ШИВОРОТ»

Мы пребываем в постоянном поиске, стремясь понять и выразить свои креативные и деструктивные силы во всех религиозных традициях, искусствах и науке. Однако мы едва ли сумели понять, каким образом мифические силы управляют нашими общественными, политическими и экономическими отношениями и вооруженными конфликтами. Чем меньше мы осознаем, что движет нами как индивидуумами и всем обществом, тем более мы беспомощны перед теми, кто вовлекает нас в смертельную игру с этими мощными силами. Юнг описывал процесс индивидуации как выбор, который каждый из нас делает (снова и снова), позволяя либо «тащить себя за шиворот», либо бросая вызов тем психологическим силам, которые определяют нашу жизнь. Точно такой же выбор предоставляется нам на коллективном уровне — у нас есть шанс принять активное и созидательное участие в жизни своего сообщества и всего мира.

ЧАСТЬ

5.

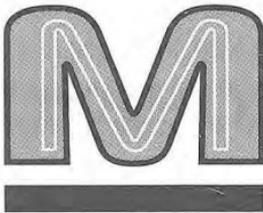
**Процесс осознания
в горячих точках**

Глава 22. Пробуждение

ЖАЖДА ПРОБУЖДЕНИЯ

Мы имели возможность убедиться, что неосознанная жажда справедливости и стремление найти виновных могут служить источником бесконечного возобновления конфликта. Мы наблюдали, как психологическая динамика используется для разработки тактик террора. Мы поняли, что коллективная историческая травма является неиссякаемым ресурсом горючего для тех, кто стремится снова и снова воспроизводить кошмар войны. Мы убедились в том, что наши высокие идеи и стремление принадлежать сообществу, верность, чувство единства и тяга к выходу за рамки повседневности, оставаясь неосознанными, порождают огонь насилия. Поэтому мы можем утверждать, что чем меньше

осознаются те психические и мифические силы, которые определяют нашу судьбу, тем легче их эксплуатировать. Мы жаждем обрести осознанность и пробудиться.

ПРИЗЫВ «ПРОСНУТЬСЯ»

Оставаясь неразвитой, даже наша внутренняя тяга к осознанию реальности и пробуждению используется для разжигания вооруженных конфликтов. Сторонники превосходства белой расы призывают народ «пробудиться ото сна», намекая на то, что всех нас гипнотизируют либеральные политики. В одной из своих речей Гитлер говорил так: «Услышав голос человека, обращенный к вашим сердцам, вы пробудились ото сна и пошли за ним...» (1). Милошевич призывал сербов проснуться. Экстремисты племени хуту использовали тот же призыв, побуждая народ к истреблению тутси.

ПРОБУЖДЕНИЕ И ОСОЗНАНИЕ

Идея, которая проходит красной нитью через всю эту книгу, в своей основе тоже является призывом к пробуждению — осознание способно стать той движущей силой, которая позволяет уйти от навязчивого воспроизведения конфликтов и начать использовать влияющие на нас силы, вместо того чтобы сдаваться на их милость.

Содержание части 5

В части 5 я хочу рассмотреть некоторые общие вопросы, касающиеся сознательного отношения к жизни. Я предлагаю рассмотреть эту проблему в долгосрочной перспективе и высказываю предположение, что осознанность неуклонно растет. При этом я отдаю себе отчет в том, что представленные здесь идеи могут показаться несущественными в свете трудностей, связанных с их

воплощением на практике в условиях сложных проблем политического, экономического и социального характера или в ситуации непрекращающегося насилия.

В этой главе мы кратко рассмотрим суть понятия «осознание», как его понимают в различных областях знания и культурных традициях. Я исхожу из того, что осознание есть феномен, который, как следует из концепции Юнга, буддистских учений и процессуально-ориентированной психологии Минделла, зарождается в результате отхода от односторонней привязанности или идентификации. Такому осознанию служит и традиционный институт «старейшин», которые следят за жизнью сообщества, за его отношениями с предками и за его будущим. Та же суть заключается в поведенческих стратегиях, которые мы применяем для преодоления сложностей этического характера и трудноразрешимых конфликтов. Я также хочу привести здесь основные понятия теории систем, теории хаоса и теории сложности и особо отметить идею о нелинейности изменений, согласно которой даже в сложнейшей, неразрешимой ситуации к изменениям может привести самое небольшое воздействие. Глава 23 посвящена описанию того, какое применение находят положения теорий хаоса и сложности в военном деле и в разрешении конфликтов. В главе 24 мы углубленно рассмотрим, как развитие мировоззрения влияет на восприятие и на подход к конфликтным ситуациям. Глава 25 посвящена особенностям поведения в конфликтных ситуациях с подробным описанием концепции горячих точек Минделла, понимаемых как очаги потенциального роста и трансформации. Я приведу пример работы с горячей точкой на форуме и особо остановлюсь на динамике децентрализации и силового подавления в горячей точке, а также на том, как зарождается осознание на «поле брани», когда каждый из нас способен изменить ситуацию.

ОСОЗНАНИЕ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Понятие «осознание» не подразумевает превосходства одной из частей нашего существа над остальными. Можно сказать, что осознание рождается в творческом процессе — во взаимодействии различных частей нашей природы, не исключая конфликтов — как внешних, так и внутренних, — а также благодаря контакту с глубинным творческим началом.

Концепция индивидуации Юнга включает в себя перенос фокуса с эго как центра личности на самость, которая ведет нас к целостности. Согласно буддистским учениям, причиной всех страданий является то, что мы ставим свое эго в центр существования. Происходит это не злонамеренно, а лишь по причине неосознанности. Распознавая свои проекции и растворяя привязанность к той или иной идентичности, мы начинаем пробуждаться. Чогъям Трунгпа подчеркивает, что буддизм скорее можно сравнить с некоторыми психологическими школами Запада, нежели с западными религиями (2). Само имя «Будда» означает «пробужденный».

Арнольд Минделл описывает то гибкое осознание, которое сопровождает взаимодействие между всеми элементами нашего опыта, — между тем, что нам близко, и тем, что сначала кажется страшным и неизведанным, — следуя при этом глубинному творческому импульсу. Из вышеизложенного мы могли видеть, что, независимо от уровня рассмотрения (группового или личностного), понятие «глубокой демократии» (3) означает заинтересованность в целостности, а не в том, чтобы одна из частей взяла верх над остальными.

СТАРЕЙШИНЫ, ЛИДЕРСТВО И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

В то время как для индивида достижение осознанности предполагает переживание целостности и отход

от односторонних привязанностей, на коллективном уровне интересы сообщества в целом соблюдают старейшины.

В некоторых сообществах старейшины активно обсуждают возникшие проблемы, и хотя их взаимодействие может принимать форму борьбы за власть, все же их целью при этом не является установление главенства одной стороны над другой, а скорее поддержание жизнеспособности сообщества и определение его перспектив. Мудрые люди, прожившие долгую жизнь и/или имеющие достаточно душевной широты, чтобы не быть привязанными к той или иной позиции, как правило, успешно регулируют отношения между всеми частями группы.

Для нас понятие лидерства часто означает умение адекватно выражать определенную позицию, с которой мы себя идентифицируем, как правило, в противоположность другой точке зрения. Однако существует альтернативное понимание лидера как регулятора взаимодействия всех точек зрения, который отдает себе отчет в ведущей роли целостного процесса (4). В Древнем Китае некоторые правители удостоивались звания «король-мудрец» («королева-мудрец»), подтверждавшего их дар видеть ситуацию изнутри и извне и проявлять мудрость, необходимую для того, чтобы предпринимаемые действия шли на благо всего сообщества (5).

Если мы отдаем предпочтение одной стороне своей природы или думаем, что одна из сторон — ведущая, это значит, что в то же самое время остальные стороны готовят революцию. «Я» стремится навязать свои решения, а прочие части моего существа, к мнению которых в достаточной мере не прислушались, замышляют бунт. «Я» принимает решение встать с постели, но та часть меня, которая любит все утро валяться под пуховым одеялом, обязательно сделает меня вялой на весь день, если ее точка зрения не будет учтена.

В личной жизни мы чувствуем над собой власть архетипических сил: мы влюбляемся, нами овладевает

страсть к приключениям, к поиску смысла жизни, мы боремся против чьего-то давления и сталкиваемся с собственной жадной властью, мы ведем свою борьбу, выполняя роли матерей, отцов, детей и партнеров, нас огорчает и тревожит столкновение с внутренними настроениями, демонами и болезнями. Нам никогда не удастся одержать верх над этими буйными силами, но мы способны обнаружить созидательный импульс, лежащий в основе нашего опыта, и способствовать его выражению, способствовать внутреннему и внешнему примирению.

ЭТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ, КОАНЫ ДЗЕН И НЕРАЗРЕШИМЫЙ КОНФЛИКТ

В ситуации этического кризиса мы вплотную сталкиваемся с ограниченностью своего мировоззрения, основанного на понятиях власти, правоты и неправоты, превосходства одной стороны над другой. Возникает он, когда нам не удастся найти четкого ответа на вопрос о чьей-либо «правоте». Этическая проблема ставит нас в затруднительное положение не только потому, что отсутствует ясность в выборе дальнейших действий, но и оттого, что дает сбой наша внутренняя система понятий власти и морали, которая предполагает правоту одной стороны и неправоту другой. Описывая «кухню» нашей души при столкновении с этическим кризисом, Юнг писал: «Все самые важные и значительные проблемы нашей жизни фундаментально неразрешимы. Так и должно быть, потому что в них находит выражение необходимая противоречивость, которая присуща любой саморегулирующейся системе. Они не могут быть разрешены, их можно лишь перерасти» (6). Он рассматривал индивидуацию (процесс психологического созревания и становления целостной личности) как борьбу с поляризацией своей души, в процессе которой мы вбираем в себя все противоположности, объемлем свою целостность и вступаем

в тесный контакт с творческой функцией, которая лежит в основе любых полярных разделений и определяет душевную эволюцию (7). К той же мысли нас приводят коаны Дзен — вопросы, на которые нет ответов, например: «Как звучит хлопок одной ладонью?» Медитация на коане приносит человеку некий род «просветления», в котором преодолевается наше ограниченное дуалистическое видение. Оказавшись в ситуации неразрешимого и застарелого конфликта, мы всегда можем использовать свои способности к сопереживанию и осознанию, чтобы, поставив себя на противоположную позицию, найти подход к объединению всех точек зрения.

ЧТО ТАКОЕ ОСОЗНАНИЕ?

Я использовала понятие «осознание», говоря о динамике вооруженного конфликта, чтобы подчеркнуть, что речь идет не о простой информированности о происходящем, а о знании себя, знании того, как мы реагируем и отвечаем на раздражители, какое место мы занимаем в различных процессах внутреннего и внешнего мира — в личных, групповых и общественных отношениях. Осознание позволяет нам преодолевать конфликты, а не просто становиться их участниками, оно дает нам возможность не вовлекать себя в широкомасштабные процессы поляризации и войны (8).

Давайте подробнее рассмотрим различные точки зрения относительно смысла слова «осознание». В зависимости от сферы интересов, культурной принадлежности, уникальных черт личности и опыта, человек может по-разному подходить к вопросу о сути данного понятия. Кто-то может рассматривать осознание как деятельность по объединению потоков информации и формированию гипотез, а также интерпретации и анализу событий. Многие люди предполагают, что осознание коренится в уме человека. В некоторых культурах осознание происходит

в сердце. Скалолаз может ощущать осознание как предельно обостренное внимание и чувство контакта со своим телом в его полном единении с горами. В культуре коренных жителей Америки осознание подразумевает знание о взаимосвязи всех природных стихий. В культуре австралийских аборигенов осознанием считается понимание того, как отдельные события и явления жизни рождаются из «сновидений». Для музыканта осознание может быть вниманием к мимолетным тонам или ритмам, в которых проявляет себя скрытая музыка нашей жизни. Психолог под осознанием может понимать способность увидеть целостность во множестве личностных аспектов. Духовный лидер может понимать под осознанием нахождение связи каждого действия в мире с Божественной волей. Осознание повара заключается в запоминании ингредиентов блюда и в понимании своих собственных действий как важнейшего ингредиента.

Общим основанием в этих непохожих описаниях служит наш интерес к соотношению частей и целого в том или ином проявлении реальности. Редукционизм и аналитическое мышление изучают отношение целого к его частям путем разделения целого на части. Синтетическое мышление предполагает интуитивное видение и угадывание взаимосвязей, понимание, как части складываются в целое, формирование гипотезы, которая включала бы в себя и придавала смысл разрозненным частям. Осознание сердцем — это способность воспринимать связь одной точки зрения или одного чувства со всеми другими позициями и взглядами, способность сопереживать различным мнениям, опыту других людей, словно ты сам находишься на их месте.

ОСОЗНАНИЕ, СИСТЕМЫ И ТЕОРИЯ СЛОЖНОСТИ

Подвижки в системном мышлении отражают нашу глубокую заинтересованность в раскрытии взаимосвязей

частей и целого, которую мы наблюдаем во всех культурах и областях знания. В самых разных отраслях, будь то научная, социальная или духовная сфера, возрастает важность понимания нашей взаимосвязи как частей единой системы. Изучение системного взаимодействия в настоящее время распространяется и на гуманитарные направления — экологию, экономику, политику и социологию, и на естественные науки — математику, биологию, физику и астрономию. Новейшие открытия в теории сложности и изучении нелинейных систем вызывают в обществе заметный энтузиазм.

Упоминая теорию сложности в связи с конфликтом и сознанием, будет полезно коснуться основ теории систем и теории хаоса. Теория систем представляется как наука о целостности (9). Она предполагает, что система есть нечто большее, нежели простая сумма своих частей. Невозможно познать систему, разделяя ее или сводя к отдельным частям. В теории систем отмечается важность наблюдения как за тем, что проявляется изнутри системы, так и за внешними воздействиями на нее, соответственно мы можем выбрать, на каком уровне рассматривать эту систему. В теории систем также выделяются прямые и обратные связи между элементами, а также между системой и внешней средой.

Теория хаоса выросла из открытия того факта, что временами системы могут обладать чрезвычайной чувствительностью к некоторым воздействиям, и этот феномен получил ставшее знаменитым название «эффект бабочки». Данным термином обозначаются те предельно нелинейные тенденции, которые присущи атмосферным явлениям и системам, когда взмах крыльев бабочки где-нибудь в Китае приводит к изменению погодных условий на другом континенте (10).

Теория хаоса показывает, как, находясь в неравновесном состоянии, система демонстрирует хаотическое поведение, которое разрушает ее предыдущее

состояние, однако затем, после небольшого на нее воздействия, система может трансформироваться или эволюционировать в систему с более высоким уровнем организации. Линейные отношения больше не работают. Слабые на первый взгляд воздействия не обязательно приводят к малым результатам.

Илья Пригожин¹ и Изабель Стенгерс утверждали, что «каждое отдельное действие или локальное взаимодействие имеет всеобщий аспект, который может приводить к весьма неожиданным изменениям глобального порядка» (11). В модели приложения теории хаоса к изучению экономической деятельности они показали, что параллельные процессы роста городского населения, производства и сферы услуг связаны между собой надежной обратной связью и нелинейными процессами, в результате которых такие случайные факторы, как место и время появления нового предприятия, могут запустить самые глубокие изменения в экономике данного региона (12).

По мере развития теории хаоса, когда в различных отраслях знания ученые начали строить карты подобного нелинейного поведения, возникла теория сложности (13)². Теория сложности посвящена вопросам обратной связи и взаимозависимости в системах и изучает нелинейную эволюцию систем, «разворачивающуюся в поразительно широком диапазоне временных и пространственных измерений — от секунд и нанометров на молекулярном уровне до геологических

¹ Пригожин Илья (1917—2003) — бельгийский физик и химик русского происхождения, лауреат Нобелевской премии по химии 1977 г. Доказал одну из основных теорем термодинамики неравновесных процессов — о минимуме производства энтропии в открытой системе. — *Примеч. пер.*

² Более распространенными в русскоязычной литературе аналогами «теории хаоса» и «теории сложности» являются термины «синергетика» (Г. Хакен) и «теория диссипативных структур» (И. Пригожин). — *Примеч. науч. ред.*

эпох и континентов на макроэволюционном уровне. Математическая теория эволюционной динамики пытается сформулировать удовлетворительное концептуальное описание этих процессов — описать сходства и различия во всех измерениях» (14).

«Новая наука» о сложности быстро приобрела междисциплинарное значение. Исследователи отмечают «архетипические аспекты нелинейных феноменов вне зависимости от дисциплины, в рамках которой они рассматриваются». К примеру, сходные или когерентные структуры наблюдаются в турбулентной атмосфере Юпитера, гигантских морских волнах (цунами), распространении некоторых эпидемий и — на микроскопическом уровне — в поведении некоторых редких твердых материалов (15).

Когда мы изучаем актуальные для нас системные и глобальные вопросы социального, политического, экономического, экологического и психологического плана и когда наше вмешательство кажется неизбежным, чрезвычайную важность приобретает понимание нелинейной динамики системных изменений.

Глава 23. Хаос, война и разрешение конфликтов

ПРИЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ К ВЕДЕНИЮ ВОЙН И РАЗРЕШЕНИЮ КОНФЛИКТОВ

Рассмотрение нелинейных систем предполагает вопрос о том, какое значение эти идеи могут иметь для понимания и разрешения конфликтов. Определенно насилие и война находятся в системах, далеких от состояния равновесия и имеющих нелинейную динамику — в кризисе могут находиться политическая или социальная системы, а незначительное событие способно повлечь за собой огромные последствия. Работая над этой книгой, я заглянула в Интернет, чтобы выяснить, кто еще интересуется этой занимательной темой. Едва я ввела слова «конфликт» и «хаос» в окошко поискового сайта, как сразу же обнаружила статью специалиста американских военно-воздушных сил, посвященную приложению теории сложности к ведению войн. Я удивилась, хотя, вообще-то, мне не следовало бы этому удивляться. Ведь сама идея написания этой книги состояла в том, чтобы показать: тактика развязывания войн основана на знании нашего взаимодействия в системах, включая динамику справедливости, власти, психологической травмы и измененных состояний сознания. Нелинейная динамика системы также учитывается при разработке тактик ведения войны.

Этот автор ссылается на «эффект бабочки» в контексте его использования на войне, обращая особое внимание на «чувствительность к первоначальным условиям» (термин, используемый для описания чрезвычайной чувствительности неравновесных систем). В качестве важнейших условий он приводит следующие: «состояние

международной экономики, политический фон в нашем и вражеском государствах, культура, а также состояние множества индивидуальных сознаний» (1).

Каждому, кто все еще думает, что такие слова, как «эффект бабочки», рождаются в умах сумасшедших ученых или философов «нового века», стряпающих по ночам диковинные теории, следует просмотреть эту статью. Весьма отрезвляюще действует понимание того, что за эффектом этой самой бабочки следят не только в связи с погодными закономерностями, но и в связи с осуществлением военных действий.

Для описания взаимозависимости элементов в любой системе автор приводит пример вьетнамской войны, когда Северный Вьетнам оказывал влияние на настроения американцев в США (2).

В статье майора Викса описывается, как теория сложности может помочь нам в понимании взаимозависимостей между политическими, социальными, экономическими и эмоциональными факторами в мировом противостоянии. Но в статье он даже вскользь не упоминает о том, что в долгосрочной перспективе эта теория может помочь нам понять взаимоотношения обществ и государств и сам процесс развития конфликтов с тем, чтобы у нас появилась возможность разрешать конфликты без применения бомб. Я понимаю, что автор посвятил статью применению теории сложности в своей области специализации, так же как другой автор мог описывать приложение теории сложности в сфере экологии или в решении некой специфической проблемы биологии. И все же я продолжаю наивно думать, что автор мог бы добавить хотя бы пару слов о перспективе поиска альтернативных решений конфликтных ситуаций.

В своих выводах майор Викс указывает на то, что всегда имеет смысл прибегать к тактике молниеносной войны (быстрым массированным бомбардировкам), потому что в таком случае обратные связи в системе не успевают

адаптироваться. Он особо подчеркивает важность «разведывательных данных» по причине чрезвычайной «чувствительности к первоначальным условиям», присущей сложным адаптивным системам (3). Он полагает, что, имея мы в своем распоряжении теорию сложности, мы смогли бы предсказать влияние тактик северовьетнамской армии на гражданское население США, которое сложно было анализировать при помощи традиционных инструментов (4). Мне остается лишь искренне полюбопытствовать, какие, по его мнению, меры мы могли бы предпринять по поводу подобной «взаимозависимости». Возможно, мы могли бы интернировать американцев из антивоенного движения, как это было сделано с американцами японского происхождения во время Второй мировой?

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Предполагая возможность приложения теории сложности к изучению войн и разрешению конфликтов, мы касаемся широкого спектра вопросов относительно того, как мы используем свою способность к осознанию, а также вечного вопроса о природе самого осознания. Как можно быть частью развивающейся системы и осознавать этот факт? Какое влияние на систему оказывает наше сознание и наши действия в ней?

«НАИБОЛЕЕ ПРИСПОСОБЛЕННЫЙ»

В статье о теории сложности и ведении войн Викс проясняет свои соображения по поводу такого приложения этой теории. Он пишет:

Война гарантирует выживание наиболее приспособленных. Естественно, основанием для применения данного подхода служит стремление обеспечить нашу «большую приспособленность» по сравнению с противником (5).

Теория сложности предполагает понимание эволюции систем и, конечно, изучает процессы отбора в развивающихся системах, однако автор, говоря о «выживании наиболее приспособленных», ссылается на теорию эволюции Дарвина, и в этом смысле утверждает необходимость доминирования своей стороны. Подобное употребление понятия «выживание наиболее приспособленных» может служить примером того, как идея, вырванная из одного контекста, используется в другом самым неподобающим образом. Понятие «выживания наиболее приспособленных» уже способствовало злоупотреблению в «социальном дарвинизме» (6), ставшем выражением расистского мышления и идеи расового превосходства.

В данном случае подразумевается, что США доминируют в мире по причине своей «наибольшей приспособленности». Теория сложности, рассматривающая взаимодействия и обратную связь в системах и выросшая из знания об эволюции систем, применяется здесь в контексте рассуждений о власти и военном превосходстве.

Это подобно изучению экологии с целью выяснить, как быстрее всего исчерпать невозобновляемые ресурсы планеты, или изучению сложного человеческого организма с целью поиска способов его умерщвления. Хотя страны, которые США собираются бомбить, рассматриваются как взаимосвязанные части сложной развивающейся системы, не наблюдается ни малейшей заинтересованности в хорошем самочувствии этой самой системы.

МИФ О ВЛАСТИ

Не только военные погрязли в концепции доминирования одной стороны над другой. Независимо от наших политических взглядов, в большинстве из нас глубоко укоренилось «властное» мировоззрение, и мы даже не замечаем этого. Основываясь на идее своей «наибольшей приспособленности», многие граждане США считают,

что другие нации просто завидуют им и поэтому выражают протест против действий их государства. Мы ищем свои преимущества перед другими людьми, где только возможно. Создавая условия для доминирования одной стороны своей собственной личности над другой или доминирования одной группы сообщества над другой, мы лишь продлеваем жизнь этому мировоззрению. Мы стремимся поощрять определенную сторону своей натуры, не осознавая их влияние на другие, не интересуясь ими, не задумываясь о долгосрочных последствиях такой ситуации.

Та же тенденция проявляется и в наших общественных отношениях — в политике, бизнесе и экономике, в экологии и в отношении к окружающей среде вообще. Движения в защиту природы, против глобализации и различные общественные движения активно подчеркивают наличие подобной динамики.

Активисты общественных движений, пытаясь выровнять дисбаланс власти, в свою очередь, зачастую тоже не могут освободиться от ориентированного на власть мировоззрения. Тем не менее величайшие общественные деятели старались подвинуть нас выйти за рамки реакционной картины мира и находить новые возможности. Мировоззрение, полностью подчиненное понятию «власть», приводит к подавлению одной части ради интересов другой и к следующему за этим сопротивлению. Мировоззрение же, которое ориентируется на взаимодействие всех частей системы, ищет возможности для ее развития.

ГРАНИЦА ХАОСА И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТА

Положения теории сложности находят применение не только в военной сфере, но и в организационном строительстве и в деле разрешения конфликтов (7). Термином «граница хаоса», или «хаотичные границы» («edge

of chaos», «chaotic edges»), в теории сложности принято обозначать следующий аспект динамики неравновесных систем: в тот момент, когда система готова преодолеть некую черту и погрузиться в хаос, некоторые ее участки приобретают способность эволюционировать. В области организационного строительства люди работают с конфликтами и изменениями. Чтобы лучше понимать деятельность организаций и оказывать на них влияние, специалисты начали поиск вариантов приложения теорий хаоса и сложности к этой области. Когда состояние организации близко к равновесию, в ней существуют тенденции к ригидности и возникают сложности при попытках внести любые изменения. Организации, находящиеся «на границе хаоса» и переживающие волну изменений, имеют ослабленную структуру и с гораздо большей готовностью принимают инновации и поддаются трансформирующим воздействиям (8).

Арнольд Минделл многие годы употребляет термин «граница» (9) для описания систем ценностей, которые структурируют и ограничивают идентификацию индивидов и групп, оказывая влияние на поведение, коммуникацию и восприятие. Понятие «границы» относится и к грани непознанного, к нашим мечтам и неожиданным установкам, ко всему, что находится за пределами нашей привычной идентичности. Минделл с коллегами проводят «работу с миром» (10) с большими группами в конфликтных ситуациях, концентрируясь на «горячих точках» (см. главу 25) на «границе» идентичности данного сообщества или данной организации. Они выработали комплексную теорию и методы наблюдения и влияния на эту потенциально изменчивую и обладающую серьезным потенциалом трансформации динамику. По мере того как система приближается к «границе», рисунок предстоящих изменений проявляется все более отчетливо и его сложно не заметить. Работа с использованием этих методов в деловых и общественных организациях

или на общественных форумах в периоды нестабильности приносит облегчение, люди испытывают переживания, которые радикально изменяют их взаимоотношения в конфликте, направляя их в творческое русло. Минделл разработал понятия и методы процессуальной работы, отталкиваясь от эволюционно ориентированной психологии Юнга и исходя из своих знаний по теоретической физике. Он задался целью объединить психологию с физикой (11), чтобы понять природу и следовать за ней ее загадочными тропами.

НАКАЛ И ИНТЕНСИВНОСТЬ КОНФЛИКТА КАК ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Твердо придерживаясь в личном или общественном конфликте позиции одной из сторон, мы все же можем, хотя это и нелегко, интересоваться точкой зрения противоположной стороны и всеми силами стремиться к сближению позиций.

До тех пор пока вы отождествляете себя лишь с одной из сторон конфликта, вы либо сами ощущаете давление, либо сознательно или неосознанно стремитесь к подавлению противоположной стороны. Мы лишь продлеваем конфликт, стремясь отстаивать свою позицию, объяснять, оправдывать, защищать, нападать и даже быть посредником. Если мы строго идентифицируем себя с одной из позиций, это приводит к эскалации конфликта и он приобретает циклический характер, так как система находится в непрерывном поиске обратной связи и контакта с самой собой.

Накал и интенсивность конфликта становятся своего рода обратной связью; она притягивает внимание, напоминая о системной динамике, частью которой мы все являемся и от которой нам никуда не деться, даже если мы отождествляем себя только с отдельными сторонами и позициями. Осознавая присутствие обратной связи,

мы можем произвольно переключаться с одной точки зрения на другую. При этом взаимодействие может трансформироваться или эволюционировать.

Но как же нам выработать такую гибкость воззрений? Можно начать с того, чтобы всегда давать себе отчет в том, точку зрения какой из сторон мы поддерживаем. Осознавая свою точку зрения в определенный момент, мы сможем найти все стороны взаимодействия в глубине собственной личности и во взаимоотношениях с окружающими. Системное взаимодействие осуществляется одновременно на всех уровнях — в каждой личности, в межличностных отношениях, в социуме и в целом мире. Наш внутренний мир приобретает гибкость по мере того, как мы находим и преодолеваем границы своей идентичности и обнаруживаем, что наше сознание более не привязано к определенной точке зрения, а скорее перемещается по самым разным позициям и даже оказывается где-то между нами в том поле, которое объединяет в себе все взгляды.

Осознать различные позиции в самом себе не означает стать размазней или лишиться способности отстаивать свою правоту. Трудности при отстаивании своей точки зрения отчасти как раз и возникают из-за того, что противоположная или дополнительная позиция внутри нас присутствует, хотя мы и не отдаем себе в этом отчета. Пытаясь стоять на своем мнении по какому-либо вопросу, мы переживаем внутреннюю борьбу и в результате начинаем защищаться, становимся агрессивными или смущаемся.

Познакомившись с различными составляющими своего внутреннего мира, мы лучше различаем некоторые вещи: мы можем занять какую-то определенную позицию и встать на позицию «оппонента» и поддержать целостное взаимодействие, концентрируясь на том, как лучше начать коммуникацию, не сорвавшись в горячих точках (12). Этому могут активно способствовать форумы,

посвященные личным отношениям, отношениям в команде, в организации и в обществе. В подобной работе мы исследуем диаметрально противоположные роли в том или ином вопросе и, не замыкаясь на них, обеспечиваем условия для их продуктивного обсуждения.

В ВАННЕ: НАШЕ МЕСТО В ЕДИНОМ ЦЕЛОМ

Если вы хотите привести конфликт к разрешению или трансформации, следует понимать, что каждая возникающая при этом неоднозначная ситуация заставит вас эмоционально пережить каждую из поднятых проблем. Попытки соблюдать нейтральность и объективность, считать себя не вовлеченным в события конфликта — не соответствуют предназначению фасилитатора. Полезно приложить все усилия, чтобы осознать, какое место в данной системе готовят для вас ваши собственные особенности восприятия и ваша собственная история. В этом случае вам удастся помочь взаимодействию всех сторон конфликта, включая ту, которая близка лично вам. Естественно, ваше сознание всегда будет иметь определенные ограничения и всегда будут области, в которых вы не сможете отойти от привычной точки зрения, не сумеете способствовать ее конструктивному взаимодействию с другими.

Карл Юнг описывал процесс анализа или терапии как принятие терапевтом совместной ванны с клиентом. Вода у них общая и брызги летят друг на друга. Процесс затрагивает и изменяет их обоих. Но все же роль терапевта или аналитика состоит в том, чтобы сопровождать клиента в поиске «осознания» и способности различать элементы своего опыта, сновидений и процесса индивидуации.

Способствуя разрешению конфликтов в зоне военных действий, чрезвычайно важно осознавать свое место в данной ситуации — какова ваша личная история,

какие чувства вы испытываете и как вас воспринимают. Например, когда мы с Лейном работали на послевоенных форумах на Балканах, нам следовало отдавать себе отчет в том, как гражданство США влияет на наше отношение к происходящему и на то, как мы выглядим в глазах окружающих. Мы должны были чутко относиться к ограниченности нашего восприятия тех явлений, с которыми люди сталкивались в своих сообществах. Нам также следовало осознавать, что те «роли», которые мы играли, не были нашими собственными, но принадлежали к общему полю, в котором нам приходилось работать. Вот примеры некоторых из тех ролей, которые принадлежали этому полю и которые мы могли играть в любой момент времени: роль людей извне, которые стремятся подтолкнуть местное население к принятию своих идей; роль внешних пассивных наблюдателей; тех, кто пришел помочь; тех, кто надеется и верит в группу; роль гостя; роль глубоко сопереживающего человека; накопец, роль чужака.

Глава 24. Вернуться в общий дом: революция осознания

РАЗНЫЕ ПОСТЕЛИ

Неразрешимый конфликт способен вызывать ужасные переживания. Каждая из сторон обвиняет другую, и все вместе оказываются в западне. Кажется, ничто не может изменить ситуацию.

В послевоенных спорах между сербами и хорватами хорваты в частном порядке признавались нам, что им хотелось бы признать зверства, совершенные их стороной, но они считали, что не могут обсуждать эту тему до тех пор, пока сербская сторона не заговорит первой, признав ответственность сербов за развязывание войны, этнические чистки и зверства, творившиеся на оккупированных территориях Хорватии и Боснии.

С одной из хорватских участниц форума мы разговаривали «как женщина с женщиной». Я сказала, что это похоже на разбирательства в личных отношениях. Никто не желает первым признавать свою ответственность в длительном конфликте, особенно если считает, что с ним поступили несправедливо и правда на его стороне. Я сказала ей, что за многие годы своей личной жизни и практики семейной психотерапии поняла одну вещь: нет ничего хорошего в мнении, что если мы сделаем первый шаг, то нас это каким-то образом унизит или от нас убудет. Наоборот, я поняла, как много я могу для себя открыть, если переступлю через свое упрямство, через «границы» своей позиции и системы в целом, а не буду упорно настаивать, чтобы это сделал другой. Для целостной системы не имеет значения, кто делает первый шаг. Та женщина, всегда активно участвовавшая

в наших форумах, буквально расцвела на глазах. Вместо того чтобы хвататься за свою прежде одностороннюю точку зрения, она открыла для себя радость выхода за пределы привычной позиции в мир разных позиций и ролей.

В этом смысле каждый из нас является отражением своего сообщества, где есть много позиций и ролей и каждая требует положительной оценки, участия и расширения. «Переключение» на другую позицию означает не капитуляцию в каком-либо вопросе, а рост над собой. На одном из форумов кто-то сказал, что попытки мирного урегулирования в Хорватии напоминают проблему супружеской пары, которая после ссоры решила спать в разных постелях. Вопрос о том, кто первым согласится лечь в постель к другому, был нашей излюбленной шуткой на протяжении всего форума.

КОНФЛИКТ И ОСОЗНАНИЕ

При разрешении конфликтов и в процессе организационных изменений мы иногда просим людей высказать различные точки зрения и обнаруживаем скрытые за ними роли, такие как роль инициатора изменений или роль противника изменений, а также роли авторитета и бунтаря. Это помогает людям почувствовать себя не просто изолированными индивидуумами, они могут ощутить некий глубинный смысл или творческую движущую силу организации, открывая для себя то, как эта сила реализуется в их трениях и конфликтах. Так происходит и на общественно-политических форумах — вопросы дифференцируются, и коммуникация приобретает глубину по мере того, как каждая позиция и «роль» находят свое выражение, и все начинают осознавать, сколько возможностей для самореализации дает работа над проблемой, важность которой превосходит их индивидуальные

различия. Люди перестают ощущать себя «частью» и нередко «жертвой» системы и начинают чувствовать принадлежность к сложившейся ситуации в целом и ее потенциальному развитию. На форумах в Хорватии участники не раз признавались нам, что, если бы кто-то сказал им, что они будут чувствовать такую тесную связь друг с другом в смешанной группе сербов, хорватов, мусульман и других народов, они ни за что не поверили бы. Они ощущали единство и общее направление, которое включало в себя все их различия, конфликты, трагедии и вопросы, оставшиеся без ответа.

БЛЮДО ПРОБУЖДАЕТ ЦЕНИТЕЛЯ

Подобный стиль взаимодействия стимулирует осознание. Осознание не привносится в отношения извне, как соль в мясо. Скорее, вкус хорошего блюда пробуждает ценителя. Но когда мы чувствуем себя игрушкой в поле взаимоотношений, осознанность навряд ли характерна для нашего поведения.

В китайской философии термином «ву-вэй» («действие без усилий») обозначается такое действие, которое осуществляется без приложения силы, скорее при участии сознания и в надежном контакте с «ци», глубинным полем, движущим всеми нами. Йога учит, что опыт переживания тела в тех или иных позах йоги позволяет ощутить связь с глубинной жизненной силой, которая проявляет себя в различных архетипических позах (1). В конфликтной ситуации мы можем осознать свои реакции и чувства, находясь в контакте с тем полем, из которого они рождаются. Мы видим ситуацию шире, оказываемся способными охватить самые разные точки зрения и приобретаем связь с динамическим полем, которое формирует наши архетипические роли и определяет развитие наших взаимоотношений.

КАРТА И ТЕРРИТОРИЯ

Совершенно естественно, что в пылу конфликта человек не в состоянии отойти от своей позиции и смотрит на мир с одной-единственной точки зрения. Простым и интересным примером того, насколько мы бываем уверены в своей объективности, не отдавая себе отчета в относительности своей точки зрения, может послужить процесс создания карт. В последние годы все чаще стали поднимать вопрос о «нейтральности» или «объективности» карт, поскольку возросло понимание того, насколько карты зависят от социального, культурного, экономического и политического контекстов (2). Что будет отмечено на карте, а что нет, определяется не только тем, что существует в действительности, но и лично тем человеком, который ее составляет (3).

Карты составляют, исходя из определенных предпосылок, и пока эти предпосылки не очевидны, в кажущейся «объективности» попросту — без всякого упоминания этого факта опускаются те или иные детали. «Попробуйте отыскать дорожки для велосипедистов на карте автомобильных дорог или ближайшее захоронение токсичных отходов на туристической карте» (4). Карты влияют на нас подобно главенствующей парадигме, определяя наше мировоззрение, вопросы, которые мы задаем, и те, которые мы задать не способны.

На многих картах изображены сети дорог, ведущих от города к городу, или границы национальных государств и территорий. При этом подчеркивается важность именно этих аспектов, а не других признаков данного региона, таких как, например, уважение к народу и культуре коренного населения или поток беженцев, наводняющих этот район, флора и фауна, экосистемы, цвета, или рельефы, или духовная сущность этой земли.

Карты тоже использовались как орудие власти. В статье «Карты, знание и власть» Брайан Харли описывает, как карта связана со знанием и властью.

Карты имели для империализма не меньшее значение, чем пушки и военные корабли. При помощи карт заявлялись права на те или иные колонии задолго до того, как эти колонии были оккупированы войсками. Карты шли впереди империи. Топографы маршировали бок о бок с солдатами. Сначала они создавали карты для нужд разведки, затем — для общей информации и, в конце концов, в качестве инструмента умиротворения, насаждения цивилизации и эксплуатации той или иной колонии (5).

И далее:

...государство очень внимательно оберегает свои знания: карты всегда подвергались тщательной цензуре, их засекречивали и фальсифицировали (6).

Карты играли ключевую роль в становлении национальных государств. Важнейший вопрос, стоящий перед национальным государством, — это вопрос территории, которую оно занимает и которую следует оборонять всеми силами. Если под страной мы в первую очередь подразумеваем «национальное государство», то это понятие может стать для нас священным (7). Мы называем страну своей родиной, отечеством. Национальное государство может заменить собой духовную связь с землей, и именно за национальное государство мы готовы умирать и убивать.

Карты отражают и наше стремление к пересмотру истории, к уничтожению прекрасного и всяких следов травм и событий, которые произошли на том или ином склоне холма. Мы привыкаем к тому, что каждый регион кому-то принадлежит. Карты тоже символизируют нашу

тенденцию «объективно» оценивать регион или политическую проблему, не углубляясь в суть дела.

ЧТО МЫ ЗАМЕЧАЕМ: РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ МИРОПОНИМАНИЕ

Индивидуальное и коллективное мировоззрение определяется различными областями знания, культурой и местом проживания и постепенно развивается. Оно влияет на то, что и насколько мы готовы осознать и как ведем себя в конфликтной ситуации.

Научный метод

При обсуждении методов познания природы научные исследования иногда критикуют за стремление «доминировать», подчинить себе природу или установить над ней контроль. Но главная цель научного метода — принимая во внимание легкость, с которой мы игнорируем самые разнообразные факторы, влияющие на ситуацию, на наши предположения и на наше восприятие — усилить наше сознание. Научный метод основан на понимании того, что наблюдатель может легко оказывать влияние на объект наблюдения и по-своему его истолковывать. Пользуясь научным методом, мы можем сформулировать гипотезу о взаимосвязи различных феноменов, а затем проверить ее, целенаправленно снижая неуверенность относительно связи между определенными событиями. Если мы формулируем гипотезу о том, что кофеин ускоряет деятельность человека с утра, то нам придется не только наблюдать за потреблением кофеина и измерять скорость, но также определить, действительно ли кофеин приводит к такому эффекту, а не какие-либо другие факторы, например овсяная каша, йога или простая случайность.

мую роль в бесчисленных прорывах во всех отраслях знания. Недостатком этого подхода является то, что применять его все труднее, если вашей целью становится не разделение явлений или выделение отдельного фактора, а рассмотрение взаимодействия множества факторов.

Развивающиеся системы

Телеологическое направление поднимает вопрос об изначальной ориентации, которая присуща любой развивающейся системе. Вместо того чтобы рассматривать первопричину, оно интересуется пунктом назначения. В желуде изначальное заложено развитие целого дерева. Понятие «конечных причин» в биологии предполагало, что эволюцией живых систем управляли жизненные силы, в то время как механистическая парадигма настаивала на поиске каузальных психохимических феноменов, которые могли бы объяснить жизнь как последовательность причин и следствий (8). В телеологических концепциях зачастую предполагается наличие цели, «конечной» точки и даже сознания. Анри Атлан¹ указывает на то, что подобный образ мысли отрицает важность и возможность неожиданных событий (9). Теория сложности настаивает на том, что системы не являются ни «причинными» (причины и следствия), ни «конечными» (стремление к изначальной цели), но скорее эволюционными и творческими и включают в себя все неожиданное, поэтому и возникают свойства, наличие которых до определенных пор нельзя было предположить.

Описывая развивающиеся и самоорганизующиеся системы, Илья Пригожин, получивший за свою

¹ *Атлан Анри* (род. 1931) — французский биолог и философ, один из первых разработчиков теории сложности и теории самоорганизации. — *Примеч. пер.*

новаторскую работу Нобелевскую премию, говорил: «Это нечто совершенно новое, такое, что может породить новое научное знание о природе нашей Вселенной... Если хотите, эта идея глубоко оптимистична» (10).

Телеология и феномен «мечтания» в психологии

Работа Юнга была основана на телеологической парадигме и является одним из ее бастионов. В то время как Фрейд интересовался вопросами происхождения сновидений и неврозов и их причина, Юнг стремился понять те направления, в которых разворачиваются и эволюционируют сны и так называемые неврозы, указывая индивиду путь в процессе развития целостности, дифференциации и уникального способа его самовыражения (11).

Арни Минделл работает с тем творческим направлением, которое обнаруживается в наиболее глубоких, чувствительных слоях личности, в наших едва различимых телесных ощущениях, которые предшествуют сигналам, коммуникации и симптомам (12). По наблюдениям Минделла, все, что создает угрозу нашей идентичности на индивидуальном уровне, на уровне взаимоотношений с партнером, в группе или организации, отражает зарождающийся процесс «мечтаний». На этот процесс могут указывать не только сновидения, но и телесные переживания и симптомы, появление непреднамеренных сигналов коммуникации, наши экстремальные состояния и конфликты. Поначалу мы воспринимаем новые впечатления как раздражающий фактор для нашей идентичности или как нечто неожиданное. Если мы переместим наш локус осознания и откроем для себя связь всех частей, то обнаружим, что все, казавшееся неприятным или бессмысленным, содержит потенциал и указывает нам направление развития (13).

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ ОСОЗНАНИЯ

Промышленная революция

Промышленную революцию часто рассматривают с точки зрения того, как она повлияла на наше мировоззрение и на ход истории. Этим термином принято обозначать гигантские технологические, экономические и социальные изменения, которые произошли в XVIII—XIX веках в Великобритании, Западной Европе и Северной Америке, а затем затронули весь мир. Машины взяли на себя большую часть работы в сельском хозяйстве, и люди стали стекаться в города в поисках работы на промышленных предприятиях, что очень сильно изменило направление миграционных потоков, культуру, общественную жизнь, семью, экономику, а также наше восприятие мира и отношение к нему, сделав их более «механистическими».

Благодаря нововведениям в сфере транспорта, коммуникации и сфере вооружений промышленный век повлиял и на наш подход к конфликтам. Позднее технологический прорыв привел к созданию атомной бомбы и вызвал общее понимание того факта, что «цивилизация» достигла такого уровня технологии, на котором мы способны стереть с лица земли самих себя и опасно отстаем в деле поиска альтернативных решений мирового конфликта.

Информационная революция

Революция информационных технологий сместила фокус нашего внимания на вопросы коммуникации, доступа к информационной сети и интерактивной взаимосвязи. Интернет дал нам доступ к неисчерпаемому источнику

информации друг о друге, и впервые в истории люди стали испытывать переизбыток информации.

Наряду с мировоззрением, основанным на коммуникации в автономных и взаимосвязанных сетях, информационная эпоха принесла с собой новые формы военных действий, включающие «подразделения информационной войны», «проникновение в информационную сеть врага» и точечные удары ракет, управляемых компьютерами (14). Аналитики разведывательной информации говорят, что их работа подобна попыткам пить воду из пожарного брандспойта. Огромное количество информации создает серьезные проблемы с ее сортировкой и интерпретацией. Очень сложно отслеживать информацию, связанную с нарушением гражданских прав и прав человека, особенно в атмосфере, сложившейся после 11 сентября 2001 года. И все же воодушевляет, хотя вместе с тем и пугает, понимание того, что никто не в состоянии взять под контроль весь этот невиданный объем информации, собранный нашей эпохой. Здесь требуется что-то иное.

Осознание и воображение

Информация, независимо от ее объемов, мало что нам даст при отсутствии осознания, мудрости и воображения. Уильям Ирвин-Томпсон писал: «Воображение нужно для того, чтобы придать теории или гипотезе форму», и Уайтхед давным-давно доказал, что «...множество фактов абсолютно бесполезно, и ни гомеровский эпос, ни научная теория эволюции не могли бы вырасти из голых фактов» (15). И все же красота информационной революции в том, что взаимообмен и обратная связь осуществляются во всех направлениях и нам приходится жить в бурлящем хаосе, в творческом процессе, которым никто не управляет.

Творчество рождается в великой сети взаимодействий со всеми ее захватывающими поворотами и потаенными закоулками. Попробуйте поискать что-нибудь

в Интернете, и как только вы собьетесь с пути, то внезапно обнаружите ссылку, которую давным-давно хотели встретить, и она увлечет вас в совершенно другом направлении. Инсайт, новый импульс, новая ассоциация или новая мысль возникают у вас в голове благодаря хитросплетениям информации, помимо целей вашего поиска. Мне это напоминает импровизацию музыкантов. На какой-то момент кажется, что музыкальная линия распадается на части, становясь немного бессвязной и хаотичной. Но в то время как интерес у публики начинает пропадать, музыканты уверенно улыбаются, прекрасно чувствуя себя в этом хаосе и зная, что именно в этот момент мелодия готова пробудиться с новой силой, следуя самым неожиданным поворотам.

Разные области знаний, когда-то мало связанные, все сильнее проникают друг в друга, пробуждая интерес к междисциплинарным исследованиям и проектам. Там, где соприкасаются «границы» различных сфер нашей деятельности, появляется возможность обсудить идеи и взгляды на мир. С крушением старых ограничений рождается потенциал для дальнейшей дифференциации внутри областей и между областями знаний и для обнаружения скрытых доселе мировоззренческих принципов, общих для различных направлений. Можно даже сказать, что творческие силы и осознание пробуждаются именно в той точке, где мы сталкиваемся друг с другом.

В информационную эпоху мы стали чрезвычайно доступны друг для друга. Но несмотря на это, мы лишь начинаем искать подходы к решению проблем в общественных отношениях и мировой политике. Информационных сетей недостаточно. Ради достижения более глубокого и творческого контакта между людьми нам необходим инструмент для совершенствования взаимоотношений.

Глава 25. Горячие точки и значимое различие (1)

СЕТИ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Сети внутри сообществ и организаций и между ними не имеют единых центров и опираются на деятельность независимых индивидов и групп, готовых поделиться своими идеями и ресурсами (2). С наступлением информационной эры нашим девизом стало «думать глобально, действовать локально», мы стали воспринимать жизнь как огромную сеть с множеством «голов» (3), или узлов в мире, где совершенствуется социальное, политическое и экологическое сознание. Наши индивидуальность, автономия, инициатива, наш вклад и чувство ответственности занимают важное место в этом мировоззрении, так же как и наша сложная взаимозависимость. Коммуникации и транспорт неуклонно упрощают нашу связь друг с другом, так что большие расстояния больше не являются для нее помехой. В начале 80-х годов прошлого столетия Джон Найсбит¹ назвал переход от иерархической организации к сетевой одним из «мегатрендов», которые определяют наше будущее (4). В отличие от централизованной бюрократии, все части сети независимы и взаимосвязаны. Вместо того чтобы брать на себя какую-то одну «роль» или функцию в организации или семье, нам нужно проявлять гибкость и принимать на себя ответственность не только за свой отдельный участок, но и за судьбу целого.

¹ Найсбит Джон (род. 1929) — американский футуролог, автор бестселлера «Мегатренды», проданного в 57 странах мира девятимиллиардным тиражом. — *Примеч. пер.*

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ, РЕВАНШИ ВЛАСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

Децентрализация и сетевая организация открыли для нас новые миры и способы коммуникации как на локальном, так и на глобальном уровнях (5). Но если посмотреть на политический ландшафт наших дней и на поведение крупных транснациональных корпораций, то децентрализация может показаться несбыточной мечтой. Создается впечатление, что тенденция к децентрализации, растущей автономии, сетевой организации и демократии (которая появилась некогда в ответ на сосредоточение власти и доминирование) снова купируется противоположной, негативной тенденцией к усилению централизации власти и укреплению иерархической структуры невиданного доселе масштаба.

Обе эти тенденции проявляются в современных войнах. Террористические ячейки представляют собой децентрализованную структуру. Такая структура позволяет террористам процветать, так как у них нет уязвимого центра. Невозможность «контролировать» децентрализованную структуру террористической активности, в свою очередь, привела к усилению тенденций, направленных на подавление демократии, централизацию власти и установление единоличного военного господства США на мировой арене.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ВЛАСТЬ В БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

В трагедии бывшей Югославии важную роль сыграло переплетение противоположных тенденций к децентрализации и централизации власти. Когда у власти еще находился маршал Тито, он пытался укреплять конфедеративный союз Югославии, создавая условия для полноправного участия в жизни страны всех ее

полуавтономных регионов. После его смерти конфедерация осталась прежней, но его роль исполнить было уже никому. Хотя правление Тито было более свободным по сравнению с режимами других коммунистических стран, все же он был диктатором и твердо исполнял роль «центральной власти». Наиболее существенные разногласия в процессе последовавшего распада и ужасающей войны в Югославии возникли по поводу Воеводины и Косова — сербских провинций, которым была предоставлена частичная автономия с представительством и правом голоса в конфедерации. Это было сделано для защиты и учета их голосов в составе конфедерации.

Однако Сербия была с этим не согласна, и, когда умер Тито, сербы стали предпринимать шаги для того, чтобы занять место центральной власти, что ввергло конфедерацию в состояние хаоса. Действия Сербии подтолкнули Словению к решению о выходе из состава конфедерации с целью установить национальную автономию. Ее примеру последовали Хорватия и Босния, что непосредственно привело к вспышке насилия. Динамика национализма включала в себя обе тенденции — претензии сербов на создание Великой Сербии и ответ на них в форме сепаратизма. Стремление Хорватии отделиться от бывшей Югославии и образовать самостоятельное государство было вызвано не только желанием самоутвердиться, защитить себя и обрести автономию, но и собственными националистическими течениями, жаждавшими заполнить централизованную власть.

КАК МЫ ВЕДЕМ СЕБЯ В ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ

Когда система приходит в движение и кажется охваченной хаосом, тут же появляются лазейки для захвата власти. Подобная динамика хаоса и подавления характерна для горячей точки. Арнольд Минделл описывает горячие точки (6) как участки системы, в которых

затронуту нечто жизненно важное и нарушен некий статус-кво. К примеру, на групповой встрече или на форуме горячими точками становятся моменты напряжения, неожиданных озарений и стычек между участниками. На форуме можно констатировать возникновение горячей точки, если кто-то сказал нечто такое, после чего последовал взрыв смеха или напряженная тишина с последующим стремлением продолжать работу так, будто ничего не произошло. Горячая точка подобна небольшой дырке на поверхности статус-кво, через которую проникает раздражающий фактор. Если мы регулярно игнорируем горячую точку, она возникает снова и снова, порождая конфликт. В регионах с серьезными конфликтами горячие точки представляют собой неиссякаемый источник боли и возмущения, затронув который мы спровоцируем травматические симптомы. Тем не менее попытки обойти горячую точку тоже приводят лишь к обострению болезненного конфликта. Если мы предельно осторожно обращаемся с горячими точками, они становятся источником трансформации. Работая в Хорватии, мы иногда называли горячие точки дверями из прошлого в будущее. Конфликты циклически развиваются вокруг горячих точек, в результате чего история повторяется вновь и вновь. Но если подходить к горячим точкам осторожно и осознанно, они могут стать дверями в другое будущее.

Если при взаимодействии горячую точку хотя бы на некоторое время последовательно упускают из виду, могут возникнуть общее смятение и беспокойство, а также потеря интереса и настроение безысходности. При очередном возвращении горячей точки один может впасть в возбужденное состояние, испытать разочарование или хлопнуть дверью. В этот момент другой обычно старается взять ситуацию под контроль и утвердить свою власть. Кто-то в группе может потребовать установления порядка, снова собрать всех вместе или прояснить

ситуацию. А еще в раскаленной атмосфере угрозы насилия может вызвать полицию или военных.

В горячих точках могут присутствовать самые необычные сигналы и возникать чувство, будто что-то «не в порядке» или «вышло из-под контроля». Людей может охватывать страх, и все же они сохраняют готовность исследовать горячую точку в той ситуации, когда для этого обеспечены все условия. Люди также с пониманием относятся к тому факту, что если просто подавлять горячую точку, то она непременно вернется в еще более опасном проявлении и контролировать ее будет еще сложнее. Как только группа испытает на практике, что значит проработка горячей точки с помощью опытного специалиста, она, как правило, становится готовой к дальнейшей работе в этом направлении. Горячие точки могут возникать на любом уровне системного взаимодействия. Вы можете обнаружить горячую точку в своем сообществе, в своих отношениях с близкими и в своем собственном сердце, а зоны вооруженных конфликтов недаром называют горячими точками планеты.

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ: НЕЛИНЕЙНОСТЬ, ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Как уже упоминалось ранее, горячие точки возникают на «границах» системы (7). Интересно рассмотреть наше поведение в горячих точках с позиции изучения нелинейных систем. Как мы могли видеть, понятие линейности обозначает такую ситуацию, когда небольшой импульс приводит к небольшому изменению. Нелинейная система — это высокочувствительная система, которую даже самое малое воздействие способно погрузить в хаос или направить к трансформации.

В горячих точках мы ведем себя в полном соответствии с принципом нелинейности. Вроде бы линейная беседа на «важную» тему на встрече или за обеденным

столом мгновенно превращается в нелинейную при соприкосновении с горячей точкой, например если кто-то сделал многозначительный намек или поднял острый вопрос. Первым порывом группы будет попытка продолжать разговор как ни в чем не бывало, стараясь вернуться к стабильному состоянию (гомеостазу) и текущему направлению. Опытный взгляд сразу замечает подобные горячие точки, и каждый способен интуитивно почувствовать их появление.

Когда горячая точка возвращается во второй или в третий раз, взаимодействие принимает все более нелинейный характер и его скорость нарастает. Несколько человек могут говорить одновременно, или беседа происходит одновременно на разных уровнях, что приводит к непониманию. В разговоре образуется несколько отдельных, но пересекающихся тем. Могут наблюдаться возросшая подвижность участников и изменения в интонации, или меняется атмосфера и настроение группы. Основные параметры подобного взаимодействия, по-видимому, являются универсальными для всех народов, хотя возможны и специфические элементы поведения, культурно обусловленные различия в стиле и степени нелинейности общения, а также в том, насколько часто предпринимаются попытки одновременной коммуникации.

В горячей точке происходит также спонтанная децентрализация. Находясь в группе, люди оборачиваются и шепчутся друг с другом, делясь впечатлениями или выражая свою точку зрения. Группа может разбиться на малые группы. Когда некая организация достигает горячей точки, в ней могут спонтанно образовываться подгруппы или группы несогласных. Подобную децентрализацию можно рассматривать как путь к слому старой системы, к новой самоорганизации и творческому развитию системы при условии, что участники процесса относятся к делу осознанно. В групповом взаимодействии или на форуме мы иногда обозначаем горячую

тему и просим людей разбиться на группы и обсудить ее. Мы предлагаем сделать перерыв на чашечку кофе, во время которого люди могут непринужденно поболтать об актуальном процессе, а затем так же непринужденно поделиться мнениями со всей группой. Можно предложить и некое упражнение, которое побудит каждого человека или малую группу к осознанию своей позиции, к тому, чтобы поделиться ею с остальными.

Иногда, если в группе возникает подобного рода «нелинейное» взаимодействие, люди начинают нервничать или опасаются, что все их усилия могут пойти прахом. Предпринимаются всевозможные попытки восстановить порядок в этом хаосе.

Мы можем вернуться в горячую точку и внимательно, вдумчиво рассмотреть весь процесс взаимодействия, который принял «крайние» формы (8) по сравнению с обычным общением в данной системе. В одной организации люди обсуждали свои трудности в общении и строили предположения относительно своего будущего. Горячая точка приняла вид мимолетного саркастического комментария, призванного поставить на место новеньких членов организации. Стало совершенно ясно, что в данной организации проблемным являлся вопрос статуса, авторитета и принятия решений. Эта горячая точка явилась для нас сигналом к тому, чтобы начать прямое обсуждение проблемы авторитета и чувств, которые эта проблема вызывает. Горячие точки приводят к нелинейным и совершенно удивительным поворотам событий даже в тех случаях, когда актуальные вопросы неожиданно приобретают новые измерения.

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА МЕЖДУ ДВУМЯ УЧАСТНИКАМИ ФОРУМА

Множественные нелинейные децентрализованные взаимодействия, которые возникают в горячей точке,

зачастую отражают различные измерения и подтексты тех спорных вопросов, которые следует обсудить в первую очередь. На одном из форумов в Хорватии мы обсуждали сложные вопросы ответственности и примирения, с которыми людям приходится сталкиваться в своих регионах. Один мужчина стал перешептываться и обмениваться шутками со своим другом. Сидевшая рядом женщина обернулась к ним и попросила не шуметь. Мужчина ответил ей: «Ни за что» — и употребил слово, характеризующее ее как «девочку». Атмосфера вокруг них словно сгустилась. Это была горячая точка, момент, который люди на собраниях обычно либо стараются не замечать, подавить, либо берут под жесткий контроль. Мы вскоре обнаружили, что эта горячая точка открывает дорогу к трансформации группы. Одним из вариантов было бы вернуться к горячей точке, которая наверняка была затронута до того, как началось перешептывание. Другим — обращение к имеющейся горячей точке между двумя участниками. В данном случае мы решили сосредоточиться на их проблеме в общении. Произошел процесс «децентрализации»: сначала в виде перешептываний и шуток, затем в общении между двумя участниками и, наконец, в том многообразии вопросов, которые неожиданно выступили на первый план.

Мы с Лейном побудили этих двух членов группы довести свое взаимодействие до логического завершения. В начале шепот и шутки мужчины вывели женщину из равновесия, а затем она возмутилась его пренебрежительным сексистским комментарием. Он, в свою очередь, будучи старше ее, был недоволен тем, как она — с его точки зрения, неуважительно — с ним разговаривала. В данном случае поводом для взаимодействия стали вопросы пола и возраста. Она чувствовала себя униженной и была возмущена его отношением, которое проистекало из их разницы

в общественном положении (мужчина среднего возраста и молодая женщина). В результате этой статусной динамики он оставался подчеркнуто спокойным, а она все сильнее выходила из себя. Чем спокойнее казался мужчина, тем более эмоциональной и расстроенной становилась женщина.

По мере того как мы вели их взаимодействие, в их взаимопонимании мало-помалу стало вырисовываться новое измерение, которое подготовило удивительную трансформацию как их собственного отношения друг к другу, так и всей группы в целом. Он едва заметно дрожал. Когда мы спросили его о причине этой дрожи, его «спокойное» отношение изменилось и он с искренним чувством сказал ей, что не хотел причинить ей боль своими шутками. Его голос дрогнул: «Если бы я не смеялся, то расплакался бы». В этот момент ее идентификация резко изменилась. Она перестала чувствовать себя жертвой подавления и поняла, что его шутки и напускное спокойствие было обусловлено не только его общественным статусом. Они произрастали из той бездны боли, которая сопровождала обсуждаемую в тот момент проблему войны. На первый взгляд казалось, что «статус» полностью его оправдывает и что он в свои годы может относиться к ней «спокойно» и пренебрежительно, не признавая перед ней своей ответственности, в то время как она была ужасно расстроена. Внезапно она осознала свое преимущество как человека, не имевшего во время войны опыта личной травмы, и поняла, что если она чувствовала относительную свободу в самовыражении, то у него такой свободы не было. По мере того как продолжался их диалог и в него вплетались различные темы, поднятые в горячей точке, группа достигала все более глубокого понимания сложнейших вопросов, связанных с ответственностью, в частности, в отношениях между сербами, хорватами и мусульманами в их регионе.

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ КАК ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ — ЗАРОЖДЕНИЕ ОСОЗНАНИЯ

Горячие точки можно рассматривать как точки бифуркации в системе. Пригожин (9) описал, как система в далеком от равновесия состоянии достигает точки бифуркации, в результате чего может происходить либо дезинтеграция, либо радикальное изменение в самоорганизации системы (10).

Мы знаем, что горячая точка представляет собой момент эскалации конфликта и разрушения коммуникации, но именно в этот момент система может выйти на новый уровень организации. Этот процесс может привести к дифференциации и углублению общественной жизни. Мы наблюдали, как в «хаосе» горячей точки наша собственная тяга к доминированию и контролю легко делает нас игрушкой в чужих руках. Хаос становится оправданием для карательных мер и применения грубой силы. Нелинейные тенденции системы могут привести и к тому, что в теории сложности называют «эмерджентностью» — к возникновению взаимодействий нового типа, к более дифференцированной самоорганизации.

В горячих точках конфликта зарождение самоорганизации нового типа связано с осознанием, или сознательным отношением. Мы знаем, что горячие точки в наших взаимодействиях в сообществе, обществе и в глобальных масштабах слишком часто выливаются в грубое насилие и трагедии. И в то же время горячие точки конфликта могут на деле отражать попытку развить в себе способность к осознанному взаимодействию.

БАБОЧКИ И ИНДИВИДЫ. ЗНАЧИМОЕ РАЗЛИЧИЕ

Нелинейные тенденции в горячих точках обуславливают чрезвычайную чувствительность системы к обратной связи, к отношениям между собственными элементами

и подсистемами. Возросшая чувствительность означает, что мы легко можем оказаться втянутыми в бурные процессы изменяющихся подсистем. Эту чувствительность постоянно провоцируют, чтобы вызвать войну в нестабильном регионе. Чтобы способствовать мирному урегулированию в таком регионе, требуются необыкновенная чувствительность и осознанность в отношении происходящих процессов, способов обратной связи и коммуникации данного поля.

Чувствительность неравновесной системы может втянуть в войну, но она также позволяет достигать значительных изменений при относительно малых воздействиях. Если вы поймали себя на мысли, что застарелые и непреодолимые проблемы нашего мира невозможно разрешить никакими усилиями, вспомните знаменитую «бабочку». Вспомните потрясающие истории о том, как действия одного человека коренным образом преобразовали окружающую систему. Моя любимая — история Розы Паркс. Розу Паркс, афроамериканку, попросили встать и перейти в конец автобуса; это происходило с ней каждый раз. Но в тот великий день 1955 года в городе Монтгомери штата Алабама она отказалась подчиниться, сославшись на усталость. Позже она объясняла: «Я больше не могла вставать с места». Она устала, ей надоело вставать только из-за того, что она чернокожая. В тот день это оказалось для нее неприемлемым. Она не поднялась с места и не перешла в конец автобуса даже после настоятельных требований водителя, и ее выдворили силой. Это событие привело к автобусной забастовке в городе Монтгомери. Чернокожие перестали пользоваться автобусами. Они ходили пешком, повсюду только пешком. Это движение переросло в движение за гражданские права, которое оказало мощнейшее воздействие не только на американское общество, но и на весь мир, вдохновив всех угнетенных людей на борьбу.

ГРАНИЦЫ, ЦВЕТ КОЖИ И КОНДИТЕРСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Нам необходимы границы, чтобы знать, кто мы такие, чтобы иметь возможность взаимодействовать друг с другом и с различными общественными структурами. Нам нужны границы, чтобы вести сознательную жизнь. Мы должны знать самих себя, чтобы иметь возможность не соглашаться, или быть близким с кем-то, или просто участвовать в общественной жизни. Если мы чувствуем себя нежеланными в своей культурно обусловленной идентичности, то оказываемся в изоляции. Если мы входим в доминирующую группу или в состав большинства, то у нас может пропасть чувство культурной идентичности, в результате чего может возникнуть ощущение оторванности от общества, несмотря на все свои привилегии.

Но почему я должен умирать или убивать людей ради какого-то парня из моей банды, религиозной общины или этнической группы? Хотя идентификация с группой может вызывать в нас глубокое чувство любви, доверия и преданности, все же отождествление себя с одной группой и враждебность по отношению к другой во многом не столь прочно связана с нашими личными качествами, как нам кажется. Любая поляризация поля мгновенно мобилизует нас. Ребята из одной банды легко могли бы принадлежать к другой, если бы жили на другом конце улицы. Во время войны в бывшей Югославии члены смешанных семей нередко расставались, так же как друзья и соседи.

Язык на территории бывшей Югославии в Сербии было принято называть сербскохорватским, а в Хорватии — хорваткосербским. Таким образом подчеркивались различия в грамматике и лексике. Мои друзья рассказывали мне, что детям в школе приходилось изучать эти различия. В 90-е годы эти различия, которые многим казались совершенно незначительными, стали приобретать невероятную значимость. Мне доводилось слышать, что

на некоторых конференциях люди настаивали на присутствии двух переводчиков — одного для хорватов, другого для сербов. Небольшие культурные различия тоже могли нести огромную нагрузку. Я быстро выучила, что хорваты при встрече целуются в щеки дважды, а сербы — трижды. Хеджес¹ пишет: «На Балканах велись горячие споры по поводу происхождения имбирных пряников в форме сердца. Хорваты настаивали на том, что эти пряники хорватские. Сербы со злостью заявляли, что сербские. Если бы вы сказали представителям одной этнической группы, что имбирные пряники изобрела другая группа, вас запросто могли бы избить» (11).

Чувствительность к окружающим условиям в горячей точке означает, что почти любой фактор может подстегнуть развитие событий или накалить ситуацию до предела. За счет эксплуатации этого фактора могут быть спровоцированы вооруженные конфликты и насилие. Дети из уличных банд утверждают, что цвет кожи, татуировки на теле и границы кварталов являются серьезными вопросами жизни и смерти. Различия между красным, желтым, черным, коричневым и белым цветами наложили свой отпечаток на травматическую историю нашего мира. Исторические исследования показывают, как разрабатывались понятия о расовой принадлежности и как они использовались с целью внедрения идей о расовом превосходстве и расовой неполноценности ради достижения политических и экономических целей, а также для обоснования колонизации (12).

СФЕРА ЧУВСТВ

Осознание требует дифференциации в сфере чувств и мыслей, но она требует также сочувствия и внимания

¹ Хеджес Кристофер (род. 1956) — журналист и писатель, автор книг о политике и обществе Америки и Ближнего Востока. — Примеч. пер.

к другим людям. Большинство из нас предпочитает ни во что не вмешиваться и ничем не интересоваться, если не ощущает личной заинтересованности. Но в таком случае мы не способны поставить себя на место другого. Не приходилось ли вам замечать, как возрастает ваш интерес к новостям из того или иного региона, если вам самому довелось там побывать? Если я вижу в новостях репортаж из Косова, то мне сразу хочется узнать, идет ли речь о Приштине или о Митровице. Я вспоминаю глаза людей и те истории, которые нам доводилось слышать, музыку и переводы волнующих песен о свободе, на которые в течение многих лет был наложен запрет. Я вспоминаю юных солдат ООН, охранявших сербские анклавы, мешки с песком, колючую проволоку, сгоревшие здания, перевернутые автомобили, мусор на склоне холма, красоту зеленых склонов на границе с Македонией, которую приходилось пересекать в обход медлительных постов. Я знаю наверняка, что если бы не побывала там, то, читая новости, мне было бы труднее понимать, что происходит, и я не испытывала бы такой заинтересованности и столь глубокого сочувствия.

Каждый из нас ограничен в своем познании посреди огромного потока информации и мировых проблем. Для каждого из нас что-то имеет большее значение, а что-то меньшее. Мы с вами видели, как привилегии, с одной стороны, и угнетение и боль, с другой, зачастую снижают нашу способность сочувствовать чужим судьбам и даже своей собственной.

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ, БИТВЫ И БАБОЧКИ

В горячей точке нас охватывает возбуждение и страх. Мы видели, как разжигается насилие в горячих точках на границах нашей идентичности, определяющейся нашей культурной, этнической и религиозной принадлежностью,

местом пребывания, актуальными политическими и экономическими обстоятельствами. В горячей точке мы легко теряем ориентацию и готовы на все, лишь бы почувствовать себя в безопасности. В горячей точке мы испытываем ужас и жаждем обрести контроль и власть над ситуацией. Мы примыкаем к одной из противоборствующих сторон. Чувствительность и нелинейные тенденции в горячих точках обуславливают возникновение сильнейших разрушительных движений в этом поле. Мы можем чувствовать, как нас засасывает в ад, мы можем чувствовать себя оторванными от мира и не причастными ни к чему. На протяжении всей этой книги мы наблюдали, как горячие точки бередят раны истории и стимулируют воспроизведение травматического опыта и грубейших несправедливостей. Все это дополнительно усугубляется измененными состояниями сознания, которые, подобно горячему, обостряют динамику происходящего.

В то же время горячие точки затрагивают наши глубочайшие чувства, связь друг с другом и тот потенциальный конфликт, творческие силы которого дремлют внутри каждого из нас. Мысль о том, что горячая точка есть момент, когда могут проснуться осознание и сердечное отношение к другому человеку, вызывает энтузиазм. Это момент стимуляции и раздражения, когда мы способны проснуться и вступить в диалог. В последние годы люди, изучающие теорию сложности, заявляют, что осознание является самым удивительным и загадочным «эмерджентным феноменом» среди всех известных явлений (13).

Способность к рефлексии — глубоко заложенное свойство нашей природы. Мы способны не только втягиваться в процессы поляризации и жестокие битвы, но также познавать конфликты внутри себя и собственную целостность. В мифах о Творении боги иногда пытаются познать себя посредством нас, своих созданий (14).

Один мой коллега из Индии (15) как-то сказал мне, что в «Бхагавад-гите» диалог Арджуны с Кришной на поле

брани подобен общению с фасилитатором в ситуации конфликта. И он показал на центр помещения, в котором 300 человек из 30 стран мира собрались на конференцию, чтобы глубоко вникнуть в природу мировых конфликтов и научиться налаживать взаимодействие друг с другом (16).

Задача, которую необходимо решить в процессе индивидуации, — не давать втянуть себя в борьбу внутренних и внешних сил, но активно способствовать взаимодействию на этом «поле брани» наших личных судеб.

Хотя всех нас объединяют глубинные силы и законы природы, в то же время у каждого своя сугубо индивидуальная дорога. Можно сказать, что мы — те самые «бабочки» к судьбам которых относится понятие «эффекта бабочки», и нас не только носит по волнам и подхватывает течениями, но мы способны следовать за своими едва заметными ощущениями и в каждый момент даже из самых отдаленных уголков мира можем повлиять на погодные условия истории. Когда чаша терпения кажется переполненной в результате политических событий или событий личной жизни, я люблю повторять вслед за Ганди: «Что бы ты ни делал, это не будет иметь особого значения, но очень важно, что ты это делаешь» (17).

Приложение. Таблица симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у отдельных лиц и признаки коллективной и общественной травмы

Далее я привожу список симптомов посттравматического стрессового расстройства в соответствии с классификацией DSM-IV (четвертое издание «Диагностического и статистического учебника психических расстройств» (левая колонка), а также соответствующие симптомы групповой и коллективной травмы (средняя колонка) и признаки массовой травматической динамики (правая колонка), которые я выделяю.

Симптомы посттравматического стресса у индивидов	Признаки групповой или коллективной травмы	Травматическая динамика в общественном масштабе
<i>А Данное лицо пережило травмирующее событие, одновременно обладавшее следующими признаками:</i>	<i>А С группой или сообществом произошли события шокирующего характера, которые:</i>	<i>А Произошли события, выходящие за рамки базовых понятий о правах человека:</i>
1 Человек испытал или стал свидетелем события или событий, в ходе которых другой человек умер, подвергся опасности гибели, был серьезно травмирован или существовала угроза его физическому здоровью.	1 Потрясли основы общественного уклада и создали серьезную угрозу благополучию или выживанию данной группы или сообщества.	1 Они могли включать в себя проявления жестокости, выходящей за рамки международного гуманитарного законодательства и конвенций по ведению войны.
2 Реакция данного лица включала в себя острый страх, чувство беспомощности или ужаса. У детей подобные переживания могут выражаться в повышенной возбудимости или неконтролируемом поведении.	2 Вызвали ужас и чувство беспомощности в масштабах сообщества.	2 События могли вызвать всеобщий страх и привести к бегству с мест постоянного проживания и геноциду.

В Травмирующее событие постоянно воспроизводится, при этом имеют место какие-либо из ниже перечисленных реакций:

- 1 Возвращающиеся мучительные воспоминания о происшедшем, в том числе образы, мысли и впечатления. У детей могут присутствовать повторяющиеся игры, в которых выражаются определенные темы или аспекты психологической травмы.
- 2 Периодические мучительные сновидения на тему случившегося. У детей ночные кошмары могут не иметь явных признаков связи с реальными событиями.
- 3 Ощущение, будто травмирующее событие повторяется (ожившие воспоминания, иллюзии, галлюцинации и диссоциативные флешбэки, часто в момент пробуждения ото сна или под воздействием опьянения). У детей может иметь место специфическое игровое воспроизведение событий.
- 4 Серьезные душевные страдания в ответ на внутренние или внешние раздражители, которые символизируют или напоминают некий аспект травмирующего события. (В издании DSM-III-R одним из спусковых механизмов индивидуальной психологической травмы назывались годовщины травмирующих событий.)

В Коллективная травма могла быть пережита повторно в эпизодах следующего характера:

- 1 Возвращающиеся тяжелые воспоминания о событиях прошлого.
- 2 Групповое и коллективное «мечтание», нередко с воспроизведением противостояния и конфликтной ситуации.
- 3 В процессе обсуждения или споров по какому-либо вопросу затрагивается «горячая точка», в результате чего травмирующее событие снова становится актуальным и воспроизводится, выражаясь в сильных аффектах, флешбэках и висцеральных реакциях. Это может происходить в моменты, когда группа находится в измененном состоянии сознания.
- 4 Группа, подгруппа или сообщество в целом могут испытывать возмущение, огорчение и напряженность, если некое новое событие символизирует или напоминает определенный аспект изначальной коллективной травмы.

В Травма воспроизводит себя снова и снова, история повторяется в ситуациях следующего характера:

- 1 Травмирующие события и воспоминания о прошлом становятся объектом манипуляций и переживаются как вторжение извне без всякой возможности управлять ситуацией или делать осознанный выбор.
- 2 Травматический опыт воспроизводит себя в новых актах возмездия и подавления. Архетипические роли угнетателя и угнетенного имеют мифическую основу и принимают невероятные масштабы.
- 3 Прошлое не только оживает в памяти, но и воспроизводится в реальности. (К примеру, убивая мусульман, сербские боевики думали, что они защищают свою страну от турецких оккупантов, присутствовавших на той территории несколько веков назад.)
- 4 Годовщины травмирующих событий используются для того, чтобы воскресить в людях чувство возмущения и жажду возмездия. (К примеру, Слободан Милошевич использовал 600-летнюю годовщину битвы на Косовом поле, чтобы дать толчок националистическому движению в Сербии.)

- 5 Психологическая реакция в ответ на внутренние или внешние раздражители, которые символизируют или напоминают некие аспекты травмирующего события.
- 5 Готовность остро реагировать на все, что имеет отношение к изначальному конфликту. Когда новое событие напоминает группе или сообществу о травме прошлого, в сообществе вновь возникают атмосфера и напряженность того момента. Это может привести к вспышкам насилия, насилие становится легко спровоцировать.
- 5 Повышенная реактивность националистических движений и их готовность к быстрой мобилизации. Люди с легкостью воспринимают противоположные взгляды в ответ на импульсы со стороны властей и дезинформацию.
- С Последовательное избегание раздражителей, ассоциируемых с травмой, либо развитие общей нечувствительности, которая не наблюдалась до травматического эпизода. На это могут указывать, как минимум, три из приведенных ниже признаков:*
- С Группа или сообщество пытается избежать вопросов, связанных с коллективной травмой. Наблюдается общая нечувствительность, либо присутствует чувство отрешенности от той проблематики, которая вызывает болезненную реакцию и возмущение:*
- С Последовательное избегание вопросов, связанных с жестокостью и психологической травмой. Это может быть результатом либо привилегий, либо страданий и боли. Общее снижение чувствительности к страданиям и травмирующим событиям, происходящим в мире:*
- 1 Попытки избежать мыслей, чувств и разговоров, связанных с травматическим эпизодом.
- 1 Группа или сообщество стараются избежать тем, связанных с травматическим эпизодом.
- 1 Общество стремится не вспоминать о жестокостях, которые имели место в прошлом в отношении тех или иных групп.
- 2 Попытки избегать видов деятельности, мест или людей, которые напоминают о травме.
- 2 Избегаются групповые и коллективные виды деятельности, которые способны всколыхнуть воспоминания о травмирующем событии или поднять связанные с ним вопросы.
- 2 Общество пытается избегать противоречивых тем, которые могут касаться жестоких событий прошлого (например, игнорируются вопросы о правах на земли коренных американцев).
- 3 Человек не способен вспомнить некие важные аспекты травмирующего события (в издании DSM-III-R используется термин «психогенная амнезия»).
- 3 Группа или сообщество страдает амнезией: утверждается, что то или иное событие вообще не имело места, либо что на данный момент оно утратило свою значимость. Группа отказывается обсуждать вопросы ответственности.
- 3 Начинается коллективная амнезия: «Это было очень давно». История пересматривается и определенные события исключаются из истории общества. Вопрос об ответственности обходится стороной, либо отрицается его важность.
- 4 Заметно снижается интерес к участию в значимых видах деятельности. У детей может наблюдаться утрата приобретенных навыков, характеризующих уровень развития (например, привычки к туалету и речевых навыков).
- 4 Чувство безысходности, отсутствия интереса к групповым видам деятельности и к развитию сообщества. Широко распространяется эффект психологического выгорания.
- 4 Всеобщее чувство безнадежности в отношении политики, слабая избирательная активность, ощущение, что участвовать в общественной деятельности бессмысленно.

5 Отсутствует чувство связи с окружающими людьми.	5 Широко распространенное чувство изоляции в группе или сообществе, исчезает ощущение принадлежности к сообществу.	5 Безразличие к угнетенным, бесчувственность к проявлениям жестокости и дегуманизации.
6 Ограничивается аффективный диапазон, в том числе теряется способность к любовным переживаниям.	6 Ограниченная способность видеть острые проблемы, встающие перед сообществом. Слабая выраженность реакций возмущения и горя.	6 В социальном дискурсе не находят заметного выражения какие-либо чувства в отношении исторической трагедии. Склонность проводить время у телевизора. Реакция общества не отражает масштабов происходящих событий.
7 Чувство бесперспективности существования, например, человек не допускает для себя возможности карьеры, брака, рождения детей или нормальной продолжительности жизни.	7 Неверие в будущее группы или сообщества. Люди покидают группу, молодежь эмигрирует из региона или страны.	7 Решения принимаются без учета долгосрочной перспективы, и они непоследовательны. Отсутствие лидерства.
<i>D Хронические симптомы повышенной возбудимости, которые не наблюдались до перенесенной травмы. Об этом могут свидетельствовать, как минимум, два из приведенных ниже признаков:</i>		
1 Трудности с засыпанием или беспокойный сон.	1 Постоянно присутствует властный стиль коммуникации и взаимодействия в сообществе. Неспособность остановиться и посмотреть со стороны на групповое взаимодействие.	<i>D Общественное возбуждение, на которое могут указывать следующие признаки:</i> 1 Страх перед рассмотрением внутренней жизни общества. Общество сосредоточено на вопросах продуктивности и пытается избегать признаков прошлого. Однако призраки при этом не дремлют.
2 Раздражительность или частые вспышки гнева.	2 Всеобщая раздражительность или вспышки насилия в сообществе.	2 Репрессии, террор и террористические акты.
3 Трудности с концентрацией внимания.	3 Трудности с определением главных вопросов и неспособность прояснить сложные вопросы жизни сообщества.	3 Невнимание и безразличие к глобальным темам и долгосрочным проблемам.

4 Гипербдительность.

4 Группа или сообщество находятся в постоянном ожидании конфликта. В угнетенных сообществах наблюдается гипербдительность в отношении возможной атаки извне или дискриминации. В привилегированных группах — повышенная бдительность из-за боязни чувства вины или потери привилегий. Бдительность к защите прав угнетенных может трактоваться как «политическая корректность».

4 Повышенная чувствительность и гипербдительность в межнациональных отношениях. Государства находятся в постоянной готовности к войне. Бдительность и готовность остро реагировать на политические вопросы, подготовка к вооруженному конфликту.

5 Реакция несоразмерного испуга.

5 Если какой-либо человек или подгруппа затрагивают «горячую точку», сообщество быстро, остро и жестко реагирует или находит «козла отпущения».

5 После травмирующего события существенные сегменты общества становятся легко возбудимыми. К примеру, после шокирующих событий 11 сентября многие американцы болезненно реагировали на любые события, символически или как-либо еще связанные с данным происшествием (были случаи, когда в самолете набрасывались на людей, которые внезапно вставали с места). Политические и военные меры носят репрессивный характер.

Е Симптомы В, С и D проявляются в течение месяца или более.

Е Симптомы В, С и D проявляются в течение длительного времени (месяцы, годы или десятилетия).

Е Симптомы В, С и D проявляются в течение многих месяцев, лет, десятилетий или на протяжении жизни нескольких поколений.

Ф Данные симптомы приводят к клинически значимым нарушениям в общественной жизни, профессиональной деятельности и прочих важных областях функционирования человека.

Ф Данные симптомы приводят к нарушению или серьезным трудностям при выполнении группой своих функций.

Ф Данные симптомы приводят к нарушению инфраструктуры общества, его экономических, политических и правовых функций. Международные институты утрачивают свою функциональность (например, ООН столкнулась с трудностями, когда США отказались учитывать мнение международного сообщества и точку зрения международного права).

Примечания

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Behan H. (1995) Jean-Luc Godard. Press Conference at 1995 Montre{ al Film Festival www.filmscouts.com/scripts/interview.cfm?articleCode=2800 (состояние на май 2004 года).
2. Mindell A. (1986) *Rivers Way*. London and Boston: Viking-Penguin Arkana; Mindell Routledge; Mindell A. (1995) *Sitting in the Fire: Large group transformation using conflict and diversity*. Portland OR: Lao Tse Press; Mindell A. (2000) *Quantum Mind*. Portland OR: Lao Tse Press; Mindell A. (2002) *The Deep Democracy of Open Forums*. Charlottesville VA: Hampton Roads.
3. Десмонд Туту обсуждает положение в ЮАР с Чарли Роузом 16 марта 2004 года, Нью-Йорк. Передача KCTS от 17 марта 2004.

ВВЕДЕНИЕ: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ОТЕЛЬ “ВОЙНА”»

1. Измененные состояния сознания, которые описаны в части 4, означают переживания и восприятие, выходящие за рамки привычного душевного состояния.
2. Gutman R., Rieff D. (Eds) (1999) *Crimes of War: What the Public Should Know*. New York: W. W. Norton; см. также Crimes of War Project 1999—2003, www.crimesofwar.org/resources/resources.html (2002—2004).
3. Пауло Фрейре использовал термин «консциентизация» («conscientization»).
4. Heany T. Issues in Freirian pedagogy:
<http://nlu.nl.edu/ace/Resources/Documents/FreireIssues.html> (состояние на 2003 год) and Freire P (1973) *Education for critical consciousness*, New York: Seabury. Краткую биографию Пауло Фрейре можно найти на странице профессора Моасира Гадотти, генерального директора Института Паоло Фрейре Университета Сан-Пауло и Карлоса Альберто Торреса, директора Института Пауло Фрейре и директора Центра Латинской Америки Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, UCLA: <http://nlu.nl.edu/ace/Homage.html> (состояние на 2003 год).
5. Zinn H. (2003) *Passionate Declarations: Essays on War and Justice*. New York: Perennial, Harper Collins.

6. Parekh B. (1989) *Gandhi's Political Philosophy*. London: Macmillan Academic and Professional LTD, p. 94, 95.
7. *ibid*, p. 90, 104.
8. Chan W. (ed. and trans.), (1963) *A Sourcebook in Chinese Philosophy*. Princeton: Princeton University Press, p. 208; Perry JW (1987) *The Heart of History: Individuality in Evolution*. New York: State University of New York Press, p.77.
9. Mindell A. (1995) *Sitting in the Fire: Large Group Transformation using Conflict and Diversity*. Portland: Lao Tse Press.

ГЛАВА 1: ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

1. Пресс-релиз, Гаага, 14 февраля 2003 года: www.un.org/icty/pressreal/22003/p.278-e.htm Полный текст см. на www.un.org.icty (состояние на январь 2004 года).
2. Dahl F. Hardline nationalists win Serbian general election: Radical party led by war crimes suspect, Reuters News Agency. *Toronto Star*, 29 декабря; Robinson, M. (2003) Serbs back party led by war crimes suspect. *The Scotsman*, 29 декабря.
3. The Forest People's Program, 31 октября 2000 года. *People of Clay: The Twa of Rwanda*. Television Trust for the Environment www.tve.org/news, www.forestpeoples.org (состояние на январь 2004 года).
4. Longman T. (2001) Christian churches and genocide in Rwanda. In: Bartov O, Mack, P (редакторы), (2001) *In God's Name: Genocide and Religion in the 20th Century*. New York, Oxford: Bergahn Books, pp. 139—159.
5. См.: Zinn H. (2002) *A People's History of the United States*. New York: Longman Publishers.
6. Rieff D. (1996) *Slaughterhouse: Bosnia and the Failure of the West*. London: Vintage, Random House, p. 103.
7. Susic, Daria Sito говорит о комментариях Биляны Плавшич в Праге, Чехия, Open Media Research Institute, Special Report: Pursuing Balkan Peace, No.36, 10 Sept.1996.
8. В своей теории и методологии процессуально ориентированной психотерапии и работы с массой Арнольд Минделл говорит о том, что история принадлежит настоящему, и она влияет на наши даже самые незначительные взаимодействия. См.: Mindell A (1995) *Sitting in the Fire*. Portland: Lao Tse Press.
9. Glover J (2001) *Humanity: A moral history of the twentieth century*. London: Pimlico, Random House p. 411. Гловер пишет: «Эта книга никогда не появилась бы на свет, если бы я не верил в то, что прошлое продолжает жить в настоящем». Он приводит цитату из

автобиографии Р. Дж. Коллингвуда (р. 411): «Пока прошлое существует отдельно от настоящего, знание о прошлом почти бесполезно в настоящем. Но что, если представить себе, будто прошлое продолжает свою жизнь в настоящем? Скрытое на первый взгляд, оно заслонено противоречивыми, хорошо заметными чертами настоящего, но все же остается живым и активным. Поэтому историка так же можно сопоставить с неисториком, как местного лесника — с безграмотным путешественником.

10. В курсе «Марксистская теория информации» в Университете Уэльса (г. Абериствит) Дэниел Чандлер вслед за итальянским теоретиком марксизма Грамши (1891—1937) использует термин «гегемония»: www.aber.ac.uk/media/Documents/marxism/marxism13.html (состояние на ноябрь 2003 года).

11. Pfaff W. (2002) Geopolitics have changed for the worse: The temptation of hegemony, *International Herald Tribune*, 11 September.

12. *ibid.*

13. Билефельдт в диалоге Хайнера Билефельдта с Мохаммадом Саидом Бахманпуром (2002) на тему «Политика социальной справедливости: религия или права человека?» в рамках дебатов «Как насчет веры?» в Лондонском институте им. Гете, веб-сайт «Open Democracy» www.opendemocracy.net (состояние на 2003 год).

14. Robinson G. The Peace of the Powerful, in Roane Carey (Ed.), (2001) *The New Intifada*, London: Verso, p. 112.

15. *ibid.*, p. 112.

16. *ibid.*

17. *ibid.*, pp. 112—115.

18. *ibid.*

19. Эта идея о внезапном появлении этнических разногласий муссировалась в средствах массовой информации; между тем ряд авторов отмечали, что такой подход ошибочен. См.: Gutman R., Rieff D., Eds., (1999) *Crimes of War: What the Public Should Know*. New York: W. W. Norton and Crimes of War Project 1999—2003, www.crimesofwar.org.

20. Little A., Silber L. (2005) *The Death of Yugoslavia*. London: Penguin Books, а также из личных бесед и впечатлений от пребывания в бывшей Югославии.

21. В поисках информации о точном проценте смешанных браков я столкнулась с существенными расхождениями в оценках. Гловер говорит о 40% семей, имевших смешанный этнический состав. Glover, J. (2001), p. 132.

22. Little A. (2001) Viewpoint: The west did not do enough, в программе World: From our Correspondents на BBC News Online, 29 June.

23. Gutman R., Rieff D. (редакторы) (1999, p. 52).
24. YES Project, (1993) Los Angeles: я работала фасилитатором в рамках программы YES вместе с Жаном-Клодом Одергоном и Дэвидом Криттендоном.
25. См.: Mindell A. (1995).
26. Havel V. (1991) Protest. In: *Antaeus Plays in One Act*. London: Tangier.
27. Bresan V. (режиссер) (1996) How the War started on my Island. Производство компании HRT Zagreb.
28. Терминология и теория «высокого» и «низкого» мифа разработаны Арнольдом Минделлом.
29. См. примечание 28.

ГЛАВА 2: СТРАДАНИЯ, ПРИВИЛЕГИИ И ПРАВОТА

1. Morris B. (2001) *Righteous Victims*. New York: Vintage, Random House p. 161.
2. Dershowitz A. (2003) *The Case for Israel*. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons, p. 15, 30. В эти периоды около миллиона евреев иммигрировали в США.
3. Morris B. (2001, p. 73); Isaacs A., Alexander F., Law J., Martin E. (редакторы) (2000) *A Dictionary of World History*. Oxford: Oxford University Press, Oxford, p. 317.
4. Dershowitz A. (2003, p. 51).
5. Бенни Моррис называет цифру в 700 000 человек. Официально Израиль признает цифру в 520 000 человек, а палестинские источники заявляют о 900 000 человек (Morris B., 2001, p. 260; см. также: Dershowitz A., 2003, p. 85). Различные версии происшедших событий говорят о том, что палестинцы либо покидали дома, откликнувшись на призыв окружающих арабских стран освободить территорию для вторжения, либо были изгнаны силой, либо бежали из страха. В работе Morris B. (2001, p. 257) автор разделяет этот процесс на четыре стадии. На первой стадии (с декабря 1947 года по начало 1948 года) около 75 000 арабов из высшего и среднего класса переехали в соседние регионы, рассчитывая переждать период военных действий и вернуться. Вторая волна массового исхода из городских пригородов и сельской местности прокатилась весной 1948 года в ответ на военные атаки евреев или из страха перед подобными атаками, которые могли сопровождаться зверствами наподобие событий в Деир-Ясине. Третья и четвертая стадии были в июле и октябре 1948 года, когда беженцами стали еще 300 000 арабов. Тогда этот процесс принял

более «организованный» характер: людей целенаправленно притесняли и изгоняли из мест проживания.

6. Статьи в газете *International Herald Tribune*, 11—12 августа 2001 года.

ГЛАВА 3: ТРИБУНАЛЫ, КОМИССИИ ПРАВДЫ, ПРОЦЕССЫ ЛЮСТРАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРУМЫ

1. www.icc.now.org/html/pressqandaicc.pdf, (состояние на 2003 год), www.un.org/law/icc/statute/iccq&a.htm, copyright 1999 and www.un.org/news/facts/iccfact (состояние на 2003 год).

2. ООН: www.un.org/icty/index.html, (состояние на 2003 год). 25 мая 1993 года Совет Безопасности ООН создал «Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии с 1991 года» в расчете на то, что установление ответственных лиц «послужит делу восстановления и поддержания мира».

3. Институт мира США: 'Rwanda: Accountability, War and Crimes of Genocide. Дата выхода: 1995 год. Проект по международным судам и трибуналам, www.pict-pcti.org/courts (состояние на 2003 год).

4. МТБЮ и Комиссия правды и справедливости в Боснии и Герцеговине, пресс-релиз с веб-сайта МТБЮ, 2002 год. Полный текст обращения президента Клода Жорда к участникам боснийской Комиссии в Сараеве 12 мая 2001 года.

5. Институт мира США, Руанда: Accountability for War Crimes and Genocide, usip.org/pubs/specialreports/early/rwanda1.html (состояние на 2003 год).

6. Вопросы и ответы о деятельности Международного уголовного трибунала: www.icc.nw.org/html/pressqandaicc.pdf (состояние на 2003 год).

7. Отчет организации Human Rights Watch за 2000 год: www.hrw.org (состояние на 2001 и 2003 годы).

8. Из личной беседы в Хорватии.

9. К числу таких стран относятся: Аргентина, Боливия, Чад, Чили, Восточный Тимор, Эквадор, Сальвадор, Германия, Гватемала, Гаити, Малави, Непал, Нигерия, Панама, Перу, Филиппины, Сьерра-Леоне, ЮАР, Южная Корея, Шри-Ланка, Уганда, Уругвай, Союзная Республика Югославия и Зимбабве. Инициативные группы из Боснии и Герцеговины, Камбоджи, Индонезии, Ямайки, Мексики

и Марокко тоже обращались с запросами по организации Комиссий правды в своих странах. Truth Commissions — United States Institute of Peace Library, www.usip.org/library/truth.html (состояние на 2002 год).

Комиссию правды хотели создать и в США в связи с проблемами коренных американцев и американцев африканского происхождения, а также по поводу поддержки Соединенными Штатами террора и геноцида в Гватемале, Никарагуа, Гондурасе, Сальвадоре. Предполагалось, что Комиссия правды и примирения рассмотрит применявшиеся в прошлом расистские методы и предложит варианты возмещения ущерба.

54-я и 55-я конференции ООН, лето 1999 года, Чиapas: Комиссия ООН по правам человека, предложение по инициации расследований по поводу нарушения прав коренного населения.

10. Ignatieff M. (2001) Введение к книге Edelstein J, *Truth and Lies*. London: Granta Books.

11. Из услышанного мной доклада о работе Комиссии правды в Южной Африке.

12. Edelstein, J. (2001) *Truth and Lies*. London: Granta Books, p. 130.

13. Ответ архиепископа Туту на свое назначение председателем Комиссии правды и примирения в ноябре 1995 года.

14. Edelstein, J. (2001) *Truth and Lies*. London: Granta Books, p. 92.

15. Roht-Arriaza N. (Ed.) (1995) *Impunity and Human Rights in International Law and Practice*. New York: Oxford University Press.

16. На нашем веб-сайте вы можете ознакомиться с обсуждением и конкретными примерами подобных общественных форумов: CFOR, Community Forums or Community Force for Change (www.cfor.info). См. также: www.worldwork.org.

17. Речь президента Клода Жорда в Сараеве 12 мая 2001 года, обращенная к участникам боснийской Комиссии правды и примирения. Пресс-релиз и полный текст речи Жорда см. на веб-сайте Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ): www.un.org/icty (состояние на 2002 год).

18. Mindell, A. (2002) *The Deep Democracy of Open Forums*. Charlottesville, VA: Hampton Roads.

19. Mindell, A. (1995) *Sitting in the Fire*. Portland, OR: Lao Tse Press, p. 27, 81. См. также: Audergon A (2004) Trauma and the nightmare of history. In: Totton N (Ed.) (2004) *Psychotherapy and Politics International*. London: Whurr Publishers. См. также информацию об общественной травме в части 3 этой книги и обсуждение динамики конфликта в ситуациях «горячих точек» в части 5.

20. Michnick A., Havel V. (1993) Justice or revenge. *Journal of Democracy* 4:20—27.
21. Из личной беседы.
22. Home C., Levi M., подготовлено для Trust and Honesty Project, Budapest, Collegium, октябрь 2002 года.
23. Michnick A., Havel V. (1993) Justice or revenge, *Journal of Democracy* 4:20—27, p. 23.
24. Weschler L. (1992) The velvet purge: the trials of Jan Kavan. *The New Yorker*, 19 Oktober, p. 92.
25. Michnick A., Havel V. (1993), p. 21.

ГЛАВА 4: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К РЕКЕ ГАНГ

1. Широко известен факт многолетней поддержки правительством США режимов, ответственных за тяжелейшие нарушения прав человека и убийства людей, однако многие американцы ничего об этом не слышали. Популярны новостные каналы стараются об этом не упоминать. См.: Campbell D. (6 декабря 2003 года) Kissinger approved Argentinean dirty war. London: *The Guardian*. Из рассекреченных архивов США мы узнаем о поддержке аргентинской хунты в 1970 году, когда около 30 000 человек были арестованы, прошли через пытки и были убиты.
2. Chomsky N. (2000) *Rogue States*. London: Pluto Press p. 4.
3. Библиотека организации Amnesty International в США, Indecent and internationally illegal, the death penalty against child offenders, AMR51/143/2002 и Executions worldwide since 1990, ACT 50/010/2000, <http://www.amesty.org> (состояние на 14 декабря 2000 года).
4. Saeed Bahmanpour M. and Bielefeldt H. (2002) The politics of social justice: religion vs. human rights? Dialogue on Open Democracy website, www.opendemocracy.net (состояние на 2003 год).
5. Архивы сообщений в прессе. См. также: www.socialjusticecenterofmarin.org/issues/US_truth_commission.html (2003).
6. Neill AS. (1995) *Summerhill*. London, St. Martin Press (впервые опубликовано в 1960 году).
7. Саммерхилл, Суффолк, Великобритания.
8. Gilbert GM. (1995) *Nuremberg Diary*. London: Da Capo Press.

ГЛАВА 5: ТЕРРОР

1. См. определения на веб-сайте Совета по международным отношениям, www.cfr.org (2003).
2. Whitaker B. (2001) The definition of terrorism. Guardian Unlimited, 7 May. Автор пишет, что в книге, посвященной попыткам выработки четкого определения терроризма, которые предпринимались в ООН и прочих международных организациях, уже насчитывается 1866 страниц, и она до сих пор не содержит четких выводов. См. веб-сайты Международного института антитеррористической политики, www.ict.org.il (состояние на 2003 год) и Совета по международным отношениям — раздел вопросов и ответов по проблеме терроризма, www.terrorismanswers.com/terrorism/introduction.html (состояние на 2003 год).
3. Нападения на объекты частной собственности, такие как трубопровод в Колумбии, принадлежащий международным нефтяным компаниям, иногда относят к терроризму. Военные акции наподобие той, которая привела к гибели женщин и детей на рынке в Палестине, обычно не относят к актам террора, так как их осуществляют регулярные войска, а жертвы среди гражданского населения признаются ошибкой. Однако удары палестинских террористических групп по военным объектам все же считаются актами террора. Whitaker B. (2001).
4. Whitaker B. (2001). В антитеррористическом законодательстве Великобритании проблему обтекаемости формулировок удалось обойти путем поименного перечисления 21 международной террористической организации. В список была включена организация «Хезболла», которая, хотя и является вооруженной, легально участвовала в политической жизни Ливана, имея представителей в парламенте. Иранская организация «Муджахеддин» была объявлена вне закона, однако в список не попал ее иракский аналог — организация INC, которая финансировалась США.
5. Simpson JA., Weiner ESC (редакторы) (1989) *Oxford English Dictionary*, 2-е издание. New York: Oxford University Press.
6. Официальное определение терроризма содержится в статье 22 свода законов США в разделе 2556f (d).
7. Б. Гейнор, директор Международного института антитеррористической политики, сентябрь 1998 года, www.ict.org.il (состояние на 2001 год).
8. Центр по исследованию терроризма Федерального бюро расследований, www.terrorism.com (состояние на 2002 год).

9. GA Res. 51/210 Measures to eliminate international terrorism, UN Office of Drugs and Crime, www.unodc.org/unodc/terrorism.defintions.html (2001—2003).
10. Mandela N. (1995) *Long Walk to Freedom: The Autobiography of Nelson Mandela*. London, Little Brown and Co. p. 320, 321.
11. Sorrig K. (1997) Torture consolidates power. В газете, которую издает Центр реабилитации и исследования жертв пыток и Международный реабилитационный совет для жертв пыток.

ГЛАВА 6: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: ХАОС И ПОДАВЛЕНИЕ СВОБОД

1. Silber L., Little A. (1995) *Death of Yugoslavia*. London: Penguin Books, LTD p. 110.
2. *Encyclopedia Columbia*, 6-е издание (2001). New York, Columbia University Press: Bartleby.com (состояние на 2001—2004 годы).
3. Hamburg D. (2002) *No More Killing Fields: Preventing Deadly Conflict*. Комиссия Карнеги по предотвращению кровопролитных конфликтов. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Lanham Maryland: Rowman and Littlefield, pp. 24—26.
4. Zivkovic M. (1994) The wish to be a Jew: the power of the Jewish trope in the Yugoslav conflict. Статья, представленная на Девятой международной конференции европоведов, 31 марта — 2 апреля 1994 года, Чикаго: http://www.unice.fr/urmis-soliis/Docs/Cahiers_6/cahiers_n6_zivkovic.pdf (состояние на 2003 год). Живкович цитирует сербского писателя Вука Драшковича, который в 1985 году написал: «Сербы — это тринадцатое, потерянное и самое несчастное колено Израилево». В середине 80-х годов эта история была подхвачена и в числе прочих поставлена на службу политической конъюнктуре.
5. Цит. по: *The Workers Power*, (1999) The break up of Yugoslavia, www.workerspower.com/wpglobal/balkanpamphlet4.html (состояние на 2003 год).
6. Silber L., Little A. (1995) *Death of Yugoslavia*. London: Penguin Books LTD p. 147.
7. International Work Group for Indigenous Affairs (2001) *The Indigenous World 2000—2001*. Copenhagen, IWGIA, pp. 167—174.
8. International Work Group for Indigenous Affairs (2001, p. 173).
9. *ibid*, pp. 173—174.
10. *ibid*.

11. Материалы в газетах *Washington Post* и *New York Times* на тему подавления демонстраций против ВТО в Генуе в 2001 году.
12. См. www.redpepper.org.uk/intarch/x-genoa—3.html (состояние на 2003 год), italy.indymedia.org/news/2001/08/5448.php, www.davidgrenier.weblogger.com/2001/07/20 и [www.indymedia.org/front/php3?article_id54288&group+webcast](http://www.indymedia.org/front.php3?article_id54288&group+webcast) (состояние на 2003 год).
- См. также: *Guardian Unlimited* (2001): *Torture in police cells was horrific*. *The Observer*, 29 июля: www.indymedia.org/front.php3?article_id=56127 (состояние на 2003 год).
13. *Guardian Unlimited* (2001).
14. Репортаж на BBC (2001), *G8 Britons tell of police 'brutality'*, 26 июля: www.bbc.co.uk/1/hi/uk/1457920.stm. Пресс-релиз *Jakobi S* (2001) *London, Director of Fair Trials Abroad*, www.statewatch.org/news/2001/jul/genoat.htm (состояние на 2003 год).
15. Репортаж на BBC (2001).
16. См. www.indymedia.org.
17. Из личной беседы.
18. Пол Вулф поместил эти рассекреченные материалы на веб-сайте www.cointel.org (состояние на май 2003 года).
19. Сенат США (1976) *Intelligence Activities and the rights of Americans: final report of the Select Committee to study government operations with respect to Intelligence activities*, 26 April, www.cointelpro.org (состояние на январь и май 2004 года).
20. Churchill W., Vander Wall J. (1988) *Agents of Repression: The FBI's Secret Wars Against the Black Panther Party and the American Indian Movement*. Cambridge, MA: South End Press.
21. Churchill W., Vander Wall J. (1990) *The Advent of Terrorism*. В книге *The COINTELPRO Papers: Documents from the FBI's Secret Wars Against Dissent in the United States*. Cambridge, MA: South End Press, p. 4. См. более позднее издание с документами КОИНТЕЛПРО: Churchill W., Vander Wall J. (2002, p. 306).
22. Churchill W., Vander Wall J. (1990, p. 306).
23. Это выглядело столь абсурдно, что ветеран КОИНТЕЛПРО Джон Райан отказался в этом участвовать. За двадцать один год службы Райан заслужил 2 поощрительных награды, и ему оставалось менее двух лет до пенсии, но в результате своего демарша он был уволен. См. Churchill W., Vander Wall J. (1990) *The COINTELPRO Papers*, глава 8 или Churchill W., Vander Wall J. (2002, p. 307).
24. «Террористы» организации *Plowshares*, например, Катя Комисарук, Джерри Эбнер, Хелен Вудсон, Лин Романо, Джо Гамп, Энн и Джим Альбертини, Джордж Остенсен, Ричард Миллер и отец Карл Кабат были приговорены к длительным срокам тюремного

заклучения за такие вещи, как «заговор» с целью проникновения на ядерные объекты США. См. примечание 23.

25. Операция против CISPES включала проверенные временем тактические приемы КОИНТЕЛПРО, такие как использование подставных лиц и провокаторов, дезинформация, незаконные изъятия документов, прослушивание телефонных переговоров и навязчивое преследование (с тем чтобы цель убедилась: «за каждым столбом прячется агент»). См. примечание 23.

26. Chomsky N. (2001), *The world after September 11*, AFSC Conference, 8 December 2001. *Z Magazine*: www.zmag.org/chomskyafter911.htm (состояние на 2001—2004 годы).

27. Carter J. (2002) *The troubling new face of America*, передовица, написанная бывшим президентом Джимми Картером в газете *International Herald Tribune*, 6 September.

28. Nullis C. (2002) *UN rights chief blasts terror war*. *International Herald Tribune*, 6 September.

29. Carter J. (2002).

ГЛАВА 7: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: СТРАШИЛИЩЕ И ДЕМОНИЗАЦИЯ

1. Warner M. (2000) *No Go the Bogeyman*. London: Vintage p. 381. На меня также оказали большое впечатление приведенные Уорнером изображения «Страшилища» — см. иллюстрации 7.2 и 7.3.

2. Weber L. (2001) *The Holocaust Chronicle*. Lincolnwood Ill, Publications International, Ltd.

3. Al-Jalahma UA., of King Faysal University in Al-Damman (2002) *The Jewish holiday of Purim*. Саудовская государственная ежедневная газета *Al-Riyadh*, статья из двух частей, 10 и 12 марта. Вслед за осуждением, последовавшим со стороны Соединенных Штатов, редакция *Al-Riyadh* принесла извинения за публикацию статьи и признала сведения лживыми.

Worldnet.com — 13 марта 2003 года здесь появился материал «Новости Саудовской Аравии: евреи используют кровь подростков для выпечки пирожных». Обозреватель ежедневной газеты сообщает «факты» о «евреях-вампирах».

Архив газеты *The Jewish Bulletin*, 29 March 2002; *A myth that never dies, an Editorial* <http://www.jewishbulletin.ca/archives/Mar02/archives02mar29—07.html> (состояние на 2004 год).

4. Weber L. (2001, p. 103).

5. Winant H. (2000) Race and race theory, *Annual Review of Sociology* 26:169—85.
6. Herek G. (1992) Stigma, prejudice and violence against lesbians and gay men, in: Gonsiorek J., Weinrich J. (eds.) (1992) *Homosexuality: Research Implications for Public Policy*. London: Sage Publications, pp. 60—80; Newton D. (1978) Homosexual behavior and child molestation. A Review of the evidence. *Adolescence* 13:29; Groth AN., Birnbaum HJ. (1978) *Adult sexual orientation and attraction to underage persons*. *Archives of Sexual Behavior* 7: 175—181.
7. Факты о гомосексуальности: http://psychology.ucdavis.edu/rainbow/html/facts_molestation.html (состояние на 2003 год).
8. Leys S., Appleyard C. (trans.), Goode P. (trans.) (1972) *The Chairman's New Clothes: Mao and the Cultural Revolution*. London, Allison and Busby; Lifton RJ. (1970) *Revolutionary Immortality: Mao Tse Tung and the Cultural Revolution*. London: Pelican.
9. Williams S. (сценарист и режиссер) (1994) *The Mao Years*, Ambrica Productions, WGBH Boston and Channel 4 television, UK (передачу я видела на телеканале Channel 4 television, London, 25 мая 2003 года).
10. Энтерпрайз, Орегон, США.
11. *The American Heritage Dictionary of the English Language* (2000) Boston, MA: Houghton Mifflin.

ГЛАВА 8: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: ДЕГУМАНИЗАЦИЯ

1. Gutman R., Rieff D. (Eds.) (1999) Incitement to Genocide. В книге: *Crimes of War: What the Public Should Know*. New York: W. W. Norton.
2. Проект истории холокоста, кадры из фильма «Вечный жид», Стиг Хорншэй-Мёллер: www.holocaust-history.org/der-ewige-jude/stills.shtml.
3. MET Police UK, <http://www.met.police.uk/drugs/campaigns/ratonarat.htm>.
4. Stannard D. (1992) *The American Holocaust: The Conquest of the New World*. New York: Oxford University Press.
5. Churchill W. (1997) *A Little Matter of Genocide*. San Francisco, CA: City Lights Books, p. 1; Stannard (1992), p. 268.
6. *ibid*, pp. 240—241.
7. *ibid*.
8. Стратегия этнических чисток в отношении коренного населения Америки, в особенности вытеснение индейцев на Запад, была использована Гитлером в качестве модели при

планировании политики «lebensraum», или «жизненного пространства» (Churchill W., 1997, p. 52).

9. Churchill W. (1997) Holocaust and denial in the Americas 1492 to present. In: *A little matter of Genocide*. San Francisco, CA: City Light Books, p. 182.

10. Stannard (1992, p. 121).

11. *ibid*, p. 121.

12. *ibid*, p. 240.

13. Stannard (1992, p. 240). Стэннارد ссылается на Takaki R. (1979) *Iron Cages: Race and Culture in 19th Century America*. New York: Alfred A. Knopf.

14. Stannard (1992, p. 122).

15. *ibid*, p. 245.

16. Слушания по военным преступлениям во Вьетнаме, 1971 год: <http://members.aol.com/warlibrary/vwchle.htm> (состояние на 2003 год).

17. Venables R. (1990) Senior Lecturer, American Indian Program, Cornell University, Northeast Indian Quarterly, Spring 1990.

18. Venables R. (1990).

19. *ibid*.

20. de Birchgrave A. (2004) Daily dehumanization. *Washington Times*, 6 January.

21. Levvy, G. (2004) Daily Dehumanization. *Ha'aretz (newspaper)*, 12 April.

22. Elon A. (2001) The deadlocked city. *New York review of books*, 48(16): 18. Это обзор работы Wasserstein B. (2001) *Divided Jerusalem: The Struggle for the Holy City*. Boston, MA: Yale University Press.

23. Lerner M. (2001) Threats dehumanize Jews who question Israel. Los Angeles, CA, *LA Times*, 18 May. Раввин Майкл Лернер является редактором журнала *Tikkun* и автором работы *Jewish Renewal: A Path to Healing and Transformation* (1995). New York: Harper Collins.

24. Glick C. (2002) No Tolerance for Genocide. *Jerusalem Post*, 2 August.

25. Moore M., Anderson JW. (2001) Suicide bombers give an edge to Palestinians. *Washington Post*, 19 August.

26. Эти изображения были опубликованы в многочисленных изданиях по всему миру в апреле и мае 2004 года.

ГЛАВА 9: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: ПРИТУПЛЕНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ И НОРМАЛИЗАЦИЯ

1. Zinn H. (2003) *A People's History of the United States*. New York: Pearson Longman, p. 30.
2. Douglas F. (1995) *Narrative of the Life of Frederick Douglass*. New York: Questia.com, p. 46.
3. Douglas F. (1995, p. 46)
4. Zinn H. (2003, p. 29).
5. *ibid*, pp. 30—38.
6. *ibid*, p. 34.
7. *ibid*.
8. *ibid*, p. 35.
9. Afro-American Almanac — African-American History, www.toptags.com, Historical Documents (состояние на 2003 год).
10. www.Toptags.com (состояние на 2003 год).
11. Zinn H. (2003, p. 31).
12. *ibid*, p. 36.
13. *ibid*.
14. *ibid*.
15. См. примечание 9.
16. US Senate (1976) *Intelligence Activities and rights of Americans: final report of Select Committee to study government operations with respect to Intelligence activities*, 26 April.
17. Sales W Jr. (1994) *From Civil Rights to Black Liberation: Malcolm X and the Organization of Afro-American Unity*. Cambridge MA: South End Press; Churchill W., Vander Wall J. (1988) *Agents of Repression: The FBI's Secret Wars Against the Black Panther Party and the American Indian Movement*. Cambridge MA: South End Press.
18. Browning CR. (2004) *The Origins of the Final Solution: The evolution of Nazi Jewish policy September 1939—1942*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
19. Browning CR. (2004, p. 424).
20. Датский центр изучения холокоста и геноцида: www.holocaust-education.dk/tidslinjer.asp.
21. В Исследовательском центре инновационных технологий обучения университета Флориды история Холокоста (1933—1945) восстановлена по ряду источников, включая Музей памяти холокоста в Вашингтоне, округ Колумбия, *South Carolina Voices: Lessons*

from the Holocaust и других: <http://fcit.coedu.usf.edu/holocaust/timeline/TEXTLINE.HTM>.

22. Weber L. (2001) *The Holocaust Chronicle*. Lincolnwood, Ill, Louis Weber Publications International, Ltd, pp. 85—86.

23. *ibid*.

24. Long B. (1940) Докладная записка помощника государственного секретаря США, Breckenridge Long to State Department officials, Public Broadcasting Station, America and the Holocaust, 26 June: www.pbs.org/wgbn/amex/holocaust/filmmore/reference/primary/#bar (состояние на апрель 2004 года).

25. Amnesty International, *It's in our hands: stop violence against women*. London, Amnesty International Publications www.amnesty.org (состояние на 2004 год).

26. Hawkins D., Humes M. (2002) Human rights and domestic violence. *Political Science Quarterly* 117: 231—57.

ГЛАВА 10: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЛИДЕРОВ

1. Danner M. (1997) *The New York Review of Books*, 4 December.

2. Sarafian A. (2002) Армянский форум. Доклад о курдском и армянском геноцидах, главная тема лондонского семинара; Сараян и Фернандес, основные докладчики.

3. Fernandes D. (2002) Армянский форум. Доклад о курдском и армянском геноцидах, главная тема лондонского семинара; Сараян и Фернандес, основные докладчики. Fernandes D. (1998) *The Kurdish genocide in Turkey 1924—1998. Armenian Forum* 1: 57—107.

4. Cowan J. (1992) *The Aborigine Tradition*. Boston, Elements Books, p. 83.

5. Архив материалов об этом конфликте в Интернете: <http://cain.ulst.ac.uk/hms0/spa1922.htm> (состояние на апрель 2004 года).

6. Ewing KD., Gearty CA. (2000) *The Struggle for Civil Liberties: Political Freedom and the Rule of Law in Britain 1914—1945*. London: Open University Press.

7. De Baroid C. (2000) *Ballymurphy and the Irish War*. London: Pluto Press, p. 96.

8. Wilson G. *Eight Centuries of England in Ireland: A synopsis of Irish History*: www.tripod.com (состояние на 2002 год); De Baroid C (1989, 2000, p. 199).

Keogh D. (2002) Предисловие. В книге: Moody TW, Martin FX (редакторы), *The Course of Irish History*, 4-е издание, Boulder, CO: Roberts Rinehart Publishers.

9. Cummings M., IAUC National Secretary, and Fox T, IAUC Human Rights Director, 3 May 1998, 'Human rights violations in Northern Ireland', Excerpts from Human rights reports: <http://www.iauc.org/hrexcerpts.htm> (состояние на 2004 год) и De Baroid C. (1989, 2000) *Ballymurphy and the Irish War*. London: Pluto Press, p. 199.

10. De Baroid C. (1989, 2000, p. 200).

11. Mandela N. (1995) *Long Walk to Freedom: The Autobiography of Nelson Mandela*. London: Little Brown and Co, p. 233.

12. Marcy S. (1967) The stakes in China's struggle: revolution vs. restoration:

<http://www.workers.org/marcy/cd/index.htm> (состояние на 2003 год).

13. ChinaWN.com (2003).

14. *ibid.*

15. Valentine D. (2000) *The Phoenix Program*. Lincoln, NE: iUniverse.com; New York: Harper Collins — William Morrow Company (1990); Avon books (1992); также Moyar M. (1997) *Phoenix and the Birds of Prey: CIA's Secret Campaign to Destroy the Viet Cong*. London: Airlife Publishing; Cook J. (1997) *The Advisor: Phoenix Program in Vietnam*. London: Schiffer Publishing Ltd.

16. Prados J. (март 2003 года) *Lost Crusader: The Secret Wars of CIA Director William Colby*. New York: Oxford University Press.

17. Elliston J (dossies ed.), McGehee R (бывший офицер ЦРУ и критик управления) (1971) Vietnam's Phoenix Program. *New York Times*, 3 August, p. 10. С сайтов www.backspace.com/notes/2003/02/06/x.html, www.vwip.org/articles/m/McGeheeRalph_VietnamsPhoenixProgram.htm, а также документы по программе «Феникс» на веб-сайте «The Memory Hole», www.thememoryhole.org/phoenix, предоставленные Дугласом Валентайном. См. также Valentine D. (2000).

18. Ralph McGehee, см. примечание 17.

19. *ibid.*

20. Social Design Notes, PsyOps Comics IV: Vietnam, (2002—2003): www.backspace.com/notes/2003/02/06/x.html.

21. Е. Фарнсуорс 30 апреля 1996 года берет интервью у Б. Херша о Уильяме Колби, *The Warrior Priest*, Online News Hour, Public Broadcasting Station, www.pbs.org; репортажи в прессе с похорон Уильяма Колби на Арлингтонском национальном кладбище: www.arlingtoncemetery.net.

22. Falk R. (2001) The Vietnam syndrome. *Nation Magazine*, 9 July. Ричард Фальк преподает международное право в Принстонском университете.
23. *ibid.*
24. Chomsky N. (1991) *Media Control*. New York: Seven Stories Press.
25. Hanley C., Choe SH., Mendoza M. (2001) *The Bridge at No Gun Ri: A hidden nightmare from the Korean war*. New York, Henry Holt and Company, p. ix, x.
26. Abdul-Quader S. (2004), автор Associated Press. Over 600 killed in Fallujah, апрель: News24.com; также репортажи в Houston Chronicle, Daily Post и других изданиях.
27. Kraehenbuehl P. (2004) Statement of Director of operations for the International Committee of the Red Cross, in Red Cross describes systematic abuse in Iraq. *International Herald Tribune*, 8—9 May.
28. *Herald Tribune*, 10 May 2004; Okabe, M. (2004) Briefing — Associated Spokeswoman for the Secretary-General of the United Nations, UN Headquarters, NY, 14 April (http://www.un.org/News/ossg/hilites/hilites_arch_view.asp?HighID=20 — состояние на май 2004 года); Associated Press, 8 January 2004, Amnesty confusion angers relatives in Iraq. The Guardian Unlimited; Associated Press, 6 October 2003, US Military closes makeshift prison Camp Cropper; Charleston.net: www.charleston.net (состояние на июль 2004 года); Marqusee M., June 2004, 'The lessons of Abu Ghraib', Red Pepper (Raising the political temperature), London, www.redpepper.org.
29. US Senate (23 April 1976) Supplementary detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans, Book III, Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, см. Michigan State University Libraries Electronic Resources or Public Broadcasting, pbs.org/now/politics/cointelpro.html (состояние на апрель 2004 года). Полный отчет и документы на www.cointelpro.org.
30. См. примечание 29.
31. Churchill W., Vander Wall J. (2002) *The COINTELPRO Papers: Documents from the FBI's secret wars against dissent in the United States*. Cambridge, MA: South End Press, 2002, pp. 95—99.
32. *ibid.*
33. Churchill W., Vander Wall J. (1988) *Agents of Repression: The FBI's Secret Wars Against the Black Panther Party and the American Indian Movement*. Cambridge, MA: South End Press.
34. Churchill W. (1999) Wages of COINTELPRO still Evident in Omaha Black Panther Case. B Z *commentary*, журнал Z *Magazine*, March.
35. *ibid.*

36. Международный секретариат организации Amnesty International (июль 1998 года) Тема пресс-релиза: 'Crucial information 27 years too late for Black Panther'. AI INDEX: AMR 51/41/98 1.
37. Churchill W., Vander Wall J. (2002) — см. примечание 29.
38. Более 50 000 страниц протоколов заседаний комитета Сената и Церковной комиссии были рассекречены и стали доступны широкой публике в 1992 году. С материалами можно ознакомиться по адресу: www.cointel.org (состояние на 2003, 2004 годы).
39. US Senate GPO (23 April 1976) Intelligence Activities and the Rights of Americans, Book II, Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, 94-th Congress, 2nd session. In: Introduction and Summary, C. Summary of Main Problems 1. The number of people affected by Domestic Intelligence Activity. Рассекреченные документы, собранные Полом Вульфом, доступны по ссылке www.cointel.org либо в электронных ресурсах библиотек Университета Мичигана (<http://er.lib.msu.edu> состояние на 2003, 2004 годы).
40. Bear A. (2002) Encounter, interview with Robert Manning, Boston. *Boston Globe Magazine*: www.boston.com/globe/magazine/2002/1006/encounter.htm (состояние на 2003 год).
41. Rogovin ZV. (1996) 1937: Stalin's Year of Terror. Lecture by Rogovin ZV, University of Melbourne, Australia, 28 May.
42. Courtois S., Werth N., Panne{} JL., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin JL. (1999). In Kramer M. (ed.), Murphy J. (trans.) *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Boston, MA: Harvard University Press.
43. McShea B. (2000) *Opening the book, remembering communism and counting the victims*. Boston, MA: McShea Publisher, The Harvard Salient, Commencement Issue.
44. Judt T. (2003) в книжном обзоре Courtois et al., *Black Book of Communism*, Harvard University Press, www.hup.harvard.edu/reviews/COUBLA_R.html (состояние на апрель 2004 года).
45. Ryan A. (2003) *New York Times Book Review* — см. примечание 42.
46. См. обсуждение темы лидерства в Mindell A. (1993) *The Leader as Martial Artist*. SanFrancisco, CA: Harper Collins; Mindell A. (1995) *Sitting in the Fire*. Portland, OR: Lao Tse Press.
47. Mindell A. (1993, pp. 148—160).
48. *ibid*, p. 50.
49. Mindell A. (1993) — автор рассматривает лидера как роль, принадлежащую сообществу.

50. Sheehan SM. (2003) *Anarchism*. London: Reaktion Books, p. 25.
51. Hirsch E. (1992) *Urban Revolt: Ethnic Politics in the Nineteenth-Century Chicago Labor Movement*. Berkley, CA: University of California Press, Chapter 2.
52. Sheehan (2003, p. 7).
53. *ibid*, p. 10.

ГЛАВА 11: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: ПЫТКИ — СЛОМИТЬ ДУХ, ПОДЧИНИТЬ ТЕЛО

1. Ссылки по теме пыток: Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев UNHCR http://www.unhchr.ch/html/menu3/b/h_cat39.htm (состояние на 2002 год) и Бюро по правам человека OHR UN <http://dcc2.bumc.bu.edu/refugees/definitions.htm> (состояние на 2002 год).
2. Sorig K. (1997) Brutal torture is practiced systematically all over the world. Серия статей о пытках, а также деятельности Исследовательского центра пыток (RCT) и Международного совета по реабилитации жертв пыток (IRCT) в копенгагенской газете *Berlingske Tidende*.
3. Genefke I. (1997) медицинский директор RCT в Копенгагене. Torture as a global problem — creating awareness of torture. Доклад о деятельности Международного совета по реабилитации жертв пыток IRCT.
4. Sorig K. (1997) Torture consolidates power, Copenhagen. Газета Центра реабилитации и исследования жертв пыток, Международный совет по реабилитации жертв пыток.
5. Reegali DM. (2002) Презентация на конференции: Working with Trauma and Transcultural Approaches to Treating Torture Survivors, coordinated by David Jones, Lutheran Family Services Refugee Center, Portland, Oregon, USA. См. также: Blum W. (2002) *Rogue State*. London: Zed Books, pp. 49—57.
6. Reegali DM. (2002). См. также: Waller D. (1998) Weapons of torture: a TIME investigation turns up evidence of loose controls and U. S. companies shipping stun guns to countries that practice torture, 6 апреля: www.cnn.com/ALLPOLITICS/1998/03/31/time/weapons.html (состояние на 2003, 2004 годы).
7. Медицинский фонд помощи жертвам пыток (www.torturecare.org.uk, по ссылке «Surviving torture»: wbur.org/documentaries/torture — состояние на 2004 год).

8. Reegali DM. (2002) Презентация на конференции: *Working with Trauma and Transcultural Approaches to Treating Torture Survivors*, coordinated by David Jones, Lutheran Family Services Refugee Center, Portland, Oregon, USA.
9. IRCT (1997) *Torture as a global problem*. Копенгаген, доклад IRCT.
10. Reegali DM. (2002) Презентация на конференции: *Working with Trauma and Transcultural Approaches to Treating Torture Survivors*, coordinated by David Jones, Lutheran Family Services Refugee Center, Portland, Oregon, USA.
11. Cassese A. (1996) *Inhuman States: Imprisonment, detention and torture in Europe today*. London: Polity Press.

ГЛАВА 12: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: ЦЕЛЯСЬ В ДУШУ ОБЩЕСТВА

1. Allen B. (1996) *Rape Warfare: The Hidden Genocide in Bosnia Herzegovina and Croatia*. Minneapolis, MN, University of Minnesota Press.
2. Ramet SP. (1996) *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to Ethnic War*, 2nd edn. Boulder, CO: Westview Press, p. 287.
3. Gutman C. (September 2000) Kosovo: burned books and blasted shrines, интервью с А. Ридлмайером. *Courier News*. NJ: UNESCO: www.unesco.org/courier/2000_09/uk/signe.htm.
4. Комитет Тибета США, см.: www.ustibet.org.
5. Heine H. (1821) *Almansor*. Эта известная теперь цитата начертана на мемориале в концлагере Дахау.
6. Американская ассоциация библиотек: www.ala.org (состояние на 2003 год).
7. Asian Art and Architecture: Art & Design 382/582 Template.cfm?Section=Intellectual_Freedom_Issues&Template=ContentManagement/ContentDisplay.cfm@ContentID=28402 (состояние на 2003 год).
8. Организация за религиозную терпимость: www.religioustolerance.org/wic_burn1.htm (состояние на 2003 год).
9. Miesel S. (2001) Who burned the witches? В журнале *Crisis: Politics, Culture and the Church magazine, The Morley Institute*. Washington DC, Trinity Communications, pp. 21—26 (опубликовано на www.catholicculture.org).
10. Stephens W. (2000) *Demon Lovers: Witchcraft, Sex and Belief*. Chicago IL: Univ. of Chicago.

11. Stephens W. (2000).
12. Gover K. (2000) Bureau of Indian Affairs, A formal acknowledgement was made of the US role in the abuse of Native American children, 8 September: www.hermanlaw.com/boardschool.htm и <http://mytwobeadsworth.com/brdschoollawsuit/81403.html> (состояние на 2003 год).
- Davis J. (2001) American Indian boarding school experiences: recent studies from Native perspectives. *Magazine of History*: 15. Organization of American Historians, Bloomington, Indiana.
- Archuleta M., Child B., Lomaswaima T. (eds.) (1999) *Away from Home: American Indian Boarding School Experiences*. Pheonix, Arizona: Heard Museum.
13. Smith A. (2003) *Soul wound: the legacy of Native American schools*. Amnesty Now 29(2). [amestyusa.org/amnestynow/soulwound.html](http://amnestyusa.org/amnestynow/soulwound.html) (состояние на 2003 год).

ГЛАВА 13: ТАКТИКИ ТЕРРОРА: ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

1. *Oxford English Dictionary*, 2nd edn издание, 1989. Oxford: Oxford University Press.
2. Chomsky N. (2000) *Rogue States*. London: Pluto Press.
3. Bagdikian B. (1997) *Media Monopoly*. Boston, MA: Beacon Press.
4. Solomon N. (2002) Journalists doing somersaults: self censorship and the rise of the corporate media state. In: Kick R (eds.) *You are Being Lied To*. New York: The Disinformation Company, Ltd, p. 26.
5. Smith H. (2003) Blix: I was smeared by the Pentagon. *The Guardian*, 11 June.
6. Chomsky N. (2002) *Media Control*. New York: Seven Stories Press, p. 12; Chomsky N. (1982) Intellectuals and the state. In: *Towards a New Cold War: Essays on the Current Crisis and How we Got There*. New York: Random House; Ewen S. (1998) *PR! A Social History of Spin*. New York: Basic Books.
7. *ibid*, p. 15.
8. Gutman R., Rieff D. (редакторы) (1999) *Crimes of War: What the Public Should Know*. New York: W. W. Norton, pp. 193—194.
9. Little A., Silber L. (1995) *The Death of Yugoslavia*. London: Penguin, p. 147.
10. *ibid*.
11. Pervanic K. (1999) *The Killing Days*. London: Blake Publishing, pp. 3—27.
12. Gutman R., Rieff D. (1999, p. 56).

13. Churchill W., Vander Wall J. (2002) *The COINTELPRO Papers*. Cambridge, MA: South End Press, p. 132.
14. *ibid*, p. 12.
15. *ibid*, pp. 136—137.
16. Churchill W., Vander Wall J. (2002, p. 216, 217); COINTELPRO, The Sabotage of Legitimate Dissent, The Jean Seberg Smear: www.whatreallyhappened.com/RANCHO/POLITICS/COINTELPRO/SEB.seb.html (состояние на 2002 год).
17. Lee MA., Solomon N. (1990) *Unreliable Sources: A guide to detecting bias in news media*. New York: A Lyle Stuart Book, Carol Publishing Group, p. 127.
18. Понятие «границы» является ключевым в теории и практике процессуально ориентированной психологии (А. Минделл). Оно обозначает периметр нашей идентификации, той системы взглядов, которая руководит нашим сознанием. Преодоление этого периметра открывает нам дорогу к неизведанному.
19. Дэвид Хамбург утверждал, что одним из препятствий на пути предотвращения насилия является идеалистическое мышление. Hamburg D. (2002) *No More Killing Fields: Preventing Deadly Conflict*. Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield.

ГЛАВА 14: ЧТО СТОИТ ЗА ТЕРРОРОМ?

1. Younge G., Black I. (2003) War crime vote fuels US anger at Europe. *The Guardian*, 11 June.
2. Staff and agencies (2003) US detains children at Guantanamo Bay. *The Guardian*, 23 April.
3. Вечерний выпуск новостей «BBC», 12 June 2003.
4. «Шоу Трумэна», режиссер П. Уир, «Парамаунт пикчерс», 1998 год. Джим Кэрри в роли Трумэна.
5. Mindell A. (1993) *The Shaman's Body*. San Francisco, CA: Harper, p. 199. Термин «прогулка со смертью» обозначает такое отношение к жизни, когда человек чувствует, что каждый его шаг может оказаться последним. По рассказам Дона Хенаро (героя книг Карлоса Кастанеды об учениях Дона Хуана), в горах жили отважные мужчины-воины. Если один из них нарушал правила группы, он должен был предстать перед судом. Признав человека виновным, члены группы открывали по нему огонь, но, двигаясь особым образом, он мог добиться того, что никто из них не решался сделать точный выстрел, и если его раны оказывались не смертельными, то для него была открыта дорога к свободе. Некоторым

удавалось выжить благодаря своей личной силе, внутренней свободе и самоотречению.

6. Минделл предлагает термин «призрачные роли» в работе Mindell A. (2000) *quantum Mind*. Portland, Oregon: Lao Tse Press, p. 550.

7. *ibid*, p. 549.

8. *ibid*, pp. 550—551.

9. Mindell A. (1993) *The Leader as Martial Artist*. San Francisco, CA: Harper Collins, p. 25. Минделл обозначает роль как Дух Времени, или *Zeitgeist*, подчеркивая, что роли обладают архетипической и преходящей природой в групповом или личностном поле.

10. Важнейшим вкладом в лингвистику стало описание Ноамом Хомским «глубинной» и «поверхностной» структур языка. В соответствии с «правилами трансформации», одна и та же глубинная структура на поверхностном уровне может образовывать различные высказывания. И наоборот, различные глубинные структуры могут одинаково выражаться на уровне поверхностной структуры, что приводит к появлению двусмысленных высказываний. См. Chomsky N. (1965) *Aspects of the Theory Of Syntax*. Boston, MA: MIT Press. Меня интересует метафорическое приложение данной концепции к описанию ролевого взаимодействия как своего рода «глубинной структуры» личных и коллективных отношений в конфликтной ситуации. Взаимодействие ролей угнетателя и угнетенного может быть различным образом выражено в конфликте. Конфликт поддается трансформации в том случае, когда люди не привязаны намертво к тем или иным ролям, но проявляют способность к осознанному взаимодействию в рамках данной ситуации.

11. Mindell A. (2000, p. 549).

12. Способность обсуждать тему травмы в коллективе или группе является ключевой для урегулирования конфликтов и построения устойчивого сообщества, однако при этом необходимо проявлять огромную осторожность. Если история человека не будет услышана сообществом, то он никогда не сможет почувствовать себя его частью. Если не будут услышаны истории коллективов, общество не сможет двигаться дальше. В то же время та или иная история может воскресить или пробудить к жизни травматический опыт самого рассказчика или его слушателей. Если сообщество не сможет выслушать историю до конца, то изоляция, сопутствующая данному опыту, будет усугублена. Причины, по которым сообщество может оказаться не в состоянии выслушать историю, тоже требуют внимательного отношения и понимания. (Психологической травме посвящена часть 3 данной книги).

13. Mindell A. (1995) *Sitting in the Fire*. Portland, OR: Lao Tse Press; Mindell A. (1993).
14. Parekh B. (1989) *Gandhi's Political Philosophy: A Critical Examination*. London: Macmillan, p. 103; со ссылкой на Iyer R. (1986) *Moral and Political Writings of Mahatma Gandhi*, Vol. II. Oxford: Clarendon Press, p. 67ff.
15. *ibid*, p. 89.
16. Mandela N. (1995) *Long Walk to Freedom: The Autobiography of Nelson Mandela*. London: Little Brown and Co, p. 751.

ГЛАВА 15: ИСТОРИЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ: ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

1. Американская ассоциация психиатров (1994) Посттравматическое стрессовое расстройство 309.81. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 4th edn. Washington DC: APA, pp. 424—42.
2. См. в приложении список симптомов Посттравматического стрессового расстройства у индивидов и предложенную мной таблицу соответствующих признаков коллективной и общественной травмы.
- Audergon A. (2004) Collective trauma: the nightmare of history. *Psychotherapy and Politics International* 2(1).
3. Rieff D. (1996) *Slaughterhouse: Bosnia and the Failure of the West*. New York: Touchstone Books, p. 103.
4. Hermann J. (1997) *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—from Domestic Abuse to Political Terror*. New York: Basic Books, p. 1.
5. *ibid*.
6. Минделл определяет метакоммуникацию как коммуникацию по поводу нашей коммуникации, то есть способность делать комментарии на тему сообщений, их источника и их эффекта. Mindell A. (1998) *City Shadows*. London: Routledge, p. 40.
7. Shay J. (1994) *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York: Touchstone Books, p. 188.
8. Shay J. (1994, p. 188), а также из личного опыта.
9. *ibid*, p. 189.
10. *ibid*, p. 188.
11. Bracken P. (2002) *Trauma: Culture, Meaning and Philosophy*. London: Whurr Publishers Ltd.

12. Robben ACGM, Suarez-Orozco MM (редакторы) (2002) *Cultures under Siege: Collective Violence and Trauma*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Renouf V. (2000) *To Life, LeChaim*. London: Minerva Press, p. 69.
14. *ibid*, p. 70.
15. Churchill W. (2002) I am Indigenist: Notes on the Ideology of the Fourth World. In: *Acts of Rebellion: A Ward Churchill Reader*. London: Routledge.
16. Sells M. (2001) Kosovo mythology and the Bosnian genocide. In: Bartov O., Mack P. (eds.) (2001) *In God's Name*. New York: Berghan Books, pp. 183—184.
17. *ibid*, p. 190.
18. Теории ревизии холокоста.
19. Suny RG. (2001) Religion, ethnicity and nationalism. In: Bartov O., Mack P. (редакторы) (2001) *In God's Name*. New York: Berghan Books, pp. 25—26.
20. *ibid*, pp. 25—26.
21. Sells M. (2001, p. 194).
22. Longman T. (2001) Christian churches and genocide in Rwanda. In: Bartov O., Mack P. (редакторы) (2001) *In God's Name*. New York: Berghan Books, pp. 152—153.

ГЛАВА 16: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА И ПОИСК УБЕЖИЩА

1. Shay J. (1994) *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York: Touchstone Books, p. 17.
2. Shay J. (1994, p. 20).
3. Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев (2003) *Global Refugee Trends*. Geneva: UNHCR, p. 2.
4. Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев (2004) *Basic Facts: Refugees by Numbers*. www.unhcr.ch.
5. www.refugeecare.org.uk

ГЛАВА 17: ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА. КАК РАЗОРВАТЬ ПОРОЧНЫЙ КРУГ

1. В личных отношениях существует действенный способ справиться с этим феноменом и разорвать порочный круг взаимных обвинений. Вы можете признать свою ответственность за то, в чем

вас обвиняют, даже если доля вашей ответственности составляет всего один процент. Один процент своей ответственности можно обнаружить практически в любом случае. Такой шаг способен разорвать порочный круг взаимных обвинений и мести, но этот самый один процент должен быть признан всецело, без каких бы то ни было оговорок — нельзя вставать в оборонительную позицию и допускать ответные обвинения в конце фразы! Допустив собственную ответственность, вы открываете путь к дальнейшему развитию процесса, в ходе которого все стороны получают возможность выразить свои точки зрения, и в результате взаимодействие налаживается. См.: Mindell A. (1995) *The Dreambody in Relationship*. London: Routledge.

2. Shay J. (1994) *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York: Touchstone Books, p. 96.

3. Mollon P. (2002) *Remembering Trauma, A Psychotherapists's Guide to Memory and Illusion*. London: Whurr Publishers, p. 2. Моллон ссылается на Alford CP. (1997) *What Evil Means to us*. New York: Cornell University Press а также Mollon P. (2000) Is human nature intrinsically abusive? Reflections on the psychodynamics of evil. In: McCluskey U., C-A Cooper (eds.) (2000) *Psychodynamic Perspectives on Abuse. The cost of Fear*. London: Jessica Kingsley.

4. Morris B. (2001) *Righteous Victims: A History of the Arab-Israeli Conflict 1881—1999*. New York: Vintage Books, p. 311. (Моррис цитирует Segev T. (1994) *The Seventh Million*. Tel Aviv: Keter/Domino, p. 368 (на иврите).

5. Shay J. (1994, p. 89).

6. Selden K., Selden M. (eds.) (1990) *The Atomic Bomb: Voices from Hiroshima and Nagasaki*. Armonk, ME: Sharpe Publisher.

7. Iccho I., Mayor of Nagasaki (2003) Nagasaki peace declaration, ZNET, Japan и Ogle G. (1997) The story of the Hibakusha: survivors of Hiroshima and Nagasaki, Australia, *Greenleft weekly*, 10 августа, greenleft.org.au (состояние на апрель 2004 года).

8. См. Mindell A. (2002) *The Deep Democracy of Open Forums*. Charlottesville, VA: Hampton Roads. См. также сайт организации CFOR (Community Forums or Community Force for Change) www.cfor.info.

9. Термин «горячие точки» используется Арнольдом Минделлом. Этот термин постоянно встречается в тексте данной книги и подробно обсуждается в главе 25.

10. Moreno JL. (1985) *Psychodrama*, 7th edition. New York: Beacon House.

11. Boal A. (1985) *Theatre of the Oppressed* (C McBride, trans.). Theatre Communications Group; Boal A., Jackson A. (1999) *Legislative Theatre: Using Performance to make Politics*. London: Routledge.
12. См. наши проекты по совмещению театра, процессуальной психотерапии и работы в рамках общественного форума (www.processwork-audergon.com, www.cfor.info), а также Невероятный театр (www.improbable.co.uk).
13. *Odyssey* 8:78ff, цит. по: Shay J. (1994, p. 188).
14. Имея ряд отличий от военной травмы, личная или семейная психологическая травма, связанная с насилием, содержит в своей основе те же характеристики. В подобных травмах можно обнаружить как личностный, так и политический аспекты. В психиатрических лечебницах мы работали со многими пациентами, страдавшими от последствий травмы, связанной с насилием. Мы также работали с этой динамикой на общественных форумах, посвященных психическому здоровью.

ГЛАВА 18: ПО ТУ СТОРОНУ ОБЫДЕННОГО

1. Bartov O., Mack P. (eds.) (2001) *In God's Name*. New York: Berghan Books. В этом сборнике эссе описано активное участие религиозных организаций вместе с государством в организованном уничтожении людей при геноциде армян, евреев, геноцидах в Руанде и Боснии.
2. Термины «высокий миф» и «низкий миф» («higt dream»; «lou dream» используются в процессуально ориентированной психологии Арнольда Минделла.
3. Расстрел школьников в школе «Колумбина», апрель 1999 года, Колорадо, США.
4. Gellner E. (1998) *Nationalism*. London: Phoenix, p. 3.
5. Bae J. H. (text) Shamar I. (artwork) (2001) *In the World of Gods and Goddesses: The Mythic Art of Indra Shamar*. Novato, CA: Mandala Publishing, p. 10 (или www.mandala.org).
6. Bae, Shamar (2001, p. 57).
7. Trungpa C. (2002) In: Sakyong M., Baker J., Casper M. (eds.), Eddy G (иллюстратор), *Spiritual Materialism*. Boston, MA: Shambhala Publications.
8. Shay J. (1994) *Achilles in Vietnam*. New York: Touchstone, p. 49.
9. *ibid*, p. 59.

ГЛАВА 19: ЗАОДНО СО ВСЕМИ

1. В Индии *Бхагавад-гита* является центральным религиозным текстом, представляя собой относительно небольшой эпизод Махабхараты. Thomas P. (1957, 1989) *Epics, Myths and Legends of India*. Bombay: D.B Taraporevala Sons and Co. Private Ltd, pp. 49—56; Waterstone R. (1995) *India*. London: Duncan Baird Publishers, pp. 60—61.
2. Frazer (1964) *The New Golden Bough*. Edited and with notes and Foreword by Gaster, Theodor. New York: a Mentor Book from New American Library.
3. Sinha I (1993) *Tantra: Search for Ecstasy*. London: Hamlyn Publisher, p. 52.
4. Atran S. (2004) Understanding suicide terrorism. *Interdisciplines* (Interdisciplines.org). McCaurley C. (2002) Psychological issues in understanding terrorism and the response to terrorism. В сборнике: Stout CE. (редакторы) *The Psychology of Terrorism: Theoretical Understandings and perspectives*, Volume III, ph. 3—29. Westport, CT: Praeger.
5. Личные беседы с Анти Херетиком и Станьей Студентовой. Новости пражского радио ENews, репортаж о 10-й годовщине Бархатной революции и Rob Cameron, 22 января 1999 года: <http://archiv.radio.cz/news/EN/1999/22.11.htm> (состояние на июнь 2004 года). Информацию о Марте Кубисовой можно найти на сайте www.raffem.com.
6. Ряд исследований показал, что употребление алкоголя и наркотиков позволяет ветеранам с военной травмой справляться с такими симптомами, как бессонница, ночные кошмары, раздражительность и вспышки ярости. Употребление наркотиков только усиливает их проблемы и чувство отчуждения. См.: Hermann J. (1997) *Trauma and Recovery*. New York: Basic Books, p. 44. В Хорватии многие отмечали, что алкоголем злоупотребляют не только люди с самой серьезной психологической травмой. В результате пережитой войны алкоголь стал распространенной проблемой для всего общества.

ГЛАВА 20: СВЕРХ ВСЯКОЙ МЕРЫ

1. Hedges C. (2002) *War is a Force that Gives us Meaning*. Oxford: Public Affairs.
2. Shay J. (1994) *Achilles in Vietnam*. New York: Touchstone, p. 40.
3. *ibid*, p. xviii.

4. *ibid*, p. xvi.
5. *ibid*, p. xiv.
6. *ibid*, p. 77 — обратите внимание на комментарий автора.
7. *ibid*, p. 80.
8. *ibid*, p. 98.
9. Автор Shay J. (1994) рассказывает о том, как пережитый опыт берсеркера психологически изматывает человека и является главной причиной гибели в бою.
10. *Probert Encyclopedia of Norse Mythology*: www.probertencyclopedia.com/D4.HTM (состояние на 2003 год).
11. Campbell J. (1976) *The Masks of God: Creative Mythology*. New York: Viking, Penguin.
12. Chekhov M. (1991) *To the Actor*. New York: Harper Collins, p. xxiii.
13. Левин Дж. (режиссер) (1995) «Дон Жуан де Марко», фильм.
14. Laing RD. (1990) *The Politics of Experience and the Bird of Paradise*. London: Penguin Books, p. 24.
15. Audergon A. (1992) *Gates of Society: Investigating Life on a Psychiatric ward*, рукопись по диссертации на степень PhD; Audergon A., Audergon JC. (1994) Looking for unicorns. *Journal for Process Oriented Psychology* 6(1). В течение многих лет мы вместе с Жаном-Клодом Одергоном адаптировали метод процессуальной психотерапии к работе с людьми, помещенными в психиатрические лечебницы. Первая из вышеназванных публикаций посвящена описанию нашего проекта в США. Во второй публикации описываются первые годы работы в Великобритании. За более чем десятилетний период работы в Великобритании мы провели множество семинаров с совместным участием психиатров и их подопечных. В Великобритании мы также провели несколько форумов, посвященных проблемам душевного здоровья в сообществах. В наших форумах совместно принимали участие психиатры, медсестры, пациенты и члены их семей, а также люди, занятые в социально значимой деятельности, такой как предоставление приюта, защита прав граждан и полицейский надзор.
16. Mindell A. (1988) *City Shadows*. London: Routledge, pp. 11, 12.
17. Семейные психотерапевты, например М. Боуэн (системная семейная психотерапия) и С. Минучин (структурная семейная психотерапия).
18. Mindell A. (1988).
19. Harrel S. (1974) When a ghost becomes a God. В книге Wolf AP. (eds.) (1974), *Religion and Ritual in Chinese Society*. San Diego, CA: Stanford University Press, pp. 146—148.

20. Bryant D. (2004) *Ancestors and Ghosts: The Philosophic and Religious Origins of the Hungry Ghost Festival*. http://homepagespic.edu.hk/faculty/bryandt/asian_studies/hungry_ghosts.htm#intro (состояние на 2004 год).

21. Комментарии Тругпа о царстве голодных духов. Fremantle F., Trungpa C. (1975/1992) *The Tibetan Book of the Dead*. Shambhala Pocket Classics. Boston, MA: Shambhala, pp. 15—16.

ГЛАВА 21: ПРОРЫВ

1. Campbell J. (1972) *The Hero with a Thousand Faces*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

2. «Путешествие героя» использовалось не только для понимания процесса индивидуации, но и для понимания структуры любого повествования, а также для содействия писателям в работе по созданию историй. См.: Vogler C. (1998) *The Writer's Journey: Mythic Structure for Writers*. Seattle WA: Michael Wiese Productions.

ГЛАВА 22: ПРОБУЖДЕНИЕ

1. Glover J. (2001) *Humanity: A Moral History of the Twentieth Century*. London: Pimlico, p. 329.

2. Trungpa C. (1992) In: Fremantle F. (trans.), Trungpa C. (commentary) *The Tibetan Book of the Dead*. Boston, MA: Shambhala, p. xviii.

3. Mindell A. (1995) *Sitting in the Fire: Large Group Transformation using Conflict and Diversity*. Portland, OR: Lao Tse Press.

4. См. Mindell A. (1993) *The Leader as Martial Artist: Techniques and strategies for resolving conflict and creating community*. San Francisco, CA: Harper Collins.

5. Chan, Wing-Tsit (1969) *A source book on Chinese Philosophy*. Princeton, NJ: Princeton University Press; Perry JW (1987) *The Heart of History: Individuality in Evolution*. New York: State University of New York Press, p. 76.

6. Jung C. (1968) *Collected Works*, Volume 13. Princeton: Princeton University Press, p. 16.

7. Jung CG. (1978) *The Collected Works*, особенно том 8, *Structure and Dynamics of the Psyche*. London: Routledge and Kegan Paul.

8. Mindell A. (1995).

9. von Bertalanffy L. (1968) *General Systems Theory: Foundations, Development, and Applications*. New York: George Braziller, p. 37.

10. Gleik J. (1987) *Chaos: Making a new science*. New York: Penguin Books.
11. Prigogine I., Stengers I. (1984) *Order out of Chaos*. New York: Bantam Books, p. 203.
12. Prigogine I., Stengers I. (1984), pp. 197—203.
13. Институт Санта-Фе: <http://www.santafe.edu/sfi/organization/vision.html> (состояние на 2002 год).
14. Crutchfield J. P., Schuster P. (eds.) (2002) Preface. In: *Evolutionary Dynamics: Exploring the Interplay of Selection, Accident, Neutrality, and Function*. Santa Fe: Santa Fe Institute.
15. *About Chaos* — ежеквартальный междисциплинарный интернет-журнал, посвященный проблемам изучения нелинейной динамики. Публикуется Американским институтом физики, Бостон, Массачусетс. В разделе «О нас» материал «Paradigms of Nonlinear Science» <http://chaos.aip.org/chaos/staff.jsp#motive> (состояние на 2002, 2004 годы).

ГЛАВА 23: ХАОС, ВОЙНА И РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ

1. Weeks, Major MR. (2001) US Air Force, Chaos, complexity and conflict. In: *Air and Space Power Chronicles, Air and Space Power Journal*, 16 Jule, Maxwell Al.: <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/cc/Weeks.html> (состояние на 2004 год).
2. Weeks MR. (2001).
3. *ibid*, p. 9.
4. *ibid*, p. 5.
5. *ibid*, p. 6.
6. Ряд ссылок на тему социального дарвинизма можно найти по адресу http://en.wikipedia.org/wiki/social_Darwinism (состояние на август 2004 года).
7. Olson E., Eoyang G., Beckhad R. and Vaill P. (2001) *Facilitating Organizational Change: Lessons from Complexity Science*. San Francisco, CA: Jossey-Bass/Pfeiffer.
- Lucas C., Milov Y. (1997) *Conflicts as Emergent Phenomena of Complexity*. CalresCo Group. Статья была представлена на русском языке в рамках семинара Украинской ассоциации по разрешению конфликтов в ноябре 1997 года.
8. Dent EB., University of Maryland (2003) The complexity science OD practitioner. *Organization Development Journal* 21 (2).
9. Mindell A. (1986) *Rivers Way*. London: Penguin.

10. Mindell A. (1995) *Sitting in the fire*. Превосходное описание «работы с миром» можно найти в работе Totton N. (2000) *Psychotherapy and politics*. London: Sage Publications, pp. 45—48.
11. Mindell A. (2000) *Quantum Mind*. Portland, OR: Lao Tse Press.
12. Проблема «горячих точек» подробно обсуждается в главе 25. См. Mindell A. (1995) *Sitting in the fire: Large Group Transformation Using Conflict and Diversity*. Portland, OR: Lao Tse Press.

ГЛАВА 24: СНОВА СПАТЬ В ОДНОЙ ПОСТЕЛИ — РЕВОЛЮЦИЯ ОСОЗНАННОСТИ

1. Micheelle Edwards, Mana Yoga Center, Hanalei, Kauai, Hawaii.
2. Cogswell C., Schiotz U. (1996) Navigation in the information age: potential uses of GIS for sustainability and self-determination in Hawaii. Диссертация по социокультурной антропологии, Калифорнийский институт интегральных наук, секция 2.1.1 maps and culture (<http://www.hawaii-nation.org/gis/2-theory.html#2.1.1> — состояние на 2002, 2004 годы).
3. Cogswell C., Schiotz U. (1996, 2.1.1); ссылаются на Turnbull D., Watson H. (1993) *Maps are Territories, Science is an Atlas*. Chicago IL: University of Chicago Press, p. 5.
4. *ibid.*
5. Cogswell C., Schiotz U. (1996); ссылаются на Harley JB. (1988) Maps, knowledge and power. В книге: Cosgrove D., Daniels S. (редакторы) *The Iconography of Landscape*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, p. 282.
6. Cogswell C., Schiotz U. (1996); ссылаются на Harley JB. (1989) Deconstructing the map. *Cartographica* (2): 1—20.
7. Cogswell C., Schiotz U. (1996); ссылаются на Berry T., Swimme B. (1992) *The Universe Story*. New York: Harper, p. 213.
8. Atlan H. (1991) Uncommon Finalities. В сборнике: Thompson WJ. (редактор), *Gaia: A Way of Knowing*. West Stockbridge, MA: Lindisfarne Press, p. 120.
9. Atlan H. (1991, p. 110).
10. Цитата приводится по изданию Campbell J. (1984) *Grammatical Man*. New York: Touchstone Books.
11. Jung CG. (1970) *Collected Works of CG Jung, Vol.8: Structure and Dynamics of the Psyche*, Bollingen Series. Princeton, NJ: Princeton University Press.
12. Mindell A. (2000) *Quantum Mind*. Portland, OR: Lao Tse Press.
13. Mindell A. (1986) *River's Way*. London: Penguin; Mindell (2000).

14. Mahnken TG. (1986) War in the Transformation Age. Joint Force Quarterly, зима 1995—96, pp. 39—43.
15. Thompson WI. (редактор) (1991) Preface. In: *Gaia: Way of Knowing: Political Implications of the New Biology*. West Stockbridge, MA: Lindisfarne Press, p. 8.

ГЛАВА 25: ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ И ЗНАЧИМОЕ РАЗЛИЧИЕ

1. Грегори Бейтсон, ученый, внесший большой вклад в развитие системного мышления, определял информацию как «значимое различие» ('the difference that makes a difference'). Bateson G. (2000) Предисловие Bateson MC. In: *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution and Epistemology*. Chicago IL: University of Chicago Press.
 2. Lipnack J., Stamps J. (1986) *The Networking Book*. London: Routledge, p. 7.
 3. Вирджиния Хайн, скончавшаяся в 1982 году, для описания социокультурных тенденций ввела акроним SPIN, состоящий из слов «Segmented, Polycerphalous, Ideological, Network». Это можно перевести как «сегментированная многоголовая идеологическая сеть». In: Lipnack, Stamps (1986).
 4. *ibid*, p. 2.
 5. *ibid*, p. 3.
 6. Mindell A. (1995) *Sitting in the Fire: Large Group Transformation using Conflict and Diversity*. Portland, OR: Lao Tse Press.
 7. Mindell A. (1995).
 8. Mindell A. (1993) *The Leader as Martial Artist*. San Francisco, CA: Harper Collins, pp. 39, 44, 90—91.
 9. Prigogine I., Stengers I. (1984) *Order out of Chaos*. New York: Bantam Books.
 10. Combs AR., Robertson RR. (1995) *Chaos Theory in Psychology and the Life Sciences*. Englewood Cliffs, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, p. 44.
 11. Hedges C. (2002) *War is a Force that gives us Meaning*. London: Public Affairs, p. 32.
 12. Graham P. (2002) *The Idea of Race in Latin America, 1870—1941*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Young R. (1994) *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*. London: Routledge.

13. Например, такие нейрофизиологи как Френсис Крик и Крис Кох в издании Goodwin B., Solae R. (2000) *Signs of Life: How Complexity Pervades Biology*. New York: Basic Books, p. 145.

14. Mindell A. (2000, p. 582); Von Franz ML. (1995) *Creation Myths*. Boston, MA: Shambhala.

15. Беседа с Шарадом Сакоркаром в марте 2004 года в Ньюпорте, штат Орегон.

16. Global Process Institute (GPI), расположенный в Портленде, штат Орегон, США, выступает спонсором семинаров, в рамках которых по всему миру происходит обучение процессуально ориентированному подходу в урегулировании конфликтов, а также осуществляется глубокая проработка широкого спектра политических и социальных вопросов (www.processwork.org).

17. Цитата: Princeton.edu/~atrangs1/quotes0.html (состояние на апрель 2004 года).

Приложение: Таблица симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у отдельных лиц и признаки коллективной и общественной травмы

1. American Psychiatric Association (1994) 309.81 Posttraumatic Stress Disorder. In: *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 4-е издание. Washington DC: American Psychiatric Association, pp. 424—442.

Арлин Одергон
Отель «Война»
Психологическая динамика
вооруженных конфликтов

Научный редактор *А. Назаретян*
Редактор *Т. Гармаш*
Художник *В. Серебряков*
Технический редактор *Т. Лев*
Верстка *О. Макаренко*
Корректор *Т. Медведева*

Подписано в печать 08.04.2008. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Гарнитура «Мургад». Печать офсетная. Объем 16 печ. л.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1178.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Издательство «Энигма»,
129110, г. Москва,
ул. Гиляровского, 39.
Тел. 684-5334
<http://aenigma.ru>

ISBN 978-5-94698-064-7

9 785946 980647

Дегуманизация врага, дезинформация, применение пыток и раздувание страха ради возможности жестокого подавления — эти тактики террора основаны на знании психологии. Нами манипулируют, чтобы создать условия для вооруженного конфликта. Но если источник всего этого — наши эмоции и поведение, то наша сознательность, в свою очередь, тоже может повлиять на ход мировых событий. И это дает надежду.

Арлин Одергон

«Отель “Война”» — смелое и захватывающее исследование психологии конфликта. Автор описывает самые различные ситуации — от стычек между молодежными группировками на улицах США до кровопролития на Балканах. Читая книгу Арлин Одергон, мы начинаем просветляющее путешествие в скрытую реальность современных войн и обретаем надежду на то, что человечество действительно способно «вырваться из порочного круга насилия».

*Чарльз Дж. Хенли,
лауреат Пулитцеровской премии,
специальный корреспондент «Ассошиэйтед пресс»
с тридцатилетним стажем работы
в зонах боевых действий.*

Основываясь на своем богатом личном опыте, Арлин Одергон не просто описывает внутреннюю и внешнюю природу войн, но и показывает тот путь личного и коллективного развития, который мы должны пройти, чтобы от них избавиться и решить проблемы, отыскав для себя золотую середину.

*Арнольд Минделл,
специалист по разрешению международных конфликтов*

В этом захватывающем и вдохновляющем исследовании сочетается опыт работы автора в нелегких условиях послевоенного общества, большое внимание к особенностям различных культур и глубокое знание процессуально-ориентированного подхода в психотерапии. Книга «Отель “Война”» раскрывает перед нами весь ужас вооруженных конфликтов и предлагает обнадеживающую перспективу.

*Джон Л. Джонсон,
доктор педагогических наук, почетный профессор
Университета округа Колумбия*

«Психологическим сырьем для войны становятся те самые качества, которые мы особенно ценим: преданность, любовь, чувство сопричастности и готовность к самопожертвованию, стремление защитить слабых, нетерпимость к жестокости и боли и потребность смысла жизни».

Амбициозные политики используют благородные качества человеческой души для разжигания межгрупповой ненависти, и чем лучше мы поймем, как это делается, тем надежнее сможем сознательно противостоять манипуляциям.

Таков лейтмотив книги американского психолога **Арлин Одергон**, которая много лет проводит практическую работу в разных странах по разрешению этнических конфликтов и смягчению их последствий. Ее выводы находятся в русле актуальных тенденций общей, социальной и политической психологии.

